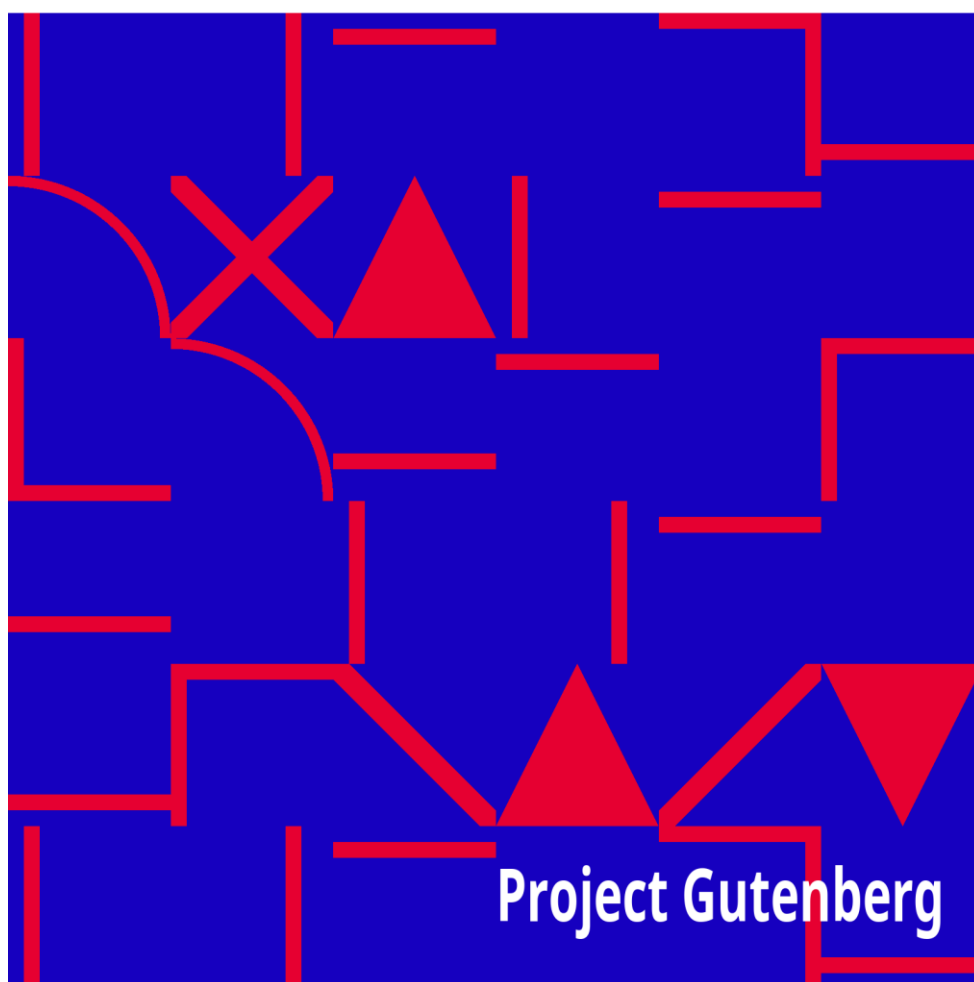

Частная жизнь римлян

Гарольд Уэтстоун Джонстон

The Private Life of the Romans

Harold Whetstone Johnston

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of The Private Life of the Romans.

Эта электронная книга предназначена для бесплатного и почти без ограничений использования любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других частей света. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Private Life of the Romans

Автор: Гарольд Уэтстоун Джонстон

Дата выхода: 20 августа 2012 [eBook #40549]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсер: Рон Суонсон

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE PRIVATE LIFE OF THE ROMANS ***

THE PRIVATE LIFE OF THE ROMANS

BY HAROLD WHETSTONE JOHNSTON

ПРОФЕССОР ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В УНИВЕРСИТЕТЕ ИНДИАНЫ

CHICAGO

СКОТТ, ФОРЕСМАН И КОМПАНИЯ

1909

ТОГО ЖЕ АВТОРА

(*Скотт, Форесман и компания*)

ИЗБРАННЫЕ ОРАТОРИИ И ПИСЬМА ЦИЦЕРОНА

ЛАТИНСКИЕ МАНУСКРИПТЫ

МЕТРИЧЕСКИЕ ЛИЦЕНЗИИ ВЕРГИЛИЯ

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1903 Г.
СКОТТ, ФОРЕСМАН И КОМПАНИЯ

РОБТ. О. LAW CO., ПЕЧАТНИКИ И ПЕРЕПЛЕТЧИКИ, ЧИКАГО.
ТИПОГРАФИЯ
МАРШ, АЙТКЕН И КЁРТИС, КОМПАНИЯ, ЧИКАГО.

ЧАРЛЬЗ С. РАННЕЛЛС

*МЕМОР
ACTAE NON ALIO REGE PUERTIAE*

AMORIS CAUSA

D D D

ПРЕДИСЛОВИЕ

При подготовке этой книги я имел в виду потребности трех классов студентов.

В первую очередь она предназначена для старшеклассников и первокурсников колледжей и призвана дать такое представление о частной жизни римлян в период поздней Республики и ранней Империи, которое позволит им понять бесчисленные ссылки на нее в латинских текстах, которые они читают в классе. Хочется надеяться, что в книге содержится все, что им понадобится для этой цели, и нет ничего, что было бы недоступно их пониманию.

Во вторую очередь она предназначена для более продвинутых студентов колледжа, которые, возможно, будут читать лекции по тем предметам, которые в ней рассматриваются. Работа как преподавателя, так и студента будет менее утомительной и более эффективной, если студенту помогут в ведении записей даже такие общие знания о предмете (предварительно объявленные классу), как приведенные здесь. Это я знаю на собственном опыте.

В-третьих, книга предназначена для читателей и студентов, изучающих римскую историю, которые занимаются в основном важными политическими и конституционными вопросами и часто испытывают потребность в простом и компактном описании домашней жизни, чтобы придать больше реальности теневым формам, за чьей общественной карьерой они следят. Таким студентам будет особенно полезен указатель.

Книга написана, насколько это возможно, на английском языке: то есть читатель не предполагает большого знания латыни. Я старался не перегружать текст латинскими словами, даже если они сразу же объясняются, а те, что приводятся, обычно оказываются достойными запоминания. Цитат из латинских авторов очень мало, а ссылок на их труды и того меньше - только на хорошо известные отрывки.

К каждой главе приложены ссылки на стандартные вторичные источники на английском и немецком языках. Первичные источники не указываются: они были бы выше головы менее продвинутых студентов, а более продвинутые предпочтут указать источники, на которых основываются их взгляды. Однако несомненно, что все эти источники указаны в названных авторитетах, и сам преподаватель может иногда находить эти ссылки полезными.

Иллюстрации многочисленны и призваны иллюстрировать. В тексте упоминаются многие другие иллюстрации, которые из-за ограниченного пространства я не смог использовать, и я надеюсь, что атлас Шрайбера, по крайней мере, если не "Denkmaeler" Баумейстера, может быть доступен для студентов в классе или библиотеке.

Само собой разумеется, что в такой книге должно быть много ошибок, хотя я приложил все усилия, чтобы сделать ее точной. Если эти ошибки вызваны невниманием или невежеством, я буду благодарен тому, кто укажет на них. Если же они вызваны ошибочными суждениями, учитель найдет в ссылках, я надеюсь, достаточно авторитетов, чтобы убедить своих учеников в том, что он прав, а я ошибаюсь.

Н. В. ДЖОНСТОН.

УНИВЕРСИТЕТ ИНДИАНЫ,
февраль, 1903 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

Сфера применения книги §1
Общественные и частные древности §2
Древности и история §4
Древности и филология §6
Источники §9
Справочные книги §13
Систематические трактаты §14
Энциклопедические труды §15
Другие книги §16

I. СЕМЬЯ.

Домашнее хозяйство §17
Разделение дома §19
Другие значения слова *Familia* §21
Agnātī и *Cognātī* §23
Адфинесы §26
Семейный культ §27
Усыновление §30
Patria Potestās §31
Ограничения §32
Исчезновение *Потестов* §34
Манус §35
Потесты Доминики §37

II. ИМЯ.

Тройное имя §38
Praenōmen §41
Nōmen §46
Когномен §48
Дополнительные имена §51

Путаница в именах §55
Имена женщин §57
Имена рабов §58
Имена вольноотпущенников §59
Натурализованные граждане §60

III. БРАК И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН.

Ранние формы брака §61
Iūs Cōnūbiī §64
Nūptiae lūstae §67
Обручение §70
Приданое §72
Основные формы §73
День свадьбы §75
Свадебные одежды §76
Церемония §79
Свадебный пир §85
Шествие невесты §86
Положение женщин §90

IV. ДЕТИ И ВОСПИТАНИЕ.

Правовой статус §94
Susceptiō §95
Diēs Lūstricus §97
Булла §99
Медсестры §100
Игровые предметы §102
Домашние животные и игры §103
Домашнее обучение §104
Школы §108
Предметы, изучаемые в начальных школах §110
Грамматические школы §112
Школы риторики §115
Путешествия §116
Ученичество §117
Замечания о школах §119
Учитель §121
Школьные дни и праздники §122
Педагог §123
Дисциплина §124
Конец детства §125
Либералия §127

V. ЗАВИСИМЫЕ ЛЮДИ: РАБЫ И КЛИЕНТЫ. ПРИЮТЫ.

Рост рабства §129
Численность рабов §131
Источники снабжения §134
Продажа рабов §139
Цены на рабов §140
Государственные и частные рабы §141

- Частные рабы §142
- Занятость в промышленности §143
- Семейная рустика* §145
 - Фермерские рабы §146
- Виликус* §148
- Урбанская семья* §149
 - Правовой статус рабов §156
 - Обращение с рабами §158
 - Питание и одежда §160
- Ресѹlius* §162
 - Наказания §166
 - Манумиссия §175
 - Клиенты §176
 - Старые клиенты §177
 - Взаимные обязательства §179
 - Новые клиенты §181
 - Обязанности и вознаграждения §182
- Госпитальеры* §183
 - Госпиталь* §184
 - Обязательства *госпитальеров* §185

VI. ДОМ И ЕГО МЕБЕЛЬ.

- Дом* §186
 - Развитие дома §188
- Вестибюль* §194
- Ōstium* §195
- Атриум* §196
 - Изменения в *Ātrium* §197
- Ālae* §200
- Таблички* §201
 - Перистиль §202
 - Личные комнаты §203
 - Дом Пансы §208
 - Стены §210
 - Pariēs Caementīcius* §211
 - Облицовка стен §212
 - Полы и потолки §213
 - Крыши §214
 - Двери §215
 - Окна §217
 - Отопление §218
 - Водоснабжение §219
 - Отделка §220
 - Мебель §222
 - Основные предметы §223
 - Кушетки §224
 - Стулья §225
 - Стол� §227
 - Лампы §228
 - Сундуки и шкафы §230

Другие предметы §232

Улица §233

VII. ОДЕЖДА И ЛИЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ.

Indūtus: Подлигакулум §235

Туника §236

Amictus: Toga §240

Форма и расположение §241

Виды тоги §246

Лакерна §247

Паэнула §248

Другие виды обертываний §249

Обувь: *Soleae* §250

Кальцеи §251

Покрывала для головы §252

Волосы и борода §253

Украшения §255

Женская одежда §257

Внутреннее убранство туники §258

Стола §259

Палла §261

Обувь и тапочки §262

Укладка волос §263

Аксессуары §266

Украшения §267

Одежда детей и рабов §268

Материалы §269

Краски §270

Производство §271

VIII. ЕДА И ПИТАНИЕ.

Природные условия §272

Фрукты §274

Садовые продукты §275

Мясо §277

Птица и дичь §279

Рыба §280

Зерновые §282

Подготовка зерна §283

Хлебопечение §287

Олива §289

Оливковое масло §291

Виноград §293

Виноградарство §294

Виноградники §295

Виноделие §296

Напитки §298

Стиль жизни §299

Часы приема пищи §301

Завтрак и обед §302

Официальная трапеза §303
Обеденный диван §304
Почетные места §305
Прочая мебель §307
Блюда §308
Счета на оплату §309
Сервировка обеда §310
Комиссар §312
Банкеты богачей §315

IX. РАЗВЛЕЧЕНИЯ; БАНИ.

Общие сведения §316
Спортивные игры на кампусе §317
Игры с мячом §318
Шансовые игры §319
Костяшки §320
Игральные кости §321
Общественные и частные игры §322
Драматические представления §323
Постановка пьесы §324
Ранний театр §325
Поздний театр §326
Римские цирки §328
План цирка §330
Арена §332
Барьеры §333
Спины и метины §335
Сиденья §337
Оборудование для скачек §339
Команды §340
Гонщики §341
Знаменитые *ауриги* §342
Другие представления цирка §343
Гладиаторские бои §344
Популярность боев §346
Источники снабжения §347
Школы для гладиаторов §349
Места проведения выставок §351
Амфитеатры в Риме §352
Амфитеатр в Помпеях §353
Колизей §356
Стили борьбы §359
Оружие и доспехи §360
Объявление о поединках §361
Сам бой §362
Награда §363
Другие представления в амфитеатре §364
Ежедневная баня §365
Необходимые вещи для бани §366
Подогрев ванны §368

Калдариум §369

Фригидарий и *Энктиориум* §370

Частная баня §371

Общественные бани §372

Управление §373

Часы работы §374

Места для женщин §375

Термы §376

Бани Диоклетиана §378

X. ПУТЕШЕСТВИЯ И ПЕРЕПИСКА. КНИГИ.

В целом §379

По воде §380

По суше §381

Транспортные средства §382

Повозки §383

Реда и *Цизиум* §384

Дороги §385

Строительство §387

Трактиры §388

Скорость §389

Отправка писем §390

Написание писем §391

Запечатывание и вскрытие писем §392

Книги §393

Производство бумаги §394

Ручки и чернила §395

Изготовление рулона §396

Размер рулонов §398

Размножение книг §399

Коммерческие издания §400

Быстрота и стоимость публикации §401

Библиотеки §402

XI. ИСТОЧНИКИ ДОХОДА И СРЕДСТВА К СУЩЕСТВОВАНИЮ. ДЕНЬ РИМЛЯНИНА.

В целом §403

Карьера знати §404

Сельское хозяйство §405

Политические должности §406

Закон §407

Армия §408

Карьера эквитов §409

Солдаты §410

Пролетариат §411

Профессии и ремесла §412

Бизнес и торговля §413

Гражданская служба §414

Римский день §415

Часы дня §417

XII. МЕСТА ПОГРЕБЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.

Важность захоронения §419

Погребение и кремация §420

Места погребения §421

Гробницы §422

Поле гончара §423

План гробниц и площадок §425

Внешний вид гробниц §427

Колумбария §428

Общества погребения §430

Похоронные церемонии §432

В доме §433

Похоронная процессия §434

Похоронная речь §435

У могилы §436

После церемонии §437

Поминальные праздники §438

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РИМЛЯН

ВВЕДЕНИЕ

1 Темы, которые обсуждаются в этой книге, связаны с повседневной жизнью римского народа. Будут рассмотрены такие вещи, как семья, римское имя, брак и положение женщины, дети и воспитание, рабы, клиенты, дом и его мебель, одежда, еда и питание, развлечения, путешествия и переписка, похоронные церемонии и погребальные обычаи и т. д. Эти вещи представляют интерес для нас в случае любого древнего или иностранного

народа; в случае римлян они имеют особое значение, потому что помогают объяснить мощное влияние, которое эта нация оказывала на старый мир, и облегчают понимание того, почему это влияние все еще ощущается в некоторой степени и в наши дни.

2 Общественные и частные древности. - Предметы, которые были названы выше, относятся к так называемой классической древности, занимая свое место в подразделении римских древностей в противоположность греческим древностям. Они сгруппированы в свободном порядке как частные древности в противоположность тому, что мы называем общественными древностями. Под последней главой мы рассматриваем римлянина как гражданина, изучаем несколько классов граждан, их обязанности и привилегии; изучаем форму правительства, его чиновников и механизм, законодательную, судебную и исполнительную процедуры, доходы и расходы и т.д. Очевидно, что между этими двумя ветвями предмета нельзя провести жесткую и прочную границу: они пересекаются на каждом шагу. Трудно сказать, например, к какой теме отнести религию римлян или их игры в цирке.

3 Точно так же ежедневный труд раба, его содержание, наказания и награды правильно рассматривать в разделе "Частные древности". Но государство иногда бралось законодательно регулировать количество рабов, которое мог иметь хозяин, государство регулировало освобождение раба и давало ему определенные права как вольноотпущеннику, и эти вопросы относятся к общественным древностям. Так же и мужчина мог получить или не получить право на занятие определенных государственных должностей в зависимости от того, какая церемония была использована при бракосочетании его родителей. Поэтому окажется, что изучение частных древностей нельзя полностью отделить от их дополнения, хотя в этой книге разделительная линия будет пересекаться как можно реже.¹

¹Учащиеся средних школ найдут полезным для предварительного чтения изложение римской конституции во Введении к "Избранным орациям и письмам Цицерона" автора. Для более продвинутых студентов в последнее время появились три книги на эту тему: "Римские политические институты" Эббота, "Римская конституционная история" Гранруда и "Римская общественная жизнь" Гриниджа.

4 Древности и история. - Так же невозможно провести границу между предметами "Древности" и "История". Древняя история, правда, мало интересовалась частной жизнью людей, почти исключительно подъемом и падением династий. Она рассказывала нам о королях и полководцах, о войнах, которые они вели, о победах и завоеваниях, которые они одержали. Затем, с течением времени, институты заняли место династий, а партии - место героев, и история проследила рост великих политических идей: такие шедевры, как история Греции Тирлуолла и Гроте, в значительной степени являются конституционными историями. Но изменения в международных отношениях влияют на частную жизнь народа так же уверенно, если не так быстро, как и на государственный механизм. Нельзя привести в контакт, дружественный или недружественный, две разные цивилизации без изменений в соответствующих народах, без изменения их занятий, их образа жизни, их представлений о жизни и ее целях. Эти изменения в свою очередь отражаются на нраве и характере народа, влияют на его способность к самоуправлению и управлению другими людьми, а со временем приводят к тем движениям, о которых знала даже древняя история. Поэтому в наших новейших историях все больше и больше места уделяется жизни простых людей, тем самым вопросам, о которых говорилось в первом параграфе, как о относящихся к частной древности. Это можно увидеть в таких названиях, как: "История английского народа" Грина, "История народа Соединенных Штатов" Макмастера.

5 С другой стороны, не менее верно и то, что знание политической истории необходимо для изучения частных древностей. Мы увидим, что римляне отказались от некоторых способов жизни и привычек мышления, которые, казалось, стали неизменными и характерными. Эти изменения мы не смогли бы объяснить, если бы политическая история не сообщила нам, что непосредственно перед тем, как они произошли, римляне вступили в контакт с совершенно иными идеями и противоположными цивилизациями других народов. Самым важным событием такого рода стало приобщение к греческой культуре после Пунических войн, и к этому нам еще не раз придется обращаться. Из всего этого следует, что студенты, прошедшие даже самый элементарный курс римской истории, уже имеют некоторое представление о "Частных древностях", а тем, кто вообще не изучал историю Рима, будет очень полезно прочесть даже самые краткие из наших школьных историй.

6 Античность и филология. - Предмет классической античности всегда рассматривался как отрасль - "дисциплина" - классической филологии с тех пор, как Фридрих Август Вольф (1759-1824) сделал филологию наукой. Совершенно верно, что в общепринятом понимании филология - это всего лишь наука о языке, но даже здесь античность играет важную роль. Невозможно с пониманием читать оды Горация или оратории Цицерона, если не знать социальной жизни и политических институтов Рима. Но классическая филология - это нечто большее, чем наука о понимании и интерпретации классических языков. Она претендует на исследование греческой и римской жизни во всех ее аспектах, социальных, интеллектуальных и политических, насколько она стала известна нам из сохранившихся литературных, эпиграфических и монументальных записей. Уитни формулирует это следующим образом: Филология имеет дело с человеческой речью и со всем тем, что речь раскрывает в отношении природы и истории человека. Если трудно запомнить эти определения, то трудно забыть эпиграмму Бенуа: Филология - это геология интеллектуального мира. В соответствии с этой, единственно научной концепцией филологии, изучение древностей сразу же занимает более высокое место. Оно становится целью, а лингвистика - средством, и это истинное отношение между ними.

7 Но случается, что изучение языков, на которых сохранились записи классической древности, должно сначала занять исследователя, и что изучение языка как просто языка, его происхождения, роста, упадка, само по себе очень интересно и выгодно. Кроме того, языки Греции и Рима невозможно изучать в отрыве от литературы, отличающейся необычайным богатством, красотой и силой, а изучение литературы всегда было одним из самых привлекательных и увлекательных для культурных людей. Поэтому нетрудно понять, почему изучение древностей не занимало более заметного места в филологическом образовании. Это была цель, к которой стремились лишь немногие. По крайней мере, в систематическом виде оно было предназначено для подготовленных ученых в университете. В условиях перегруженности старых учебных программ в наших колледжах она была вытеснена более очевидными, но не более важными или интересными предметами - лингвистикой и литературной критикой, или же была представлена в лучшем случае в виде обрывочных заметок об авторах, прочитанных в аудитории, или в виде расчлененного алфавитного расположения словаря.

8 В последние несколько лет, однако, наметились перемены, обусловленные несколькими причинами. Во-первых, литературная критика, которая когда-то преподавалась исключительно в связи с классическими авторами и занимала столь значительную часть времени, отведенного на изучение классики, нашла более подходящее место на кафедрах английского языка, которые еще поколение назад были малоизвестны. Во-вторых, превосходная подготовка по классике, которая теперь требуется для поступления в наши

колледжи, избавила их курсы от элементарных лингвистических упражнений, которые были необходимы раньше. В-третьих, за последние полвека знания о древностях продвинулись больше, чем за все предыдущие годы, и теперь можно представить в позитивной догматической форме многое из того, что недавно было лишь догадками и домыслами. Наконец, современные теории образования, которые сузили поток классического обучения только для того, чтобы углубить его русло и ускорить течение, заставили больше внимания уделять точкам соприкосновения между древним и современным миром. Преподаватель классики осознал, что обязательства настоящего перед прошлым не должны быть так ясно представлены и так ярко оценены в связи с формальным изучением искусства и литературы, как при исследовании великих социальных, политических и религиозных проблем, которые на протяжении всех веков занимали мысль культурных людей.

9 Источники. - Уже отмечалось (§ 6), что классическая филология черпает свои знания из трех источников - литературных, эпиграфических и монументальных останков Греции и Рима. С самого начала необходимо точно понять, что подразумевается под каждым из них. Под литературными источниками мы понимаем сочинения греков и римлян, то есть книги, которые они издавали и которые дошли до нас. Форма этих книг, то, как они были опубликованы и сохранились, будет рассмотрена позже. Пока же достаточно сказать, что до наших дней дошла лишь малая часть этих писаний, и что из этих скудных остатков мы обладаем не оригиналами, а лишь более или менее несовершенными копиями. Тем не менее, верно, что в целом они составляют наиболее важные источники информации, в основном потому, что они были наиболее тщательно изучены и лучше всего поняты.

10 Под эпиграфическими источниками мы понимаем слова, которые были написаны, нацарапаны, вырезаны или оттиснуты на твердых материалах, таких как металл, камень или дерево, без мысли о литературной отделке. Они варьируются от отдельных слов до записей весьма значительного объема и кратко называются надписями. Студент может получить хорошее представление о самых древних и любопытных, просто перелистав несколько страниц "Priscae Latinitatis Monumenta Epigraphica" Ричля или "Латинских надписей" Эгберта. Из одного вида, имеющего большое значение, - легенд на монетах и медалях - многие попали в американские музеи. С современными надписями на подобных материалах и для подобных целей каждый студент, конечно же, знаком.

11 Под монументальными свидетельствами мы понимаем все дошедшие до нас вещи, действительно сделанные греками и римлянами. Эти вещи в совокупности очень многочисленны и очень разнообразны: монеты, медали, украшения, доспехи, керамика, статуи, картины, мосты, акведуки, укрепления, руины городов и т. д. Перечислить их все невозможно. Именно на таких останках сохранилось большинство упомянутых выше надписей. Наибольшее значение для изучения частной жизни римлян имеют руины города Помпеи, сохранившиеся до нас благодаря защите от пепла, похоронившего его во время извержения Везувия в 79 году н.э.

12 Сразу видно, что важность этих источников зависит от характера изучаемой темы и полноты их сохранности. Например, мы можем прочесть у одного из римских поэтов описание украшения, которое носила невеста. Картина с изображением невесты, носящей такое украшение, сделает описание более понятным, но все сомнения, которые могут остаться, будут устранены, если в руинах Помпеи будет найдено подобное украшение, характер которого подтверждается надписью на нем. В этом случае все три источника внесли бы свой вклад в наше знание. В отношении других вещей, особенно нематериальных, нам, возможно, придется полагаться исключительно на описания, то есть на литературные источники. Но может случиться так, что ни один римлянин не написал подробного описания

конкретной вещи, которую мы изучаем, а если и написал, то его труды были утеряны, так что нам придется по крупицам собирать наши знания, кропотливо соединяя обрывки информации, возможно, намеки, которые мы находим разбросанными тут и там в работах разных авторов, причем, возможно, очень разных времен. Поэтому нетрудно понять, что наши знания о некоторых вещах, относящихся к римской древности, могут быть достаточно полными, в то время как о других мы можем не иметь никакого представления. В отношении литературных источников стоит отметить, что чем более распространенной и привычной была вещь для древних, тем меньше вероятность того, что мы найдем ее описание в античной литературе.

13 Справочные книги. - Сбор и систематизация информации, полученной из этих источников, была задачей филологов с самых ранних времен, но так много добавилось к нашим знаниям благодаря недавним открытиям, что все книги, кроме самых последних, могут быть проигнорированы студентом. Очень полный список книг, посвященных римским древностям, можно найти в "Библиографии классической древности" Хюбнера, а удобный список - в "Пятидесяти темах римских древностей со ссылками" профессора Келси, но студент не должен не заметить в начале каждой главы списки авторитетов, к которым следует обращаться в книгах, специально упомянутых ниже. Они разбиты на два класса: систематические трактаты и энциклопедические труды, и студенту, у которого не хватает времени на ознакомление со всеми ссылками, следует выбрать для регулярного и методичного изучения хотя бы одну из лучших и больших работ каждого класса.

14 Систематические трактаты:

Marquardt, Joachim, "Das Privatleben der Römer", 2-е издание A. May. Это седьмой том *Handbuch der römischen Alterthümer* Марквардта и Моммзена. Это самый полный и авторитетный из всех трактатов на эту тему, в нем есть несколько иллюстраций.

Войгт, Мориц, "Рёмисские приватиры", 2-е издание. Это часть четвертого тома *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft* Ивена фон Мюллера. Это новейшая работа по данной теме, особенно богатая ссылками на авторитеты.

Гуль и Конер, "Leben der Griechen und Römer", 6-е издание Энгельмана. Стандартная и авторитетная работа, дополненная большим количеством иллюстраций. Имеется английский перевод более раннего издания, который может быть использован теми, кто не знает немецкого языка.

Беккер, В. А., "Gallus oder römische Scenen aus der Zeit Augusts", новое издание Германа Гёля. Это стандартное авторитетное издание в форме романа. История не представляет особого интереса, но примечания и экскурсы имеют первостепенное значение. Существует английский перевод первого издания, который может быть использован с осторожностью теми, кто не знает немецкого языка.

Friedländer, L., "Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine", 6-е издание. Это большой авторитет для того времени, которое он охватывает, и можно обнаружить, что он включает практически всю историю с самых ранних времен всех вопросов, которые в нем рассматриваются.

Блумнер, Хуго, "Технология и терминология ремесла и искусства у гриков и ромеров". Самое лучшее описание искусств и промышленности Древней Греции и Рима.

Рамсей, Уильям, "Руководство по римским древностям", 15-е издание, пересмотренное и частично переписанное Родольфо Ланчиани. В него включены как государственные, так и

частные древности, но пересмотр, похоже, был лишь частичным, и большая часть книги безнадежно устарела.

Уилкинс, А. С., "Римские древности", и Престон и Додж, "Частная жизнь римлян". Две небольшие книги, из которых первая написана хорошим ученым и достойна прочтения.

15 Энциклопедические труды:

Pauly-Wissowa, "Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft". Монументальный труд, которому суждено на долгие годы стать великим авторитетом в этой области. К сожалению, она появляется очень медленно и дошла только до слова *Демодороса*. Есть несколько иллюстраций.

Смит, Уильям, "Словарь греческих и римских древностей", пересмотренное издание Уэйта и Мариндина. Это лучшая работа такого рода на английском языке и, возможно, лучшая работа подобного объема на любом языке.

Baumeister, "Denkmäler des klassischen Altertums". Самая богато иллюстрированная работа по этой теме, абсолютно незаменимая.

"Словарь классической литературы и древностей Харпера". В основном из Смита, но с ценными дополнениями.

Рич, "Словарь римских и греческих древностей". Удобное пособие со множеством иллюстраций. Очень хорошо подходит для использования в качестве справочника.

Шрайбер, "Атлас классических древностей". Очень обширное собрание иллюстраций, касающихся жизни греков и римлян. Иллюстрации сопровождаются пояснительным текстом.

Сейферт-Неттлшип, "Словарь классических древностей". Иллюстрации многочисленны, и книга представляет определенную ценность со стороны античного искусства.

Любкер, "Real-Lexicon des klassischen Altertums", 7-е издание Макса Эрлера. Лучший краткий справочник для тех, кто читает по-немецки. Он компактен и точен.

16 Другие книги. - Кроме этих, можно упомянуть три книги, посвященные открытиям в Помпеях, о важности которых уже говорилось (§11):

Овербек, Й., "Помпеи", 4-е издание Августа Мау, стандартный популярный труд по этой теме, богато снабженный иллюстрациями.

Мау, Август, "Помпеи, их жизнь и искусство", перевод Келси. Это лучший рассказ о сокровищах погребенного города, появившийся на английском языке, одновременно интересный и научный.

Гусман, Пьер, "Помпеи, город, его жизнь и искусство", перевод Симмондса и Журдана. Лучшее собрание иллюстраций, но не столь надежное в буквенной печати.

Наконец, студента следует предупредить, чтобы он не пренебрегал книгой только потому, что она написана на языке, на котором он не очень хорошо читает: та самая часть, которая ему нужна, может оказаться легко читаемой, и многие из этих книг содержат иллюстрации, которые рассказывают свою собственную историю независимо от сопровождающей их буквенной печати.

ГЛАВА I

СЕМЬЯ

ССЫЛКИ: Marquardt, pp. 1-6; Voigt, 307-311, 386-388; Göll, II. 1-4, 61-65, 187; Pauly-Wissowa, под *adfinitās*, *agnātiō*, *cognātiō*; Smith, под *cognātī*, *familia*, *patria potestās*; Seyffert, под *agnātiō*, *cognātiō*, *familia*, *manus*; Lübker, под *agnātiō*, *cognātiō*, *familia*, *manus*, *patria potestās*.

Найдите слово *familia* в лексиконе Харпера и внимательно изучите диапазон его значений.

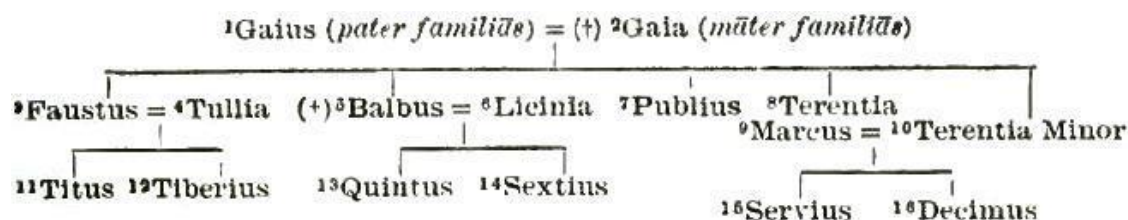
См. также Muirhead, "Roman Law", pp. 24-33, и параграф о квинитской семье в статье того же автора о римском праве в "Encyclopaedia Britannica", Vol. XX.

17 Домохозяйство. Если под словом семья мы обычно понимаем группу из мужа, жены и детей, то сразу же признаем, что оно не соответствует ни одному из значений латинского *familia*, как бы ни были разнообразны эти значения в словарях. Муж, жена и дети не обязательно составляли у римлян самостоятельную семью и даже не обязательно были членами одной семьи. Римскую семью, в смысле, близком к английскому производному, составляли те лица, которые подчинялись власти одного и того же главы дома (*pater familiās*). Эти люди могли составлять семью сами по себе: жена, незамужние дочери, родные или приемные сыновья, женатые или неженатые, с их женами, сыновьями, незамужними дочерьми и даже более отдаленными потомками (всегда по мужской линии), но в глазах римлян они составляли лишь одну семью. Глава такой семьи - "домохозяйство" или "дом" - ближайшее английское слово - всегда был *suī iūris* ("независимый", "собственный хозяин"), а остальные - *aliēnō iūrī subiectī* ("зависимые").

18 Власть семейного отца над женой называлась *manus*, над потомками - *patria potestās*, над имуществом - *dominica potestās*. Пока он жил и сохранял свое гражданство, эти полномочия могли быть прекращены только его собственным умышленным действием. Он мог распоряжаться своим имуществом путем дарения или продажи так же свободно, как мы это делаем сейчас. Он мог "эмансипировать" своих сыновей - очень формальная процедура (*ēmancipātiō*), в результате которой они становились каждой главой новой семьи, хотя сами были бездетными, неженатыми или даже просто детьми. Он мог также эмансипировать незамужнюю дочь, которая таким образом становилась самостоятельной семьей. Или он мог выдать ее замуж за другого римского гражданина, и таким образом она переходила, согласно раннему обычаю (§61), в семью, главой которой был ее муж, если он был *suī iūris*,

или членом которой он был, если он все еще был *aliēnō iūrī subiectus*. С другой стороны, следует внимательно заметить, что женитьба сына не делала его *pater familiās* и не освобождала ни в какой степени от *patria potestās*: он, его жена и их дети подчинялись тому же главе дома, каким он был до женитьбы. С другой стороны, глава дома не мог причислить к своей семье детей своей дочери: законные дети всегда следовали за отцом, тогда как незаконнорожденный ребенок с момента рождения сам по себе был самостоятельной семьей.

19 Разделение дома - Эмансипация была не очень распространена, и обычно семья распадалась только в случае смерти главы. Когда это происходило, образовывалось столько новых семей, сколько было лиц, непосредственно подчиненных его власти на момент смерти: жена, сыновья, незамужние дочери, овдовевшие невестки и дети умершего сына. Дети пережившего сына, надо заметить, просто переходили из владения деда в владение отца. За несовершеннолетним сыном или незамужней дочерью присматривал опекун (*tūtor*), выбранный из того же рода, чаще всего старший брат, если таковой имелся. Следующая схема поможет прояснить ситуацию:

20 Предполагается, что Гай - вдовец, у которого было пятеро детей, три сына и две дочери. Из сыновей Фаустус и Бальбус женились и родили по двое детей; Бальбус затем умер. Из дочерей Теренция Малая вышла замуж за Марка и стала матерью двоих детей. Публий и Теренция остались незамужними после смерти Гая, который не эмансипировал ни одного из своих детей. Следует отметить:

1. Живых потомков Гая было десять (3, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16), его сын Бальбус умер.
2. Подвластных ему *потентатов* было девять (3, 4, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 14).
3. Его дочь Теренция Малая (10) вышла из-под его власти в результате брака с Марком (9), и только ее дети (15, 16) из всех потомков Гая не были ему подчинены.
4. После его смерти образовалось шесть самостоятельных семейств, одно из которых состояло из четырех человек (3, 4, 11, 12), а другие - из одного человека (6, 7, 8, 13, 14).
5. Тит и Тиберий (11, 12) просто вышли из-под власти своего деда Гая и перешли под власть своего отца Фауста.

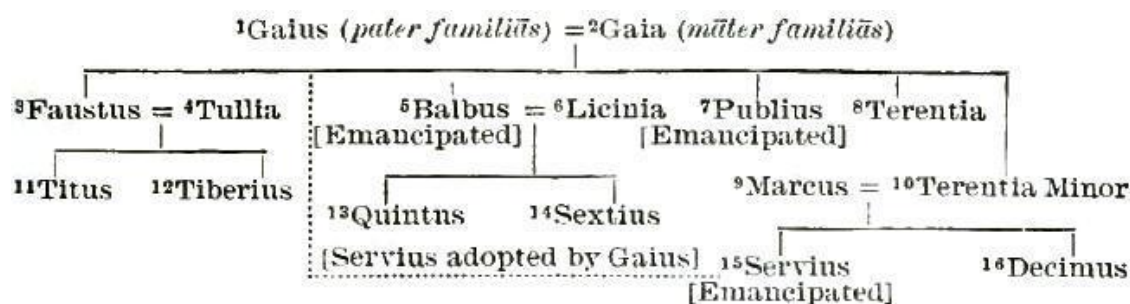
21 Другие значения слова familia. - Слово *familia* также очень часто использовалось в несколько более широком смысле, чтобы включить в себя, помимо лиц, названных выше (§17), всех рабов и клиентов, а также все имущество, недвижимое и личное, принадлежащее отцу семьи, или приобретенное и используемое лицами, находящимися под его властью. Это слово также использовалось в отношении одних только рабов, и редко - в отношении одного только имущества. В еще более широком и важном смысле это слово применялось к большой группе родственных лиц, *gēns*, состоящей из всех "семей" (*familiae* в смысле § 17), которые вели свое происхождение по мужской линии от общего предка. Этот далекий предок, если бы его жизнь продолжалась все прошедшие века, был бы отцом семейства всех лиц, включенных в *gēns*, и все они подчинялись бы его власти. Принадлежность к *gēns*

подтверждалась наличием *nōmen*, второго из трех имен, которые регулярно носил каждый гражданин Республики (§38).

22 Теоретически этот *gēns* в доисторические времена был одной из *familiae*, "семей", чей союз в политических целях образовал государство. Теоретически его *отец семьи* был одним из глав домов, которые во времена королей составляли *патриции*, или собрание стариков (*senātus*). Разделение этого доисторического рода, описанное в § 19, процесс, повторяющийся из поколения в поколение, как полагают, объясняет многочисленные *familiae*, претендовавшие на связь с великими *gentēs* в более поздние времена. У *генов* была своя организация, о которой мало что известно. Она принимала постановления, обязательные для исполнения ее членами; она назначала опекунов для несовершеннолетних детей, а также кураторов для умалишенных и расточителей. Когда член общества умирал, не оставив естественных наследников, оно наследовало имущество, которым он не распорядился по завещанию, и управляло им для общего блага всех своих членов. Эти члены назывались *gentilēs*, были обязаны принимать участие в религиозных службах *gēns* (*sacra gentilicia*), имели право на общее имущество и могли по своему желанию быть похоронены в общей усыпальнице.

Наконец, слово *familia* часто применялось к определенным ветвям *геевны*, члены которой имели одного и того же *когномена* (§48), последнего из трех имен, упомянутых в §21. Для такого употребления *familia* более точным словом является *stirps*.

23 Agnati. - Было отмечено (§18), что дети дочери не могли быть включены в *familia* ее отца, и (§21) что членство в более крупной организации, называемой *gēns*, ограничивалось теми, кто мог проследить свое происхождение по мужской линии. Все лица, которые могли таким образом проследить свое происхождение по мужской линии до общего предка, в чьих *владениях* они находились бы, будь он жив, назывались *agnātī*, и это *agnātiō* было самым тесным родством, известным римлянам. В список *agnātī* были включены два класса лиц, которые, казалось бы, по определению должны были быть исключены. Это жена, которая переходила по *manus* в семью своего мужа (§ 18), становясь по закону его агнатом и агнатом всех его агнатов, и приемный сын. С другой стороны, сын, который был эмансипирован (§18), исключался *из agnātiō* со своим отцом и агнатами отца и не мог иметь агнатов своего, пока не женится или не будет усыновлен в другую семью. Следующая схема прояснит это:

24 Предполагается, что у Гая и Гайи пятеро детей (Фаустус, Балбус, Публий, Теренций и Теренций Малый) и шесть внуков (Тит и Тиберий - сыновья Фаустуса, Квинт и Секстий - сыновья Балбуса, Сервий и Децим - сыновья Теренция Малого). Гай эмансипировал двух своих сыновей, Балбуса и Публия, и усыновил своего внука Сервия, который ранее был эмансипирован своим отцом Марком. Существует четыре группы *агнатов*:

1. Гай, его жена и те, чьим *отцом семейства* он является, а именно: Фаустус, Туллия, жена Фаустуса, Теренция, Тит, Тиберий и Сервий, сын по усыновлению (1, 2, 3, 4, 8, 11, 12, 15).

2. Бальбус, его жена и два их сына (5, 6, 13 и 14).

3. Публий, который сам является *pater familiās*, но не имеет *agnata*.

4. Марк, его жена Теренция Минор и их ребенок Децим (9, 10, 16). Обратите внимание, что другой ребенок, Сервий (15), будучи эмансипированным Марком, больше не является агнатом своего отца, матери или брата.

25 Когнаты, с другой стороны, были теми, кого мы называем кровными родственниками, независимо от того, прослеживалось ли их родство через мужчин или женщин, и независимо от того, какие *потенции* были над ними. Единственным препятствием в глазах закона была потеря гражданства (§ 18), но и это не всегда учитывалось. Так, в приведенной таблице Гай, Фауст, Бальбус, Публий, Теренций, Теренций Малый, Тит, Тиберий, Квинт, Секстий, Сервий и Децим являются однокоренными друг другу. Так же, как и Гея со всеми ее потомками. Также Туллия, Тит и Тиберий; Лициния, Квинт и Секстий; Марк, Сервий и Децим. Но муж и жена (Гай и Гайя, Фауст и Туллия, Бальбус и Лициния, Марк и Теренция Малая) не были сородичами в силу своего брака, хотя это и делало их сородичами. На самом деле общественное мнение не одобряло браки однородных родственников в шестой (позже четвертой) степени, и о людях в этой степени говорили, что они имеют *iūs ōsculī*. Степень рассчитывалась путем отсчета от одной из заинтересованных сторон через общего предка к другой, и ее можно легко понять из таблицы, приведенной в "Словаре древностей" Смита в разделе *cognātī*, или из таблицы, приведенной здесь (рис. 1). Когнаты не составляли органического тела в государстве, как агнаты (§22), но 22 февраля было отведено для празднования кровных уз (*cāra cognātiō*), и в этот день обменивались подарками и, вероятно, проводили семейные встречи. Однако следует понимать, что *cognātiō* не давало никаких юридических прав или претензий в рамках Республики.

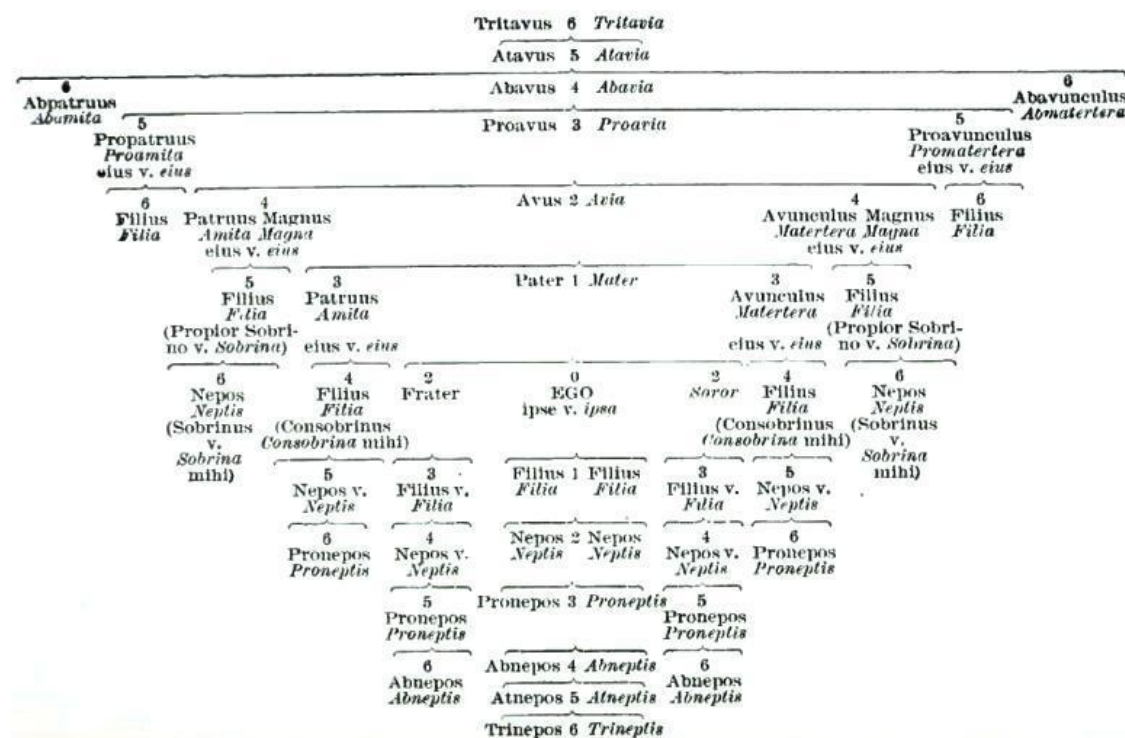

РИСУНОК 1. ТАБЛИЦА ОТНОШЕНИЙ

26 Adfines. - Лица, связанные только браком, назывались *adfines*, как жена с когнатами мужа и он с ее когнатами. Формальных степеней *адфинитов*, как и *когнатов*, не существовало. Те адфиниты, для которых были распространены отличительные имена: *gener* - зять; *nurus* -

невестка; *socer* - свекор; *socrus* - свекровь; *prīvignus*, *prīvigna* - пасынок, падчерица; *ritricus* - отчим; *noverca* - мачеха. Если мы сравним эти имена с неуклюжими соединениями, которыми они обозначаются в английском языке, то получим дополнительное доказательство того, что римляне придавали большое значение семейным связям: две женщины, вышедшие замуж за братьев, назывались *iānītrīcēs* - отношения, для которых у нас нет даже соединения. Имена кровных родственников рассказывают ту же историю: один взгляд на таблицу когнатов покажет, насколько сильна здесь латынь и насколько слаб английский. У нас есть "дядя", "тетя" и "кузен", но между *avunculus* и *patruus*, *mātertera* и *amita*, *patruēlis* и *cōnsōbrīnus* мы можем провести различие только по описательным фразам. Для *atavus* и *tritavus* у нас есть лишь неопределенное "праотцы". Точно так же язык свидетельствует о главенстве отца. Мы говорим о "родной стране" и "родном языке", но для римлянина это были *patria* и *sermō patrius*. Как *патер* стоял перед *филиями*, так и *патриций* стоял перед *клиенами*, *патриций* - перед *плебеями*, *патриции* (= ксенаторы) - перед остальными гражданами, а *Иупитер* (Иов-отец) - перед другими богами Олимпа.

27 Семейный культ. Уже говорилось (§23), что *агнатство* было самой тесной связью, известной римлянам. То значение, которое они придавали агнатической семье, во многом объясняется их представлениями о будущей жизни. Они верили, что души людей существуют отдельно от тела, но не в отдельной стране духов. По их представлениям, душа витает вокруг места погребения и для своего спокойствия и счастья требует, чтобы ей регулярно приносили еду и питье. Если прекратить эти подношения, душа перестанет быть счастливой и, возможно, превратится в злого духа. Поддержание этих обрядов и церемоний естественным образом переходило от поколения к поколению к потомкам, которых духи, в свою очередь, направляли и охраняли.

РИСУНОК 2. ЛЮЦИЙ ЮНИЙ БРУТ

28 Таким образом, римлянин был обязан совершать эти акты привязанности и благочестия до тех пор, пока жил сам, и не менее обязан обеспечить их исполнение после своей смерти, увековечив свой род и семейный культ. Считалось, что на бездетном человеке лежит проклятие. Поэтому брак был торжественной религиозной обязанностью, заключаемой только с одобрения богов, подтвержденного эгидой. Взяв жену себе, римлянин делал ее причастной к своим семейным таинствам, и это служение не допускало разделения верности. Поэтому он полностью отделял ее от семьи отца и был готов в свою очередь безропотно отдать свою дочь мужу, с которым ей предстояло служить у другого алтаря. *Отец семьи* был жрецом семьи, а те, кто подчинялся его *власти*, помогали в молитвах и приношениях - *sacra familiāria*.

29 Но могло случиться так, что брак оказался бесплодным или глава дома увидел, что его сыновья умерли раньше него. В этом случае он должен был столкнуться с перспективой исчезновения своей семьи и сойти в могилу без потомства, которое могло бы сделать его благословенным. Чтобы предотвратить такое бедствие, перед ним открывалась одна из двух альтернатив. Он мог отдать себя на усыновление и перейти в другую семью, в которой увековечение семейного культа казалось бы несомненным, или же усыновить сына и таким

образом увековечить свой род. Обычно он следовал последнему пути, поскольку это обеспечивало мир для душ его предков не меньше, чем для его собственной.

30 Усыновление - усыновителем мог быть либо сам *pater familiās*, либо, что более привычно, *filius familiās*. В случае с последним процесс назывался *adoptiō* и представлял собой несколько сложную процедуру, в ходе которой естественный родитель передавал своего сына другому, в результате чего усыновленный переходил из одной семьи в другую. Усыновление *отцом семейства* было гораздо более серьезным делом, поскольку предполагало исчезновение одной семьи (§29), чтобы предотвратить исчезновение другой. Это называлось *adrogātiō* и являлось государственным делом. Оно должно было быть санкционировано *понтификами*, высшими служителями религии, которые, вероятно, должны были убедиться, что у *адрогата* достаточно братьев, чтобы заботиться об интересах предков, от культа которых он отказывался. Если *понтифики* давали свое согласие, оно еще должно было быть одобрено *комицией куриатов*, поскольку адрогация могла лишить *геенну* права наследования имущества бездетного мужчины (§22). Если *комиция* давала согласие, то *адрогат* опускался с должности главы дома до положения *filius familiās* в семье своего приемного отца. Если у него были жена и дети, они переходили вместе с ним в новую семью, как и все его имущество. Приемный отец имел над ним *власть*, как над собственным сыном, и смотрел на него как на плоть от плоти своей и кость от кости своей. В лучшем случае мы можем иметь лишь слабое и неадекватное представление о том, что означало усыновление для римлян.

31 Patria Potestas. Власть *семейного отца* над своими потомками обычно называлась *patria potestās*, но также *patria maiestās*, *patrium iūs* и *imperium paternum*. Римляне довели его до больших пределов, чем любой другой народ, - пределов, которые кажутся нам чрезмерными и жестокими. В их понимании *pater familiās* обладал абсолютной властью над своими детьми и другими агнатическими потомками. Он решал, следует ли воспитывать новорожденного ребенка; он наказывал за проступки, по его мнению, такими суровыми наказаниями, как изгнание, рабство и смерть; только он мог владеть и обменивать имущество - все, что его потомки зарабатывали или приобретали каким-либо образом, принадлежало ему: согласно букве закона, они были немногим лучше его скота. Если его право на одну из них оспаривалось, он отстаивал его в той же форме, что и право на дом или лошадь; если одна из них была украдена, он предъявлял похитителю обычный иск о краже; если по какой-то причине он желал передать одну из них третьему лицу, это делалось в той же форме передачи, что и передача неодушевленных вещей. Юристы хвастались, что этими полномочиями обладали только римские граждане.

РИСУНОК 3. ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ

32 Limitations. - Но какой бы суровой ни была эта власть теоретически, на практике она была сильно изменена: в Республике - обычаем, в Империи - законом. Царь Ромул, как говорят, постановил, что все сыновья должны быть воспитаны, а также все первородные дочери; кроме того, ни один ребенок не должен быть предан смерти до третьего года жизни, если только он не был сильно уродлив. Это, по крайней мере, обеспечивало жизнь ребенку, хотя *отец семейства* все равно решал, должен ли он быть принят в его семью с соответствующими социальными и религиозными привилегиями, или же он должен был отречься от него и стать изгоем. Царь Нума, как говорят, запретил продавать в рабство сына, женившегося с согласия отца. Но гораздо большее значение имел тот факт, что обычай сдерживал произвольные и жестокие наказания. Обычай, а не закон, обязывал *отца семьи* созывать совет родственников и друзей (*iūdicium domesticum*), когда он намеревался подвергнуть своих детей суровому наказанию, а общественное мнение обязывало его подчиняться их приговору. Даже в тех сравнительно немногих случаях, когда традиция сообщает нам, что смертная казнь действительно была применена, мы обычно

обнаруживаем, что отец действовал в качестве магистрата, оказавшегося на посту в момент совершения преступления, или что наказания, предусмотренные обычным законом, были просто предвосхищены, возможно, чтобы избежать позора публичного суда и казни.

33 Так и в отношении владения имуществом условия были не столь жесткими, как нам кажется по строгой букве закона. Было принято, чтобы глава дома передавал своим детям имущество, *res ūlia* ("собственный скот"), чтобы они управляли им в своих интересах. Более того, хотя *отец семейства* обладал юридическим правом собственности на все свои приобретения, практически все имущество приобреталось для семьи в целом и принадлежало ей, а сам он фактически был не более чем доверенным лицом, владеющим и управляющим им для общей пользы. Об этом свидетельствует тот факт, что не было более тяжкого преступления против общественной морали, более позорного пятна на частном характере, чем оказаться неверным этому доверию, *patrimōnium prōfundere*. Кроме того, длительное существование *potestās* само по себе является доказательством того, что его строгость была скорее кажущейся, чем реальной.

34 Угасание potestas. - *Patria potestās* угасала различными способами:

1. Смертью *отца семейства*, как было объяснено в § 19.
2. Освобождением сына или дочери.
3. Потеря гражданства отцом или сыном.
4. Если сын стал *flāmen diālis* или дочь - *virgō vestālis*.
5. Если отец или ребенок был усыновлен третьим лицом.
6. Если дочь переходила путем формального брака во власть (*in manum*) мужа, хотя это не меняло ее зависимого состояния (§35).
7. Если сын стал государственным магистратом. В этом случае действие *potestās* приостанавливалось на время пребывания в должности, но после ее истечения отец мог привлечь сына к ответственности за его действия, как публичные, так и частные, во время пребывания в должности магистрата.

РИСУНОК 4. ЛУЦИЙ КОРНЕЛИЙ СУЛЛА

35 Manus. - Тема брака будет рассмотрена позже, сейчас же необходимо лишь определить власть над женой, которой обладал муж в ее самой крайней форме, называемой римлянами *manus*. При самой древней и торжественной форме брака жена полностью отделялась от семьи своего отца (§28) и переходила во власть или "руку" мужа (*conventiō in manum*). Это, конечно, предполагает, что он был *suī iūris*; если нет, то, хотя номинально она находилась в его "руке", на самом деле она была подчинена, как и он, своему *отцу-семьянину*. Любая собственность, которую она имела, а чтобы иметь таковую, она должна была быть независимой до брака, переходила к нему как само собой разумеющееся. Если у нее не было собственного имущества, *отец семьи* предоставлял приданое (*dōs*), которое разделяло ту же участь. Все, что она приобретала своим трудом или иным способом, пока длился брак, также становилось собственностью ее мужа. Таким образом, с точки зрения имущественных прав *manus* ничем не отличался от *patria potestās*: жена находилась в *locō filiae*, а после смерти мужа получала долю дочери в его имуществе.

36 В других отношениях *manus* предоставлял более ограниченные полномочия. Муж был обязан по закону, а не только по обычаю, передавать предполагаемые проступки жены в *iūdicium domesticum*, который частично состоял из ее сородичей (§25). Он мог отдать ее

только за некоторые серьезные проступки; если он разводился с ней без уважительной причины, то наказывался потерей всего своего имущества. Он не мог продать ее вообще. Короче говоря, общественное мнение и обычаи действовали на ее защиту даже сильнее, чем на защиту ее детей. Таким образом, следует заметить, что главное различие между *manus* и *patria potestās* заключалось в том, что первые были правовыми отношениями, основанными на согласии слабой стороны, в то время как вторые были естественными отношениями, предшествующими всем законам и выборам.

37 Dominica Potestas. - Право собственности на свое имущество (*dominica potestās*) было абсолютным в случае *pater familiās* и было достаточно объяснено в предыдущих параграфах. Это право собственности распространялось как на рабов, так и на неодушевленные вещи, а рабы, как и неодушевленные вещи, в глазах закона были просто движимым имуществом. Влияние обычаев и общественного мнения, в той мере, в какой они способствовали смягчению ужасов их положения, будет рассмотрено позже. Здесь же достаточно сказать, что раб не мог обжаловать приговор своего хозяина. Он был окончательным и абсолютным.

ГЛАВА II

ИМЯ

ССЫЛКИ: Marquardt, 7-27; Voigt, 311, 316 f., 454; Pauly-Wissowa, под *cognōmen*; Smith, Harper, и Lübker, под *nōmen*.

См. также: Egbert, "Latin Inscriptions", Chapter IV; Cagnat, "Cours d'Epigraphie Latine", Chapter I; Hübner, "Römische Epigraphik", pp. 653-680 of Müller's *Handbuch*, Vol. I.

38 Тройное имя Ничто так не знакомо изучающему латынь, как тот факт, что римляне, чьи произведения он читает в первую очередь, имеют тройное имя: Кай Юлий Цезарь, Марк Туллий Цицерон, Публий Вергилий Маро. Такая система преобладала в лучшие времена Республики, но сама она была развитием, начавшимся с более простой формы в более ранние времена и закончившимся полной путаницей при Империи. В самых ранних легендах о Риме мы видим одиночные имена - Ромул, Рем, Фаустул; но рядом с ними мы находим и двойные имена - Нума Помпилий, Анкус Марций, Тулл Хостилий. Возможно, одинарные имена были самой ранней модой, но когда мы переходим от легенд к реальной истории, самые древние имена, которые мы находим, - двойные, причем второе всегда в родительном падеже, обозначающем отца или главу дома: Маркус Марси, Цецилия Метелли. Чуть позже к

этим родительным падежам добавилась буква *f* (для *filius* или *filia*) или *ixor*, чтобы обозначить родство. Еще позже, но уже в очень древние времена, мы видим, что свободнорожденный мужчина обладает тремя именами, с которыми мы знакомы: *nōmen* - для обозначения клана (*gēns*), *cognōmen* - для обозначения семьи и *praenōmen* - для обозначения личности. Обычный порядок трех имен - *praenōmen*, *nōmen*, *cognōmen*, хотя в поэзии порядок часто меняется, чтобы приспособить имя к метру.

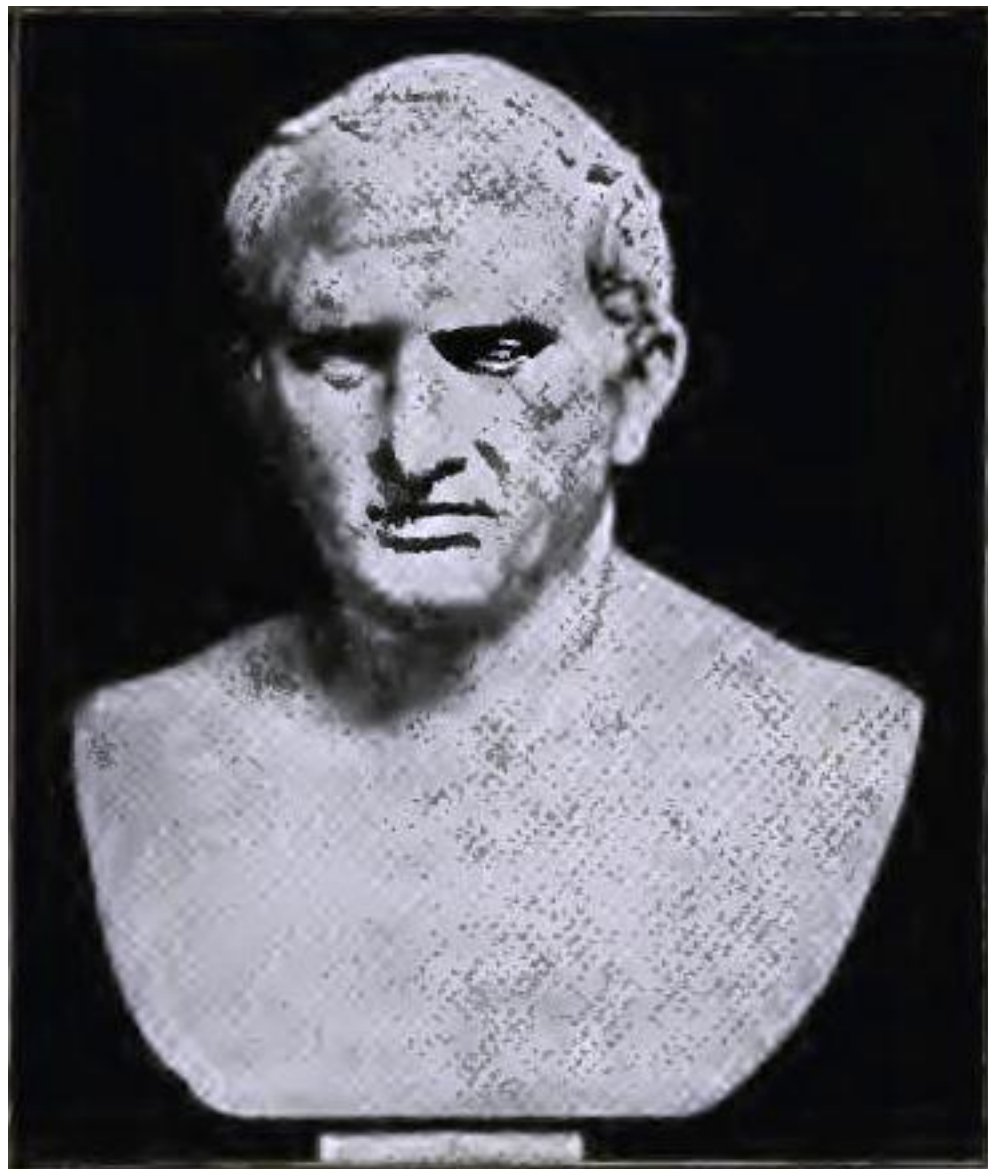

РИСУНОК 5. МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

39 Большая формальность требовала даже большего, чем три имени. В официальных документах и государственных записях было принято вставлять между *именами* и *когноменами* человека *прародительские* имена его отца, деда и прадеда, а иногда даже название племени, к которому он принадлежал. Так Цицерон мог написать свое имя: *M. Tullius M. f. M. n. M. pr. Cor. Cicero*; то есть Марк Туллий Цицерон, сын (*filius*) Марка, внук (*perōs*) Марка, правнук (*properōs*) Марка, из племени Корнелия. См. другой пример в § 427.

40 С другой стороны, даже тройное имя было слишком длинным для обычного использования. Дети, рабы и близкие друзья обращались к гражданину, господину и другу только по *имени-отчеству*. Обычные знакомые использовали *cognōmen* с префиксом *praenōmen* для эмфатического обращения. В серьезных обращениях мы находим *nōmen*

также используемым, иногда с префиксом *praenōmen* или притяжательным *mī*. Когда в привычном общении используются только два из трех имен, порядок меняется. Если *praenōmen* - одно из двух, оно всегда стоит первым, за исключением поэтов по метрическим причинам и нескольких мест в прозе, где текст неясен. Если *praenōmen* опущен, расположение варьируется: древние авторы и Цицерон ставят *cognōmen* первым, Ахала Сервилий (Cic. Milo, 3, 8: ср. C. Servilius Ahāla, Cat. I., 1, 3). Цезарь ставит *nōmen* на первое место; Гораций, Ливий и Тацит используют оба варианта, а Плиний придерживается цезаревского. Будет удобно рассмотреть эти три имени по отдельности, а также обсудить имена мужчин, прежде чем рассматривать имена других членов семьи.

41 Praenomen. - Число имен, используемых в качестве *praenōmina*, кажется нам абсурдно малым по сравнению с нашими христианскими именами, которым они в какой-то степени соответствуют. Оно никогда не превышало тридцати, а во времена Суллы сократилось до восемнадцати. Полный список приводится вышеупомянутыми авторитетами, но ниже перечислены все те, которые часто встречаются у наших школьных и студенческих авторов: Аулус (A), Децим (D), Гай (C), Гней (CN), Каесо (K), Луций (L), Маний (M'), Маркус (M), Публий (P), Квинт (Q), Сервий (SER), Секст (SEX), Спурий (SP), Тиберий (TI) и Тум (T). Формы этих имен не были абсолютно фиксированными, и для Гнея мы находим формы *Gnaivos* (ранняя), *Naevos*, *Naeus* и *Gnēus* (редкая); так же и для Сервия мы находим *Sergius*, обе формы восходят к древнему *Serguius*. Сокращения также варьируются: для Аулуса мы обычно находим A, но также AV и AVL; для Секста мы находим SEXT и S, а также SEX, и подобные вариации встречаются в случае других имен.

РИСУНОК 6. ЦЕЗАРЬ

42 Но каким бы маленьким ни казался нам этот список, природный консерватизм римлян нашел в нем возможность проявить себя, и великие семьи повторяли имена своих детей из поколения в поколение таким образом, что в наше время идентифицировать человека очень сложно. Так, Аэмилии довольствовались семьей такими *praenōmina*, *Gāius*, *Gnaeus*, *Lūcius*, *Mānius*, *Mārcus*, *Quīntus* и *Tiberius*, но использовали в дополнение одно, которое не встречается ни в одном другом роду, *Māmercus* (MAM). Клавдии использовали шесть имен - Гай, Децим, Луций, Публий, Тиберий и Квинт, а также дополнительное имя Аппий (APP), сабинского происхождения, которое они привезли в Рим. Корнелии использовали семь имен: Аулус, Гней, Луций, Маркус, Публий, Сервий и Тиберий. Еще меньшее число хватало для рода Юлиев: Гай, Луций и Секст с именем *Вописк*, которое вышло из употребления в очень ранние времена. И даже эти выборки были подвержены дальнейшим ограничениям. Так, из *геенны Клавдия* только одна ветвь (*stirps*), известная как *Claudīi Nerōnēs*, использовала имена Децим и Тиберий, а из семи имен, используемых в *геенне Корнелия*, ветвь Сципионов (*Cornēlii Scīpiōnēs*) использовала только Гнея, Луция и Публия. Даже после того, как *прародина* нашла свое место в семье, от нее могли сознательно отказаться: так, Клавдии отказались от имени Луций, а Манлии - от имени Маркус из-за позора, который

навлекали на их семьи люди, носившие эти имена; а Антонии никогда не использовали имя *Маркус* после падения знаменитого триумвира Марка Антония.

43 Из списка имен, обычных в его семье, отец дал сыну одно на девятый день после его рождения - *Diēs lūstricus*. В те времена существовал обычай, который кажется вполне естественным и в наши дни: отец давал первенцу свое собственное *praenōmen*; в имени Цицерона (§39) четыре раза повторяется имя *Mārcus*, и вполне вероятно, что он происходил из длинного рода старших сыновей. Когда эти имена давались впервые, они должны были быть выбраны с учетом их этимологического значения и иметь определенную связь с обстоятельствами, сопутствующими рождению ребенка: Ливий, рассказывая о мифическом Сильвии Энее, дает нам понять, что он получил свое первое имя, потому что родился в лесу (*silva*).

РИСУНОК 7. АВГУСТ

44 Так, *Lūcius* первоначально означало "рожденный днем", *Mānius* - "рожденный утром"; *Quīntus*, *Sextus*, *Decimus*, *Postumus* и т. д. указывали на преемственность в семье; *Tullus* был связан с глаголом *tollere* в смысле "признавать" (§95), *Servius* - с *servāre*, *Gāius* - с *gaudēre*. Другие связаны с именем какого-то божества, например, *Маркус* и *Мамеркус* - с Марсом, а *Тиберий* - с богом реки Тиберис. Но эти значения со временем были забыты так же полностью, как мы забыли значения наших христианских имен, и даже цифры использовались без учета их силы: Единственного брата Цицерона звали *Квинтус*.

45 Сокращение *praenōmen* не было делом простого каприза, как написание инициалов у нас, но было устоявшимся обычаем, указывающим, возможно, на римское гражданство. Имя *praenōmen* писалось полностью только в тех случаях, когда оно использовалось само по себе или принадлежало человеку из низших слоев общества. Когда римские имена переносятся в английский язык, их всегда следует писать полностью и произносить соответствующим образом. Точно так же, когда мы читаем латинского автора и находим сокращенное имя, при чтении вслух или переводе всегда следует произносить полное имя.

46 Имя - это важнейшее имя, которое для большей точности называют *nōmen gentīle* и *nōmen gentīlicium*. Ребенок получал его по наследству, как сейчас человек получает свою фамилию, и поэтому не было никакого выбора или отбора. Изначально фамилия *nōmen* оканчивалась на *-ius*, и это окончание свято хранилось патрицианскими семьями: окончания *-eius*, *-aius*, *-aeus* и *-eus* являются лишь вариациями этого окончания. Другие окончания указывают на нелатинское происхождение gens. Те, что на *-ācus* (*Avidiācus*), - галльские, те, что на *-na* (*Caecīna*), - этрусские, те, что на *-ēnus* или *-iēnus* (*Salvidiēnus*), - умбрийские или пиценские. Некоторые другие образованы от названия города, из которого произошла семья, либо с обычными окончаниями *-ānus* и *-ēnsis* (*Albānus*, *Norbānus*, *Aquiliēnsis*), либо с суффиксом *-ius* (*Perusius*, *Parmēnsius*) в подражание более древнему и более аристократическому

употреблению. Совершенно отдельно стоит *nōmen* небезызвестного *Гая Верреса*, который выглядит как неуместный *cognōmen* (§55).

РИСУНОК 8. NERO

47 По обычаю, *номен* принадлежал всем, кто был связан с родом, как плебейам, так и патрициям, мужчинам, женщинам, клиентам и вольноотпущенникам без различия. Возможно, именно естественное желание отделить себя от более скромных носителей своего *nōmen* заставляло патрицианские семьи использовать ограниченное число *praenōmina*, избегая тех, которыми пользовались их сородичи, занимавшие более низкое социальное положение. Во всяком случае, заметно, что плебейские семьи, как только политическая знать и бюсты в их залах сделали их выше своих собратьев, проявили ту же исключительность в выборе имен для своих детей, что и патриции до них (§42).

48 Когномен. - Помимо индивидуального имени и имени, обозначающего его *род*, римлянин часто имел третье имя, называемое *когномен*, которое служило для обозначения рода или ветви *рода*, к которому он принадлежал. Почти все великие *gentēs* были разделены таким образом, а некоторые из них - на многочисленные ветви. Например, корнелльский род включал в себя плебейские роды Долабеллы, Лентулы, Цетеги и Цинны, а также патрицианские Сципионы, Малугины, Руфины и т. д. Признание группы родов в качестве такой ветви, или *stirps*, и права передавать общий *cognōmen* требовало формального согласия всего *gēns* и влекло за собой потерю членами *stirps* определенных привилегий как *gentilēs*.

49 Исходя из того, что в официальном названии (§ 39) *cognōmen* следует за названием племени, принято считать, что древнейшие из этих *cognōmina* не восходят ко времени разделения народа на племена. Также принято считать, что *cognōmen* изначально было прозвищем, которое давалось в связи с какой-то личной особенностью или характеристикой, иногда в качестве комплимента, иногда в насмешку. Так, многие из них указывают на физические черты, такие как *Albus*, *Barbātus*, *Cincinnātus*, *Claudus*, *Longus* (все первоначально были прилагательными), а также существительные *Nāsō* и *Capitō* ("человек с носом", "с головой"); другие относятся к темпераменту, такие как *Benignus*, *Blandus*, *Catō*, *Serēnus*, *Sevērus*; третьи указывают на происхождение, такие как *Gallus*, *Ligus*, *Sabīnus*,

Siculus, Tuscus. Эти имена, следует помнить, передавались от отца к сыну и, естественно, теряли свою уместность по мере передачи, пока со временем их значение не было полностью утрачено, как и значение *praenōmina* (§44).

50 При Республике патриции почти без исключения носили это третье или фамильное имя; нам известно лишь об одном человеке, Кае Марции, который не имел этого отличия. У плебеев *cognōmen* встречался не так часто, возможно, его наличие было исключением. У великих семей Мариев, Муммиев и Серториев их не было, хотя у плебейских ветвей родов Корнелиев (§48), Туллиев и других они были. Поэтому *когномен* стал цениться как признак древней родословной, и люди, чья знатность была новой, стремились получить его, чтобы передать своим детям. Поэтому многие принимали *cognōmina* по собственному выбору. Некоторые из них были признаны общественным мнением как должные, как в случае с Кнеем Помпеем, который взял *Магнуса* в качестве своего *когномена*. Другие были осмеяны современниками, как мы осмеиваем сделанный на заказ герб какого-нибудь выскочки девятнадцатого века. Вероятно, однако, что только знатные люди осмеливались брать *cognōmina* при Республике, хотя при Империи их обладание было не более чем значком свободы.

51 Дополнительные имена. - Помимо трех уже описанных имен, мы нередко встречаем, даже в республиканские времена, четвертое или пятое. Они также назывались *cognōmina*, что является вольным продолжением этого слова, пока в четвертом веке нашей эры грамматики не дали им название *agnōmina*. Их удобно рассматривать под четырьмя названиями:

Во-первых, процесс разделения родов на ветви может быть продолжен и дальше. То есть, как только *gēns* становились достаточно многочисленными, чтобы отбросить *stirps*, так и *stirps* со временем мог отбросить ветвь самого себя, для которой нет лучшего названия, чем неопределенная *familia*. Так часто и происходило: например, *om gēns Cornēlia* отпочковались *stirps Scīpiōnēs*, а от них, в свою очередь, семья или "дом" *Nāsīcae*. Таким образом, мы находим четверное имя *Pūblius Cornēlius Scīpiō Nāsīca*, в котором последнее имя, вероятно, было дано точно так же, как и третье, до того как произошло разделение.

52 Во-вторых, когда человек переходил из одной семьи в другую по усыновлению (§30), он регулярно брал три имени своего приемного отца и добавлял свое собственное *nōmen gentile* с суффиксом *-ānus*. Так, Луций Аэмилий Паулюс, сын Луция Аэмилия Паулюса Македонского (последнее имя см. в §53), был усыновлен Публием Корнелием Сципионом и взял себе новое имя *Pūblius Cornēlius Scīpiō Aemiliānus*. Точно так же, когда Кай Октавий Цепий был усыновлен Каем Юлием Цезарем, он стал *Гаем Юлием Цезарем Октавианом*, и поэтому в историях его по-разному называют Октавием и Октавианом.

53 В-третьих, дополнительное имя, иногда называемое *cognōmen ex virtūte*, часто давалось при провозглашении великого государственного деятеля или победоносного полководца и ставилось после его *cognōmen*. Известным примером является имя Публия Корнелия Сципиона Африканского, которое было дано ему после победы над Ганнибалом. Таким же образом его внук по усыновлению, упомянутый выше Публий Корнелий Сципион Аэмилиан, получил такое же почетное имя после разрушения Карфагена и стал называться *Публий Корнелий Сципион Африканский Аэмилиан* (*Pūblius Cornēlius Scīpiō Africānus Aemiliānus*). Подобное имя - Македонский, данное Луцию Аэмилию Паулусу за поражение при Персенах, и титул Август, присвоенный сенатом Октавиану. Доподлинно неизвестно, переходили ли эти имена по наследству к потомкам тех, кто их заслужил, но вполне вероятно, что только старший сын имел строгое право принять почетный титул своего отца.

54 В-четвертых, тот факт, что человек унаследовал от своих предков прозвище в форме *cognōmen* (§49), не мешал ему получить другое по каким-то личным качествам, тем более что унаследованное имя, как мы видели, часто не имело никакого применения к его последующему обладателю. Некому древнему Публию Корнелию было дано прозвище *Scīpiō* (§49), которое со временем, не задумываясь о его уместности, переняли все его потомки, и оно стало *cognōmen*; Затем одному из этих потомков по личным причинам было дано другое прозвище, *Nāsīca*, которое со временем утратило свою индивидуальность и стало именем целой семьи (§51); затем точно таким же образом один из членов этой семьи стал достаточно заметным, чтобы нуждаться в отдельном имени, и был назван *Corculum*, его полное имя - *Pūblius Cornēlius Scīpiō Nāsīca Corculum*. Очевидно, что нет никаких причин, по которым это расширение не могло бы продолжаться бесконечно. К таким именам относятся Публий Корнелий Лентул Спинтер, Квинт Цецилий Метелл Целер и Публий Корнелий Сципион Насика Серапио. Очевидно также, что мы не всегда можем отличить простое прозвище, относящееся строго к данному пункту, от дополнительного *когномена*, выделяющего семью из остальных *родов*, к которым она принадлежала. Вполне возможно, что упомянутая выше фамилия Спинтер имеет такое же право на место в первом отделе, как и Насика (§51).

55 Путаница в именах - столь сложная система, как та, что мы описали, почти наверняка была неправильно понята или неправильно применена, и в поздние дни Республики и Империи мы видим, что все законы и порядки игнорируются. Вручение *praenōmen* ребенку, похоже, иногда откладывалось слишком надолго, и погребальные надписи, в которых вместо имени стоит слово *pūpus* (*PVP*) "ребенок", свидетельствуют о том, что малыш умер безымянным, многочисленны. В одной из таких надписей возраст безымянного ребенка указан как шестнадцать лет. Затем путаница была вызвана неправильным использованием *praenōmen*. Иногда в одном имени встречаются два, например, *Pūblius Aelius Aliēnus Archelāus Mārcus*. Иногда в качестве *praenōmina* использовались слова, оканчивающиеся как *nōmen* на *-ius*: Цицерон рассказывает, что некий *Нумерий Квинтий Руфус* спасся от смерти во время бунта благодаря своему двусмысленному имени. Знакомый нам Гай, должно быть, был *nōmen* в очень древние времена. В употреблении *имен встречаются* нарушения. Два в имени - не редкость, одно из них, возможно, происходит от рода матери; иногда используются три или четыре, а в имени одного из консулов 169 г. н. э. их четырнадцать. Тогда путем изменения, обратного тому, о котором говорилось выше, слово может выйти из употребления как *praenōmen* и стать *nōmen*: Враг Цицерона *Луций Сергий Катилина* носил языческое имя *Сергий*, которое когда-то было первым именем (§41). Подобным образом злоупотребляли и *когноменом*. Оно перестало обозначать семью и стало различать членов одной семьи, как это первоначально делала *praenōmina*: так, например, три сына Марка Аннея Сенеки назывались *Маркус Анней Новатус*, *Луций Анней Сенека* и *Луций Анней Мела*. Также слово, используемое в качестве *когномена* в одном имени, может быть использовано в качестве четвертого элемента в другом: например, в именах *Луций Корнелий Сулла* и *Луций Корнелий Лентул Сура* третий и четвертый элементы соответственно действительно одинаковы, являясь просто сокращенными формами *Сурула*. Наконец, можно отметить, что одно и то же имя в разное время могло быть расположено по-разному: в консульских списках мы находим одного и того же человека под именем *Луций Лукреций Триципитинус Флавус* и *Луций Лукреций Флавус Триципитинус*.

56 Еще большее разнообразие наблюдается в именах лиц, перешедших из одной семьи в другую по усыновлению. Некоторые получали дополнительное имя (§52) от *stirps*, а не от *gēns*, то есть от *cognōmen*, а не от *nōmen*. Сын Марка Клавдия Марцелла был усыновлен неким Публием Корнелием Лентулом и должен был называться *Pūblius Cornēlius Lentulus*

Claudiānus; вместо этого он принял имя *Pūblius Cornēlius Lentulus Marcellīnus*, и это имя перешло к его детям. Путаницу в этом направлении хорошо иллюстрирует имя знаменитого Марка Юния Брута. За несколько лет до того, как Цезарь пал от его руки, Брут, как мы обычно его называем, был усыновлен братом своей матери, Квинтом Сервилием Цепионом, и должен был называться *Квинтом Сервилием Цепионом Иунианом* (*Quīntus Servīlius Caepiō Iūniānus*). По какой-то неизвестной нам причине он сохранил свое собственное *имя*, и даже его близкий друг Цицерон, похоже, не знал, как его называть. Иногда он пишет о нем как о *Квинтусе Цепио Бруте*, иногда как о *Маркусе Бруте*, иногда просто как о *Бруте*. Великий ученый первого века, Асконий, называет его *Mārcus Caepiō*. Наконец, можно заметить, что в конце империи мы находим человека, борющегося с грузом сорока имен.

РИСУНОК 9. ТРАХАН

получали индивидуальные имена. Обычно это были иностранные имена, часто обозначавшие национальность раба, иногда, возможно, в насмешку, - благозвучные наименования восточных властителей, такие как Афер, Элевтерос, Фарнас. К этому времени слово *servus* также вытеснило *puer*. Таким образом, к концу Республики полное имя раба состояло из его личного имени, затем *nōmen* и *praenōmen* (порядок важен) его хозяина и слова *servus*: *Pharnacēs Egnātīi Pūblii servus*. Когда раб переходил от одного хозяина к другому, он брал *имя* нового хозяина и добавлял к нему *когномен* старого с суффиксом *-ānus*: когда Анна, рабыня Мецената, стала собственностью Ливия, она стала называться *Анной Ливией, слугой Мецената*.

59 Имена вольноотпущенников. Вольноотпущенник обычно сохранял индивидуальное имя, которое он носил, будучи рабом, и получал *имя* своего хозяина с любыми *прерогативами*, которые тот ему присваивал. Так, Андроник, раб Марка Ливия Салинатора, после освобождения стал *Луцием Ливием Андроником*, причем индивидуальное имя было последним, как своего рода *cognōmen*. Естественно, что *praenōmen* хозяина часто давали, особенно любимому рабу. Вольноотпущенник женщины получал имя ее отца, например, *Mārcus Līvius Augustae l Ismarus*; буква *l* означала *libertus* и вставлялась во все официальные документы. Конечно, хозяин мог пренебречь обычной формой и дать вольноотпущеннику любое имя по своему усмотрению. Так, когда Цицерон освободил своих рабов Тиро и Дионисия, он назвал первого в строгом соответствии с обычаем *Марком Туллием Тиро*, а второму дал свое собственное *praenōmen* и *nōmen* своего друга Тита Помпония Аттика, и новое имя стало *Mārcus Pomponius Dionysius*. Отдельные имена (Pharnaces, Dionysius и т. д.) были отброшены потомками вольноотпущенников, которые с полным основанием стремились скрыть все следы своего подлого происхождения.

60 Натурализованные граждане. - Когда иностранец получал право на гражданство, он брал новое имя, которое оформлялось по тем же принципам, что и в случае с вольноотпущенниками. Его первоначальное имя сохранялось как своего рода *cognōmen*, а перед ним писались *praenōmen*, которые соответствовали его фантазии, и *nōmen* человека, всегда римского гражданина, которому он был обязан своим гражданством. Самый знакомый пример - греческий поэт Архий, которого Цицерон защищал под именем *Аула Лициния Архия* в известной оратории. Он долгое время был связан с семьей Лукуллиев и, когда получил гражданство, взял в качестве *имени* своего выдающегося покровителя *Луция Лициния Лукулла*; мы не знаем, почему он выбрал первое имя *Аулус*. Другой пример - упомянутый Цезарем (B. G., I, 47) галл *Гай Валерий Кабус*. Он получил свое имя от Кая Валерия Флакка, правителя Галлии в то время, когда он получил гражданство. Именно этим обычаем брать имена губернаторов и полководцев объясняется частое появление имени Юлий в Галлии, Помпей в Испании и Корнелий в Сицилии.

ГЛАВА III

БРАК И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН

ССЫЛКИ: Marquardt, 28-80; Voigt, 318, 449; Göll, II, 5 f.; Friedländer, I, 451 f.; Ramsay, 293 f., 477; Preston, 8 f.; Smith, *mātrimōnium*; Baumeister, 696 f.; Harper, *cōnūbium*, *mātrimōnium*; Lübker, 364; Pauly-Wissowa, *coēemptiō*, *cōnfarreātiō*, *cōnūbium*.

61 Ранние формы брака. - В Риме никогда не практиковалась полигамия, и нам говорят, что в течение пяти веков после основания города разводы были совершенно неизвестны. Вплоть до Сервианской конституции (дата точно не установлена) патриции были единственными гражданами и вступали в брак только с патрициями и членами окружающих общин, имевших такое же социальное положение. Единственной известной им формой брака была величественная религиозная церемония, называемая, как будет объяснено далее, *cōnfarreātiō*. С прямого согласия богов, с *понтификами*, совершающими торжественные обряды, в присутствии уполномоченных представителей своих *родов*, патриций брал жену из семьи отца в свою собственную (§28), чтобы она стала *māter familiās*, воспитала ему детей, которые должны были сохранить семейные тайны, увековечить его древний род и расширить могущество Рима. В этом, единственном законном браке того времени, жена переходила в *manum virī*, а муж получал на нее практически те же права, что и на собственных детей (§§35, 36) и других зависимых членов своей семьи. Такой брак назывался *cum conventiōne uxōris in manum virī* (§35).

62 В этот период свободные неграждане (§§177, 178), плебеи, также были заняты женитьбой и замужеством. Несомненно, их союзы были столь же священны в их глазах, их семейные узы были столь же строги и чисты, как и у патрициев, но эти союзы не были освящены национальными богами и не признавались гражданским правом, просто потому, что плебеи еще не были гражданами. Их форма брака называлась *ūsus* и заключалась, по сути, в совместном проживании мужчины и женщины в качестве мужа и жены в течение года, хотя, конечно, существовали обычные формы и обряды, о которых нам совершенно ничего не известно. Муж-плебей мог получить те же права на личность и имущество своей жены, что и патриций, но сама по себе форма брака не подразумевала *manus*. Жена могла оставаться членом семьи своего отца и сохранять то имущество, которое он ей позволял (§33), просто отсутствуя с мужем в течение *триноктиума* каждый год. Если она это делала, то брак был *sine conventiōne in manum*, и муж не имел права распоряжаться ее имуществом; если же она этого не делала, то брак, как и у патрициев, был *cum conventiōne in manum*.

РИСУНОК 10. ГАДРИАН

63 По крайней мере, со времен Сервия дошла до нас еще одна римская форма брака, тоже плебейская, хотя и не такая древняя, как *ūsus*. Она называлась *coemptiō* и представляла собой фиктивную продажу, при которой *отец семьи* женщины или ее опекун (*tutor*), если она была *suī iūris*, передавал ее мужчине *mātrimōniī causā*. Эта форма, должно быть, сохранилась от старого обычая купли-продажи жен, но мы не знаем, когда она появилась у римлян. Она, как само собой разумеющееся, сопровождала *manus* и, похоже, в социальном плане считалась лучшей формой, чем *ūsus*. Эти две формы существовали веками бок о бок, но *coemptiō* пережил *ūsus* как форма брака *cum conventiōne in manum*.

64 Ius Conubii.— Хотя конституция Сервия сделала плебеев гражданами и тем самым узаконила их формы брака, она не давала им права на междоусобные браки с патрициями. Многие плебейские семьи были едва ли менее древними, чем патрицианские, многие были богаты и влиятельны, но лишь в 445 году до н. э. браки между этими двумя сословиями были официально санкционированы гражданским законодательством. Возражения патрициев были в основном религиозными: Боги государства были патрицианскими богами, покровительство могли принимать только патриции, браки только патрициев были санкционированы небесами. Их ораторы протестовали, что союзы плебеев были не лучше беспорядочных половых связей, они не были *iūstae nūptiae* (§67); плебейская жена бралась в *mātrimōnium*, она была в лучшем случае *ixor*, а не *māter familiās*; ее потомство было "детьми матери", а не *patriciī*.

65 Много из этого было сословным преувеличением, но верно то, что в столь ранний период *gēns* не так высоко ценился плебеями, как патрициями, и что плебеи приписывали когнатам определенные обязанности и привилегии, которые переходили к патрицианским *gentilēs*. С появлением *iūs cōnūbiī* многие из этих различий исчезли. Были установлены новые условия для *iūstae nūptiae*; *coemptiō* путем своего рода компромисса стало обычной формой брака, когда одна из сторон была плебейкой; а из слова *mātrimōnium* исчезло клеймо. С другой стороны, патрицианки научились понимать преимущества брака *sine conventiōne*, и брак с *manus* постепенно стал менее частым, принятие эгиды перед церемонией стало считаться простой формой, а брак начал терять свой сакраментальный характер, и с этими

изменениями позже пришли расхлябанность в супружеских отношениях и свобода развода, которые, казалось, во времена Августа угрожали самой жизни содружества.

66 Вероятно, ко времени Цицерона брак с *manus* был редкостью, и, следовательно, *cōnfarreātiō* и *coēptiō* вышли из общего употребления. Однако в некоторой степени первый сохранялся до христианских времен, поскольку некоторые священнические должности (*flāminēs maiōrēs* и *rēgēs sacrōrum*) могли занимать только люди, чьи родители были обвенчаны по обряду *confarreate*, одной из форм таинства, и которые сами были обвенчаны по той же форме. Но так велико было нежелание женщин подчиняться *manus*, что для замещения даже этих немногих священнических должностей при Тиберии было необходимо исключить *manus* из церемонии *confarreate*.

67 Nuptiae iustae. - Существовали определенные условия, которые должны были быть соблюдены, прежде чем граждане могли заключить законный брак. Для этого требовалось:

1. Согласие обеих сторон, или *отца семьи*, если один или оба были *в состоянии*. При Августе было предусмотрено, что *отец семьи* не должен отказываться от своего согласия, если он не может показать веские причины для этого.
2. Обе стороны должны быть *pūberēs*; брак между детьми невозможен. Хотя точный возраст не был установлен законом, вероятно, четырнадцать и двенадцать лет были нижним пределом для мужчины и женщины соответственно.
3. Мужчина и женщина должны быть незамужними. Полигамия никогда не практиковалась в Риме.

68 4. Стороны не должны быть близкими родственниками. Ограничения в этом направлении устанавливались скорее общественным мнением, чем законом, и сильно варьировались в разные времена, постепенно становясь менее строгими. В целом можно сказать, что брак был абсолютно запрещен между восходящими и нисходящими родственниками, между другими однородными родственниками в пределах четвертой степени (§25) и более близкими *адфинеями* (§26). Если стороны удовлетворяли этим условиям, они могли вступить в законный брак, но при этом делались различия, которые влияли на гражданский статус детей, хотя не ставились под сомнение ни их законность, ни моральный облик их родителей.

69 Если муж и жена были римскими гражданами, их брак назывался *iūstae nūptiae*, что можно перевести как "обычный брак", их дети были *iūstī liberī* и по рождению были *cīvēs optimō iūre*, "обладающими всеми гражданскими правами".

Если же один из супругов был римским гражданином, а другой - членом общины, имевшей *iūs cōnūbiī*, но не обладавшей полными *cīvitās*, брак все равно назывался *iūstae nūptiae*, но дети получали гражданское положение отца. Это означает, что если отец был гражданином, а мать - иностранкой, то дети были гражданами; если же отец был иностранцем, а мать - гражданкой, то дети были иностранцами (*peregrīnī*) вместе с отцом.

Если же одна из сторон не имела *iūs cōnūbiī*, брак, хотя и законный, назывался *nūptiae iniūstae* или *mātrimōnium iniūstum*, "нерегулярный брак", а дети, хотя и законные, занимали гражданское положение родителя более низкой степени. По-видимому, мы имеем нечто подобное в потере социального положения, которая обычно следует за браком человека с человеком, занимающим явно более низкое положение.

70 Обручение - Обручение (*spōnsālia*) как предварительное условие брака считалось хорошей формой, но не было юридически необходимым и не влекло за собой никаких

обязательств, которые могли бы быть принудительно исполнены законом. В *спонсалии* дева обещалась мужчине в качестве его невесты "словами стиля", то есть в торжественной форме. Обещание давала не сама дева, а ее *отец семейства* или ее *тьютор*, если она была не в *состоянии*. Точно так же обещание давалось непосредственно мужчине только в том случае, если он был *suī iūris*, в противном случае - главе дома, который просил для него девицу в жены. Вероятно, "слова стиля" были примерно такими:

"*Spondēsne Gāiam, tuam fīliam* (или если она была подопечной: *Gāiam, Lūcīi fīliam*), *mihi* (или *filiō meō*) *uxōrem darī*?".

"*Dī bene vortant! Spondeō.*"

"*Dī bene vortant!*"

71 Во всяком случае, слово *spondeō* технически использовалось для обозначения обещания, а дева отныне была *spōnsa*. Тот, кто давал обещание, всегда имел право его отменить. Обычно это делалось через посредника (*nūntius*), и поэтому формальным выражением для разрыва помолвки было *repudium renūntiāre*, или просто *renūntiāre*. Хотя договор был полностью односторонним, следует заметить, что мужчина подлежал *infāmia*, если заключал две помолвки одновременно, и что он не мог вернуть подарки, сделанные с целью будущего брака, если сам разорвал помолвку. Такие подарки делались почти всегда, и хотя мы видим, что предметы для личного пользования, туалета и т. д. были обычным явлением, обычно дарили кольцо. Кольцо носили на третьем пальце левой руки, поскольку считалось, что от этого пальца к сердцу проходит нерв. Также было принято, чтобы *супруга* делала подарок своему суженому.

72 Приданное. У римлян, как и сейчас у некоторых европейских народов, невеста должна была принести своему мужу приданое (*dōs*). Если речь шла о девушке, *находящейся в потенции*, то ее, естественно, обеспечивал глава дома; если о девушке, *находящейся в статусе suī iūris*, то она получала приданое из собственного имущества, а если такового не было, то его вносили ее родственники. Похоже, что в случае их нежелания она могла в судебном порядке заставить своих потомков, по крайней мере, обеспечить ее. В ранние времена, когда преобладал брак *cum conventiōne*, все имущество, принесенное невестой, становилось собственностью ее мужа или его *pater familiās* (§35), но в более поздние времена, когда *manus* был менее распространен, и особенно после того, как разводы стали частым явлением, было сделано различие. Часть имущества невесты оставалась в ее исключительном пользовании, а часть переходила в собственность жениха под техническим названием *dōs*. Разумеется, пропорции варьировались в зависимости от обстоятельств.

73 Существенные формы. - В действительности не было никаких юридических форм, необходимых для торжественного заключения брака; не нужно было получать лицензию от гражданских властей, простые или сложные церемонии не должны были проводиться лицами, уполномоченными государством. Единственное, что было необходимо, - это согласие обеих сторон, если они были *suī iūris*, или их *родных отцов*, если они были *in potestāte*. Уже отмечалось (§67, 1), что *отец семьи* мог отказаться от своего согласия только по уважительным причинам; с другой стороны, он мог требовать согласия от подвластных ему лиц. Вероятно, родительская и сыновняя привязанность (*pietās*) делала это ограничение менее строгим, чем оно кажется нам сейчас (§§ 32, 33).

РИСУНОК 11. АНТОНИН ПИЙ

74 Но хотя это согласие было единственным условием для законного брака, оно должно было быть подтверждено каким-то актом личного союза между сторонами; то есть брак не мог быть заключен по письму или при вмешательстве третьего лица. Таким актом было соединение рук (*dextrarum iunctiō*) в присутствии свидетелей, или сопровождение невесты в дом мужа, никогда не опускавшееся, если стороны имели какое-либо социальное положение, или, в более поздние времена, подписание брачного контракта. Для действительного брака никогда не требовалось, чтобы стороны жили вместе как муж и жена, хотя, как мы видели (§62), такое совместное проживание само по себе составляло законный брак.

75 День свадьбы. Заметим, что суеверия играли важную роль в подготовке к свадьбе две тысячи лет назад, как и сейчас. Особое внимание уделялось удачному дню. Календы, ноны и иды каждого месяца, а также день, следующий за каждым из них, были несчастливыми. Так же как и весь май и первая половина июня, из-за некоторых религиозных церемоний, проводимых в эти месяцы: аргейских жертвоприношений и лемурийских в мае и религиозных диезов, связанных с Вестой, в июне. Кроме того, тщательно избегались родительские дни, 13-21 февраля, и дни, когда вход в нижний мир должен был быть открыт, 24 августа, 5 октября и 8 ноября. Таким образом, треть года была абсолютно закрыта. Великие праздники, а их было великое множество, тоже избегали, но не потому, что они были несчастливыми, а потому, что в эти дни у друзей и родственников наверняка были другие дела. Женщины, выходящие замуж во второй раз, выбирали именно эти праздники, чтобы сделать свою свадьбу менее заметной.

76 Свадебная одежда. - Накануне дня свадьбы невеста посвящала лареям отцовского дома свою буллу (§99) и тогу *praetexta*, которую замужние женщины не носили, а также, если ей было не больше двенадцати лет, свои детские игрушки. В целях предзнаменования она надевала перед сном тунику *rēcta*, или *rēgilla*, сплетенную из одного куска и ниспадающую до самых ног. Очень сомнительное изображение представлено в Риче под словом *rēcta*. Похоже, она получила свое название от того, что была соткана старомодным способом на вертикальном станке. Эту же тунику надевали на свадьбу.

РИСУНОК 12. ОДЕВАНИЕ НЕВЕСТЫ

РИСУНОК 13. ФЛАММЕУМ

77 Утром в день свадьбы невесту одевала ее мать, и римские поэты с необыкновенной нежностью описывают ее заботы. Существует настенная роспись такой сцены, найденная в Помпеях и воспроизведенная на рис. 12. Главным предметом одежды была уже упомянутая *tunica rēgilla*, которая завязывалась на талии шерстяной лентой, завязанной узлом Геркулеса (*nodus Herculanēus*), вероятно, потому, что Геркулес был хранителем супружеской жизни. Этот узел имел право развязать только муж. Поверх туники надевали фату невесты, фату цвета пламени (*flammeum*), показанную на рис. 13. Вуаль невесты была настолько важна, что *nūbere*, "покрывать себя", является обычным словом для "жениться", когда речь идет о женщине.

78 Особое внимание уделялось укладке волос, но, к сожалению, до нас не дошло ни одной фотографии, на которой было бы понятно их расположение. Мы знаем только, что они были разделены на шесть локонов острием копья, что, вероятно, напоминает о древнем браке через захват, и что эти локоны, возможно, заплетенные, удерживались в нужном положении лентами (*vittae*). Невеста также носила венок из цветов и священных растений, собранных ею самой. Жених, конечно же, был одет в тогу, а на голове у него был такой же венок из цветов. В положенное время его сопровождали в дом невесты родственники, друзья и клиенты, которые должны были оказать ему всяческие почести в день свадьбы.

79 Церемония. - Дом отца невесты, где проходила церемония, был украшен цветами, ветвями деревьев, лентами из шерсти и гобеленами. Гости прибывали еще до восхода солнца, и даже тогда приметы уже были сделаны. В древней церемонии конфариата их брал общественный авгур, но в более поздние времена, независимо от церемонии, гаруспики просто обращались к внутренностям овцы, которую убивали в жертву. При описании брачных церемоний следует помнить, что необходимым было только согласие (§73) и акт, выражающий это согласие, а все остальные формы и церемонии были несущественными и переменными. Кое-что зависело от конкретной формы, но в большей степени от богатства и социального положения заинтересованных семей. Вероятно, большинство свадеб были гораздо проще, чем те, что описаны нашими главными авторитетами.

80 После произнесения благоприятных предзнаменований жених и невеста появлялись в атриуме, главном зале, и свадьба начиналась. Она состояла из двух частей:

1. Собственно церемония, различающаяся в зависимости от используемой формы (*cōnfarreātīō*, *coēmtiō* или *ūsus*), основной частью которой было согласие перед свидетелями.
2. Праздник, включающий пиршество в доме невесты, силовое взятие невесты из рук матери, сопровождение в новый дом (основная часть) и прием там.

РИСУНОК 14. СЦЕНА БРАКОСОЧЕТАНИЯ

81 Церемония конфариата начиналась с *dextrārum iūnctiō*. Жениха и невесту приводила *prōnuba*, матрона, вышедшая замуж за своего первого мужа, и они соединяли руки в присутствии десяти свидетелей, представлявших десять *джентльменов курии*. Они изображены на древнем саркофаге, найденном в Неаполе (рис. 14). Затем следовали слова согласия, произнесенные невестой: *Quandō tū Gāius, ego Gāia*. Эта формула была неизменной, независимо от имен жениха и невесты, и восходит к тому времени, когда *Га́й* был *pōmen*, а не *praepōmen* (§55). Она подразумевала, что невеста фактически входит в *gēns* жениха (§§ 23, 28, 35), и, вероятно, была выбрана из-за своего счастливого значения (§44). Даже в *обычных* браках стала использоваться старая формула, значение которой со временем утратилось. Жених и невеста занимали свои места слева от алтаря и лицом к нему, сидя на табуретах, покрытых шкурой овцы, зарезанной для жертвоприношения.

РИСУНОК 15. КАМИЛЛУС

82 Затем понтифик Максим и фламен Дуалис приносили Юпитеру бескровное жертвоприношение, состоявшее из лепешки полбы (*farreum libum*), от которой и получил свое название *cōnfarreātiō*. Вместе с подношением Юпитеру фламены читали молитву Юноне как богине брака, а также Теллусу, Пикунусу и Пилунусу, божествам страны и ее плодов. Утварь, необходимую для жертвоприношения, нес в крытой корзине (*cumerus*) мальчик по имени Камилл (рис. 15), родители которого должны были быть в то время живы (*patrīmus et mātrīmus*). Затем следовали поздравления, причем гости использовали слово *fēlīciter*.

83 Коэмптион начинался с фиктивной продажи, совершавшейся в присутствии не менее пяти свидетелей. Деньги за покупку, представленные одной монетой, клали на весы, которые держал либриденс. Весы, весовщик, монета и свидетели - все это было необходимо для такого брака. Затем следовали *dextrārum iūctiō* и слова согласия, заимствованные, как уже говорилось, из конфаритной церемонии. Первоначально жених просил невесту: *An sibi māter familiās esse vellet*. Она согласилась и задала ему аналогичный вопрос: *An sibi pater familiās esse vellet*. На это он тоже ответил "Да". Затем читалась молитва, иногда, возможно, приносилась жертва, после чего следовали поздравления, как в другой, более сложной церемонии.

84 Третья форма, то есть церемонии, предшествующие *ūsus*, вероятно, допускала больше вариаций, чем любая другая, но до нас не дошло ни одного описания. Мы можем быть уверены, что руки сцеплялись, произносились слова согласия и произносились поздравления, но мы не знаем никаких особых обычаев или обыкновения. Почти необходимо, чтобы три формы со временем стали более или менее похожими, хотя пирог из полбы не мог быть заимствован ни одним из других, ни весы и их держатель из церемонии *coēptiō*.

85 Свадебный пир. После завершения церемонии наступал свадебный пир (*cēna nūptiālis*), продолжавшийся до вечера. Нет никаких сомнений в том, что он регулярно проводился в доме отца невесты, а те немногие случаи, когда, как мы знаем, он проводился в доме жениха, были исключительными и вызваны особыми обстоятельствами, которые могут привести к подобным изменениям в наши дни. Праздник, по-видимому, завершался раздачей гостям

кусков свадебного пирога (*mustāceum*), который из муки, вымоченной в сусле (§296), и подавался на лавровых листьях. На этих пирах и на *репотиях*, упомянутых ниже (§89), царила такая расточительность, что при Августе было предложено законодательно ограничить их стоимость одной тысячей сестерций (50 долларов), что было столь же напрасным, как обычно оказываются подобные ограничения.

86 Шествие невесты. После свадебного пира невесту официально отводили в дом мужа. Эта церемония называлась *dēductiō*, и поскольку она была необходима для действительности брака (§74), ее никогда не пропускали. Это была общественная церемония, то есть любой мог присоединиться к процессии и принять участие в веселье, которым она отличалась, и нам рассказывают, что знатные люди не стеснялись ждать на улице, чтобы увидеть невесту. С наступлением вечера процессия формировалась перед домом с факелоносцами и флейтистами во главе. Когда все было готово, пели брачный гимн (*hymenaeus*), и жених демонстративно брал невесту из рук ее матери. Римляне видели в этом обычае реминисценцию изнасилования сабинянок, но, вероятно, он восходит далеко за пределы основания Рима к обычаю брака путем захвата, который преобладал у многих народов. Затем невеста занимала свое место в процессии, которую сопровождали три мальчика, *patrīmī et mātrīmī* (§82); двое из них шли рядом с ней, держа каждого за руку, а другой нес перед ней свадебный факел из белого терна (*spīna alba*). За спиной невесты несли дистаф и веретено, эмблемы домашней жизни. *Камилл* со своим *кумером* также шел в процессии.

87 Во время шествия пели *stuxi Fescennīnī*, изобилующие грубыми шутками и личностями. Толпа также выкрикивала древний брачный клич, значение которого сами римляне не понимали. Мы находим его по меньшей мере в пяти формах, и все они являются вариациями имени Талассий или Талассио, который, вероятно, был сабинским божеством, хотя его функции неизвестны. Ливий выводит его от предполагаемого имени сенатора во времена Ромула. Невеста обронила по дороге одну из трех монет, которые она несла в качестве подношения *ларам-компатриотам*; из двух других она отдала одну жениху как символ приданого, которое она ему принесла, и одну - *ларам* его дома. Жених тем временем разбросал орехи по толпе. Катулл объясняет это как знак того, что он стал мужчиной и отбросил детские вещи (§103), но орехи скорее символизировали плодovitость. В наши дни этот обычай сохранился в виде бросания риса.

88 Когда процессия достигала дома, невеста обвязывала дверные столбы лентами из шерсти, вероятно, символизируя свою работу в качестве хозяйки дома, и помазывала дверь маслом и жиром, символизирующими изобилие. Затем ее осторожно переступали через порог, чтобы избежать такого дурного предзнаменования, как оступиться при первом входе в дом. Другие, однако, видят в этом обычае еще одно изживание брака по неволе. Затем она снова произнесла слова согласия: *Ubi tū Gāius, ego Gāia*, и двери закрывались от общей толпы; только приглашенные гости входили вместе с парой.

РИСУНОК 16. БРАЧНАЯ КУШЕТКА

89 Муж встречал жену в атриуме и предлагал ей огонь и воду в знак того, что им предстоит жить вместе, и ее роль в доме. На очаге были приготовлены дрова для костра, который невеста разжигала брачным факелом, который несли перед ней. После этого факел бросали среди гостей, чтобы они искали его как счастливое приобретение. После этого невеста читала молитву, и ее усаживали с помощью *пронуба* на *лектус гениалис* (рис. 16), который всегда стоял в брачную ночь в атриуме. Здесь он впоследствии оставался только как предмет декоративной мебели. На следующий день в новом доме давали второй свадебный пир (*repōtia*) для друзей и родственников, и на этом пиру невеста делала первое подношение богам в виде *mātrōna*. Затем следовал ряд пиров, которые давались в честь новобрачной пары теми, в чьих социальных кругах они вращались.

90 Положение женщин. С замужеством римлянка занимала положение, недостижимое для женщин любого другого народа древнего мира. Ни один другой народ не относился к своим женщинам с таким уважением; нигде они не оказывали столь сильного и благотворного влияния. В своем доме римская матрона была абсолютной хозяйкой. Она руководила хозяйством, контролировала работу домашних рабов, но сама не выполняла никакой рутинной работы. Она была кормилицей своих детей, занималась их ранним обучением и воспитанием. Ее дочери под присмотром матери становились хозяйками таких же домов и оставались ее ближайшими подругами до тех пор, пока она сама не наряжала их к свадьбе, а мужа не вырывали их из ее рук. Она была помощницей мужа как в бизнесе, так и в домашних делах, и он часто советовался с ней по государственным вопросам. Дома она не ограничивалась так называемыми женскими апартаментами, как ее сестры в Греции; весь дом принадлежал ей. Она принимала гостей своего мужа и сидела с ними за столом. Даже когда она подчинялась *manus* своего мужа, ограничения были настолько смягчены законом и обычаем (§36), что она вряд ли могла страдать от оков, которые были выкованы с ее собственного согласия (§73).

91 Вне дома платье матроны (*stola mātrōnālis*, §259) обеспечивало ей самое глубокое уважение. Мужчины уступали ей дорогу на улице; ей находилось место на публичных играх, в театрах и на больших государственных религиозных церемониях. Она могла давать показания в судах, а в конце Республики даже выступать в качестве адвоката. Ее день рождения свято соблюдался и радостно отмечался членами ее семьи, а весь народ праздновал *Матроналии*, великий праздник первого марта, и дарил подарки своим женам и матерям. Наконец, если она происходила из знатной семьи, ее могли почтить после кончины публичной хвалебной речью, произнесенной с *трибуны* на форуме.

92 Следует признать, что образование женщин в Риме было не слишком развито, а их достижения были немногочисленны и скорее полезны, чем элегантны. Но римские женщины говорили на самой чистой и лучшей латыни, известной в самых высоких и культурных кругах, и в том, что касается достижений, их мужья были не лучше. Респектабельным женщинам в Греции вообще не разрешалось получать образование.

93 Следует также признать, что в последние годы Республики произошли большие перемены. С распущенностью семейной жизни, свободой разводов, притоком богатства и расточительности чистота и достоинство римской матроны упали, как до этого упали мужественность и сила ее отца и мужа. Однако следует помнить, что древние писатели не останавливались на некоторых любимых нами темах. Простые радости детства и домашней жизни, дом, восхваление сестры, жены и матери, возможно, не были слишком священными для поэта и эссеиста Рима, но эссеист и поэт не делали их своими темами. Мать Горация, должно быть, была необыкновенно одаренной женщиной, но сын ни разу не упоминает о ней. Поэтому описания домашней жизни, дошедшие до нас, либо взяты из греческих источников, либо выбраны именно из тех кругов, где мода, распутство и нечистоплотность облегчали работу сатирика. Поэтому можно с уверенностью сказать, что картины, нарисованные нам, например, в стихах Катуллы и Ювенала, не относятся к римским женщинам как классу в те времена, о которых они пишут. Сильная, чистая женщина раннего периода, должно быть, имела много желающих подражать ее добродетели в самые темные времена империи. Тогда, как и во времена Гракхов, были матери; были жены, такие же благородные, как жена Марка Брута.

ГЛАВА IV

ДЕТИ И ВОСПИТАНИЕ

ССЫЛКИ: Marquardt, 80-134; Voigt, 322 f., 397 f., 455 f.; Göll, "Gallus", II, 65-113; Friedländer, I, 456 f., III, 376 f.; Ramsay, 475 f.; Smith, *lūdus litterārius*; Harper, *education*; Baumeister, 237, 1588 f.; Schreiber, Pl. 79, 82, 89, 90; Lübker, *Erziehung*.

94 Правовой статус. - Положение детей в семье уже объяснялось (§§31, 32). Было показано, что в глазах закона они были немногим лучше, чем движимое имущество главы дома. От него зависело дать им право на жизнь; все, что они зарабатывали, принадлежало ему; они вступали в брак по его приказу и либо оставались под его властью, либо переходили под другую, не менее суровую. Высказывалось также предположение, что обычай (§32) и *пиетет* (§73) делали это условие менее строгим, чем кажется нам.

95 Susceptio. - Власть *pater familiās* проявлялась сразу после рождения ребенка. По неизменному обычаю его клали на землю у его ног. Если он поднимал (*tollere, suscipere*) его на руки, то этим актом признавал его своим (*susceptiō*) и признавал за ним все права и привилегии, которые предполагало членство в римской семье. Если он отказывался это сделать, ребенок становился изгоем, без семьи, без защиты духов умерших (§27), абсолютно бездружным и покинутым. Избавление от ребенка, как правило, не требовало акта прямого убийства, как это было в случае с Ромулом и Ремом и впоследствии было запрещено Ромулом Королем (§32). Ребенка просто "выставляли" (*exrōpere*), то есть забирали раба из дома и оставляли на дороге жить или умереть. Если учесть, какой ничтожный шанс на жизнь имеет новорожденный ребенок при самом нежном уходе, результат такого воздействия не покажется сомнительным.

96 Но шанс на жизнь был, и мать, бессильная вступить за своего младенца, часто посылала с ним какие-нибудь безделушки или пустяковые украшения, которые могли бы послужить для его опознания, если бы он остался жив. Даже если ребенка вовремя находили люди, готовые спасти ему жизнь, его участь могла быть хуже смерти. Рабство было наименьшим из зол, которым он подвергался. Такие подкидыши часто попадали в руки тех, чьим ремеслом было попрошайничество, и кто готовил детей к той же профессии. По крайней мере, во времена Империи они жестоко калечили и уродовали свои жертвы, чтобы быстрее вызвать сострадание у тех, к кому они обращались за милостыней. Подобные вещи до сих пор совершаются в Южной Европе.

97 Dies Lustricus. - Первые восемь дней жизни признанного ребенка назывались *prīmordia* и служили поводом для различных религиозных церемоний. В течение этого времени ребенок назывался *rūpus* (§55), хотя слабым и хилым детям индивидуальное имя могло быть дано вскоре после рождения. На девятый день в случае мальчика, на восьмой - в случае девочки, с должной торжественностью совершалось *praenōmen* (§43). Приносилась жертва и совершался обряд очищения, который дал этому дню название *diēs lūstricus*, хотя его также называли *diēs nōminum* и *nōminālia*. Эти церемонии, по-видимому, были частными, то есть нельзя доказать, что ребенка приводили в храм, как это было у евреев, или заносили его имя в официальный список. В случае с мальчиком занесение имени в список граждан могло произойти во время надевания *тоги вириуса* (§127).

РИСУНОК 17. КРЕПУНДИЯ

98 *Диэс лустрикус* был, однако, временем ликования и поздравлений среди родственников и друзей, которые вместе с домашними рабами дарили ребенку маленькие металлические игрушки или украшения в виде цветов, миниатюрных топоров и мечей, особенно фигурок в форме полумесяца (*lūnulae*) и т. д. Их, называемых в совокупности *крепундиями*, нанизывали друг на друга и носили на шее и на груди (рис. 17). В первую очередь они служили игрушками для развлечения ребенка, отсюда и название "погремушки", от *сгерō*. Кроме того, они служили защитой от колдовства или сглаза (*fascinātiō*), особенно *лунулы* (*lūnulae*). Кроме того, они служили средством идентификации в случае потери или кражи детей, и по этой причине Теренций называет их *monumenta*. Такими были безделушки, которые иногда оставляли у брошенного ребенка (§96), их ценность, конечно, зависела от материала, из которого они были сделаны.

РИСУНОК 18. БУЛА

РИСУНОК 19. ОЖЕРЕЛЬЕ ДЕВОЧКИ

99 Булла. Но большее значение, чем эти, имела *булла aurea*, которую отец вешал на шею ребенка в этот день, если он не делал этого во время *суситио*. Она состояла из двух вогнутых кусочков золота, похожих на корпус часов (рис. 18), скрепленных широкой пружиной из того же металла и содержащих амулет для защиты от *fascinātiō*. Его вешали на шею на цепочке или шнурке и носили на груди. *Булла* пришла из Этрурии,¹ и долгое время золотые буллы разрешалось носить только детям патрициев, а плебеи довольствовались имитацией из кожи, подвешенной на кожаном шнурке. Со временем это различие перестало соблюдаться, как мы видели, как исчезают подобные различия в использовании имен и в брачных церемониях, и ко времени Цицерона *буллу aurea* мог носить ребенок любого свободнорожденного гражданина. Выбор материала зависел скорее от богатства и щедрости отца, чем от его социального положения. Девочка носила свою *буллу* (рис. 19) до дня свадьбы, откладывая ее в сторону вместе с другими детскими вещами, как мы видели (§76); мальчик носил свою до принятия *тоги virilis*, когда она посвящалась домашнему *ларею* и бережно хранилась. Если мальчик становился успешным полководцем и завоевывал желанную честь триумфа, он всегда носил свою *буллу* в триумфальной процессии как защиту от зависти.

¹Влияние Этрурии на Рим угасло раньше, чем влияние Греции (§5), но от Этрурии римляне получили искусство гадания, некоторые формы архитектуры, знаки отличия царской власти, игры в цирке и амфитеатре.

РИСУНОК 20. РЕБЕНОК В ПОДСТИЛКЕ

100 Кормилица - Мать была кормилицей ребенка (§90) не только во времена Республики, но и в Империи, причем римляне прислушивались к учению природы в этом отношении дольше, чем любая другая цивилизованная нация Старого Света. Конечно, тогда, как и сейчас, не всегда было возможно, чтобы мать кормила своих детей, и тогда ее место занимала рабыня (*nūtrīx*), которой, по-видимому, из привязанности дали имя *māter*. В обычном уходе за детьми матери также помогали, но только помогали, рабы. Под присмотром матери рабыни мыли и одевали ребенка, рассказывали ему сказки, пели колыбельные и укачивали на руках или в колыбели. Ни одна из этих детских сказок не дошла до нас, но Квинтилиан говорит, что басни Эзопа были похожи на них. Изображение колыбели см. у Смирны под словами *cūnae* и *cūnābula*; у Рича под *cūnāria* изображена кормилица,

купающая младенца. Место современной детской коляски заняла подстилка (*lectīca*), и до нас дошла терракотовая фигурка (рис. 20), изображающая ребенка, которого несут в такой подстилке двое мужчин.

101 После Пунических войн (§ 5) у зажиточных людей вошло в обычай выбирать в няньки ребенку греческую рабыню, чтобы ребенок мог овладеть греческим языком так же естественно, как своим собственным. В латинской литературе есть множество отрывков, свидетельствующих о привязанности, которую испытывали друг к другу кормилица и ребенок, и эта привязанность сохранялась до зрелых лет и женского возраста. Для молодой жены было обычным делом брать с собой в новый дом в качестве советчика и наперсника кормилицу, которая присматривала за ней в младенчестве. Верность таких рабов также часто вознаграждалась отпущением на волю.

РИСУНОК 21. СОЕДИНЕННАЯ КУКЛА

102 ИГРУШКИ. - Но об игрушках, домашних животных и играх римских детей известно мало, поскольку, как уже говорилось (§93), домашняя жизнь не была излюбленной темой римских писателей, а книг специально для детей тогда не писали. Тем не менее в литературе есть разрозненные упоминания, из которых мы можем кое-что узнать, и еще больше известно из монументальных источников (§10). Эти свидетельства показывают, что игры были многочисленными и очень разнообразными. *Крепундии* уже упоминались (§98), и эти миниатюрные инструменты и орудия, похоже, были очень распространены. Куклы тоже были, и некоторые из них дошли до нас, хотя мы не всегда можем отличить статуэтки от настоящих игрушек. Некоторые из них были сделаны из глины, другие - из воска, нередко были даже куклы с шарнирными руками и ногами (рис. 21). Также были распространены маленькие повозки и тележки (Schreiber, LXXXII, 10), а Гораций говорит о привязывании мышей к

подобным игрушкам . Существует множество изображений и описаний того, как дети крутили вертушки, заставляя их вращаться от ударов хлыста, как в Европе в наши дни. Любимой игрушкой были также обручи, которые приводили в движение палкой и прикрепляли к ним кусочки металла, чтобы предупредить людей о своем приближении. Мальчики тоже ходили на ходулях и играли в мячи (рис. 22), но поскольку мужчины тоже наслаждались этим видом спорта, его можно отложить до тех пор, пока мы не перейдем к теме развлечений (§ 318).

РИС. 22. ДЕТИ ИГРАЮТ В МЯЧ

РИС. 23. МАЛЬЧИК И ГУСЬ

103 Домашние животные и игры. - Домашние животные в те времена были еще более распространены, чем сейчас, и тогда, как и сейчас, собака легко занимала первое место в привязанности детей (Schreiber, LXXXII, 6). Кошка, напротив, была почти не известна до самого позднего периода истории Греции и Рима. Птиц очень часто заводили в качестве домашних животных, и, помимо знакомых нам голубей и голубки, нам рассказывают, что утки, вороны и перепела были любимцами детей. Гуси тоже были, как это ни странно, и статуэтка ребенка, борющегося с гусем размером с него самого, хорошо известна (рис. 23). Обезьяны были известны, но не могли быть распространены. Мыши уже упоминались. Дети играли в самые разные игры, но о природе большинства из них мы можем только догадываться, поскольку официальных описаний у нас почти нет. Существовали игры, соответствующие нашим "чет и нечет", "слепой буфф", "прятки", "валетные камни" (§320) и "пила" (Schreiber, LXXIX и LXXX). Камешки и орехи использовались в играх, похожих на наши шарики, были и настольные игры. К ним можно добавить верховую езду, плавание и борьбу для мальчиков, хотя они воспринимались слишком серьезно, чтобы называться играми, и относились скорее к их подготовке к выполнению обязанностей гражданина.

104 Домашнее обучение. - Обучение детей проводилось лично отцом и матерью. Больше внимания уделялось моральному, чем интеллектуальному развитию: почитание богов, уважение к закону, беспрекословное и мгновенное повиновение авторитетам, правдивость и уверенность в себе были самыми важными уроками, которые должен был усвоить ребенок. Во многом это происходило благодаря постоянному общению детей с родителями, что было характерной чертой домашнего воспитания римлян по сравнению с другими народами того времени. Дети сидели за столом со старшими или помогали подавать еду. До семи лет и мальчикам, и девочкам учителем была мать. От нее они учились правильно говорить на родном языке, а латинские риторы рассказывают, что лучше всего на латыни говорили знатные женщины из великих домов Рима. Мать обучала их чтению и письму, а также простейшим арифметическим действиям, которые могли освоить столь юные дети.

105 Примерно с семи лет мальчик перешел под опеку обычных учителей, но девочка оставалась постоянной спутницей своей матери. Ее обучение было вынужденно прервано, поскольку римлянка так рано стала женой (§67), а за это время нужно было научиться тому, чему не учат книги. От матери она научилась прясть, ткать и шить: даже Август носил одежду, сотканную его женой. От матери она была посвящена во все тайны домашнего хозяйства и подготовлена к тому, чтобы занять место хозяйки собственного дома, стать римской *матроной*, самым достойным положением, на которое могла претендовать женщина в древнем мире (§§90, 91).

106 Мальчик, за исключением школьных часов, в равной степени был спутником своего отца. Если отец был фермером, как все римляне в прежние времена, мальчик помогал в поле, учился пахать, сажать и жать. Если отец был человеком высокого положения и жил в столице, мальчик стоял рядом с ним в его зале, когда он принимал гостей, узнавал их лица, имена и звания и получал практические знания о политике и государственных делах. Если отец был сенатором, мальчик, правда, только в прежние времена, сопровождал его в сенат, чтобы послушать дебаты и выслушать великих ораторов того времени; и сын всегда мог пойти с ним на форум, когда он был адвокатом или участвовал в публичном процессе.

107 Затем, поскольку каждый римлянин воспитывался как солдат, отец обучал сына владению оружием и различным военным упражнениям, а также таким мужественным видам спорта, как верховая езда, плавание, борьба и бокс. В этих упражнениях сила и ловкость

находились в поле зрения, а не грация движений и симметричное развитие формы, на которые так много внимания обращали греки. По большим праздникам, когда открывались шкафы в атриуме и выставлялись восковые бюсты предков, мальчик и девочка из знатной семьи всегда присутствовали и узнавали историю семьи, частью которой они являлись, а вместе с ней и историю Рима.

108 Schools.- Фактическое обучение детей отцом варьировалось в зависимости от его собственного образования и в лучшем случае было подвержено всевозможным перерывам из-за его частных дел или общественных обязанностей. Мы видим, что это неудобство было оценено в очень ранние времена, и что было принято, чтобы *отец семьи*, который случайно имел среди своих рабов одного, способного дать необходимое обучение, передавал ему фактическое обучение детей. Следует помнить, что рабы, захваченные на войне, часто были гораздо лучше образованы, чем их римские хозяева. Однако не во всех семьях найдется грамотный учитель, и для удачливого владельца такого раба было бы вполне естественно принимать в своем доме в определенные часы дня детей своих друзей и соседей, чтобы они обучались вместе с его собственными.

109 За эту привилегию он мог взимать плату в свою пользу, как, по нашим сведениям, делал Катон, или позволял рабу оставлять себе в качестве *pecūlium* (§33) небольшие подарки, которые ему дарили ученики вместо прямой оплаты. Следующим шагом, предпринятым в слишком ранние времена, чтобы точно определить их, было выбрать для школы более удобное место, чем частный дом, - центральное и легкодоступное, и принимать в ученики всех, кто мог заплатить требуемую скромную плату. В эти школы принимали как девочек, так и мальчиков, но по причине, указанной в § 105, у девочек было мало времени для изучения большего, чем могли дать им их матери, а те, кто продолжал обучение, обычно принадлежали к семьям, которые предпочитали обучать своих дочерей в уединении собственного дома и могли себе это позволить. Исключений из этого правила было так мало, что с этого момента мы можем рассматривать только образование мальчиков.

РИСУНОК 24. ВОСКОВЫЕ ТАБЛИЧКИ И СТИЛУС

110 Предметы, изучаемые в начальных школах. - В этих начальных школах преподавались только чтение, письмо и арифметика. В первом случае большое внимание уделялось произношению: звуки были достаточно легкими, но их количество было трудно освоить. Учитель произносил сначала слог за слогом, затем отдельные слова и, наконец, целое предложение, а ученики произносили за ним во весь голос. При обучении письму использовались восковые таблички (рис. 24), как и грифельные доски несколько поколений назад. Учитель сначала обводил *стилусом* буквы, которые служили ему копией, затем направлял руку ученика своей, пока ребенок не научился самостоятельно выводить буквы. Когда ученик приобретал некоторую ловкость, его учили пользоваться тростниковым пером и писать чернилами на папирусе. Для практики использовались листы, на одной стороне которых уже было написано что-то более важное. Если в этих школах вообще использовались какие-либо книги, ученики, должно быть, делали их сами, записывая под диктовку учителя.

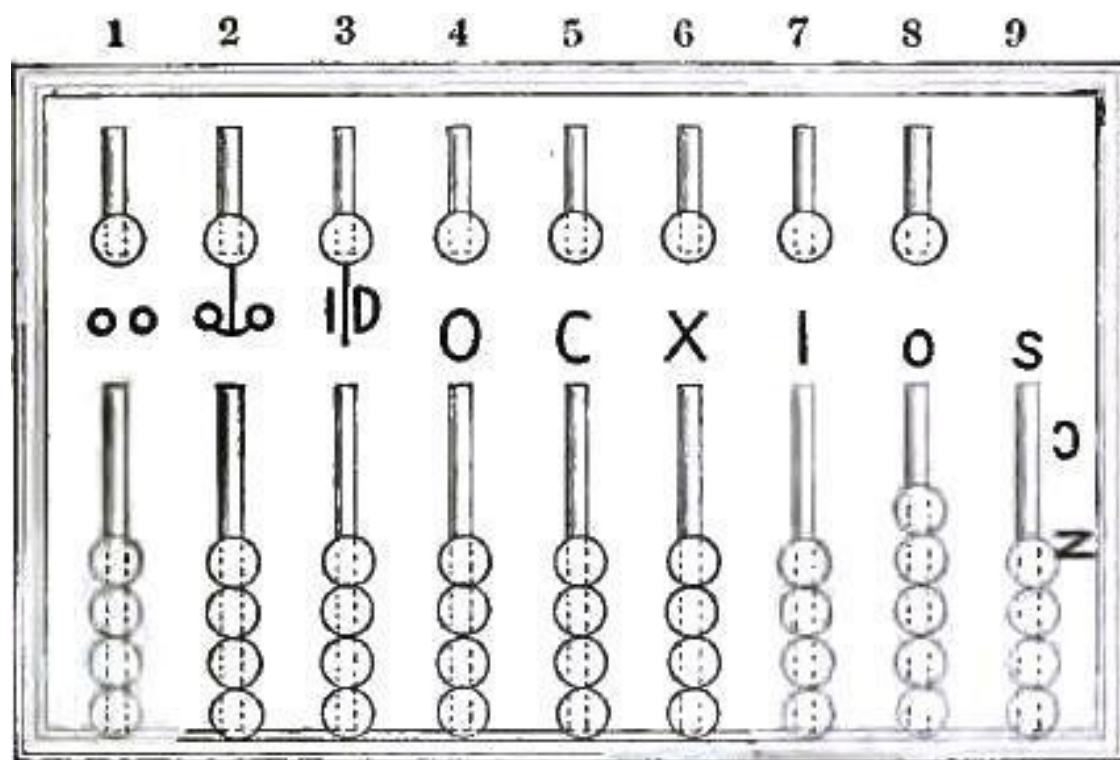

РИСУНОК 25. АБАКУС

111 В арифметике особое внимание уделялось умственному счету, но ученика учили пользоваться пальцами очень сложным способом, который сейчас не до конца понятен, а более трудные суммы получались с помощью счетной доски (*абакус*, рис. 25). Помимо всего этого, внимание уделялось тренировке памяти, и ученика заставляли заучивать наизусть всевозможные мудрые и остроумные изречения и особенно Двенадцать таблиц Закона. Последние стали постоянным предметом изучения в школах, и даже когда язык, на котором они были написаны, вышел из употребления, ученики продолжали их заучивать и декламировать. Цицерон выучил их еще в детстве, но уже при его жизни они были исключены из школьного курса.

112 Грамматические школы. - Среди результатов контактов с другими народами, последовавших за Пуническими войнами (§5), было расширение образования в Риме за пределы этих элементарных и строго утилитарных предметов. Греческий язык стал общепринятым (§101), и греческие идеи образования были в определенной степени переняты. Были созданы школы, в которых центральным предметом было изучение

греческих поэтов, и эти школы мы можем назвать грамматическими, потому что учитель назывался *grammaticus*. Гомер долгое время был универсальным учебником, и ученики не только учили язык, но и получали знания по географии, мифологии, античности, истории и этике, которые подсказывали прочитанные фрагменты текста. Диапазон обучения и его ценность полностью зависели от учителя, как и в наши дни, но в лучшем случае оно было фрагментарным и разрозненным. Не было систематического изучения ни одного из этих предметов, даже истории, несмотря на ее интерес и практическую ценность для такого обширного народа, как римляне.

113 Латинский язык вскоре стал предметом аналогичного изучения, сначала в отдельных школах. Отсутствие латинской поэзии, над которой можно было бы работать, поскольку прозаики еще не стали учебниками, привело к тому, что греческий раб Ливий Андроник (III век до н. э.) перевел "Одиссею" Гомера на латинский язык сатурнианскими стихами. С этого перевода, грубого, как показывают сохранившиеся фрагменты, началось зарождение латинской литературы, и только после того, как эта литература дала таких поэтов, как Теренций, Вергилий и Гораций, грубые сатурналии Ливия Андроника исчезли из школ.

114 В этих грамматических школах, как греческих, так и латинских, большое внимание уделялось элоквиции, что не столь удивительно, если учесть важность ораторского искусства в эпоху Республики. Учитель заставлял учеников произносить за ним сначала слова, затем предложения и, наконец, полные предложения. Элементы риторики преподавались в некоторых из этих школ, но техническое обучение этому предмету не проводилось до создания в гораздо более поздний период специальных школ риторики. В грамматических школах также преподавались музыка и геометрия, и этим завершалось обычное образование мальчика.

115 Школы риторики. - Школы риторики были сформированы по греческому образцу и управлялись греческими преподавателями. Они не являлись частью обычной системы образования, а больше соответствовали нашим колледжам, их посещали лица, вышедшие из возраста отрочества, и, за редким исключением, только высшие классы. В этих школах начинали изучать прозаиков, но главным была практика сочинения. Оно начиналось с самой простой формы - рассказа (*nārrātiō*) - и продолжалось шаг за шагом, пока не достигалась цель - практика публичных выступлений (*dēclāmātiō*). Одной из промежуточных форм была *суасория*, в которой ученики занимали одну из сторон по какому-либо спорному моменту истории и подкрепляли свои взгляды аргументами. Любимым упражнением также было написание речи, которая должна была быть вложена в уста какого-нибудь известного в легендах или истории человека. О том, насколько эффективными они были, можно судить по речам, которые Саллюст, Ливий и Тацит вставляли в свои истории.

116 Путешествия - В случае с людьми из самых знатных и богатых семей или теми, чьи таланты в ранней юности обещали блестящее будущее, обучение в школах обязательно дополнялось периодом путешествий и проживания за границей. Чаще всего посещались Греция, Родос и Малая Азия, независимо от того, интересовали ли юного римлянина сцены великих исторических событий и богатые коллекции произведений литературы и искусства, или он просто наслаждался природным очарованием и светским великолепием роскошных столиц Востока. Для целей серьезного обучения Афины были наиболее привлекательны, и их можно было бы назвать почти университетом Рима, в этом отношении они были похожи на Италию так же, как Германия сейчас похожа на Соединенные Штаты. Однако следует помнить, что римлянин, учившийся в Афинах, был знаком с греческим языком не хуже, чем со своей родной латынью, и по этой причине был гораздо лучше подготовлен к тому, чтобы

извлекать пользу из прослушанных лекций, чем средний американец, который сейчас учится на континенте.

117 Ученичество. - Были определенные вопросы, знание которых было необходимо для успешной общественной жизни, для обучения которым римская система образования ничего не предусматривала. Такими вопросами были юриспруденция, управление и дипломатия, а также война. Поэтому было принято, чтобы молодой гражданин на время прикреплялся к какому-нибудь старшему человеку, выдающемуся в этих областях или в одной из них, чтобы получить возможность наблюдения и практического опыта в выполнении обязанностей, которые рано или поздно лягут на него. Так Цицерон изучал гражданское право у Квинта Муция Скаэволы, самого выдающегося юриста того времени, а в более поздние годы молодой Марк Коэлий Руф, в свою очередь, проходил такое же добровольное ученичество (*tīrōcinium forī*) у Цицерона. Это соглашение было не только очень выгодным для молодых людей, но и считалось очень почетным для тех, у кого они учились.

118 Таким же образом правителям провинций и генералам на местах помогал добровольный штат (*cohors*) молодых людей, которых они приглашали сопровождать их за государственный счет по личным или политическим причинам. Таким образом, эти *тироны* знакомились с практической стороной управления и войны и в то же время были избавлены от многих трудностей и опасностей, которым подвергались те, кому повезло меньше, и кому пришлось подниматься по служебной лестнице. Именно этот состав неопытных молодых людей спрятался в своих палатках или вернулся в Рим, когда Цезарь решил встретиться с Ариовистом в бою, хотя некоторые из них, без сомнения, стали впоследствии доблестными солдатами и мудрыми полководцами.

119 Замечания о школах Рассмотрев возможности образования и воспитания, доступные немногим избранным, мы можем теперь вернуться к начальным и грамматическим школам, чтобы получить представление о реальной школьной жизни обычного римского мальчика. Хотя это не были государственные школы в нашем понимании этого слова, то есть они не поддерживались и не контролировались государством, и их посещение не было обязательным, тем не менее, верно, что элементы образования, по крайней мере, знание трех "Р", были более распространены среди римлян, чем среди любого другого народа древнего мира. Школы носили ярко выраженный демократический характер: они были открыты для всех сословий, плата за обучение была не более чем номинальной, а в вопросах дисциплины и обращения с учениками не делалось различий между детьми из самых скромных и самых знатных семей.

РИСУНОК 26. РИМСКАЯ ШКОЛА

РИСУНОК 27. КАРИКАТУРА НА ШКОЛУ

120 Школа обычно располагалась в *пергуле* - сарае, пристроенном к общественному зданию, с крышей от солнца и дождя, но открытым по бокам и обставленным грубыми скамьями без спинок. Таким образом, дети подвергались всем отвлекающим факторам оживленной городской жизни, а люди, живущие поблизости, в свою очередь, раздражались от шумных чтений (§110) и еще более шумных наказаний. Изображение школьной комнаты со стенной росписи в Геркулануме показано на рис. 26, а древняя карикатура, выполненная, вероятно, школьником, - на рис. 27.

121 Учитель. Учитель первоначально был рабом, возможно, обычно вольноотпущенником. Эта должность не была почетной, хотя это зависело от характера самого учителя, и хотя ученики боялись хозяина, они, похоже, не испытывали к нему особого уважения. Плата за обучение была ничтожной: от трех долларов в год для учителя начальных классов (*litterātor*, *magister litterārum*) до в пять или шесть раз большей суммы для *грамматика* (§112). В дополнение к плате ученики должны были время от времени приносить мастеру небольшие

подарки - обычай, сохранившийся, вероятно, с тех времен, когда эти подарки были его единственной наградой (§109). Плата, однако, варьировалась в зависимости от квалификации мастера, а некоторые мастера, чья репутация была устоявшейся, и чьи школы были "модными", вообще не принимали плату, а оставляли сумму, подлежащую выплате (*honōrarium*), на усмотрение щедрости своих покровителей.

122 Школьные дни и праздники. Школьный день начинался до восхода солнца, как и все работы в Риме из-за жары в середине дня (см. §79). Ученики приносили с собой свечи, при которых занимались до тех пор, пока не становилось светло, и крыша вскоре становилась черной от копоти и дыма. Занятия продолжались до полуденного обеда и сиесты (§302), а после обеда возобновлялись. Мы не знаем точно, существовала ли какая-то фиксированная продолжительность учебного года. Мы знаем, что он регулярно начинался 24 марта и что существовало множество праздников, в частности Сатурналии в декабре и Квинкватрия с 19 по 23 марта. Большие религиозные праздники, особенно те, которые отмечались с играми, естественно, отмечались в школах, и, очевидно, рыночные дни (*nūndinae*) также были праздниками. До недавнего времени считалось, что с последнего июня до первого ноября школы не работают, но это мнение основывалось на неверной интерпретации некоторых отрывков из Горация и Марциала, которые теперь объясняются иначе. Однако несомненно, что дети состоятельных родителей в жаркое время года отсутствовали в Риме, и это, по крайней мере, снизило бы посещаемость некоторых школ, а возможно, и вовсе закрыло бы их.

РИСУНОК 28. PAEDAGOGUS

123 Педагог. Мальчика из хорошей семьи всегда сопровождал надежный раб (*педагог*), который провожал его в школу, оставался с ним во время занятий и провожал домой, когда школа заканчивалась. Если у мальчика были богатые родители, у него мог быть один или несколько рабов (*pedisequi*), которые носили его ранец и планшеты. *Педагог* обычно был пожилым человеком, которого выбирали за его хороший характер, и он должен был оберегать мальчика от всех бед, как моральных, так и физических. Он не был учителем, несмотря на значение английского производного, за исключением того, что после того, как изучение греческого языка стало всеобщим, на эту должность обычно выбирали раба-грека, чтобы мальчик не забыл то, чему его научила няня (§101). О круге его постоянных обязанностей ясно говорят латинские слова, иногда употреблявшиеся вместо *paedagōgus*: *comes, custōs, monitor, rēctor*. Подопечный обращался к нему как *dominus* и, похоже, имел право принуждать к послушанию с помощью мягких наказаний (рис. 28). Его обязанности прекращались, когда мальчик принимал тогу мужественности, но между ними часто сохранялась такая же теплая привязанность, как между женщиной и ее кормилицей (§101).

124 Дисциплина. Дисциплина, похоже, была действительно римской по своей суровости, если судить по картине школы, о которой говорилось выше (§120), и по мрачным упоминаниям о розгах и ферулах у Ювенала и Марциала. Гораций наделил своего учителя Орбилия бессмертной славой, используя прилагательное *plāgōsus*. Из Непоса мы узнаем, что тогда, как и сейчас, учителя могли взывать к естественному подражанию воспитанных мальчиков, и мы знаем, что призы тоже предлагались. Возможно, мы считаем ферулу вполне заслуженной, когда читаем о проделке школьника, увековеченной Персием. Этот отрывок (III, 44 f.) стоит процитировать полностью:

*Saepe oculōs, meminī, tangēbam parvus olīvō,
Grandia sī nōllem moritūrī verba Cātōnis
Discere et īnsānō multum laudanda magistrō!*²

⁽²⁾ "Часто, помню, в детстве я мазал глаза маслом, если не хотел заучивать великую предсмертную речь Катона, которой, конечно, восторженно аплодировал мой непутевый хозяин".

125 Конец детства - Не было специальной церемонии, отмечавшей переход девичества в женственность, но для мальчика достижение совершеннолетия ознаменовывалось отбрасыванием пунцовой *moru praetexta* и надеванием чистой белой *moru virilis*. Не было определенного года, соответствующего у нас двадцать первому, в котором *puer* становился *iuvenis*; что-то зависело от физического и интеллектуального развития самого мальчика, что-то от воли или каприза его *отца семейства*, а еще больше, возможно, от времени, в котором он жил. Однако в целом можно сказать, что *toga virilis* принималась между четырнадцатью и семнадцатью годами, причем более поздний возраст относился к более раннему времени, когда гражданство несло с собой большую ответственность, чем при империи, и требовало большей зрелости.

126 Для классического периода мы можем определить требуемый возраст в шестнадцать лет, и если мы добавим к этому *tīrōcinium* (§117), который следовал за надеванием одежды мужественности, то получим семнадцать лет, по истечении которых гражданин в древности был обязан нести воинскую повинность. День был определен еще менее точно. Мы должны были бы ожидать дня рождения в начале семнадцатого года, но, по-видимому, более обычным, но отнюдь не неизменным, был обычай выбирать для этой церемонии праздник

Либер, который приходился на ближайшее время к семнадцатилетию. Этот праздник отмечался 17 марта и назывался *Либералия*. Нельзя было выбрать более подходящее время, чтобы навести на мысль о более свободной жизни, в которую юноша должен был вступить.

127 Либералии. Празднование великого дня начиналось рано утром, когда мальчик клал перед ларами своего дома *буллу* (§99) и *претекстуальную тогу*, называемые вместе *insignia pueritiae*. Затем приносилась жертва, и *булла* вешалась над очагом, чтобы ее не снимали и не надевали снова, кроме тех случаев, когда человек, носивший ее в детстве, подвергался опасности зависти людей и богов. Затем мальчик облачался в *тунику rēcta* (§76) с одной или двумя пунцовыми полосами, если он был сыном сенатора или рыцаря, а поверх нее тщательно драпировалась *toga virilis*. В противовес более грубой одежде мальчишества она называлась *toga pūra*, а в связи со свободой мужественности - *toga libera*.

128 Затем началось шествие на форум. Отец собирал своих рабов, вольноотпущенников и клиентов, тщательно оповещал родственников и друзей и использовал все свое личное и политическое влияние, чтобы эскорт сына был как можно более многочисленным и внушительным. Если церемония проходила на *Либералии*, то форум непременно заполнялся подобными процессиями ликующих друзей. Здесь звучали официальные поздравления, и имя еще одного гражданина вносилось в официальный список. Затем в храме Либеры на Капитолийском холме было совершено жертвоприношение, и день завершился пиром в отцовском доме.

ГЛАВА V

ЗАВИСИМЫЕ ЛЮДИ: РАБЫ И КЛИЕНТЫ. ОБИТЕЛИ

ССЫЛКИ: Marquardt, 135-212; Göll, II, 114-212; Guhl and Koner, 764-772; Friedländer, I, 404 f.; Ramsay, 124 f.; Pauly-Wissowa, *clientēs*; Smith, *servus*, *libertus*, *cliēns*, *clientēla*, *hospitium*; Harper, *servus*, *libertī*, *clientēs*; Lübker, *servī*, *libertīnus*, *hospitium*, *patrōnus*.

129 Рост рабства. Насколько мы можем судить по истории и легендам, рабство всегда было известно в Риме. Однако в первые дни Республики ферма была единственным местом, где использовались рабы. Тот факт, что большинство римлян были фермерами и что их и их свободных рабочих постоянно вызывали с полей на битвы за свою страну, привел к постепенному увеличению числа рабов, пока их не стало намного больше, чем свободных рабочих, которые работали по найму. Мы не можем сказать, когда обычай нанимать рабов на личную службу и в промышленность стал всеобщим, но это было одним из самых грубых зол,

вызванных внешними завоеваниями Рима. В последний век Республики весь ручной труд, почти все ремесла и некоторые из тех профессий, которые мы сейчас называем профессиями, находились в руках рабов. Свободные работники не только не могли конкурировать с рабами, но каждое занятие, которым занимались рабы, унижалось в глазах свободных людей, пока любой труд не стал считаться бесчестным. Мелкие фермы постепенно поглощались обширными поместьями богачей, крепкая римская старшина исчезла, и ко времени Августа свободные граждане Италии, не являвшиеся солдатами, были либо самими рабовладельцами, либо праздным пролетариатом городов.

130 Как ни губительны были экономические результаты рабства, моральные последствия были не менее разрушительны. Именно рабству в большей степени, чем чему-либо другому, обязаны изменения в характере римлян в первом веке империи. Когда рабы кишели в их домах, служили их роскоши, потворствовали их аппетитам, руководили их развлечениями, управляли их делами и даже воспитывали их детей, неудивительно, что старые римские добродетели - простота, бережливость и воздержанность - упали и погибли. А с уходом римской мужественности в восточную женственность начался уход римского господства над цивилизованным миром.

131 Количество рабов - У нас почти нет свидетельств о количестве рабов в Италии, нет даже соотношения свободного и подневольного населения. Однако у нас есть косвенные свидетельства, достаточные для того, чтобы подтвердить утверждения, приведенные в предыдущих параграфах. О том, что в ранние времена рабов было мало, свидетельствуют их имена (**§58**): если бы хозяин обычно имел более одного раба, таких имен, как *Марципор* и *Клипор*, не хватило бы, чтобы их различать. Представление о быстром увеличении числа рабов после Пунических войн можно получить по количеству пленников, проданных в рабство успешными полководцами. Сципион Эмилиан, как говорят, избавился таким образом от 60 000 карфагенян, Марий - от 140 000 кимвров, Аэмилий Паулюс - от 150 000 греков, Помпей и Цезарь вместе - от более чем миллиона азиатов и галлов.

132 Сами восстания рабов, как всегда безуспешные, также свидетельствуют об их подавляющей численности. Из двух восстаний в Сицилии первое длилось с 134 по 132 год до н. э., а второе - с 102 по 98 год; последнее - несмотря на то, что в конце первого консул Рупилий распял 20 000 человек, которых он взял живыми, в качестве предупреждения остальным молча подчиниться своему рабству. Спартак бросал вызов римским войскам в течение двух лет, а в решающей битве с Крассом (71 год до н. э.) оставил на поле боя 60 000 трупов. В орациях Цицерона против Катилина ясно показано, что именно призыв полчищ рабов заговорщиками вызывал наибольший страх в городе.

133 О количестве рабов в империи мы можем получить некоторое представление из более прямых свидетельств. Гораций говорит нам, что десять рабов - это то небольшое, что мог позволить себе господин даже в умеренных обстоятельствах. У него самого было два в городе и восемь на его маленькой сабинской ферме, а он был бедным человеком, и его отец был рабом. Тацит рассказывает о городском префекте, у которого в поместье было четыреста рабов. Плиний говорит, что некий Кай Цецилий Клавдий Изодор оставил после своей смерти более четырех тысяч рабов. Афиней (170-230 гг. н. э.) дает нам понять, что отдельные люди владели целымидесятью и двадцатью тысячами. Тот факт, что домашние рабы обычно делились на "группы по десять" (*decuriae*), указывает в том же направлении.

134 Источники поставок. - При Республике наибольшее количество рабов, привезенных в Рим и выставленных там на продажу, составляли пленники, захваченные на войне, и представление о величине этого источника поставок уже было дано (**§131**). Пленников

продавали как можно скорее после их захвата, чтобы избавить генерала от необходимости кормить и охранять такое большое количество людей во враждебной стране. Продажу проводил квестор, а покупателями выступали оптовые торговцы рабами, которые всегда следовали за армией вместе с другими торговцами и разносчиками. Копье (*hasta*), которое всегда было знаком продажи, проводимой под государственной властью, устанавливалось на земле, чтобы отметить место, а на головах невольников были гирлянды, как и у жертв, приносимых в жертву. Поэтому выражения *sub hastā* и *sub corōnā vēnīre* имели практически одинаковое значение.

135 Оптовые торговцы (*mangōnēs*) собирали свои покупки на удобных складах, а когда их набиралось достаточное количество, отправляли их в Рим в цепях и под охраной, чтобы продать местным торговцам или частным лицам. Рабы, приобретенные таким образом, обычно были мужчинами и, скорее всего, физически здоровыми и сильными по той простой причине, что они были солдатами. С другой стороны, они могли оказаться несговорчивыми и неуправляемыми, и многие предпочитали даже самоубийство рабству. Иногда, конечно, случалось, что в рабство продавали жителей городов и целых районов без различия возраста и пола.

136 В период империи большое количество рабов прибывало в Рим в качестве предметов обычной торговли, и Рим стал одним из величайших невольничьих рынков мира. Рабов привозили из всех провинций империи: чернокожих из Египта; быстрых бегунов из Нумидии; грамматиков из Александрии; из Кириены тех, кто был лучшим домашним слугой; из Греции красивых юношей и девушек, хорошо обученных писцов, бухгалтеров, amanуантов и даже учителей; из Эпира и Иллирии опытных пастухов; из Каппадокии самых терпеливых и выносливых работников.

137 Некоторые из них были пленниками, захваченными в мелких войнах, которые Рим постоянно вел, защищая свои границы, но их число было незначительным. Другие были рабами в странах, откуда они прибыли, и просто сменили старых хозяев на новых, когда их отправили в Рим. Другие же стали жертвами охотников за рабами, которые две тысячи лет назад охотились на слабые и незащищенные народы так же, как, как говорят, они делают это в Африке в наше время. Римские правители не препятствовали этим охотам на людей, хотя, возможно, и открыто их не поощряли.

138 Менее важным источником поставок был естественный рост численности рабов, когда мужчины и женщины вступали в постоянные связи друг с другом, называемые *contubernia*. Это приобрело общее значение лишь в конце существования империи, поскольку в более ранние времена, особенно в период завоеваний, дешевле было покупать, чем разводить рабов. Однако для отдельного владельца увеличение числа рабов таким образом представляло не меньший интерес, чем увеличение стад и отар. Такие рабы будут более ценными в зрелом возрасте, поскольку они акклиматизированы и менее подвержены болезням, а кроме того, их с детства приучали к выполнению тех самых работ, для которых они предназначались. Кроме того, они больше любили свой дом и семью хозяина, ведь его дети часто были их товарищами по играм. Поэтому вполне естественно, что рабы, рожденные в семье, могли претендовать на доверие и внимание хозяина, которых не хватало другим, и неудивительно, что они были, по пословице, проворными и передовыми. Их называли *vernae* до тех пор, пока они оставались собственностью своего первого хозяина. Происхождение этого слова точно не известно, но вполне вероятно, что оно имеет то же происхождение, что и Веста, и означает что-то вроде "рожденная в доме".

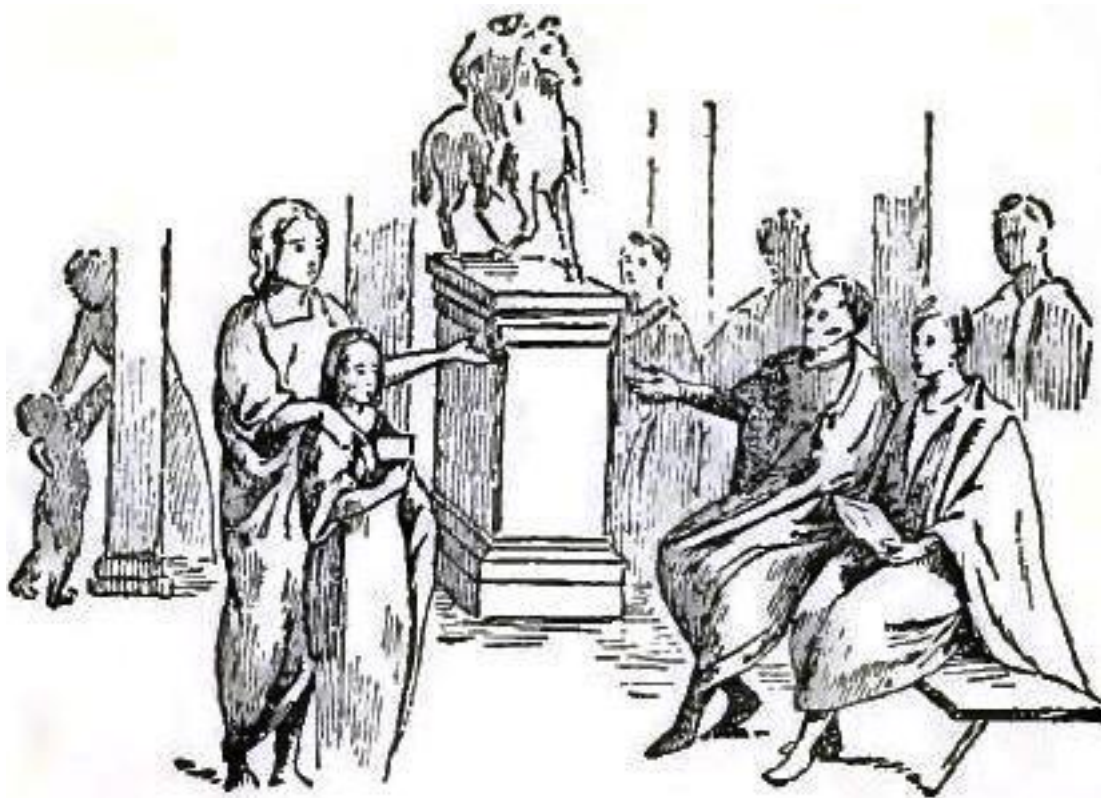

РИСУНОК 29. ПРОДАЖА РАБА

139 Продажа рабов. Работоторговцы обычно предлагали свой товар на публичных аукционах (рис. 29). Они проходили под надзором эдилов, которые назначали места и устанавливали правила и нормы, регулирующие их проведение. Ввозимые рабы облагались налогом, и их выставляли на продажу с отбеленными мелом ногами; у восточных рабов также отбеливали уши - обычный признак рабства у восточных народов. Когда за каждого раба предлагали цену, его заставляли встать на камень или помост, похожий на "блок", знакомый читателям нашей истории. На шее раба висел свиток (*титул*), в котором излагался его характер и который служил гарантом для покупателя. Если у раба были недостатки, не указанные в гарантии, продавец был обязан вернуть его обратно в течение шести месяцев или возместить убытки покупателю. Главными пунктами *титула* были возраст и национальность раба, а также отсутствие у него таких распространенных недостатков, как хроническое нездоровье, особенно эпилепсия, склонность к воровству, побегам и самоубийству. Несмотря на гарантию, покупатель старался как можно тщательнее осмотреть раба. Для этого их обычно раздевали, заставляли двигаться, покупатель свободно обращался с ними и даже осматривал их у врачей. Если торговец не давал гарантий, то во время продажи на голову раба надевали колпак (*pilleus*), и покупатель брал на себя все риски. Торговец также мог выставить раба на частную продажу, и это было правилом в случае всех необычных ценностей и особенно выдающейся личной красоты. Их не выставляли на всеобщее обозрение, а предлагали только тем, кто мог купить. Частные продажи и обмены между гражданами без участия постоянного торговца были таким же обычным явлением, как и продажа другого имущества, и за ними не стояло никакого клейма. Торговля *мангоне*, напротив, считалась совершенно неблагоприятной, но была очень прибыльной, и на ней часто делались большие состояния. Самыми ужасными из всех торговцев были *леноны*, которые держали и продавали рабов только для аморальных целей.

РИСУНОК 30. ГАЛЛ И ЕГО ЖЕНА

140 Цены на рабов. - Цены на рабов варьировались, как и цены на другие товары. Много зависело от времени, спроса и предложения, характеристик и достижений конкретного раба, а также от требований покупателя. Пленники, купленные на поле боя, редко приносили больше номинальной цены, потому что продажа была в какой-то степени вынужденной (§134), и потому что торговец был уверен, что потеряет большую часть своей покупки во время долгого марша домой из-за болезней, усталости и особенно самоубийства. Существует знаменитая статуя, изображающая безнадешного галла, который убивает свою жену, а затем себя (рис. 30). Нам рассказывают, что Лукулл однажды продавал рабов в своем лагере по средней цене восемьдесят центов за штуку. В Риме стоимость рабов-мужчин варьировалась от 100 долларов, которые платили за простых рабочих во времена Горация,

до 28 000 долларов, заплаченных Марком Скауром за искусного грамматика. Красивые мальчики, хорошо обученные и образованные, продавались за 4 000 долларов. Очень высокие цены платили и за красивых и опытных девушек. Девушки-музыканты у Плавта и Теренция стоили своим любовникам от 500 до 700 долларов, а девушки самого низкого класса продавались всего за 25 долларов. Нам кажется странным, что рабов подбирали по размеру и цвету так же тщательно, как сейчас лошадей, и что хорошо подобранная пара мальчиков при продаже вместе приносила гораздо большую сумму, чем при продаже по отдельности.

141 Государственные и частные рабы. Рабы назывались *государственными* и *частными* в зависимости от того, принадлежали они государству или частным лицам. Состояние первых считалось более желательным: их не так часто продавали, они не так тяжело работали и не подвергались прихотям капризного хозяина. Их нанимали для ухода за общественными зданиями и в качестве слуг магистратов и священников. У квесторов и эдилов их было очень много, и они были обучены как пожарные, чтобы служить по ночам под командованием *триумвира Ноктурна*. Другие использовались в качестве ликторов, тюремщиков, палачей и т. д. Число государственных рабов, хотя и значительное само по себе, было незначительным по сравнению с теми, кто находился на частной службе.

142 Частные рабы. Частные рабы либо находились на личной службе у своего хозяина и его семьи, либо содержались в корыстных целях. Первые, известные как *familia urbāna*, будут описаны позже. Вторые могут быть классифицированы в зависимости от того, содержались ли они по найму или использовались в коммерческих предприятиях своего хозяина. Из этих последних наиболее важным, а также самым древним (§129) классом были земледельцы (*familia rŭstica*). Среди остальных, занятых в самых разных отраслях, можно отметить, что для хозяина считалось более почетным нанимать своих рабов на собственные предприятия, чем отдавать их в чужие руки. В то же время рабов всегда можно было нанять для любых целей в Риме или любом другом городе.

143 Промышленный труд. Следует помнить, что в последний век Республики практически не осталось свободных рабочих (§129) и что тогда вручную выполнялось много работы, которую сейчас выполняют машины. На таких работах были заняты армии рабов, пригодных только для неквалифицированного труда: носильщики для перевозки материалов и товаров, стивидоры для погрузки и разгрузки судов, люди, работающие с лопатой, киркой и ломом, люди, обладающие большой физической силой, но мало чем еще, чтобы сделать их достойными своего содержания. Над ними возвышались ремесленники, механики и всевозможные квалифицированные рабочие: кузнецы, плотники, каменщики, матросы и т. д. Купцам и лавочникам требовались помощники, а также мельники и пекари, торговцы шерстью и кожей, содержатели ночлежек и ресторанов - все, кто помогал удовлетворять бесчисленные потребности большого города. Даже профессии, как бы мы их ни называли, в значительной степени находились в руках рабов. Книги размножались рабами. Художники, которые вырезали из дерева и камня, проектировали мебель, выкладывали мозаику, писали картины и украшали стены и потолки общественных и частных зданий, были рабами. Рабами были и музыканты, и акробаты, и актеры, и гладиаторы, веселившие народ на публичных играх. Также, как мы видели (§121), многие учителя в школах и врачи обычно были рабами.

144 И рабы не просто выполняли эти различные функции под руководством своего хозяина или работодателя, к которому он их нанимал на время. Многие из них сами были капитанами производства. Если раб проявлял исполнительность, а также технические знания, хозяин обычно снабжал его капиталом, необходимым для самостоятельного ведения дела или профессии, в которой он разбирался. Таким образом, рабы часто становились

управляющими поместьями, банками, коммерческими предприятиями, хотя это могло вывести их далеко за пределы досягаемости наблюдения хозяина, даже в чужие страны. Иногда от такого раба требовалось ежегодно выплачивать хозяину фиксированную сумму из доходов от бизнеса; иногда ему разрешалось оставлять себе определенную долю прибыли; иногда от него просто требовалось возвращать выданную сумму с процентами с момента ее получения. Однако во всех случаях его трудолюбие и сообразительность стимулировались надеждой получить от этого предприятия достаточно средств, чтобы приобрести свободу и в конечном итоге сделать бизнес своим собственным.

145 "Деревенская семья" - под этим названием скрываются рабы, работавшие в огромных поместьях, которые задолго до конца Республики вытеснили мелкие фермы прежних времен. Само название указывает на эти перемены, поскольку подразумевает, что поместье больше не было единственным домом хозяина. Он стал помещиком, живущим в столице и посещающим свои земли лишь изредка для удовольствия или по делам. Таким образом, поместья можно разделить на два класса: загородные резиденции для удовольствия и фермы или ранчо для получения прибыли. Первые выбирались с особой тщательностью, покупатель учитывал их близость к городу или другим модным курортам, их здоровье и естественную красоту пейзажей. Они содержались в самых экстравагантных масштабах. Здесь были виллы и увеселительные заведения, парки, заповедники, рыбные пруды и искусственные озера - все, что служило роскоши под открытым небом. Для поддержания этих мест в порядке требовалось огромное количество рабов, причем многие из них были рабами самого высокого класса: садовники, специалисты по выращиванию фруктов и цветов, эксперты даже по разведению и содержанию птиц, дичи и рыбы, которых римляне очень любили. В их подчинении находились помощники и разнорабочие, и все они подчинялись управляющему или управителю (*vīlicus*), который был поставлен хозяином во главе поместья.

146 Рабы на фермах. Но название *familia rūstica* более характерно для тружеников на фермах, поскольку рабы, нанятые в сельской местности, находились в более непосредственном подчинении у хозяина, и вряд ли можно сказать, что их держали ради прибыли. Выращивание зерна для рынка уже давно перестало быть прибыльным делом, но на фермах появились различные отрасли промышленности. Вино и масло стали важнейшими продуктами земли, и виноградники и оливковые сады встречались везде, где климат и другие условия были благоприятными. Крупный рогатый скот и свиньи разводились в несметных количествах, причем первые больше использовались для тяговой силы и молочных продуктов, чем для производства говядины. Овец держали ради шерсти, а шерстяную одежду носили и богатые, и бедные. Сыр производился в больших количествах, тем более что сливочное масло было неизвестно. Важной отраслью было разведение пчел, потому что мед служил, насколько это было возможно, тем же целям, для которых в наше время используется сахар. Помимо этих занятий, которые мы даже сейчас привыкли ассоциировать с земледелием, были и другие, которые сегодня рассматриваются как отдельный и самостоятельный бизнес. Самым важным из них, пожалуй, поскольку, несомненно, самым трудоемким, была добыча камня; другим - рубка леса и его обработка в грубые пиломатериалы; и, наконец, заготовка песка для использования строителями. Последнее имело гораздо большее значение относительно того времени, чем сейчас, в связи с широким использованием бетона в Риме.

147 В некоторых из этих работ требовались ум и мастерство, как и в наши дни, но во многих из них самыми необходимыми качествами были сила и выносливость, поскольку рабы занимали место большинства современных машин. Особенно это касалось мужчин, занятых

в каменоломнях, которые, как правило, принадлежали к самому грубому и неуправляемому классу, и днем работали в цепях, а ночью содержались в темницах, как в гораздо более поздние времена содержались и работали осужденные.

148 Виликус. Управление таким поместьем поручалось также *виликусу* (§145), который, по преданию, был суровым хозяином, потому что его надежды на свободу зависели от того, какую прибыль он сможет принести в казну своего господина в конце года. Его задача была не из легких. Помимо планирования и надзора за уже упомянутыми бандами рабов, в его подчинении находилась еще одна, не менее многочисленная, группа рабов, занятая обеспечением потребностей остальных. Все необходимое для хозяйства производилось или изготавливалось на ферме. Выращивалось достаточно зерна для еды, которое перемалывалось на фермерских мельницах и выпекалось в фермерских печах мельниками и пекарями, которые были рабами на ферме. Вращать мельницу обычно поручали лошади или мулу, но в наказание рабов часто заставляли заниматься помолом. Шерсть чесали, пряли и ткали в ткань, а из этой ткани женщины-рабыни делали одежду под присмотром супруги управляющего, *вилики*. Возводились здания, изготавливались и ремонтировались инструменты и орудия, необходимые для работы в хозяйстве. Для этого требовалось множество плотников, кузнецов и каменщиков, хотя они не обязательно были мастерами высшего класса. Хорошему *вилику* было свойственно держать своих людей постоянно занятыми, и следует понимать, что рабы попеременно были пахарями и жнецами, виноградарями и укладчиками винограда, возможно, даже каменоломщиками и дровосеками, в зависимости от времени года и места работы.

149 Городская семья. Количество рабов, которых богатый римлянин держал в своем городском особняке, определялось не его потребностями, а требованиями моды и его средствами. В ранние времена своего рода дворецкий (*ātriēnsis*), или *major domo*, освобождал хозяина от домашних забот, делал покупки, вел счета, следил за порядком в доме и мебелью, а также присматривал за немногочисленными слугами, которые выполняли основную работу. Даже при Республике все это изменилось. Другие рабы, *prōcūrātor* и *dispēnsātor*, освободили *amptuencusa* от закупки товаров и ведения счетов, оставив ему лишь надзор за домом и мебелью. Обязанности подчиненных ему рабов были точно так же распределены между во много раз большим числом. Каждая часть дома имела свой особый штат слуг, часто настолько многочисленный, что его можно было разделить на *декурии* (§133), с отдельным управляющим для каждого подразделения: один для кухни, другой для столовых, третий для спален и т. д.

150 У самой входной двери стоял особый раб (*ōstiārius* или *iānitor*), которого часто приковывали к ней, как сторожевую собаку, чтобы он был буквально на посту. И обязанности нескольких наборов снова делились и подразделялись, каждый раб должен был выполнять какую-то одну и только одну функцию. Имена различных служителей кухни, столовой и спален слишком многочисленны, чтобы их упоминать, но представление о сложности службы можно получить по количеству слуг, помогавших хозяину и хозяйке с туалетом. У первого были свои *ōrnātor*, *tōnsor* и *calceātor* (ухаживающий за ногами), у второй - парикмахеры (*ciniflōnēs* или *cinerārii*) и *ōrnātrix*; кроме них у каждого было еще не менее трех-четырех человек, помогавших принимать ванну. У детей тоже были свои помощники, начиная с *нутрикса* и заканчивая педагогом и педискевитом (§123), если речь шла о мальчике.

РИСУНОК 31. ЛЕКТИКА

151 Когда господин или госпожа покидали дом, считалось необходимым иметь многочисленную свиту. Если они шли пешком, рабы шли впереди, чтобы расчистить дорогу (*anteambulōnēs*), а за ними следовали пажы и лакеи, неся закутки или тент и веер хозяйки и готовые выполнить любую мелкую услугу, которая могла понадобиться. Из дома хозяина всегда сопровождал его *номенклатор*, который подсказывал ему, если он забывал имя того, кто его приветствовал. Если они не ходили пешком, их несли в повозках (*lectīcae*, рис. 31), чем-то похожих на кресла-седла. Носильщики были сильными мужчинами, по преимуществу сирийцами или каппадокийцами (§136), все они были тщательно подобраны по размеру (§140) и одеты в великолепные одежды. Поскольку каждый член семьи имел свою собственную упряжь и носильщиков, этот класс рабов составлял важную статью семейного бюджета. И даже когда они ехали верхом, их сопровождали те же слуги, что и при пеших прогулках.

152 Когда хозяин обедал в доме друга, рабы сопровождали его, по крайней мере, до дверей. Некоторые оставались с ним, чтобы ухаживать за его сандалиями, а другие (*adversitōrēs*) возвращались в назначенный час, чтобы проводить его домой. Поездка за город была более серьезным делом и требовала большей пышности и демонстрации. Помимо лошадей и мулов, которые тянули повозки тех, кто ехал верхом, были конные всадники и тягловые животные, нагруженные багажом и припасами. Многочисленные рабы следовали пешком, а группа гладиаторов нередко выступала в качестве эскорта и телохранителей. Не будет лишним сказать, что в обычный поезд богатого путешественника входили десятки, а может быть, и сотни рабов.

153 К *familia urbāna* следует отнести и тех, кто обеспечивал увеселения и развлечения для хозяина и его гостей, особенно во время и после еды. Это были музыканты и чтецы, а для людей с менее изысканными вкусами - танцоры, шуты, карлики и даже уродцы с неправильной формой тела. В империи для этой же цели держали маленьких детей.

154 Наконец, можно упомянуть рабов высшего класса, конфиденциальных помощников хозяина, амануэнсов, которые писали его письма, секретарей, которые вели его счета, и агентов, через которых он собирал свои доходы, проверял отчеты своих управляющих и менеджеров, делал инвестиции и вел всевозможные деловые операции. Чем больше роскоши и экстравагантности было в доме, тем больше хозяин нуждался в этих обученных и

опытных людях, чтобы избавить его от забот, которые он ненавидел, и своей верностью и мастерством сделать возможным удовлетворение его вкусов и страстей.

155 Такой персонал, как описано выше, принадлежал, конечно, богатому и модному человеку. Люди с более здравым смыслом имели только тех рабов, которых можно было выгодно использовать. Атик, друг Цицерона, человек достаточно богатый и социальный, чтобы не подчиняться требованиям моды, держал у себя в услужении только *vernae* (§138) и так тщательно обучал их, что самые ничтожные из них могли читать и писать за него. С другой стороны, Цицерон не считал хорошим тоном, чтобы раб выполнял более одного вида работы, а Цицерон не должен был считаться богатым человеком.

156 Правовое положение рабов. - Власть господина над рабом, называемая *dominium* (§37), была абсолютной. Он мог поручать ему самые трудоемкие и унижительные работы, наказывать его по своему усмотрению вплоть до смерти, продавать его и убивать (или выставлять на улицу умирать), когда возраст или болезнь делали его неспособным к труду. В глазах закона рабы были просто движимым имуществом, как волы или лошади. Они не могли владеть собственностью, не могли заключать договоры, могли давать показания в суде только на дыбе, не могли вступать в брак. Свободный человек в *potestāte* с юридической точки зрения был немногим лучше (§31), но между сыном, например, и рабом было два важных различия. Сын освобождался *от potestās* после смерти *отца семьи* (§34), но смерть господина не делала раба свободным. Опять же, положение сына улучшалось благодаря *пиетету* (§73) и общественному мнению (§§32, 33), но для раба *пиетета* не существовало, и общественное мнение почти не действовало в его пользу. Оно, правда, позволяло ему хранить свои скудные сбережения (§162) и давало своего рода санкцию на постоянные союзы мужчин и женщин-рабов, называемые *contubernium*, но в других отношениях оно мало что делало для его блага.

157 В период империи были приняты различные законы, которые, казалось, признавали раба человеком, а не вещью: запрещалось продавать его для сражений с дикими зверями в амфитеатре; предусматривалось, что раб не должен быть предан смерти хозяином только потому, что он слишком стар или болен для работы, и что раб, "подвергнутый" (§95), должен стать свободным по закону; наконец, хозяину запрещалось вообще убивать раба без надлежащей правовой процедуры. На самом деле эти законы в целом игнорировались, как и наши законы о предотвращении жестокого обращения с животными, и можно сказать, что только влияние христианства в конце концов изменило положение раба к лучшему.

158 Обращение с рабами. - В суровом и эгоистичном характере римлянина нет ничего такого, что заставило бы нас ожидать от него мягкости или милосердия в обращении с рабами. В то же время он был слишком проницательным и острым во всех деловых вопросах, чтобы забыть о том, что раб - это ценная собственность, и рисковать потерять или повредить эту собственность из-за беспричинной жестокости. Многое, конечно, зависело от характера и нрава отдельного владельца, и Ювенал дает нам понять, что хозяйка, скорее всего, будет более злобной и неразумной, чем хозяин. Но случай Ведия Поллио во времена Августа, который приказал бросить раба живым в пруд на корм рыбам за то, что тот разбил кубок, можно уравновесить случаем Цицерона, чьи письма к своему рабу Тиро свидетельствуют о настоящей привязанности и нежности чувств. В наши дни страстный человек может убить или покалечить собаку или лошадь, хотя они имеют денежную ценность и нуждаются в его услугах, и большинство из нас знает измученных лошадей, которых выставляют на всеобщее обозрение, чтобы они умерли. Но это исключительные случаи, и если мы примем во внимание эпоху, в которой жил римлянин, и на мгновение опустим вопрос о наказаниях, то

можно сказать, что он был скорее безжалостен как хозяин, чем привычно жесток к своим рабам.

159 О повседневной жизни городского раба мы знаем немного, кроме того, что его работа была легкой, и он был предметом зависти труженика на ферме. Об обращении с последними мы кое-что знаем из трудов престарелого Катона, которого можно считать образцом сурового фермера своего времени (234-149 гг. до н. э.). Он считал, что рабы всегда должны быть на работе, за исключением тех часов, которые в лучшем случае отводились им для сна, и старался, чтобы у них было много дел даже в праздничные дни. Он советовал фермерам немедленно продавать издохший тягловый скот, больных овец, сломанные орудия труда, старых и немощных рабов "и другие бесполезные вещи".

160 Еда и одежда - рабов кормили грубой пищей, но когда Катон говорит нам, что в дополнение к месячной норме зерна (около бушеля) они должны были есть только упавшие оливки или, за неимением таковых, немного соленой рыбы и уксуса, мы должны помнить, что это было не хуже и не хуже, чем обычная пища более бедных римлян. Каждый школьник знает, что зерно было единственным рационом выносливых солдат, которые выигрывали для Цезаря сражения. Каждый год рабу выдавали тунику, а раз в два года - плащ и пару деревянных башмаков. Изношенную одежду возвращали *вилику*, чтобы тот сшил из нее лоскутное одеяло. Нам рассказывают, что тот же *виликус* часто обманывал рабов, урезая их содержание в своих интересах, и мы не можем сомневаться, что он, сам будучи рабом, скорее всего, был более жесток и жестокосерден, чем хозяин.

161 Но помимо изнурительного труда, грубости и наглости хозяина и надсмотрщика, само по себе ограничение свободы было достаточной пыткой. Шансов спастись бегством было мало. Греческий раб мог надеяться пересечь границу маленького княжества, в котором он служил, чтобы найти свободу и убежище под защитой соседней державы. Но Италия не была разделена на враждебные общины, и если бы раб чудом достиг Рубикона или моря, ни одно соседнее государство не осмелилось бы защитить его или даже спрятать от римского хозяина. Если он пытался бежать, то должен был вести жизнь преступника: организованные группы охотников за рабами выслеживали его, за его возвращение предлагали награду, а в качестве предупреждения для других его ждали невыразимые пытки. Поэтому неудивительно, что огромное количество рабов искали отдохновения от своих трудов в добровольной смерти (§140). Следует помнить, что многие из них были людьми хорошего происхождения и высокого положения в странах, из которых они прибыли, а некоторые даже воинами, взятыми на поле боя с оружием в руках.

162 Пекулий. - Мы видели, что свободный человек *in potestāte* не мог законно владеть собственностью, что все, что он приобретал, принадлежало только его *отцу семейства* (§31). Мы также видели, что ему разрешалось владеть, управлять и пользоваться имуществом, переданным ему *отцом семейства*, как если бы оно было его собственным (§33). То же самое было справедливо и в отношении раба, и имущество называлось тем же именем (*pecūlium*). Его право на нее не могло быть подтверждено законом, но подтверждалось общественным мнением и нерушимым обычаем. Если хозяин соблюдал их, то трудолюбивый и экономный раб мог наскрести по крупичкам свой собственный фонд, в значительной степени, конечно, зависящий от щедрости хозяина и его собственного положения в семье.

163 Если раб принадлежал к *семейству rūstica*, возможности были не столь велики, но, не жалея себя, он мог сэкономить кое-что из своего месячного рациона (§ 160) и, возможно, немного поработать для себя в часы, отведенные для сна и отдыха, например, обработать

несколько квадратных ярдов сада для собственного блага. Если он был городским рабом, то кроме этих шансов были еще чаевые от друзей и гостей хозяина, а возможно, и взятка за какое-нибудь маленькое ремесло или награда за его успех. Мы уже видели, что раб-учитель получал подарки от своих учеников (§121). Как уже говорилось, нередко проницательный хозяин обучал раба какому-нибудь ремеслу и позволял ему оставлять себе часть увеличенного заработка, который приносили его ловкость и умение. Реже хозяин предоставлял капитал и позволял рабу начать дело, оставляя себе часть прибыли (§144).

164 Для хозяина этот обычай был, несомненно, выгоден в долгосрочной перспективе. Он стимулировал энергию раба и делал его более довольным и веселым. Кроме того, это было средство контроля, более эффективное, чем самые суровые телесные наказания, причем без нанесения телесных повреждений рабу. Честолюбивому рабу *rescūtium* давал хотя бы шанс на свободу, поскольку он надеялся накопить достаточно средств, чтобы со временем выкупить себя у хозяина. Многие, конечно, предпочитали использовать заработанные деньги для приобретения мелких удобств и роскоши, более близких, чем далекая свобода. Некоторые, за которых хозяева назначали высокую цену, использовали свой *rescūtium* для покупки более дешевых рабов, которых они сдавали в наем уже упомянутым нанимателям рабочей силы (§143). Таким образом они надеялись быстрее увеличить свои сбережения. Раб рабовладельца назывался *vicārius* и юридически принадлежал хозяину своего господина, но общественное мнение считало его частью *rescūtium* рабовладельца. Раб имел пожизненную долю только в своих сбережениях, то есть они не переходили к его наследникам после его смерти, так как у раба не могло быть "наследников", и он не мог распоряжаться ими по завещанию. Если он умирал в рабстве, его имущество переходило к его хозяину. Государственным рабам (§141) в качестве одной из их величайших привилегий разрешалось распоряжаться половиной своего имущества по завещанию.

165 В лучшем случае накопление суммы, достаточной (§ 140) для покупки свободы, происходило для раба жалко медленно и мучительно, тем более что чем энергичнее и трудолюбивее он был, тем выше была цена, которую за него назначали. Мы не можем не испытывать глубокого уважения к человеку, который столь дорогой ценой получил свою свободу. Мы также можем посочувствовать беднякам, которым приходилось брать из своих небольших запасов деньги, чтобы сделать членам семей своих хозяев подарки, которые ожидались по таким важным поводам, как свадьба одного из них, наречение ребенка (§98) или день рождения хозяйки (§91).

166 НАКАЗАНИЯ. - Цель следующих разделов не в том, чтобы перечислить чудовищные пытки, которым иногда подвергали рабов их хозяева. Они были не очень распространены по причине, указанной в §158, и были не более характерны для обычного исправления рабов, чем линчевание и избиение белыми ногами характерны для отправления правосудия в Джорджии и Индиане. Однако некоторые виды наказаний так часто упоминаются в латинской литературе, что их описание необходимо для того, чтобы отрывки, в которых они встречаются, были понятны читателю.

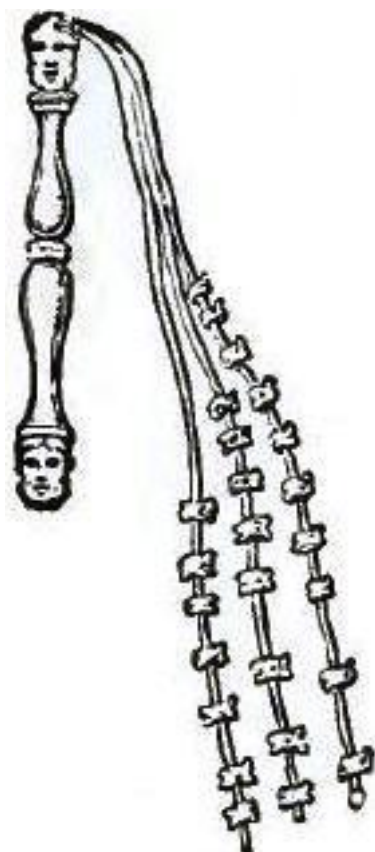

РИСУНОК 32. ФЛАГЕЛЛУМ

167 Самым распространенным наказанием за пренебрежение обязанностями или мелкий проступок было избиение палкой или порка плетью. Если уже упоминавшаяся картина римской школы (§119) дает верное представление о наказаниях, которым подвергался школьник с согласия родителей, то мы должны ожидать, что наказание раба будет настолько суровым, насколько это позволит забота о его последующей пользе. Поэтому мы видим, что вместо одного прута или палки часто заменяли связку прутьев, обычно из вяза (*ulmī*), соответствующего английской березе и американскому гикори. Вместо плети или сыромятной шкуры (*scutica* или *lōrum*) часто использовали что-то вроде кошки-девятихвостки, сделанной из шнуров или кожаных ремешков. Когда проступок был более серьезным, к нему прикрепляли кусочки кости и даже металлические кнопки, чтобы разрывать плоть, а инструмент называли *флагрумом* или *жгутом* (рис. 32). Он не мог быть менее суровым, чем российский тумак, и мы вполне можем поверить, что рабы умирали под его ударами. Чтобы жертва не могла сопротивляться, ее иногда притягивали за руки к балке, а к ногам даже прикрепляли гири, чтобы она не могла даже вздрогнуть под пыткой.

168 В комедиях много упоминаний об этих наказаниях, и рабы мрачно подшучивают над прутьями и бичом, насмехаясь друг над другом, рассказывая о побоях, которые они получили или заслужили. Иногда прутья - это паразиты, которые сбивают человека, к которому прикрепляются; иногда это перья, спина преступника - тетрадь; иногда это катапульты, метаящие дротики и смерть. Иногда жертва - бездонная пропасть прутьев; иногда она впитала в себя столько эссенции вяза, что рискует сама превратиться в дерево; иногда она - наковальня; иногда - твердь, тающая под ударами; иногда - сад, хорошо поливаемый ударами. Иногда для его спины готовят развлечение, а иногда его спина - это красиво вышитый ковер.

169 Другое наказание за проступки того же тривиального характера напоминало колодки времен старой Новой Англии. Преступника выставляли на посмешище своих товарищей с такими скованными конечностями, что он не мог совершать никаких движений, не мог даже смахнуть муху с лица. Разновидности этой формы наказания можно увидеть в *furca* и в "превращении человека в четвероногого". Последнее, должно быть, было чем-то вроде "битья и кляпа", используемого в качестве наказания в ополчении; первое было настолько распространено, что *furcifer* стало простым термином. Виновный нес на плечах деревянное полено в форме буквы V, вытянув перед собой руки, прикрепленные к концам вил. Это полено он должен был носить с собой, чтобы другие члены семьи могли увидеть его и предупредить. Иногда к этому наказанию добавлялось битье плетью, пока он мучительно двигался.

170 Менее болезненным и унижительным на данный момент, но гораздо более страшным для раба было наказание в виде более тяжелого труда, чем тот, который он привык выполнять. Окончательным наказанием за проступок городского раба, которого напрасно портили розгами, было изгнание на ферму, а к этому можно было в один миг добавить одиозную работу на мельнице (§148) или сокрушительный труд в каменоломнях. Последние были наказанием лучшего класса рабов на ферме, в то время как отчаянный и опасный класс рабов, регулярно работавших в каменоломнях, расплачивался за свои проступки бичом, более тяжелыми кандалами днем и меньшим количеством часов отдыха ночью. Их можно сравнить с галерными рабами более поздних времен. Совсем неисправимых могли продать в гладиаторы.

171 За настоящие преступления, а не просто проступки или правонарушения, наказания были гораздо более суровыми. Рабы были так многочисленны (§131), а их различные занятия давали им такой свободный доступ к личности хозяина, что его имущество и сама жизнь всегда находились в их власти. Воистину, справедливым и нежным был тот господин, который иногда не мечтал о том, чтобы раб приставил кинжал к его горлу. Ничто в пределах Италии не вызывало такого страха, как восстание рабов. Именно этот навязчивый страх приводил к нечеловеческим пыткам, которым подвергали раба, виновного в покушении на жизнь хозяина или в уничтожении его имущества. Римляне не усвоили двадцать веков назад, как не усвоили еще и некоторые наши граждане, что преступления не уменьшаются от увеличения страданий преступников.

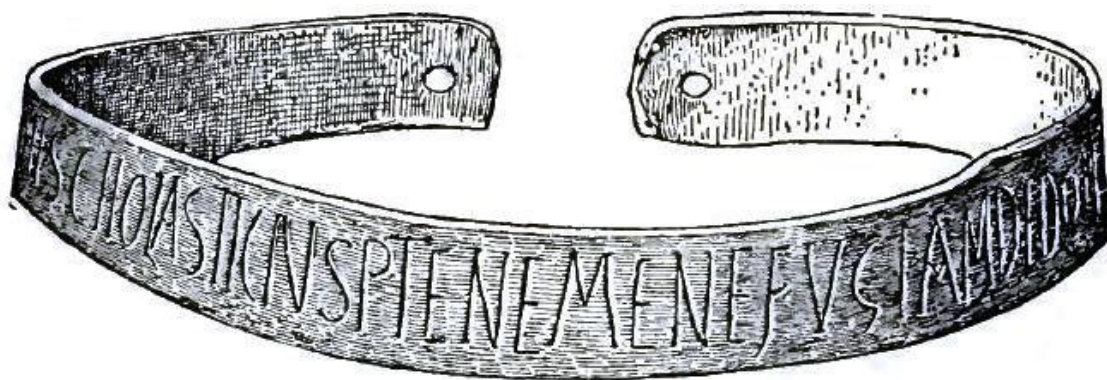

РИСУНОК 33. ОШЕЙНИК РАБА

Servus sum dom(i)ni mei Scholastici v(iri) sp(ectabilis). Tene me ne fugiam de domo Pulverata.

172 Беглый раб был преступником: он сам себя обворовал. Кроме того, он подавал дурной пример своим товарищам; и, что хуже всего, беглые рабы всегда становились бандитами (§161) и могли найти Спартака, который бы их возглавил (§132). Поэтому за поимку *фугитиву* полагалась постоянная награда, и были люди, которые занимались тем, что отслеживали их и возвращали хозяевам. *Фугитиву* приводили в кандалах, его обязательно пороли до

полусмерти и отправляли в каменоломни до конца его жалких дней. Кроме того, ему ставили на лоб клеймо с буквой F, означающей *fugitivus*, а иногда на шею прикрепляли металлический ошейник. Один из таких ошейников, сохранившийся в Риме, показан на рис. 33, а на другом имеется надпись:

FUGI. TENE ME. CUM REVOCaveris ME D. M.
ZONINO, ACCIPIS SOLIDUM.¹

¹Я убежал. Поймите меня. Если ты вернешь меня моему хозяину Зонину, ты будешь вознагражден.

173 За покушение на жизнь хозяина полагалась смерть в самой мучительной форме - через распятие. Это также было наказанием за участие в восстании: двадцать тысяч распятых на Сицилии (§132) и шесть тысяч крестов, воздвигнутых Помпеем по дороге в Рим, на каждом из которых лежало тело одного из выживших в последней битве, в которой пал Спартак. Причем наказанию подвергался не только раб, виновный в гибели своего хозяина, но и семья раба, если у него были жена (§156) и дети. Если виновного не удавалось найти, его наказание завершалось распятием всех рабов убитого. Тацит рассказывает, что в царствование Нерона четыреста рабов были казнены за убийство своего хозяина Педиана Секунда, совершенное одним из них незамеченным.

174 Крест представлялся рабу ужасом из ужасов. Само слово (*crux*) использовалось среди них как проклятие, особенно в форме *ad (malam) crucem*. Различные мелкие наказания по приказу хозяина или его представителя осуществлял какой-нибудь раб, которого на время называли *carnifex* или *lōrārius*, хотя эти слова отнюдь не означают, что он регулярно или даже обычно назначался для выполнения этой неприятной обязанности. Тем не менее, назначение наказания своему товарищу по рабству считалось унижительным, и слово *carnifex* прикреплялось к такому человеку и в конце концов стало постоянным термином для оскорблений и насмешек. Его применяли друг к другу ссорящиеся рабы, очевидно, не понимая его буквального значения, как и многие вульгарные эпитеты в наши дни. Смертный приговор приводился в исполнение одним из *servi pūblici* (§141) в установленном месте казни за пределами городских стен.

РИСУНОК 34. МОНЕТА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПИЛЕУСА

175 Манумиссия. - Раб мог выкупить свободу у своего хозяина за счет своих сбережений, как мы видели (§164), или же он мог быть освобожден в награду за верную службу или особый акт преданности. В любом случае хозяину было достаточно объявить его свободным в присутствии свидетелей, хотя формальный акт освобождения часто происходил перед претором. Новоиспеченный вольноотпущенник с гордостью надевал на голову шапку свободы (*pilleus*), часто встречающуюся на римских монетах (рис. 34). Теперь он назывался

libertus по отношению к своему господину, *libertinus* - по отношению к другим; его господин был уже не *dominus*, а *patrōnus*. Теперь между ними существовали отношения взаимопомощи. Патрон помогал вольноотпущеннику в делах, часто предоставляя средства, с которыми тот должен был начать новую жизнь. Если вольноотпущенник умирал первым, покровитель оплачивал расходы на достойные похороны и хоронил тело рядом с тем местом, где будет покоиться его собственный прах. Он становился опекуном детей вольноотпущенника, а если наследников не оставалось, то сам наследовал имущество. Вольноотпущенник был обязан оказывать своему покровителю почтительность и уважение во всех случаях, посещать его в общественных местах, помогать ему в случае неудачи, словом, находиться с ним в тех же отношениях, в каких клиент находился с покровителем в былые храбрые времена.

176 Клиенты. Слово *cliēns* (от *clueō*; следовательно, "слушатель", "тот, кто повинуется") используется в римской истории для обозначения двух совершенно разных классов иждивенцев, которые разделены значительным промежутком времени и могут быть условно разделены на старых клиентов и новых. Первые играли важную роль при царях, особенно в борьбе между патрициями и плебеями в начале Республики, но практически исчезли ко времени Цицерона. О последних мы впервые слышим после того, как Империя достигла значительных успехов, и они никогда не имели никакого политического значения. Между этими двумя классами нет абсолютно никакой связи, и студент должен быть внимателен, чтобы заметить, что поздний класс не является развитием раннего.

177 Старые клиенты - Клиентела (*clientēla*) восходит к древнейшим социальным институтам итальянских общин, возникшим после основания Рима. Господа, поселившиеся на холмах вдоль Тибра (§22), привели с собой в качестве части своих *familiae* (§21) многочисленных свободных помощников, которые, по-видимому, обрабатывали их земли, ухаживали за их стадами и оказывали им определенные личные услуги в обмен на защиту от похитителей скота, налетчиков и открытых врагов. Эти люди считались низшими членами *геен*, к которым они присоединялись по отдельности, имели долю в приросте отар и стад (§33, *pecūlia*) и получали родовое имя (§47), но они не имели права на брак с лицами высшего сословия и права голоса в управлении. Они были первоначальными *plēbs*, в то время как *gentīlēs* (§22) были *populus* Рима.

178 Политика расширения Рима вскоре привела к появлению в городе третьего элемента, отличного как от *gentīlēs*, так и от *om clientēs*. Завоеванные общины, особенно те, которые находились в опасной близости, были вынуждены разрушать свои крепости (*oppida*) и массово переселяться в город. Тем, кто уже обладал языческой организацией, разрешалось стать частью *populus*, или руководящего органа, и они тоже приводили с собой своих *клиентов*. Те, кто не имел такой организации, либо прикреплялись к *гентам* в качестве клиентов, либо, предпочитая личную независимость, селились то тут, то там в городе и зарабатывали на жизнь, как могли. Некоторые из них обладали средствами, возможно, не меньшими, чем у патрициев; другие были ремесленниками и рабочими, тесали дрова и черпали воду; но все они были лишены политических прав и занимали самое низкое положение в новом государстве. Их число быстро росло по мере расширения римской территории, и вскоре они превзошли патрициев с их прислужниками, с которыми, разумеется, как с покоренным народом, у них не могло быть никаких симпатий и социальных связей. Им также было дано название *плебеев*, а старые *плебеи*, *клиентелы*, стали занимать промежуточное положение в государстве, хотя политически были включены в плебеев. Многие из них, возможно, в связи с вымиранием древних патрицианских родов, постепенно утратили зависимое положение и стали отождествляться по интересам с новым элементом.

179 Взаимные обязательства. - Отношения между патрицианскими покровителями и плебейскими клиентами сейчас не до конца понятны; связанные с ними проблемы кажутся неразрешимыми. Мы знаем, что они были наследственными, что великие дома хвастались количеством своих клиентов и стремились увеличить их число из поколения в поколение. Мы знаем, что это считалось чем-то особенно священным, что клиент был для покровителя чуть ли не меньшим, чем сын. Вергилий рассказывает, что покровителя, обманувшего клиента, ждало особое наказание в подземном мире. Мы также читаем о случаях великолепной преданности клиентов своим покровителям, с которой в наше время можно сравнить разве что преданность горцев вождю своего клана. Но когда мы пытаемся составить представление о взаимных обязанностях и обязательствах, мы не находим в наших авторитетах ничего определенного (§12, [конец](#)). Покровитель предоставлял средства для содержания клиента и его семьи (§ 177), давал ему советы и консультации, помогал ему в сделках с третьими лицами, представляя его в случае необходимости в судах. С другой стороны, клиент был обязан всячески способствовать интересам своего покровителя. Он обрабатывал его поля, пас его стада, участвовал в войне и помогал ему деньгами в чрезвычайных ситуациях.

180 Очевидно, что взаимность этих отношений зависела исключительно от главенствующего положения патрона в государстве. Пока патриции были единственными полноправными гражданами, пока плебеи не имели гражданских прав, клиент вполне мог позволить себе пожертвовать личной независимостью ради благосклонности и защиты одного из сильных мира сего. Например, в случае имущественных споров поддержка покровителя обеспечит ему справедливость даже в отношении патриция, а если его противник - плебей, не имеющий другого такого защитника, то и больше, чем справедливость. Очевидно также, что эти отношения не могли долго сохраняться после уравнивания орденов. В течение поколения или двух покровитель и клиент могли бы вместе противостоять своим старым противникам, но рано или поздно клиент увидел бы, что не получает эквивалента за оказанную услугу, и его дети или дети его детей сбросили бы иго. Введение рабства, с другой стороны, помогло сделать патрона независимым от клиента, и хотя мы вряд ли можем сказать, был ли его быстрый рост (§129) причиной или следствием уменьшения клиентуры, тем не менее знаменательно, что новые отношения *patrōnus* и *libertus* (§175) знаменуют собой исчезновение *отношений patrōnus* и *cliēns* в старом и лучшем смысле этих слов.

181 Новые клиенты. - Новые клиенты не должны нас долго задерживать. Они появились вместе с начинающими богачами, которые считали длинную вереницу иждивенцев столь же необходимой для своего состояния, как череда громких имен (§50) или особняк, переполненный бесполезными рабами (§155). Эти иждивенцы были просто неизвестными и нуждающимися людьми, которые жабилась к богатым и великим ради крошек, падавших с их столов. Среди них могли быть люди с извращенными талантами, философы или поэты, такие как Марциал и Стаций, но все они были в лучшем случае роем подхалимов, льстецов и паразитов. Важно понимать, что между новым покровителем и новым клиентом не было никаких личных уз, никаких наследственных связей. Ни одна из сторон не приносила себя в жертву. Клиент не привязывался на всю жизнь к одному покровителю - ни к лучшему, ни к худшему; он часто оказывал знаки внимания сразу нескольким и менял своих хозяев так часто, как только мог надеяться на лучшее. Покровитель таким же образом увольнял клиента, когда тот ему надоедал.

182 Обязанности и вознаграждения... Служба, как бы она ни была подла и унижительна, была достаточно легкой. Главной обязанностью было *салютатио*: клиенты, одетые в тогу, формальную одежду для всех общественных мероприятий, собирались рано утром в зале

великого человека, чтобы поприветствовать его при первом появлении. Это могло быть все, что требовалось от них на день, и оставалось время, чтобы поспешить по улицам к другому дому, чтобы выразить аналогичное почтение другому покровителю, а возможно, и другим, ведь богатые спали допоздна. С другой стороны, покровитель мог приказывать им присутствовать в доме или в своей упряжке (§151), если он выходил из дома, и держать их при себе весь день. Тогда у второго покровителя не было возможности ждать, но были все шансы быть забытым им. И вознаграждение было не больше, чем услуги. Несколько монет за остроумное замечание или лестный комплимент; иногда списанная тога, поскольку поношенное платье позорило пиршество; или приглашение к обеденному столу, если покровитель был особенно любезен. Один обед в день всегда был ожидаем и считался должным для клиента. Но иногда покровителя не принимали, и клиенты уходили пустыми. Иногда после целого дня посещения голодный и усталый поезд покидали, получив в подарок холодную еду в маленьких корзинках (*sportulae*) - бедную и жалкую замену хорошего настроения, на которое они надеялись. Из этих корзинок "подаяние", как мы должны называть его сейчас, стало называться *sportula*, а со временем его заменил денежный эквивалент, который в итоге составил около тридцати центов. Но это было нечто - быть допущенным к знакомому присутствию богатых и модных людей, всегда была надежда на небольшое наследство, если лесть была искусной, и даже подаяние позволяло жить легче, чем работа, особенно если можно было хорошо относиться к нескольким покровителям и получать подаяние от каждого из них.

183 Хоспиты Наконец, мы подошли к *хоспитам*, хотя их, строго говоря, не следует причислять к иждивенцам. Верно, что они часто зависели от других в плане защиты и помощи, но также верно и то, что они были готовы и способны оказать такую же помощь и защиту другим, кто имел право требовать от них помощи. Важно отметить, что в этом отношении *хоспис* отличался от клиентелизма тем, что его участники фактически находились в состоянии абсолютного равенства. Хотя в определенное время один из них мог зависеть от другого в плане пищи или крова, в другое время отношения могли измениться на противоположные, и защитник и защищаемый менялись местами.

184 Hospitium в своем техническом смысле восходит к тому времени, когда не существовало международных отношений, когда чужак и враг были не просто синонимами, а абсолютно одним и тем же словом. На ранней стадии развития общества, когда отдельные общины были многочисленны, на каждого чужака смотрели с подозрением, и путешественнику, попавшему в чужое государство, было трудно удовлетворить свои потребности, даже если его жизни не угрожала реальная опасность. Поэтому возник обычай, согласно которому человек, занимающийся торговлей или любым другим занятием, которое могло заставить его посетить чужую страну, должен был предварительно установить связь с гражданином этой страны, который был бы готов принять его как друга, обеспечить его потребности, поручиться за его добрые намерения и в случае необходимости выступить в качестве его защитника. Такие отношения, называемые *hospitium*, всегда были строго взаимными: если А соглашался развлекать и защищать Б, когда Б посещал страну А, то Б был обязан развлекать и защищать А, если А посещал страну Б. Стороны такого соглашения назывались *гостеприимцами*, и поэтому слово *hospes* имеет двойное значение: в одно время оно обозначает развлекателя, в другое - гостя.

185 Обязательства Госпиталей. Обязательства, налагаемые этим договором, носили самый священный характер, и любое несоблюдение его положений было святотатством, навлекавшим на нарушителя гнев *Юпитера Госпиталей*. Любая из сторон могла расторгнуть узы, но только после официального и публичного уведомления о своих намерениях. С другой

стороны, узы были наследственными, передававшимися от отца к сыну, так что *госпитальерами* могли стать люди, которые никогда не видели друг друга, а их ближайшие предки даже не имели личных контактов. В качестве средства идентификации первоначальные стороны обменивались жетонами *tesserae hospitālēs* (см. Rich and Harper, s. v.), по которым они или их потомки могли узнавать друг друга. Эти жетоны тщательно хранились, и когда незнакомец претендовал на *гостеприимство*, его *тессера* должна была быть предъявлена и передана на экспертизу. Если она оказывалась подлинной, он получал все привилегии, на которые мог рассчитывать самый известный друг-гость. По-видимому, это были развлечения, пока он оставался в городе хозяина, защита, включающая юридическую помощь в случае необходимости, уход и медицинское обслуживание в случае болезни, средства, необходимые для продолжения путешествия, и почетное погребение, если он умирал среди чужих людей. Заметим, что это почти в точности те обязанности, которые возлагаются на членов наших великих благотворительных обществ в настоящее время, когда к ним обращается брат, попавший в беду.

ГЛАВА VI

ДОМ И ЕГО МЕБЕЛЬ

ССЫЛКИ: Marquardt, 213-250, 607-645; Göll, II, 213-417; Guhl and Koner, 556-580, 676-688, 705-725; Ramsay, 516-521; Pauly-Wissowa, *ātrium*, *compluvium*; Smith, Harper, Rich, под *domus*, *mūrus*, *tegula*, и другие латинские слова, используемые в тексте; Lübker, 507-509; Baumeister, 1365 f., 631, 927 f., 1373 f.; Mau-Kelsey, 239-348, 361-373, 446-474; Overbeck, 244-376, 520-537; Gusman, 253-316.

186 Domus. - Дом, о котором идет речь, - это жилище (*domus*) отдельной семьи, в отличие от ночлежных домов или многоквартирных домов (*insulae*), предназначенных для проживания нескольких семей, и, кроме того, жилище зажиточного гражданина, в отличие, с одной стороны, от особняка миллионера и, с другой стороны, от лачуг очень бедных людей. В то же время необходимо понимать, что римский дом не имел такого количества ярко выраженных типов, как американский дом современности. Римлянин по природе своей был консервативен, он особенно неохотно внедрял чуждые идеи, и его дом во все времена и для всех классов сохранял некоторые основные черты, по сути, неизменными. Их соотношение может меняться в зависимости от размера и формы участка, находящегося в распоряжении строителя, количество добавленных квартир зависит от средств и вкусов владельца, но ядро, так сказать, всегда одно и то же, и это делает общий план гораздо менее сложным, а описание гораздо менее запутанным.

187 Наши источники информации необычайно обильны. Витрувий, архитектор и инженер времен Цезаря и Августа, оставил труд о строительстве, в котором подробно изложил свои собственные принципы строительства; работы многих римских писателей содержат либо подробные описания частей домов, либо, по крайней мере, многочисленные намеки и аллюзии, которые в совокупности очень полезны; наконец, в Риме и других местах были обнаружены планы многих домов, а в Помпеях сохранились даже стены некоторых домов. Однако, несмотря на полноту и авторитетность наших источников, многое в отношении устройства и строительства дома остается неопределенным и спорным (§12, [конец](#)).

188 Развитие дома. - Прimitивный римский дом пришел от этрусков. Он восходит к простой фермерской жизни ранних времен, когда все члены семьи, отец, мать, дети и иждивенцы, жили в одной большой комнате. В этой комнате готовили еду, накрывали на стол, выполняли все работы по дому, приносили жертвы Ларесу (§27), а ночью расчищали место, чтобы расстелить жесткие постели или поддоны. В примитивном доме не было дымохода, дым выходил через отверстие в середине крыши. Дождь мог попадать туда, где выходил дым, и поэтому отверстие называлось *имплювиум*; прямо под ним в более поздние времена в полу вырезали бассейн (*compluvium*), чтобы собирать воду для хозяйственных нужд. В доме не было окон, весь естественный свет поступал через *имплювий* или, в хорошую погоду, через открытую дверь. Дверь была только одна, и пространство напротив нее, по-видимому, было отведено, насколько это возможно, для отца и матери. Здесь находился очаг, где мать готовила еду, а рядом с ним стояли орудия труда, которыми она пользовалась при прядении и ткачестве; здесь находился крепкий ящик (*арса*), в котором хозяин хранил свои ценности, и здесь же была расстелена их кушетка.

РИСУНОК 35. КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ УРНА

РИСУНОК 36. ПЛАН ДОМА

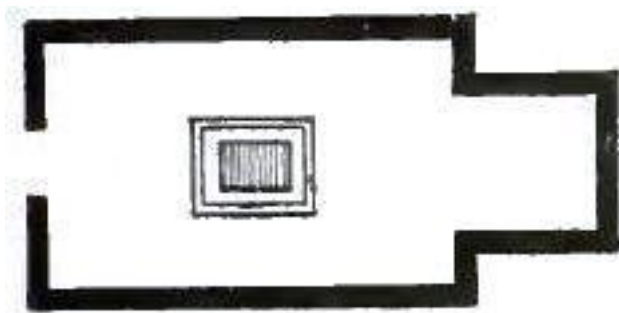

РИСУНОК 37. ПЛАН ДОМА

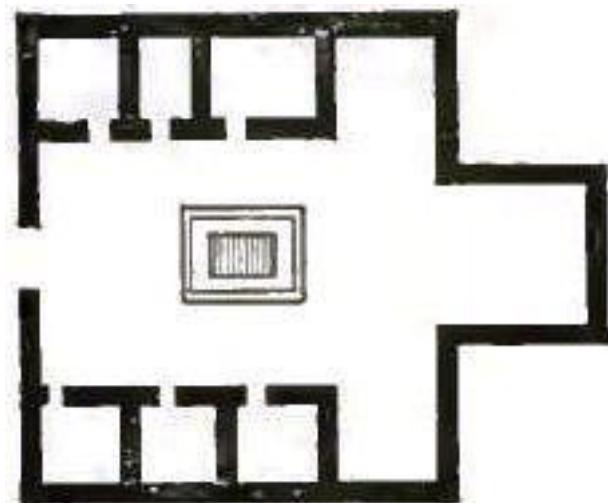

РИСУНОК 38. ПЛАН ДОМА

189 Внешний вид такого дома показан на этруских урнах (рис. 35; см. также Smith, I, 668; Schreiber, LIII, 5; Baumeister, рис. 146), найденных в различных местах Италии. План площадки представляет собой простой прямоугольник, как показано на рис. 36, без перегородок. С исторической и архитектурной точки зрения его можно считать ядром римского дома; он встречается во всех известных нам домах. Само его название (*ātrium*), обозначавшее первоначально весь дом, также сохранилось, как видно из названий некоторых очень древних зданий в Риме, использовавшихся для религиозных целей, *ātrium Vestae*, *ātrium Libertātis* и т. д., но впоследствии применялось к характерной отдельной комнате. Предполагалось, что это название означает "черная (*āter*) комната", но многие ученые признают в нем первоначальное этруское слово, обозначающее дом.

190 Первое изменение в первобытном доме появилось в виде навеса или "пристройки" на стороне *атрия*, противоположной двери. Вероятно, сначала он предназначался для временных целей, был построен из деревянных досок (*tabulae*), имел наружную дверь и не был связан с *атрием*. Однако прошло не так много времени, прежде чем стена между ними была пробита, а когда это было сделано и продемонстрировано удобство, перегородка была полностью удалена, и получилась вторая форма римского дома (рис. 37). Это усовершенствование также сохранилось, и *tablinum* встречается во всех домах, от самых скромных до самых дорогих, о которых нам известно.

191 Следующее изменение было сделано путем расширения *атрия*, но для того, чтобы крышу было легче поддерживать, были возведены стены по линии старого *атрия* на две трети его глубины. Возможно, первоначально это были просто столбы, как сейчас в наших подвалах, а не сплошные стены. Во всяком случае, в конце следующего за *tablinum* *атрия* была сделана полная ширина между внешними стенами, а дополнительные пространства,

по одному с каждой стороны, назывались *ālae*. Внешний вид такого дома со стороны входной двери должен был напоминать англиканскую или римско-католическую церковь. Открытое пространство между несущими стенами соответствовало нефу, два *ālae* - трансептам, а похожий на залив *tablinum* напоминал алтарь. Пространство между внешними стенами и стенами, поддерживающими крышу, было разделено на помещения различных размеров, которые использовались для различных целей (рис. 38). Насколько нам известно, они получали свет только из *атрия*, поскольку римские писатели не указывают в них окон, и в руинах их не обнаружено, но вряд ли в деревне не делали отверстий для света и воздуха, как бы ни влияли на строителей в городах соображения уединения и безопасности. От этого древнего дома в его преемниках сохранилось все, что находится напротив входной двери: *атрий* с его *ālae* и *tablinum*, *impluvium* и *compluvium*. Это характерные черты римского дома, и именно их следует рассматривать при описании последующих изменений под иностранным влиянием.

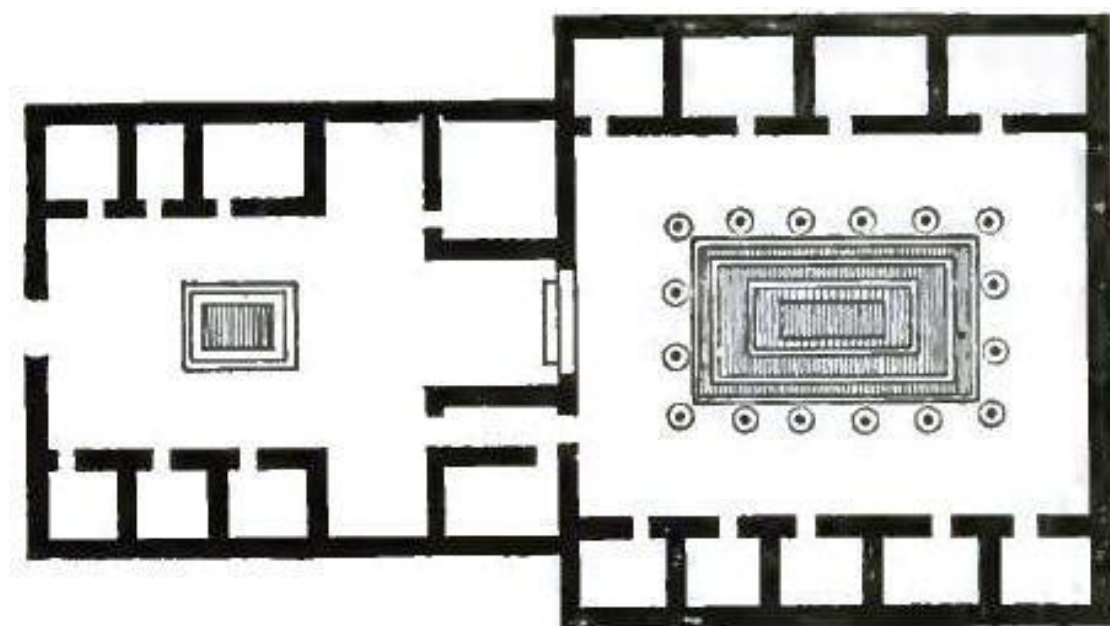

РИСУНОК 39. ПЛАН ДОМА

192 Греки, по-видимому, предложили идею, которую впоследствии переняли римляне: открытая к небу площадка в задней части *атрия*, окруженная комнатами, усаженная цветами, деревьями и кустарниками. Открытое пространство окружали колонны, а в центре часто находился фонтан (рис. 39). Этот двор назывался *перистилум* или *перистилюм*. Согласно Витрувию, его ширина должна была превышать глубину на одну треть, но в известных нам домах эти или какие-либо другие пропорции строго не соблюдались. Попасть в *перистиллий* из *атрия* можно было через *tablinum*, хотя он мог быть отгорожен от него складными дверями и узким проходом¹ сбоку. Последний, естественно, использовался слугами и другими людьми, которые не хотели проходить через комнату хозяина. И проход, и *табльдот* могли быть закрыты со стороны *атрия* портиками. Расположение различных помещений вокруг двора, по-видимому, менялось в зависимости от представлений строителя, и единого плана для них не существует. В соответствии со средствами владельца здесь были спальни, столовые, библиотеки, гостиные, кухни, буфеты, чуланы, личные ванны, а также скудные помещения, необходимые даже для большого количества рабов. Но независимо от того, было ли этих комнат много или мало, все они выходили во двор, получая оттуда свет и воздух, как и комнаты по бокам *атрия*. Часто за двором располагался сад.

¹В старых книгах этот проход называется *faucēs*. Мау показал, что *faucēs* находился со стороны входа в *атрий*. Он называет проход у *таблина* *андроном*.

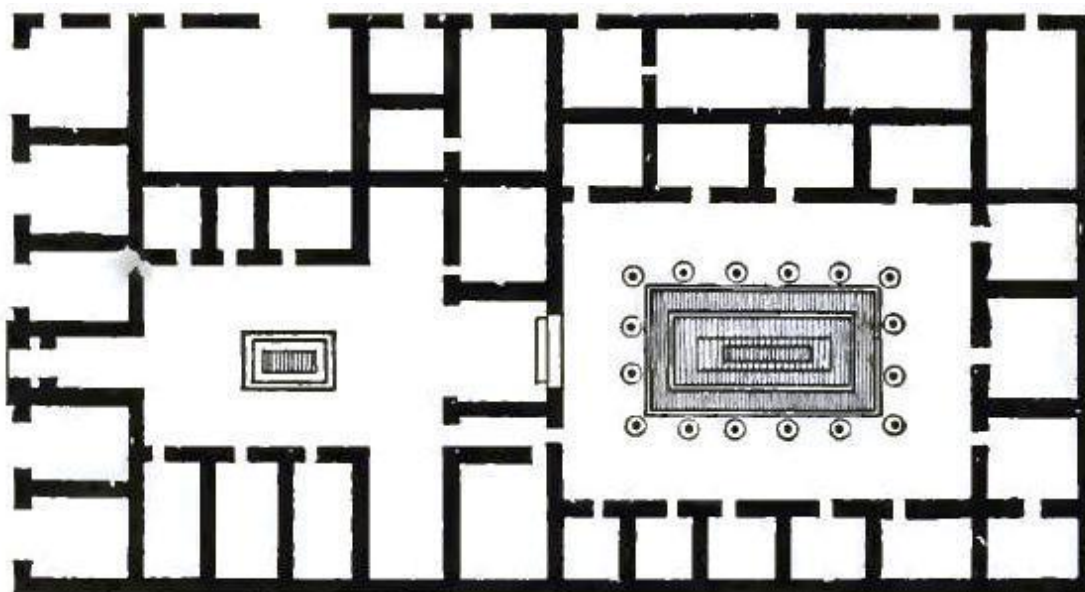

РИСУНОК 40. ПЛАН ДОМА

193 Следующее изменение произошло только в городском и поселковом доме, потому что оно было связано с условиями городской жизни, которых не было в деревне. Как в древние, так и в современные времена бизнес распространялся из центра города в жилые районы, и владельцу жилого дома часто хотелось приспособить его к новым условиям. В случае с римским домом это было легко сделать благодаря расположению комнат. Уже обращалось внимание на то, что все комнаты выходили во внутреннюю часть дома, что в наружных стенах не было окон, а единственная дверь находилась спереди. Если дом выходил на торговую улицу, то очевидно, что владелец мог, не нарушая приватности своего дома и не уменьшая его освещенности, построить перед *аттриумом* комнаты для коммерческих целей. Разумеется, он оставлял за собой проход к собственной двери, более узкий или более широкий в зависимости от обстоятельств. Если дом занимал угол, такие комнаты могли быть пристроены как сбоку, так и спереди (рис. 40), а поскольку они не имели необходимой связи с интерьером, их можно было сдавать в аренду под гостиницы, как это часто делается в наших городах. Вероятно, сначала комнаты были пристроены таким образом для коммерческих целей владельцем, который рассчитывал заниматься в них каким-то своим делом, но даже люди с хорошим положением и значительными средствами не стеснялись пополнять свои доходы, сдавая в аренду другим эти отделенные части своих домов. Все большие дома, обнаруженные в Помпеях, устроены подобным образом. Один из них, занимающий целую площадь и имеющий арендованные комнаты с трех сторон, описан в §208. Такой отдельно стоящий дом назывался *insula*.

194 Вестибюль Проследив развитие дома в целом и кратко описав его постоянные и характерные части, мы можем теперь рассмотреть их более подробно и в то же время обратить внимание на другие части, представленные позднее. Удобно будет начать с фасада дома. Городской дом строился в большей степени, чем сейчас, по линии улицы. В бедных домах дверь, открывающаяся в *атрий*, находилась в передней стене и была отделена от улицы только шириной порога. В домах получше, описанных в предыдущем разделе, отделение *атриума* от улицы рядом магазинов давало возможность организовать более внушительный вход. Часть этого пространства, по крайней мере, оставалась открытым двором, с дорогим тротуаром, идущим от улицы к двери, украшенным кустарниками и

цветами, статуями и военными трофеями, если владелец был богат и успешным полководцем. Этот двор назывался *вестибюлем*. Происхождение этого слова спорно, но, вероятно, оно происходит от *ve-*, "отдельно", "обособленно", и *stāre* (ср. *prōstibulum* от *prōstāre*), и означает "уединенное место"; в словарях предлагаются и другие объяснения. Важно отметить, что он совершенно не соответствует той части современного дома, которая называется по его имени вестибюлем. В этом *вестибюле* собирались клиенты, возможно, еще до рассвета (§182), чтобы дождаться входа в *атрий*, и здесь же им раздавали *спортулу*. Здесь же устраивалась свадебная процессия (§86), здесь же собирался поезд, провожавший мальчика на форум в тот день, когда он откладывал детские вещи (§128). Даже в самых бедных домах так называли небольшое пространство между дверью и краем тротуара.

РИСУНОК 41. МОЗАИЧНАЯ СОБАКА

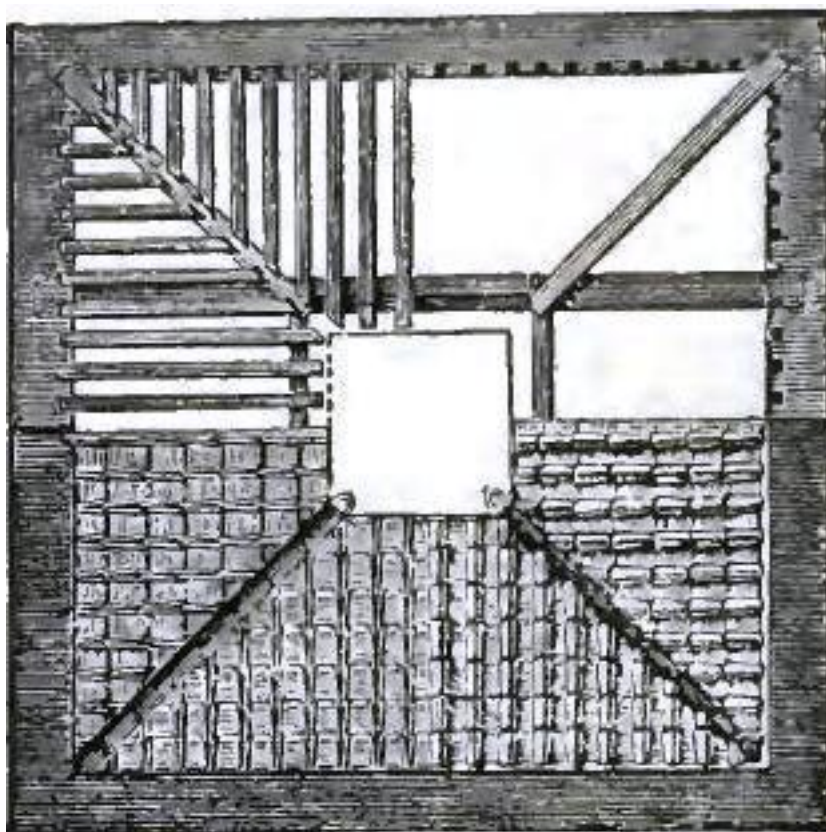

РИСУНОК 42. ИМПЛЮВИЙ В ТОСКАНСКОМ АТРИУМЕ

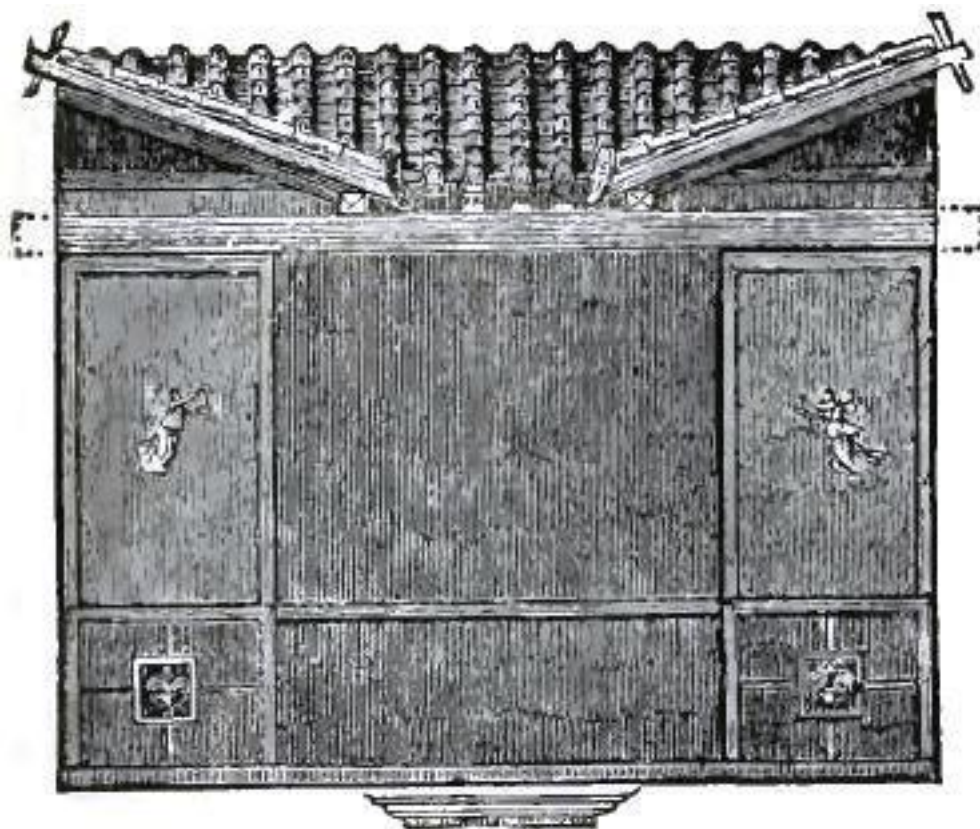

РИСУНОК 43. РАЗРЕЗ ТОСКАНСКОГО АТРИУМА

195 Остиум. - Вход в дом назывался *остиум*. Это включает в себя дверной проем и саму дверь, и это слово применяется к любому из них, хотя *forēs* и *iānuā* - более точные слова для двери. В бедных домах (§194) *остиум* выходил прямо на улицу, и нет сомнений, что

первоначально он открывался прямо в атрий; другими словами, древний *атрий* был отделен от улицы только собственной стеной. Изысканность более поздних времен привела к появлению зала или прохода между *вестибюлем* и *атрием*, и *ōstium* открывался в этот зал и постепенно дал ему свое название. Порог (*līmen*) был широким, дверь располагалась далеко сзади, и часто на нем мозаикой было выложено слово *salvē*. Над дверью писали добрые приметы, например, *Nihil intret malī*, или заклинание против огня. В больших домах, где дежурил *остуарий* или *янутор* (§150), его место было за дверью, а иногда он имел здесь небольшую комнату. В *ōstium* часто держали собаку на цепи, а при отсутствии таковой на стене рисовали картину или выкладывали пол мозаикой (рис. 41) с предупреждением под ней: *Cavē canem!* Со стороны *атрия* коридор закрывался занавесом (*vēlum*). Этот коридор был не настолько длинным, чтобы через него люди в *атрии* не могли видеть прохожих на улице.

196 Атриум. – *Атриум* (§188) был ядром римского дома, и ему было дано соответствующее название *savum aedium*. Возможно, что это более позднее название относилось только к некрытой части, но оба слова стали использоваться без разбора. Старое мнение о том, что *savum aedium* был средним двором между *атрием* и *перистилием*, до сих пор поддерживается некоторыми учеными, но не подтверждается монументальными свидетельствами (§187). Наиболее заметными элементами *атрия* были *имплювий* и *комплювий* (§188). Вода, собранная в последнем, поступала в цистерны; над первым можно было задернуть занавеску, когда свет был слишком интенсивным, как в наши дни над световым люком фотографа. Мы видим, что римские писатели небрежно использовали эти два слова для обозначения друг друга. *Имплювий* был настолько важен для *атрия*, что последний был назван так по тому, как был построен первый. Витрувий рассказывает, что существовало четыре стиля. Первый назывался *ātrium Tūscanicum*. В нем крыша была образована двумя парами балок, пересекающихся под прямым углом, при этом закрытое пространство оставалось незакрытым, образуя таким образом *имплювий* (рис. 42, 43). Название (§188), а также простая конструкция показывают, что это была самая ранняя форма *ātrium*, и очевидно, что она не могла использоваться для помещений очень больших размеров. Второй вариант назывался *тетрастилоном* (*ātrium tetrastylon*). Балки в местах их пересечения поддерживались столбами или колоннами. Третий, *коринфский*, отличался от второго только тем, что имел более четырех опорных столбов. Вероятно, эти два похожих стиля появились вместе с расширением *атрия* (§191). Четвертый стиль назывался *ātrium displuviātum*. В нем крыша наклонялась к внешним стенам, как показано на урне, упомянутой в §189, и вода отводилась по желобам снаружи, а в *комплювий* собиралось только то количество, которое падало в него с небес. Нам говорят, что существовал и другой тип *атрия*, *testudinātum*, который был покрыт по всей поверхности и не имел ни *имплювия*, ни *комплювия*. Мы не знаем, как он освещался; возможно, через окна в лахах.

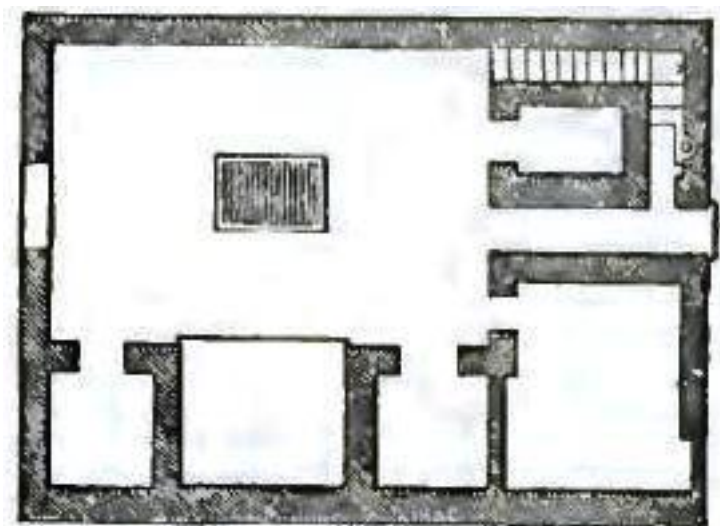

РИСУНОК 44. МАЛЕНЬКИЙ ДОМ В ПОМПЕЯХ

197 Изменения в атриуме - *атриум*, каким он был в первые дни Республики, описан в §188. Простота и чистота семейной жизни того периода придавали однокомнатному дому достоинство, которое не смогли унаследовать огромные дворцы поздней Республики и Империи. Ко времени Цицерона *атрий* перестал быть центром домашней жизни; он превратился в государственные апартаменты, используемые только для демонстрации. Мы не знаем последовательных этапов этого процесса. Вероятно, сначала комнаты по бокам (§191) использовались как спальни, для большего уединения. Как только был принят *перистиль*, возникла необходимость в отдельном помещении для приготовления пищи (вполне возможно, что первоначально этот двор был огородом), а затем и в удобной столовой. Затем к этому двору были пристроены другие комнаты, которые стали спальными апартаментами для большего уединения. Наконец, эти комнаты понадобились для других целей (§192), и спальни снова были перенесены, на этот раз на верхний этаж. Когда был надстроен этот второй этаж, мы не знаем, но он предполагает наличие небольших и дорогостоящих городских участков. Даже в самых непритязательных домах Помпеи сохранились остатки лестниц (рис. 44).

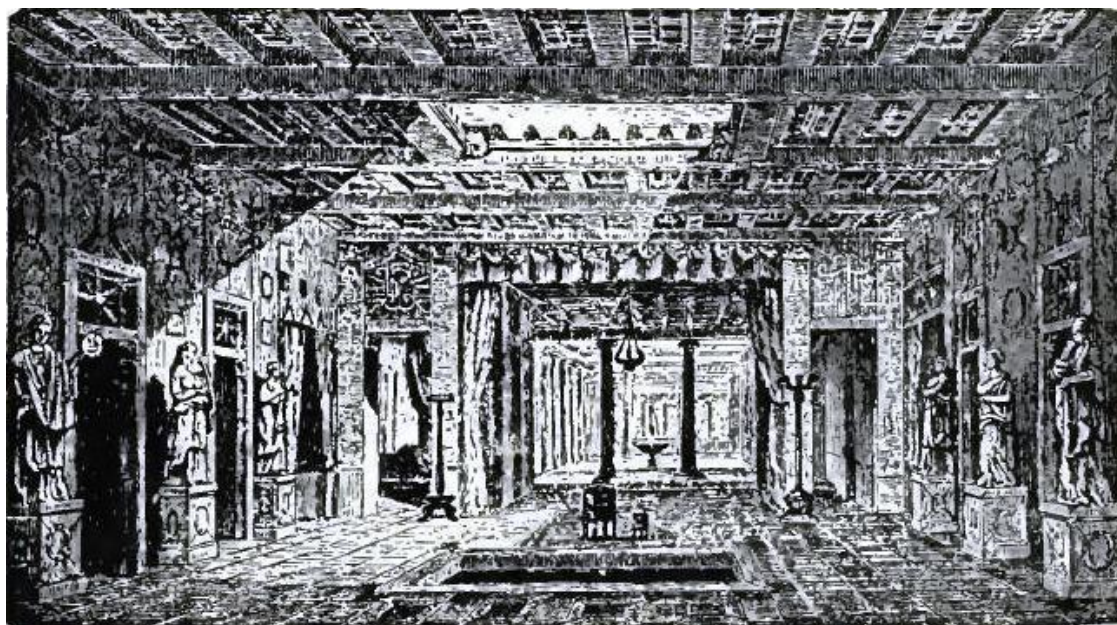

РИСУНОК 45. АТРИУМ В ДОМЕ САЛЛЮСТИЯ В ПОМПЕЯХ

198 Теперь *атриум* был обустроен со всем великолепием и пышностью, которые позволяли средства владельца. Отверстие в крыше было увеличено, чтобы впустить больше света, а опорные столбы (§196) были сделаны из мрамора или дорогих пород дерева. Между этими столбами и вдоль стен ставили статуи и другие произведения искусства. *Компливий* представлял собой мраморный бассейн с фонтаном в центре, который часто был богато украшен резьбой или рельефными фигурами. Полы выкладывались мозаикой, стены расписывались блестящими красками или облицовывались мрамором разных оттенков, а потолки покрывались слоновой костью и золотом. В таком зале (рис. 45) хозяин встречал своих гостей (§185), покровитель принимал своих клиентов (§182), муж приветствовал свою жену (§89), и здесь же покоилось его тело, когда гордыня жизни заканчивалась.

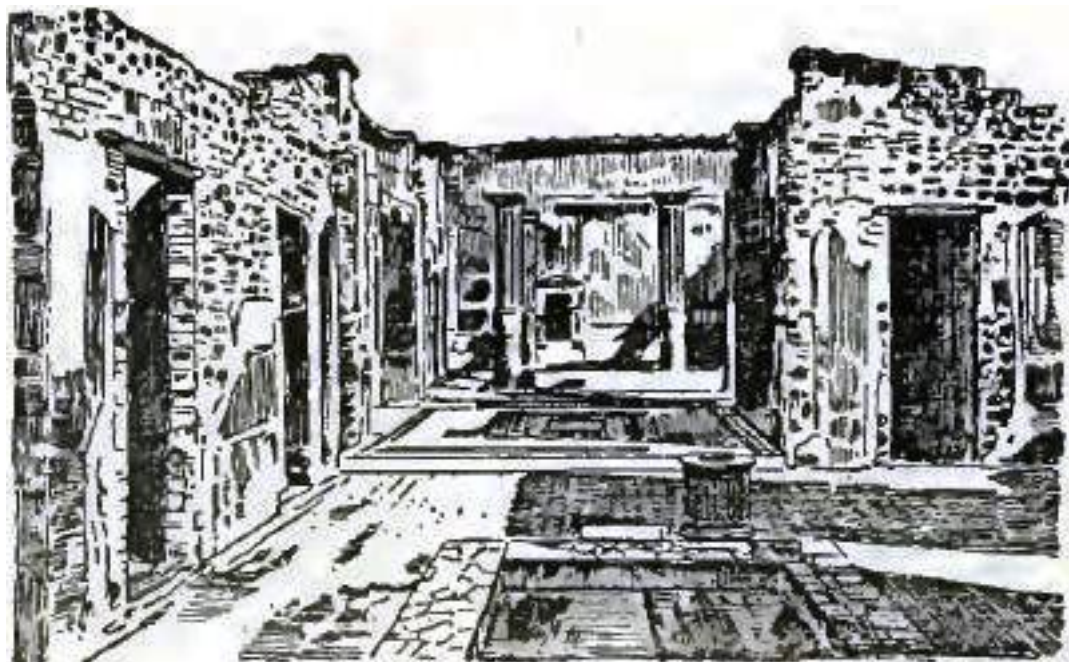

РИСУНОК 46. РУИНЫ ДОМА ПОЭТА В ПОМПЕЯХ

199 Даже в самом грандиозном *атрии* оставались некоторые памятники старины. Алтарь Лареса и Пенатов остался на месте очага, хотя обычные жертвоприношения совершались в специальной часовне в *перистилиуме*. Даже в самых больших домах орудия для прядения хранились там, где когда-то сидела матрона среди своих служанок (§§86, 105), как рассказывает Ливий в истории о Лукреции. В шкафах хранились маски более простых и, может быть, сильных мужчин (§107), а супружеская кушетка стояла напротив *ostium* (отсюда ее другое название - *lectus adversus*), где ее ставили в брачную ночь (§89), хотя в *atrium* никто не спал. В стране многое из того, что использовалось в старину, сохранилось еще при Августе, а бедняки, разумеется, не изменили своего образа жизни. Как использовались небольшие комнаты по бокам *атрия*, после того как они перестали быть спальнями, мы не знаем; возможно, они служили комнатами для бесед, частными салонами и гостиницами.

200 Алеи. - То, как формировались *алеи*, или крылья, уже объяснялось (§191); это были просто прямоугольные углубления, оставленные справа и слева от *атрия*, когда небольшие комнаты по бокам были отгорожены стенами. Следует помнить, что они были полностью открыты для *атриума* и составляли его часть, возможно, первоначально получая дополнительный свет из окон в наружных стенах. В них хранились *imāginēs*, так называли восковые бюсты предков, занимавших должности курульных, расставленные в шкафах таким образом, чтобы с помощью шнуров, идущих от одного к другому, и надписей под каждым из них можно было понять их отношение друг к другу и помнить об их великих деяниях. Даже

когда римские или современные авторы говорят об *имажине* как о *ātrium*, подразумеваются именно *ālae*.

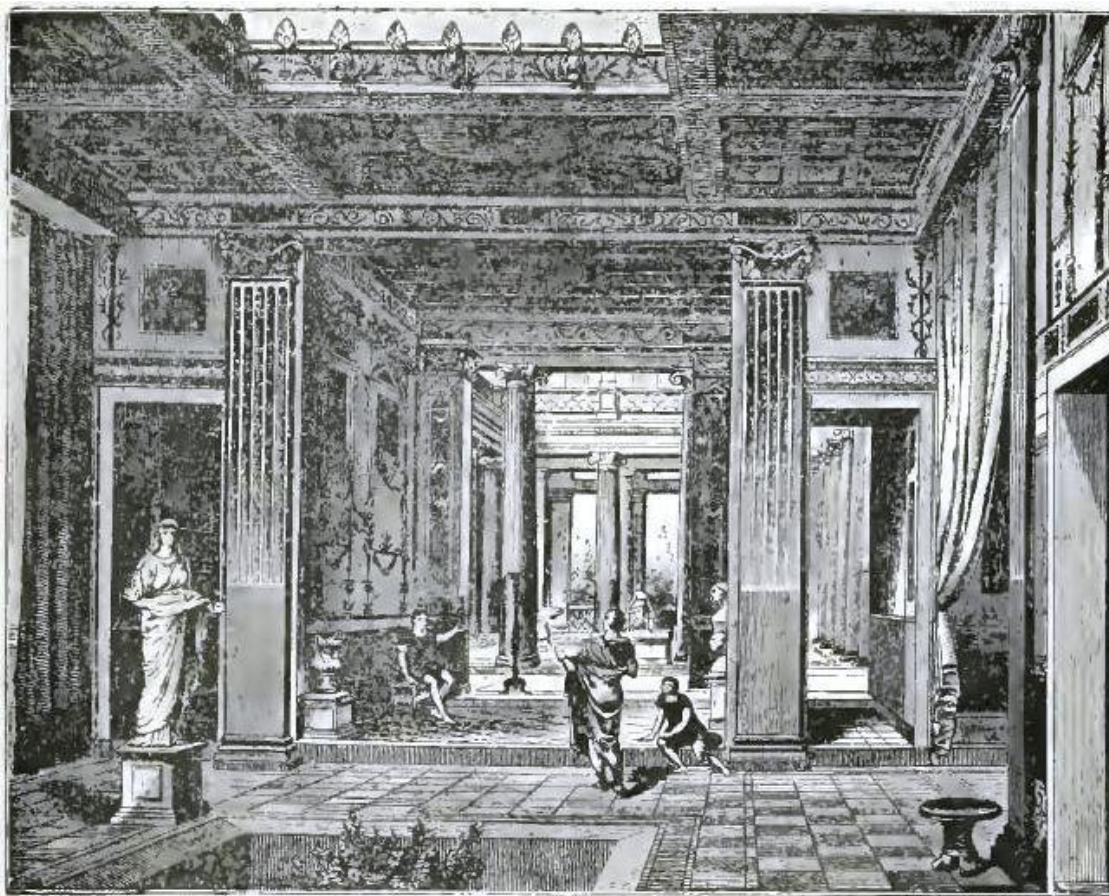

РИСУНОК 47. ВИД ИЗ АТРИУМА

201 Tablinum. - Вероятное происхождение *tablinum* было объяснено выше (§ 190), а его название происходит от материала (*tabulae*, "доски") "пристройки", возможно, летней кухни, из которой он развился. Другие считают, что комната получила свое название от того, что в ней хозяин хранил свои бухгалтерские книги (*tabulae*), а также все свои деловые и личные бумаги. Здесь же он хранил сундук с деньгами или крепкий ящик (*arca*), который в старину был прикован к полу *атрия*, и комната фактически стала его кабинетом или офисом. Благодаря своему положению она охватывала весь дом, так как в комнаты можно было войти только из *атрия* или *перистилия*, а *таблинум* находился прямо между ними. Хозяин мог полностью уединиться, закрыв складные двери, отсекающие частный двор, или задернув занавески через проем в большой зал. С другой стороны, если *tablinum* оставался открытым, перед гостем, входящим в *ostium*, открывался очаровательный вид, с первого взгляда охватывающий все общественные и полуобщественные части дома (рис. 47). Даже когда *таблинум* был закрыт, можно было свободно пройти из передней части дома в заднюю через короткий коридор (§192), расположенный сбоку от *таблинума*. Следует отметить, что такой проход был только один, хотя более древние авторитеты утверждают, что их было два.

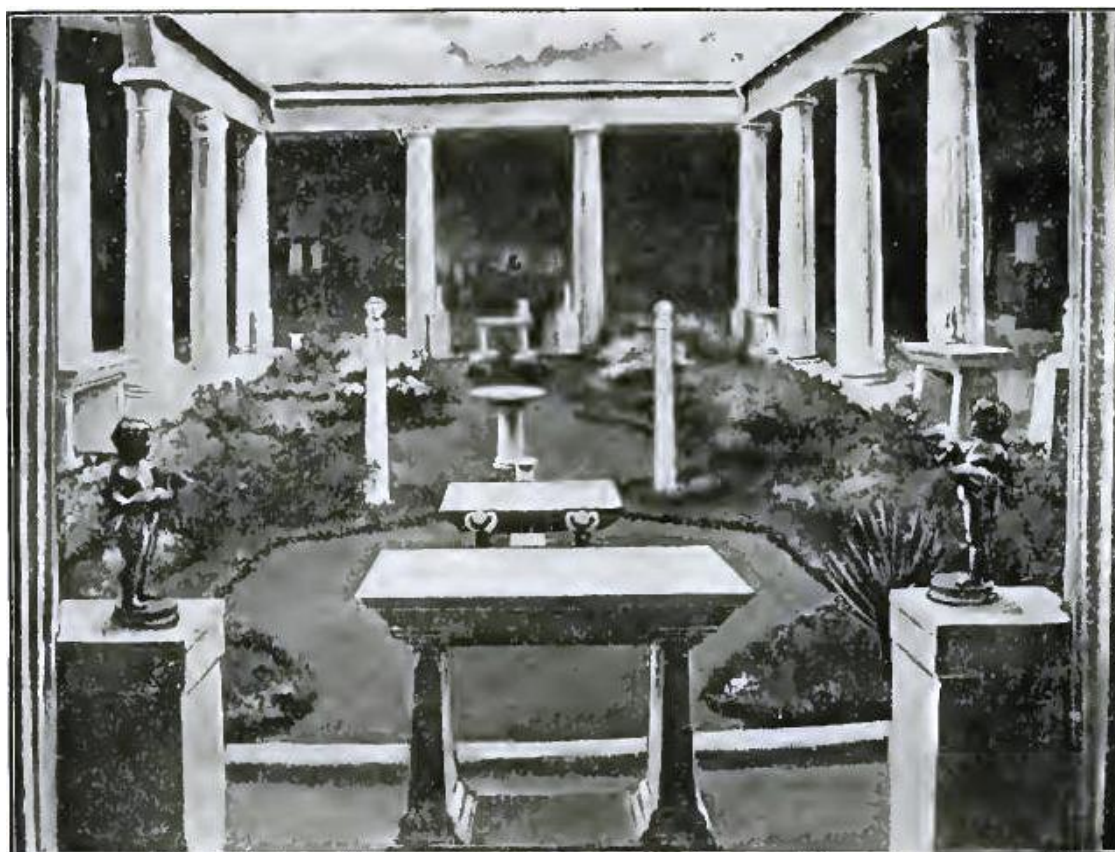

РИСУНОК 48. ПЕРИСТИЛЬ ОТ ДОМА В ПОМПЕЯХ

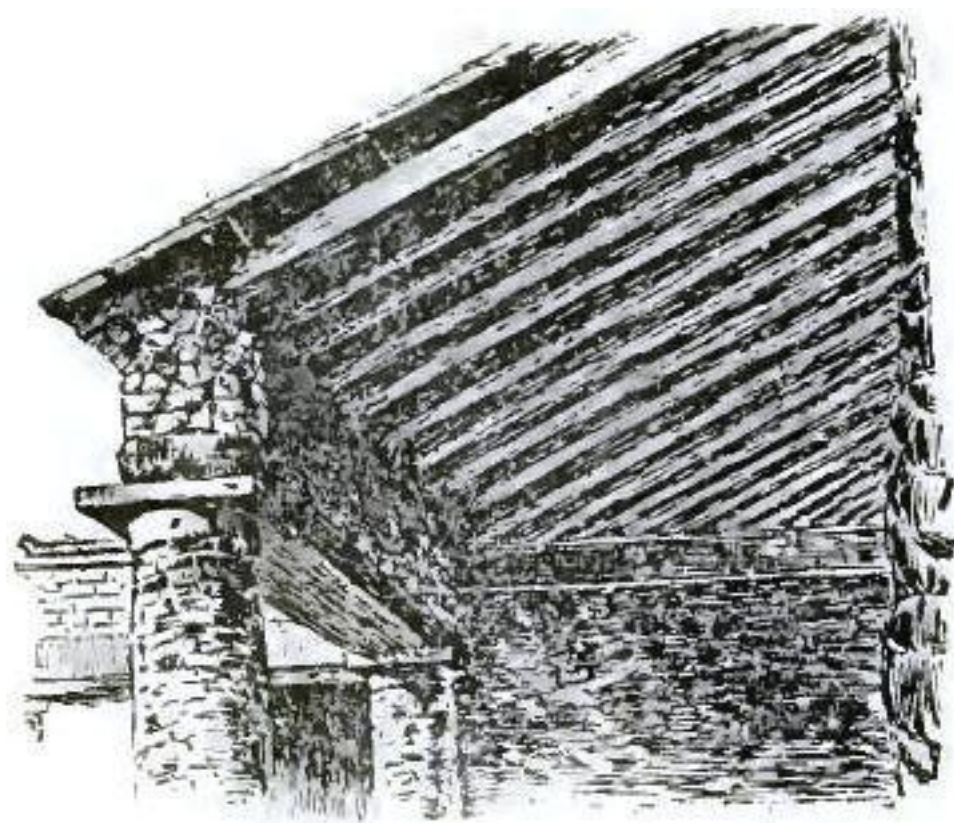
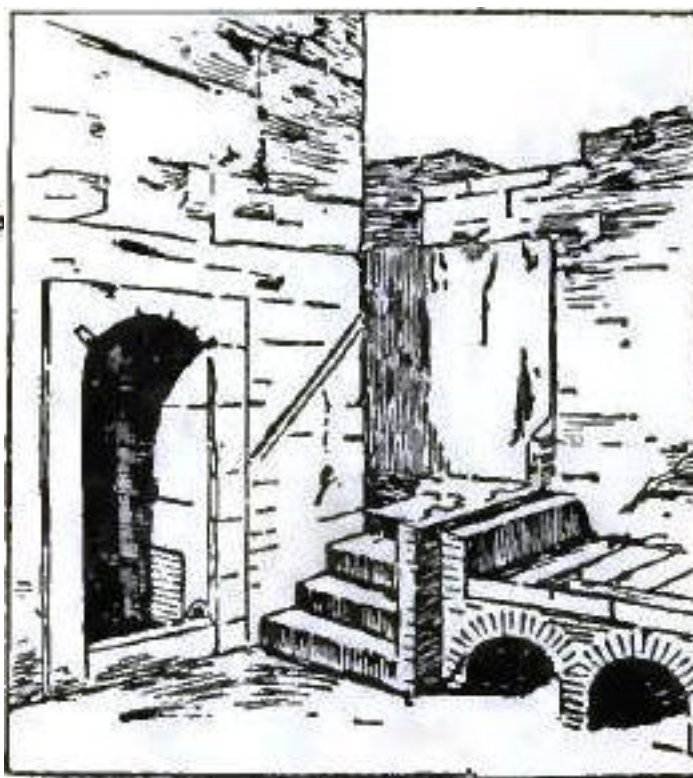
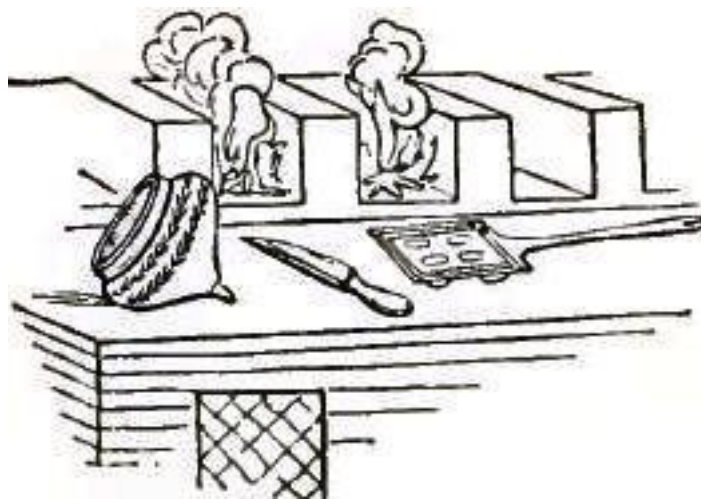

РИСУНОК 49. КРЫША ПЕРИСТИЛЯ

202 Перистиль. *Перистиль* или *перистилум* был заимствован, как мы видели (§ 192), у греков, но, несмотря на то, что римлянин придерживался обычаев своих отцов, он не сразу стал более важной из двух главных частей дома. Мы должны представлять себе просторный двор (рис. 48), открытый небу, но окруженный непрерывным рядом зданий, или, скорее, комнат, поскольку здания вскоре стали одним целым, все они были обращены к нему и имели двери и решетчатые окна, выходящие на него. Все эти здания имели крытые портики со стороны двора (рис. 49), и эти портики, образующие непрерывную колоннаду с четырех сторон, были строго перистилем, хотя это название стало использоваться для всей части дома, включая двор, колоннаду и окружающие помещения. Двор был гораздо более открыт солнцу, чем *атрий*, и в нем, защищенном стенами от холодных ветров, цвели и распускались всевозможные редкие и прекрасные растения и цветы. Среднюю часть украшали фонтаны и статуи; колоннада позволяла прохладно или солнечно прогуливаться, независимо от времени суток или сезона года. Римляне так же любили открытый воздух и очарование природы, поэтому неудивительно, что вскоре они сделали перистиль центром своей домашней жизни во всех домах лучшего класса, а *атрий оставили* для более формальных функций, которых требовало их политическое и общественное положение (§197). Следует помнить, что за перистилем часто располагался сад, а также очень часто он имел прямое сообщение с улицей.

203 Частные комнаты. - Комнаты, окружавшие двор, настолько сильно варьировались в зависимости от средств и вкусов владельцев домов, что мы вряд ли сможем сделать больше, чем привести список тех, которые наиболее часто упоминаются в литературе. Важно помнить, что в городском доме все эти комнаты днем освещались со двора (§193), в то время как в сельском доме вполне могли быть окна и двери в наружной стене (§191). На первом месте по важности стоит кухня (*culīna*), расположенная на стороне двора, противоположной *tablīnum*. Она была снабжена открытым камином для жарки и варки, а также печью (рис. 50), не похожей на угольные дела, которые до сих пор используются в Европе. Рядом находилась пекарня, если в особняке требовалась печь, снабженная духовкой. Рядом находилась и баня (*lātrīna*) с необходимым шкафом, чтобы все могли пользоваться одним и тем же соединением с канализацией (рис. 51). Если в доме был хлев, его также ставили рядом с кухней, как сейчас в латинских странах.

204 Далее следует упомянуть столовую (*trīclīnium*). Она не обязательно находилась в непосредственной близости от кухни, поскольку из-за армии рабов (§149) ее расположение не имело большого значения с точки зрения удобства. Было принято иметь несколько триклиний для использования в разное время года, чтобы зимой помещение согревалось солнцем, а летом спасалось от его лучей. Витрувий считал, что его длина должна быть вдвое больше ширины, но руины не указывают на фиксированные пропорции. Римляне так любили воздух и небо, что двор, должно быть, часто служил столовой, и Гораций оставил нам очаровательную картину, на которой хозяин обедает под беседкой в сопровождении одного раба. Такая столовая на открытом воздухе находится в так называемом доме Саллюстия в Помпеях (рис. 52).

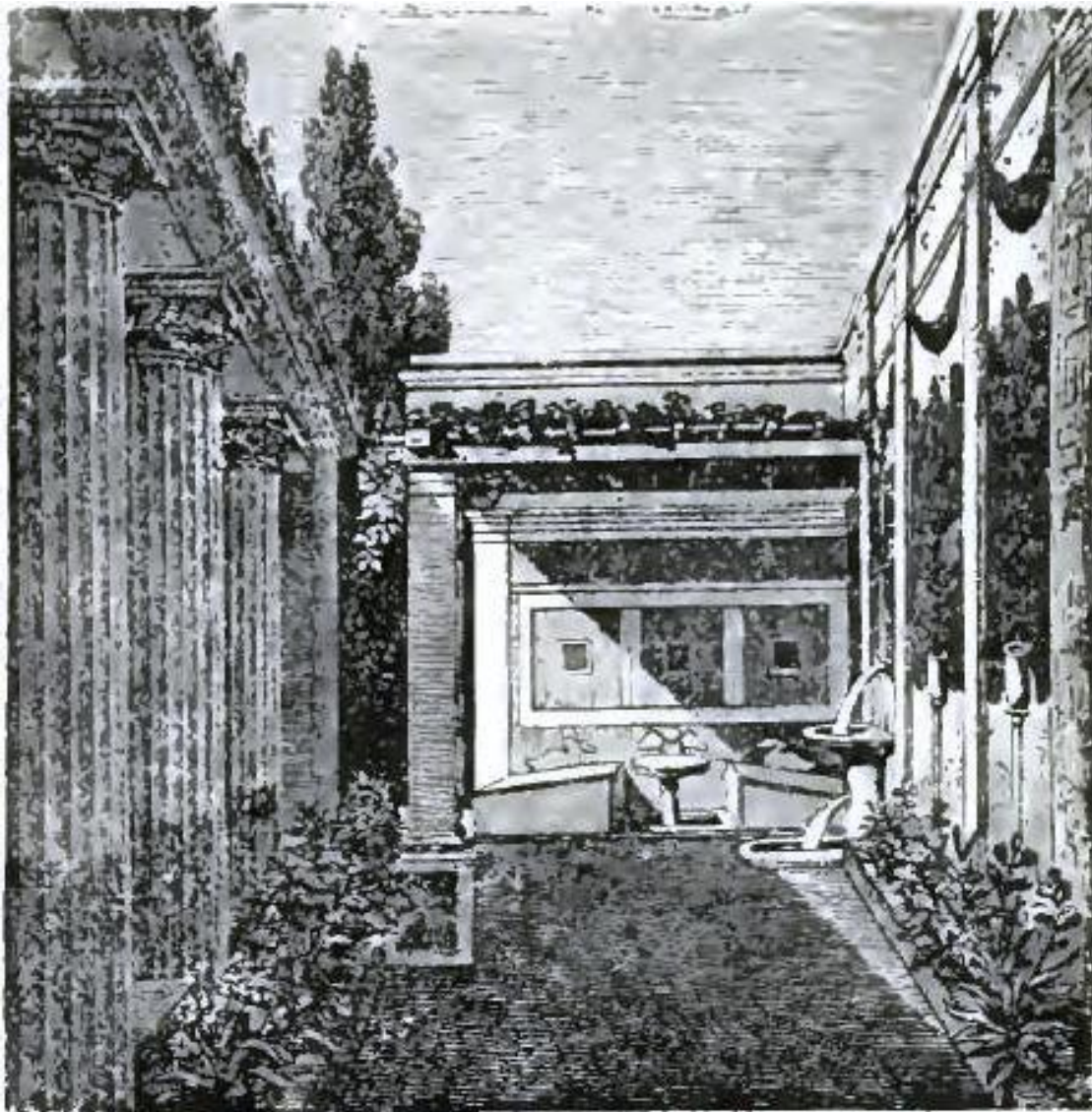

РИСУНОК 52. СТОЛОВАЯ ВО ДВОРЕ

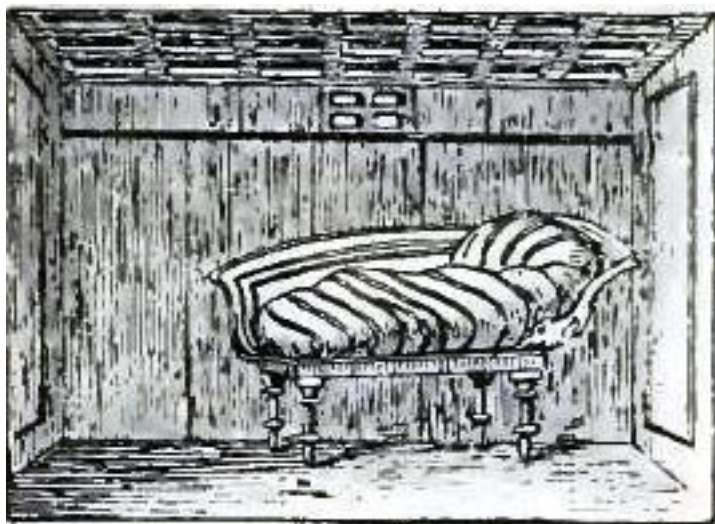

РИС. 53. СПАЛЬНЯ

205 Спальные комнаты (*cubicula*) римляне считали не столь важными, как мы, вероятно, потому, что они использовались только для сна, а не как жилые комнаты. Они были очень маленькими, а мебель в них была скудной (рис. 53) даже в самых лучших домах. Некоторые из них, по-видимому, имели прихожие, связанные с *кубулой*, которые, вероятно, занимала прислуга (§150), и даже в обычных домах часто имелась ниша для кровати. Некоторые из спален, по-видимому, использовались только для полуденной сиесты (§122), и они, естественно, располагались в самой прохладной части двора; они назывались *cubicula diurna*. Остальные назывались *cubicula nocturna* или *dormitōria* и располагались, по возможности, на западной стороне двора, чтобы на них попадало утреннее солнце. Следует помнить, что в лучших домах спальни предпочтительно располагались на втором этаже перистиля.

206 Библиотека (*bibliothēca*) должна была быть в доме каждого образованного римлянина. Собрания книг были как большими, так и многочисленными, и составлялись они тогда, как и сейчас, людьми, даже не заботившимися об их содержании. Книги или свитки, о которых мы расскажем позже, хранились в ящиках или шкафах по стенам, а в одной библиотеке, обнаруженной в Геркулануме, середину комнаты занимал дополнительный прямоугольный ящик. Помещение было принято украшать статуями Минервы и муз, а также бюстами и портретами выдающихся людей. Витрувий рекомендует обращать *библиотеку* на восток, вероятно, для защиты от сырости.

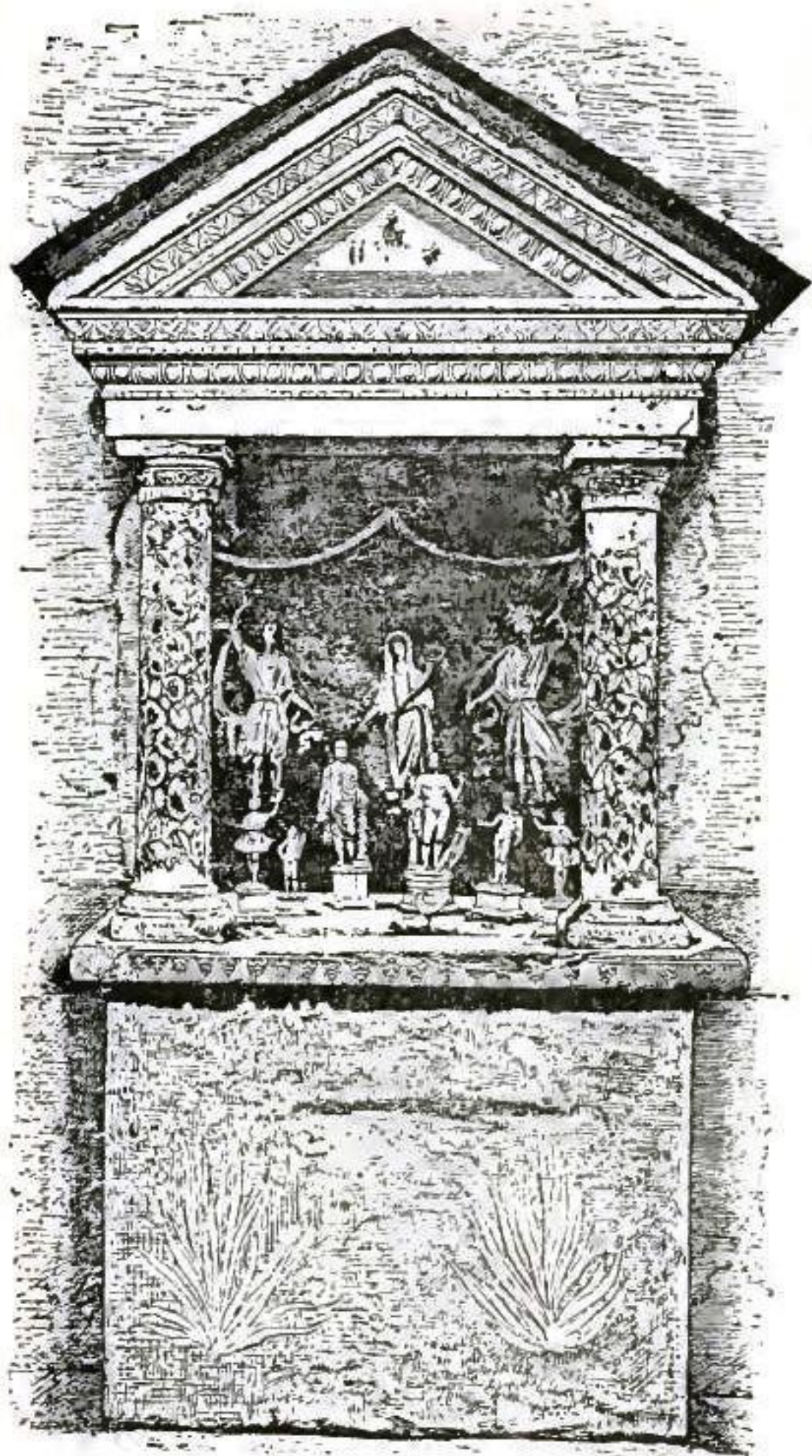

РИСУНОК 54. ЧАСОВНЯ В ДОМЕ

207 Кроме этих комнат, которые, должно быть, были во всех хороших домах, были и другие, менее важные, некоторые из которых были настолько редки, что мы едва ли знаем их назначение. *Сакрариум* - это частная часовня (рис. 54), в которой хранились изображения богов, совершались обряды поклонения и приносились жертвы. Однако Лар или божество-покровитель дома, по-видимому, сохранил свое древнее место в *atrium*. *Оэци* были залами или салонами, соответствующими, возможно, нашим гостиным и гостиным, которые иногда использовались в качестве банкетных залов. *Экседры* были комнатами с постоянными сиденьями, которые, по-видимому, использовались для лекций и подобных развлечений. *Соларий* - место, где можно было погреться на солнце, иногда терраса, часто плоская крыша дома, которая затем покрывалась землей, разбивалась как сад и украшалась цветами и кустарниками. Помимо этого, в доме, конечно же, имелись копильни, кладовые и чуланы. У рабов должны были быть свои помещения (*cellae servorum*), в которых они размещались как можно теснее. Подвалы под домами, по-видимому, были редкостью, хотя некоторые из них были найдены в Помпеях.

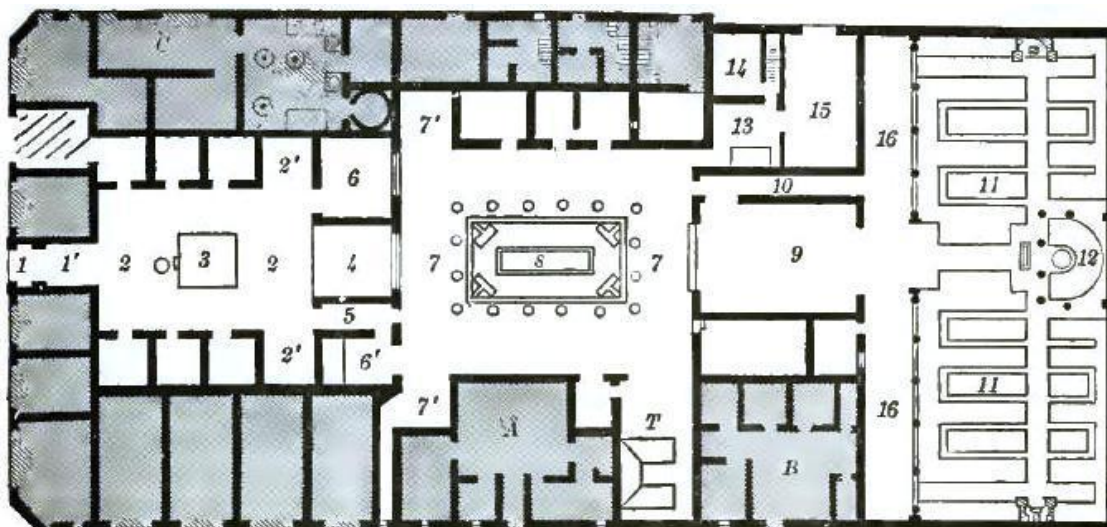

РИСУНОК 55. ДОМ ПАНСА

208 Дом Пансы. Наконец, мы можем описать реально существовавший дом, взяв в качестве примера дом, который должен был принадлежать богатому и влиятельному человеку, так называемый дом Пансы в Помпеях (рис. 55; см. также Overbeck's *Pompeii*, p. 325; Harper, p. 549; Becker, II, p. 214; Smith, I, p. 681; Schreiber, LIII, 16; различные планы немного отличаются). Дом занимал целую площадь, обращенную немного к востоку от юга. Большинство комнат спереди и по бокам сдавались в аренду под магазины или лавки; в задней части был сад. На приведенном плане заштрихованы помещения, не принадлежавшие собственно дому. *Вестибюль*, обозначенный на плане цифрой 1, - это открытое пространство между двумя лавками (§193). За ним находится *остий* (1') с фигурой собаки (§195) из мозаики, открывающийся в *атрий* (2, 2) с тремя комнатами на каждой стороне, где *лалы* (2', 2') находятся на обычном месте, *компливий* (3) в середине, *таблинум* (4) напротив *остий*, и проход на восточной стороне (5). *Атрий* выполнен в стиле *Тусканикум* (§196) и вымощен бетоном; в *табелинуме* и проходе мозаичные полы. От них ступени ведут вниз, во двор, который ниже, чем *атрий*, имеет размеры 65 на 50 футов и окружен колоннадой с шестнадцатью колоннами. На стороне, примыкающей к *атрию*, есть две комнаты, одна из которых (6) называется *библиотекой* (§206), поскольку в ней был найден манускрипт, но ее назначение неясно; другая (6'), возможно, была столовой. Двор имеет два выступа (7', 7'), очень похожих на *лалы*, которые называются *exedrae* (§207); следует заметить, что один из них имеет удобный выход (§202) на улицу. Комнаты на западе и малая комната на востоке не могут

быть определенно названы. Большая комната на востоке (Т) является главной столовой (§204), на плане отмечены остатки обеденных диванов. Кухня находится в северо-западном углу (13), рядом с ней - конюшня (14) (§203, [конец](#)); от кухни - мощный двор (15) с воротами на улицу, через которые могла въехать телега. К востоку от кухни и двора находится узкий проход, соединяющий перистиль с садом (§202). К востоку от него находятся две комнаты, большая из которых (9) - одна из самых внушительных комнат в доме, размером 33 на 24 фута, с большим окном, защищенным низкой балюстрадой, и выходящим в сад. Вероятно, это был *ойкус* (§207). В центре двора находится бассейн глубиной около двух футов, обод которого когда-то был украшен фигурками водных растений и рыб. Вдоль всего северного конца дома шла длинная веранда (16, 16), выходящая в сад (11, 11), в котором находилось что-то вроде летнего домика (12). Дом имел верхний этаж, но лестница, ведущая на него, находится в арендованных комнатах, что позволяет предположить, что верхний этаж не был занят семьей Пансы.

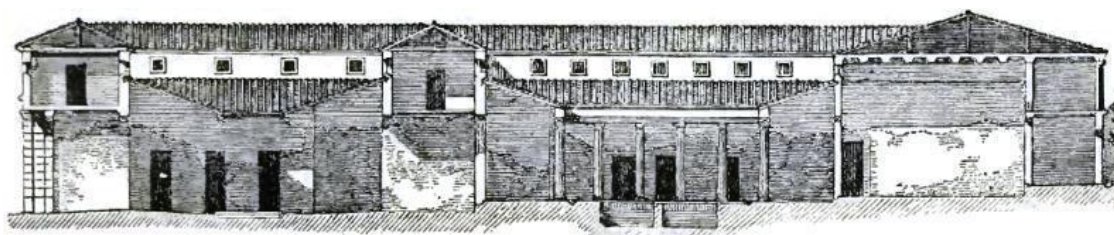

РИСУНОК 56. ЧАСТЬ ДОМА ПАНСЫ В ПОМПЕЯХ

209 Из комнат, выходящих на улицу, следует отметить, что одна, слегка затененная на плане, связана с аттриумом; вероятно, она использовалась для каких-то дел, которые вел сам Панса (§193, [конец](#)), возможно, с рабом (§144) или вольноотпущенником (§175), непосредственно отвечавшим за них. Из остальных помещений апартаменты на восточной стороне (А, В), по-видимому, сдавались в аренду как жилые квартиры. Остальные были магазинами и лавками. Четыре соединенные между собой комнаты на западе, возле фасада, похоже, были большой пекарней; комната, обозначенная как С, была торговым залом, от нее отходила большая комната с тремя каменными мельницами, корытами для замешивания теста, водопроводным краном с раковиной и утопленной печью. Назначение остальных помещений неясно. План участка (рис. 56) представляет внешний вид дома, если бы все было отрезано с одной стороны от линии, проведенной спереди назад через середину дома. Он, конечно, во многом предположительный, но дает четкое представление о том, как в целом должны были располагаться стены и крыша.

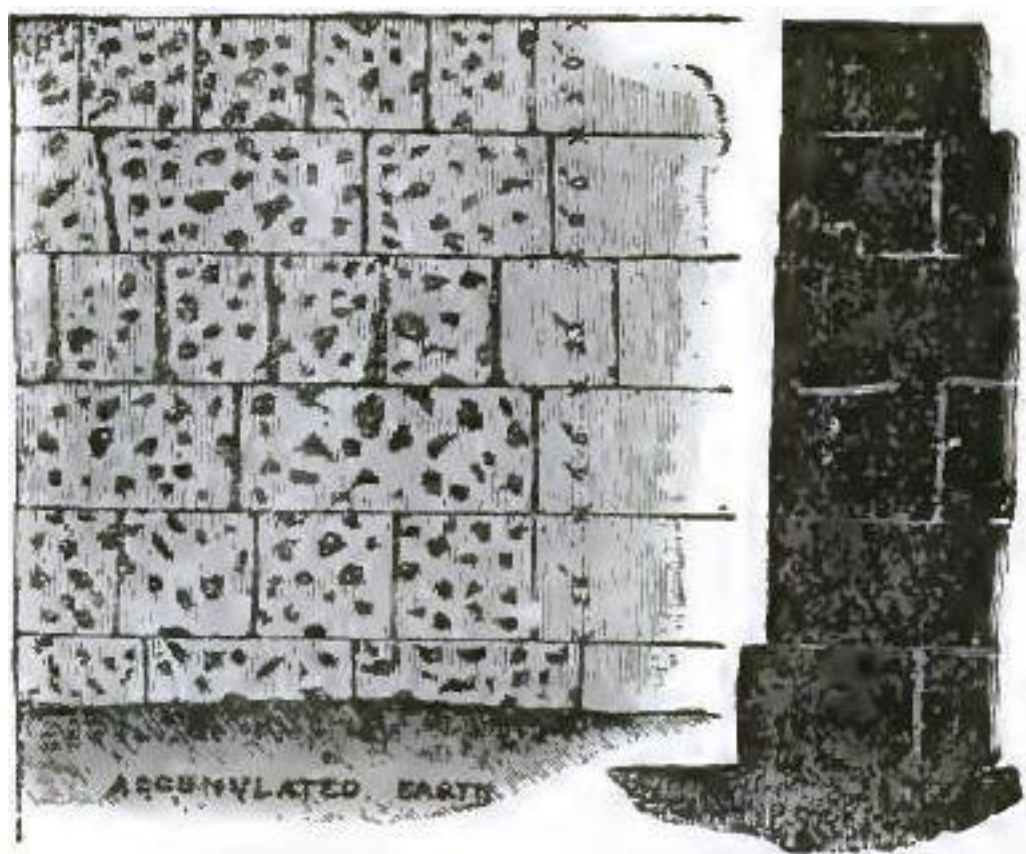

РИСУНОК 57. СТЕНА РОМУЛА

210 Стены. Материалы, из которых строились стены (*pariēs*), менялись в зависимости от времени, места и стоимости транспортировки. Камень и необожженный кирпич (*laterēs crūdī*) были самыми ранними материалами, использовавшимися в Италии, как и почти везде, а древесина применялась только для временных сооружений, как в дополнении (§190), из которого развился *tablīnum*. Для частных домов в очень ранние времена и для общественных зданий во все времена стены из тесаного камня (*opus quadrātum*) выкладывались регулярными рядами, точно так же, как и в наше время (рис. 57). Поверх стены в декоративных целях покрывали тонкой мраморной штукатуркой, которая придавала ей ослепительную белизну. Для менее претенциозных домов, но не для общественных зданий, примерно до начала I века до н. э. в основном использовались высушенные на солнце кирпичи. Их тоже покрывали штукатуркой, как для защиты от непогоды, так и для украшения, но даже твердая штукатурка не сохранила стены из этого скоропортящегося материала до наших дней. В классические времена появился новый материал, лучше кирпича и камня, дешевле, долговечнее, легче обрабатывается и транспортируется, который использовался почти исключительно для частных домов и, как правило, для общественных зданий. Стены, построенные новым способом (*opus caementīcium*), в наших справочниках по-разному называют "бутовым камнем" или "бетоном", но ни тот, ни другой термин не является вполне описательным; *opus caementīcium* не укладывался курсами, как наш бутовый камень, а с другой стороны, в нем использовались более крупные камни, чем в бетоне, из которого сейчас строят стены зданий.

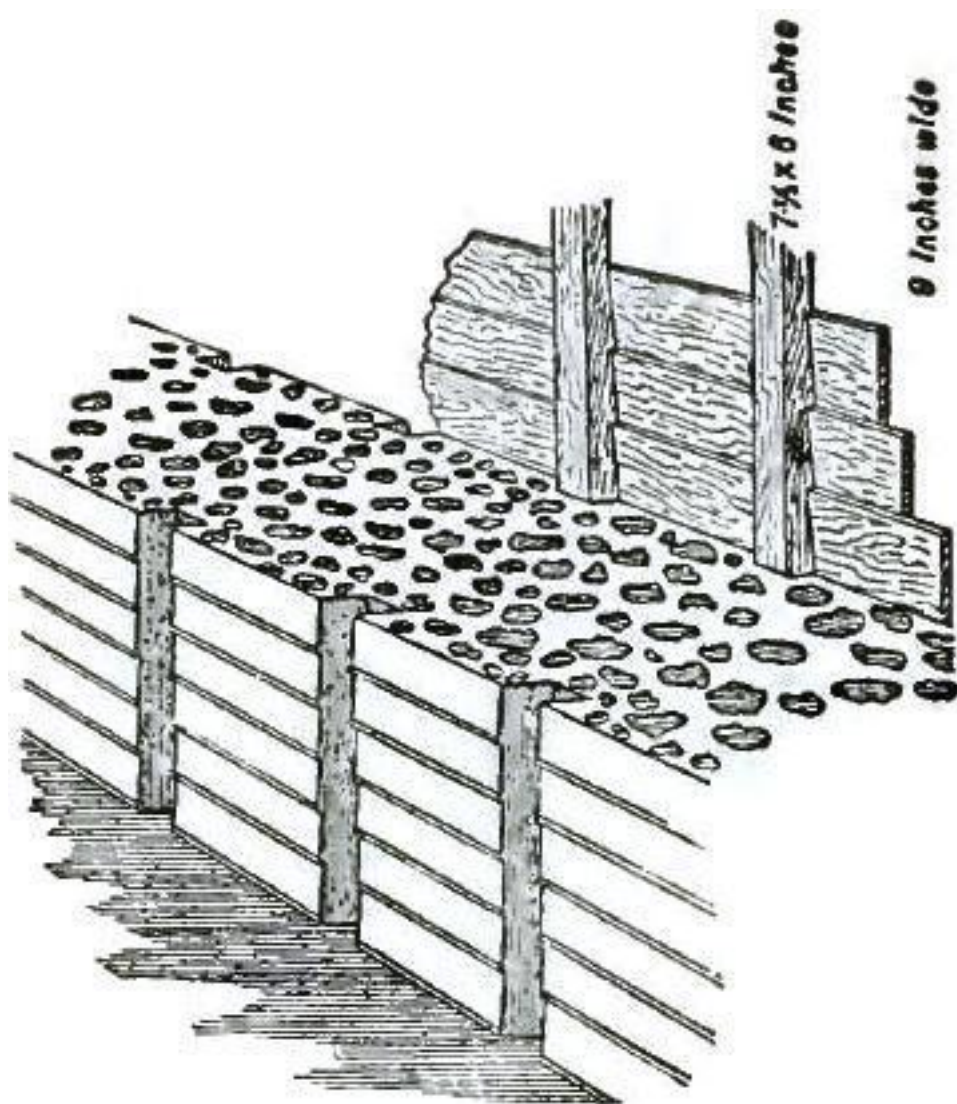

РИСУНОК 58. СПОСОБ ЗАЛИВКИ БЕТОННЫХ СТЕН

211 Paries Caementicius. - Материалы менялись в зависимости от места. В Риме использовали известь и вулканический пепел (*lapis Puteolānus*) с кусками камня размером с кулак или больше. Иногда вместо камня использовали кирпич, а вместо вулканического пепла - песок (§146); лучше песка были горшечные крупы мелкого помола. Чем тверже камни, тем лучше бетон; самый лучший делали из кусков лавы - материала, которым обычно мостили дороги. Метод формирования бетонных стен был таким же, как и в наше время, знакомый всем нам по строительству тротуаров. Его легко понять из иллюстрации (рис. 58). Столбы толщиной 5 на 6 дюймов и высотой от 10 до 15 футов были установлены на расстоянии около 3 футов друг от друга по линии обеих сторон предполагаемой стены. Снаружи к ним прибивали горизонтальные доски шириной 10 или 12 дюймов, накладывая их друг на друга. В промежуточное пространство залили полужидкий бетон, приняв отпечаток столбов и досок. Когда бетон застывал, каркас снимали и устанавливали на него, и продолжали работу до тех пор, пока стена не достигала необходимой высоты. Толщина стен, возведенных таким образом, варьировалась от семидюймовой перегородки в обычном доме до восемнадцатифутовых стен Пантеона Агриппы. Они были гораздо долговечнее каменных стен, которые можно было разбирать камень за камнем, затрачивая не больше труда, чем на их возведение; бетонная стена представляла собой единую каменную плиту на всем своем протяжении, и большие ее части можно было отрезать, не уменьшая прочности остальных ни в малейшей степени.

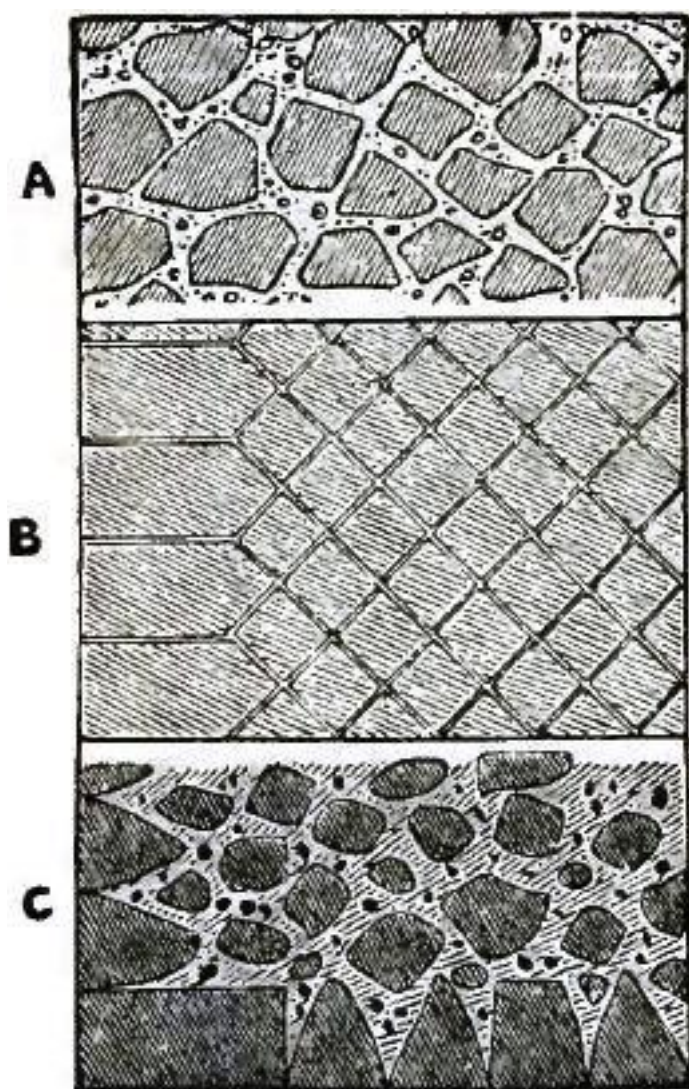

РИСУНОК 59. ОБЛИЦОВКИ СТЕН

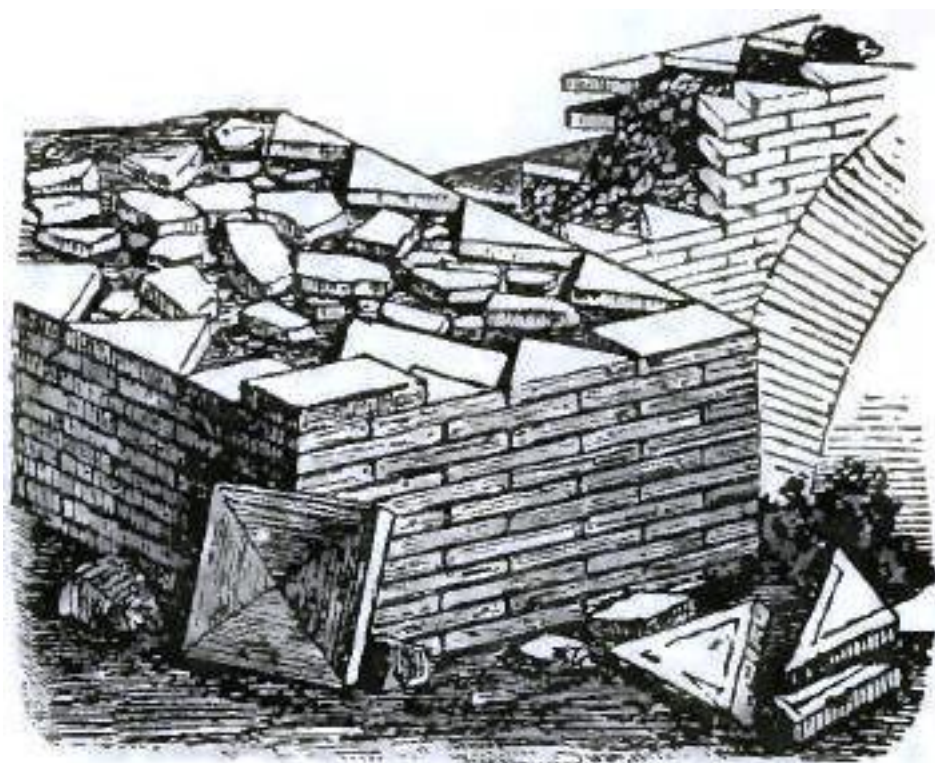

РИСУНОК 60. КИРПИЧ ДЛЯ ОБЛИЦОВКИ СТЕНЫ

212 Облицовка стен - несмотря на то, что стены были непроницаемы для непогоды, их обычно облицовывали камнем или обожженным в печи кирпичом (*позднее coctī*). В качестве камня обычно использовался мягкий туф, не так хорошо приспособленный к погодным условиям, как сам бетон. Самой ранней модой было брать куски камня с одной гладкой стороной, но нестандартного размера или формы, и укладывать их гладкими сторонами к каркасу, как только заливался бетон; когда каркас снимали, стена имела вид, показанный в точке А на рис. 59. Такая стена называлась *opus incertum*. В более поздние времена туф использовался в виде небольших блоков, гладкая поверхность которых была квадратной и одинакового размера. Стена, облицованная таким образом, выглядела как будто покрытая сеткой (В на рис. 59) и поэтому называлась *opus reticulatum*. В обоих случаях наружная поверхность стены обычно покрывалась тонкой известняковой или мраморной штукатуркой, которая давала твердую отделку, гладкую и белую. Обожженные кирпичи были треугольной формы, но их расположение и внешний вид легче понять из иллюстрации (рис. 60), чем из любого описания, которое можно привести здесь. Следует заметить, что здесь не было стен, построенных только из позднего кокосового кирпича, даже тонкие перегородки имели бетонную основу.

213 Полы и потолки. - В более бедных домах пол (*solum*) первого этажа делали, выравнивая землю между стенами, покрывая ее мелкими кусками камня, кирпича, черепицы и горшечных пород и плотно и ровно утрамбовывая все тяжелой трамбовкой (*fistuca*). Такой пол назывался *pavimentum*, и постепенно это название стало использоваться для полов всех видов. В домах получше пол был сделан из каменных плит, гладко подогнанных друг к другу. В более претенциозных домах были бетонные полы, сделанные так, как было описано выше. Полы верхних этажей иногда делали из дерева, но и здесь использовался бетон, залитый поверх временного деревянного настила. Такой пол был очень тяжелым и требовал крепких стен для его поддержки; сохранились примеры толщины в восемнадцать дюймов и пролета в двадцать футов. Такой пол служил отличным потолком для комнаты внизу, требуя лишь отделки лепниной. Другие потолки делались так же, как и сейчас: рейки прибивались к стрингерам или стропилам и покрывались раствором и штукатуркой.

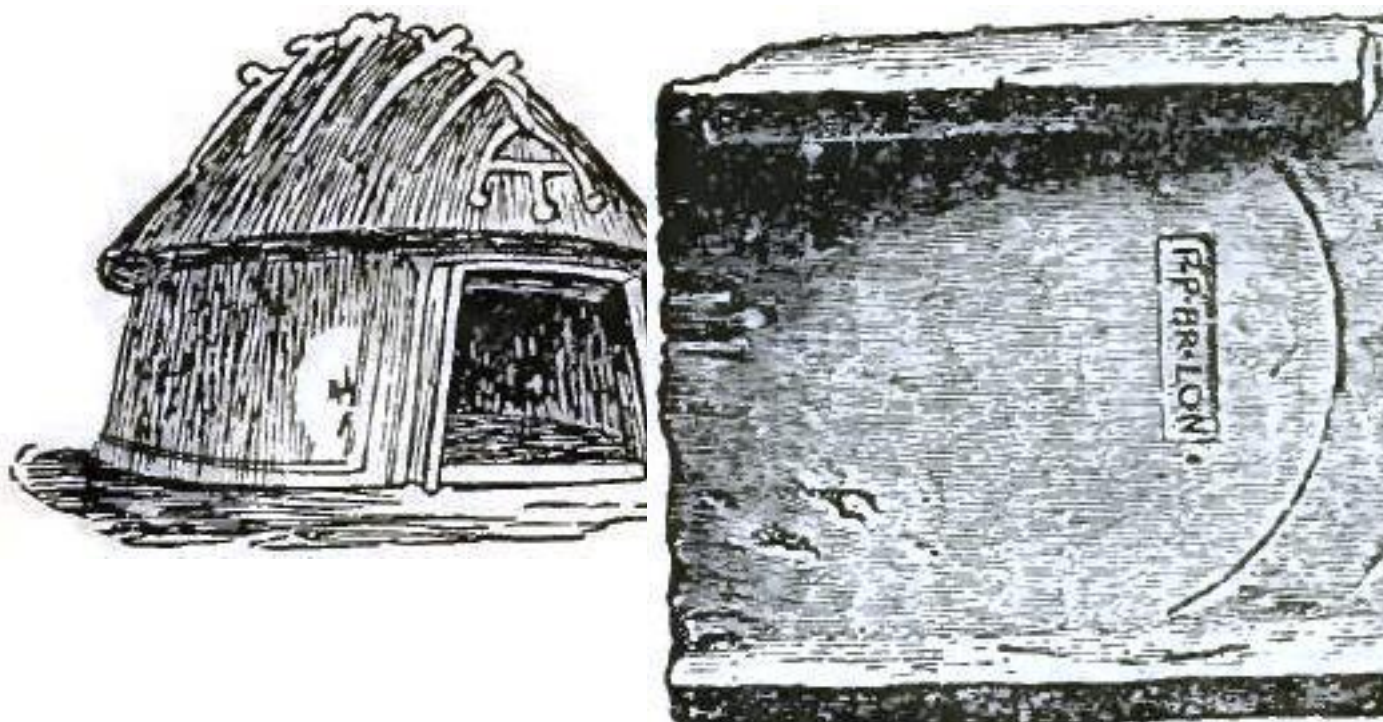

РИСУНОК 61. ХИЖИНА РОМУЛА

РИС. 62. ЧЕРЕПИЦА ДЛЯ КРЫШИ

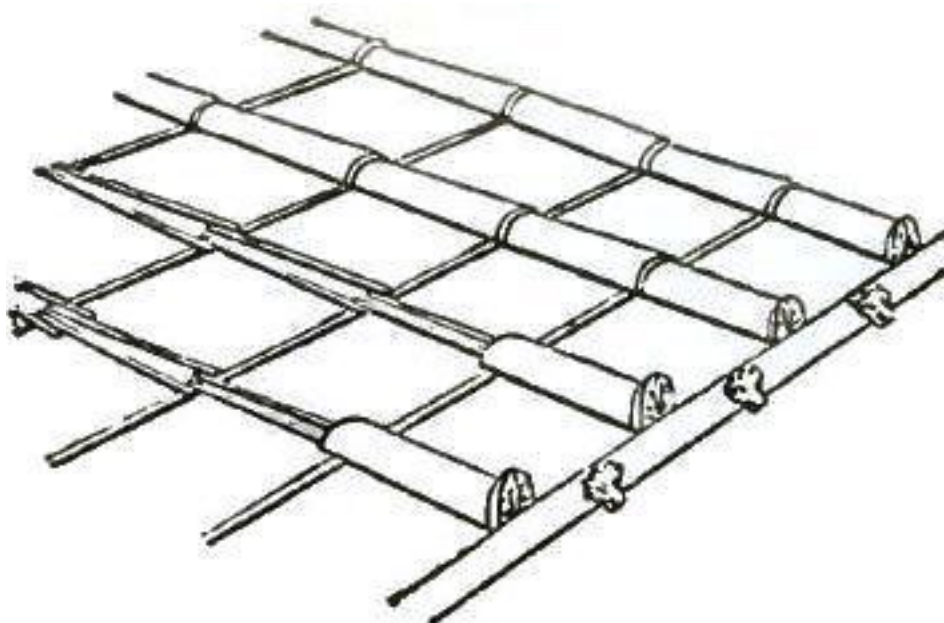

РИСУНОК 63. ЧЕРЕПИЧНАЯ КРЫША

214 Крыши. - Конструкция крыш (*tēcta*) мало чем отличалась от современного метода, как видно на иллюстрации в §196. По форме они различались так же, как и наши: одни были плоскими, другие - покатыми в двух направлениях, третьи - в четырех. В древнейшие времена покрытие было соломенным, как в так называемой хижине Ромула (*casa Rōmulī*) на Палатинском холме, сохранившейся даже при империи как пережиток прошлого (рис. 61). За соломой последовала черепица, которая в свою очередь уступила место черепице. Сначала они были плоскими, как наша черепица, но позже их стали делать с фланцем на каждой стороне (рис. 62), чтобы нижняя часть одной черепицы входила в верхнюю часть той, что была под ней на крыше. Черепицы (*tēgulae*) укладывались рядом друг с другом, а фланцы закрывались другими черепицами, называемыми *имбриками* (рис. 63), перевернутыми поверх них. Вдоль карниза шли желоба, также выполненные из черепицы, для отвода воды в цистерны, если она была необходима для хозяйственных нужд. Внешний вид готовой крыши показан на рис. 49, §202.

РИСУНОК 64. ДВЕРЬ РИМСКОГО ДОМА

215 Двери. Римский дверной проем, как и наш, состоял из четырех частей: порога (*līmen*), двух косяков (*postēs*) и перемычки (*līmen superum*). Перемычка всегда была из цельного куска камня и отличалась особой массивностью. Двери были точно такими же, как и современные, за исключением вопроса о петлях, поскольку, хотя у римлян были петли, подобные нашим, они не использовали их на своих дверях. Дверная петля представляла собой цилиндр из твердого дерева, немного длиннее двери и диаметром чуть больше толщины двери, заканчивающийся сверху и снизу шарнирами. Эти шарниры вращались в гнездах, сделанных для их приема в пороге и перемычке. В этот цилиндр врезали дверь, и их общий вес приходился на нижний шарнир. На разрезе (рис. 64) это хорошо видно, и он напоминает старомодные самодельные ворота. Комедии полны упоминаний о скрипе этих дверей.

216 Внешняя дверь дома правильно называлась *iānuā*, внутренняя - *ōstium*, но эти два слова стали употребляться без разбора, и последнее применялось даже ко всему входу (§195). Двойные двери назывались *forēs*, а задняя дверь, обычно выходившая в сад (§208), называлась *posticum*. Двери, открывающиеся внутрь, и двери во внешней стене снабжались засовами (*pessulī*) и засовами (*serae*). Замки и ключи, с помощью которых двери можно было запереть снаружи, были небезызвестны, но были очень тяжелыми и неуклюжими. Наконец, следует заметить, что в интерьерах частных домов двери были не так распространены, как сейчас: римляне предпочитали портики (*vēla*, *aulaea*).

РИСУНОК 65. ОКНО

217 Окна. В главных комнатах дома окна выходили во двор, как мы уже видели, и можно считать правилом, что в комнатах, расположенных на первом этаже и используемых для домашних нужд, не было окон, выходящих на улицу. В верхних этажах окна на улицу должны были быть в тех квартирах, которые не выходили на двор, как, например, над съемными комнатами в доме Пансы (§208). Загородные дома также могли иметь наружные окна в первом этаже (§203). Все окна (*fenestrae*) были небольшими (рис. 65), едва ли больше трех футов на два. Некоторые из них были снабжены ставнями, которые сдвигались назад и вперед в раме на внешней стороне стены. Иногда эти ставни состояли из двух частей, двигавшихся в противоположных направлениях, и в закрытом состоянии их называли *iūnctae*. Другие окна были решетчатыми, а третьи покрывались тонкой сетью, чтобы не допустить проникновения мышей и других неприятных животных. Стекло было известно римлянам Империи, но было слишком дорогим для широкого использования. Тальк и другие полупрозрачные материалы также использовались в оконных рамах для защиты от холода, но только в очень редких случаях.

РИСУНОК 66. ПЕЧЬ ДЛЯ ОТОПЛЕНИЯ

218 Отопление - Даже в мягком климате Италии дома часто были слишком холодными для комфорта. В просто прохладные дни жильцы, вероятно, довольствовались тем, что переходили в комнаты, согретые прямыми лучами солнца (§204), или надевали на себя укутывания или более тяжелую одежду. В более суровую погоду настоящей зимы они пользовались угольными печами или мангалами, которые до сих пор используются в странах Южной Европы. Это были просто металлические ящики (рис. 66), в которые помещались горячие угли, с ножками, чтобы не повредить пол, и ручками, за которые их можно было переносить из комнаты в комнату. Они назывались *фокули*. У богатых людей под домами были печи, похожие на наши, тепло подавалось в комнаты по изразцовым трубам; в некоторых случаях перегородки и полы были сделаны из полых плиток, через которые циркулировал горячий воздух, согревая комнаты, не попадая в них. У этих печей были дымоходы, но топки использовались редко.

219 Водоснабжение. - Во всех крупных городах Италии вода в изобилии подавалась по трубам с холмов и доставлялась иногда на значительное расстояние. Акведуки римлян были одними из самых грандиозных и самых успешных инженерных сооружений. По центру улиц прокладывались магистрали, по которым вода поступала в дома. Часто в верхней части дома находился резервуар, из которого вода распределялась по мере необходимости. Во многие комнаты она обычно не проводилась, но во дворе (§202), в бане, в саду и в чулане всегда была струя или фонтан. В бане было отдельное отопительное устройство, которое поддерживало в комнате или комнатах нужную температуру и подавало горячую воду по мере необходимости.

220 Декорирование. - Снаружи дом был оставлен очень простым, стены были просто покрыты штукатуркой, как мы уже видели (§212). Интерьер украшался в соответствии со вкусами и средствами владельца, и даже самые бедные дома не были лишены очаровательных эффектов в этом направлении. Сначала стены, отделанные штукатуркой, были просто разделены на прямоугольные панели (*abaci*), которые были окрашены в глубокие, насыщенные цвета, с преобладанием красного и желтого. Затем в середине этих панелей были нарисованы простые центральные части, а все остальное было окружено самыми блестящими арабесками. Затем появились сложные картины, фигуры, интерьеры, пейзажи и т.д., большого размера и очень искусно выполненные, все они были написаны прямо на стене, как в некоторых наших общественных зданиях в наши дни. Иллюстрации этих украшений можно найти в Baumeister II, L и LI, а в красках - в Gusman IX-XI, Kelsey XI. Чуть позже стены стали покрывать панелями из тонких плит мрамора с плинтусом и карнизом. Красивые эффекты создавались сочетанием мрамора разных оттенков, и римляне перерыли весь мир в поисках ярких красок. Позже появились рельефные фигуры из лепнины, украшенные золотом и красками, и мозаика, состоящая в основном из мелких кусочков цветного стекла, которые имели эффект драгоценных камней.

РИСУНОК 67. МОЗАИЧНЫЙ ПОРОГ

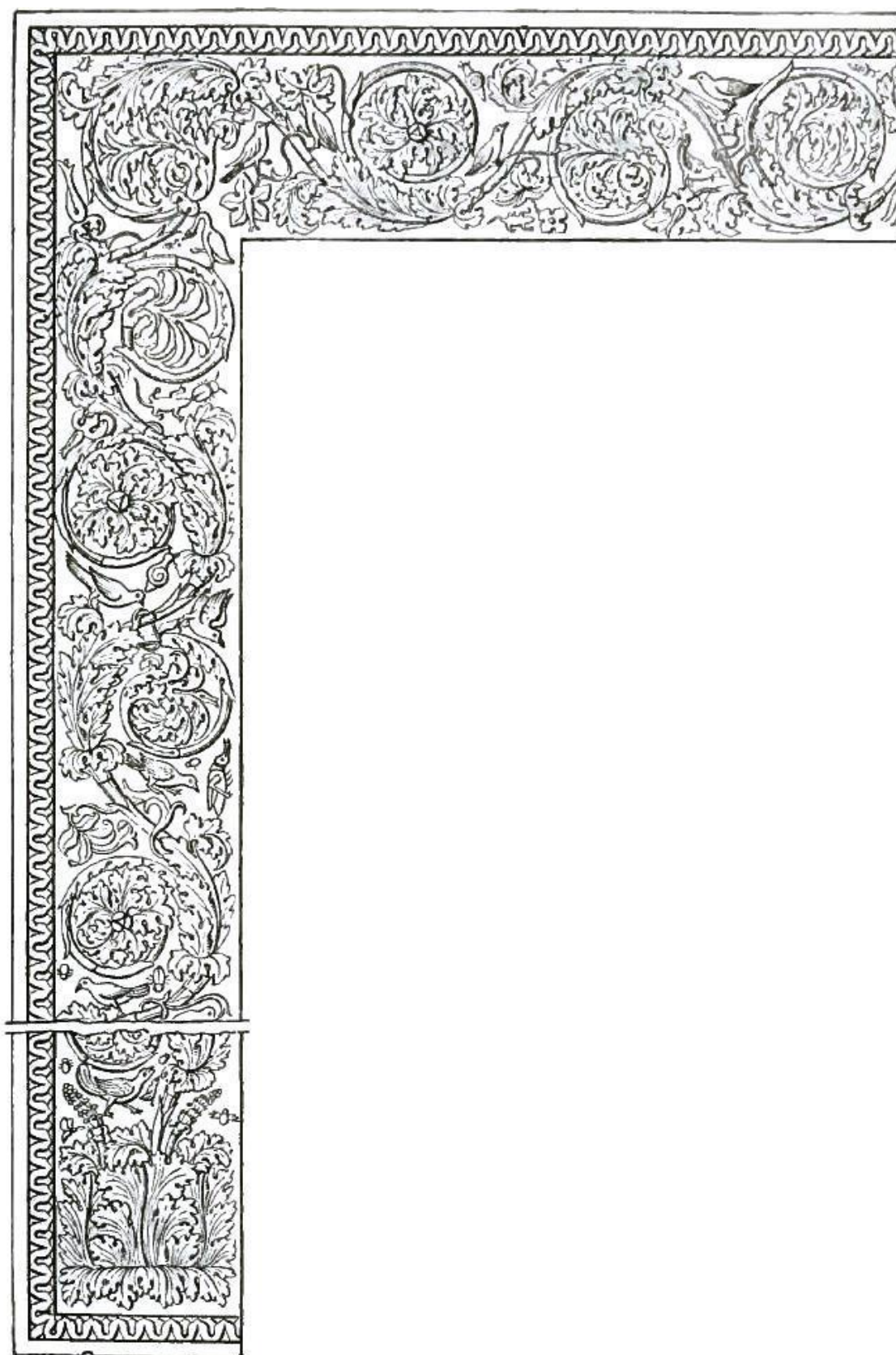

РИС. 68. РЕЗНОЙ ДВЕРНОЙ ПРОЕМ

221 Двери и дверные проемы предоставляли возможности для не менее художественного оформления. Двери были богато украшены панелями и резьбой, покрыты бронзой или сделаны из цельной бронзы. Порог часто выкладывался мозаикой (см. пример из Помпеи на рис. 67). Столбы были облицованы мрамором с искусной резьбой, как в примере из Помпеи, показанном

на рис. 68. Полы были покрыты мраморной плиткой, выложенной в виде геометрических фигур контрастного цвета, как сейчас в общественных зданиях, или мозаичными картинками, только менее красивыми, чем на стенах. Самая известная из них, "Дарий в битве при Иссе", представлена в черно-белом варианте во всех наших справочниках (лучше всего в Baumeister в разделе *Mosaik*, рис. 1000, а в цвете - в Overbeck после р. 612). Он имеет размеры шестнадцать футов на восемь, но, несмотря на свои размеры, на каждый квадратный дюйм приходится не менее ста пятидесяти отдельных фрагментов. Потолки часто сводчатые и окрашены в яркие цвета, или разделены на панели (*lacūs, lacūnae*), глубоко утопленные, тяжелыми пересекающимися балками из дерева или мрамора, а затем украшены самым тщательным образом рельефной лепниной, золотом или слоновой костью, или бронзовыми пластинами с сильной позолотой.²

²О великолепии некоторых великих домов, даже в республиканские времена, можно судить по ценам, которые за них платили. Цицерон заплатил за свой дом около 140 000 долларов; консул Мессала - столько же; Хлодий - 600 000 долларов, самый дорогой из известных нам. Все они находились на Палатинском холме, где земля тоже стоила дорого.

222 Мебель. - Наши знания о римской мебели во многом косвенные, поскольку до нас дошли только те предметы, которые были сделаны из камня или металла. К счастью, вторичные источники многочисленны и хороши. Многие предметы случайно описаны в литературных произведениях, многие изображены на настенных росписях, упомянутых выше (§220), а некоторые были восстановлены по слепкам, сделанным в затвердевшем пепле Помпеи и Геркуланума. В целом можно сказать, что в домах римлян было очень мало мебели и что они меньше заботились о комфорте, не говоря уже о роскоши, чем о дорогих материалах, тонкой работе и художественных формах. Особняки на Палатине были обогащены всеми трофеями Греции и Азии, но можно сомневаться, что в стенах Рима была удобная кровать.

223 Основные предметы. - Многие из самых распространенных и полезных предметов современной мебели были совершенно неизвестны римлянам. На их стенах не висели зеркала, у них не было письменных столов, комодов и шифоньеров, застекленных шкафов для демонстрации всякой всячины, посуды и книг, каминов и даже вешалок для шляп. Основными предметами обстановки даже в самых лучших домах были кушетки или кровати, стулья, столы и лампы. Если к ним добавить сундуки или шкафы, редкий мангал (§218) и еще более редкие водяные часы, то получится все, что можно назвать мебелью, кроме посуды и кухонных принадлежностей. Однако не следует думать, что их комнаты выглядели пустынно или уныло. Если вспомнить об украшениях (§§220, 221), величественной пышности *атрия* (§198) и редкой красоте перистиля (§202), то становится очевидным, что очень немногие предметы настоящего художественного совершенства больше соответствовали им, чем тот мусор и беспорядок, который мы сейчас считаем необходимым в наших комнатах.

224 Кушетки. - Кушетка (*lectus, lectulus*) была повсюду в римском доме: днем - диван, ночью - кровать. В своей простейшей форме она состояла из деревянного каркаса с перекладинами через верх, на который клали матрас. С одного конца располагалось кресло, как в случае с нашими диванами; иногда с каждого конца было по креслу, а кроме того, еще и спинка. К нему всегда прилагались подушки и коврики или покрывала. Изначально матрас набивали соломой, но потом она сменилась шерстью и даже перьями. В некоторых спальнях Помпеи каркас, по-видимому, отсутствовал, а матрас лежал на опоре, сделанной из пола (§205). Кушетки, использовавшиеся в качестве кроватей, были, по-видимому, больше тех, что использовались в качестве диванов, и были настолько высокими, что табуреты (рис. 69) или даже ступеньки были необходимым сопровождением. В качестве дивана *lectus* использовался в библиотеке для чтения и письма, при этом ученик опирался на левую руку, а правой держал книгу или письмо. В столовой он занимал

постоянное место, о чем будет рассказано далее. О его почетном месте в большом зале уже говорилось (§199). Как видно, *лекторий* можно было сделать очень декоративным. Ножки и ручки вырезались или изготавливались из дорогих пород дерева, инкрустировались или покрывались черепаховой скорлупой или драгоценными металлами. Мы даже читаем о рамах из чистого серебра. Покрывала часто изготавливались из тончайших тканей, окрашивались в самые яркие цвета и украшались золотыми фигурками.

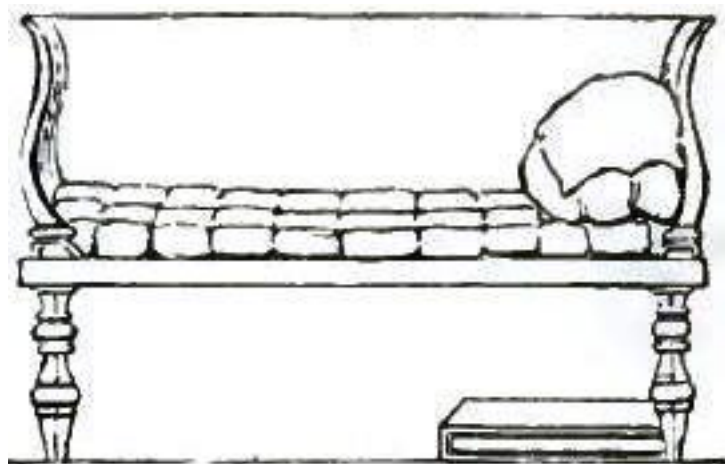

РИСУНОК 69. ЛЕКТУС

РИС. 70. СЕЛЛА

225 Кресла - Прimitивной формой сиденья (*sedile*) у римлян, как и в других странах, был табурет или скамья с четырьмя перпендикулярными ножками и без спинки. Примечательно, что она не уступила место чему-то лучшему, как только появились средства. Табурет (*sella*) был обычным местом для сидения одного человека (рис. 70), его использовали мужчины и женщины, отдыхающие или работающие, а также дети и рабы во время еды. Скамья (*subsellium*) отличалась от табурета только тем, что на ней могло поместиться более одного человека. Она использовалась сенаторами в *курии*, присяжными в судах, мальчиками в школе (§120), а также в частных домах. Особой формой *селлы* было знаменитое кресло курули (*sella curūlis*) с изогнутыми ножками из слоновой кости (рис. 71). Для удобства переноски кресло курули складывалось, как наши походные табуреты, и имело ремни через верх для поддержки подушки, которая служила сиденьем.

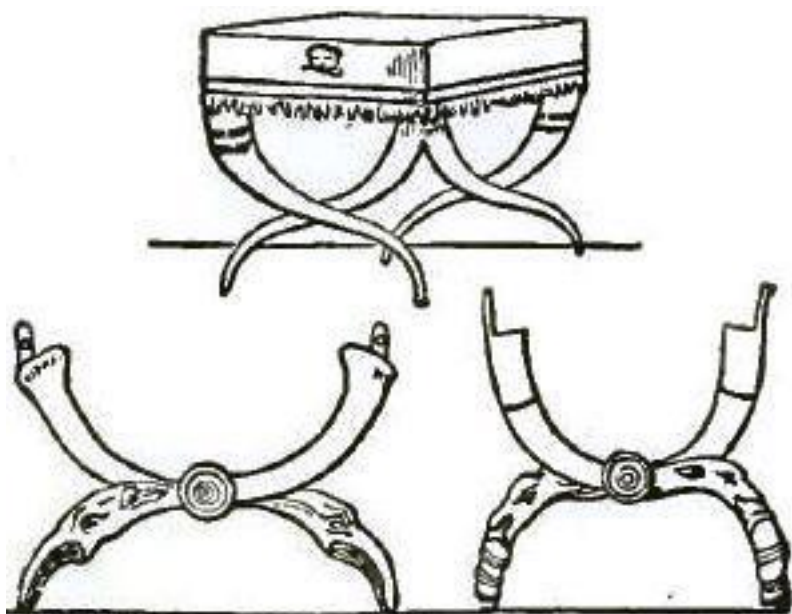

РИС. 71. КРЕСЛА-КУРЛЫ

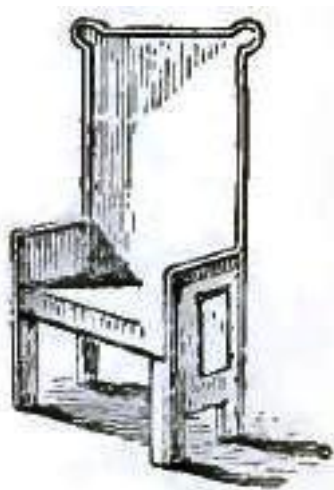

РИС. 72. СОЛИУМ

РИС. 73. КАТЕДР

226 Первым усовершенствованием *селлы* стал *солиум* - жесткий, прямой стул с высокой спинкой и массивными подлокотниками, словно вырезанный из цельного куска дерева (рис. 72), и такой

высокий, что подставка для ног была так же необходима, как и кровать (§224). Поэты изображали богов и царей сидящими в таком кресле, и оно хранилось в *атрии* для использования покровителем, когда он принимал своих клиентов (§§182, 198). Наконец, мы находим *камедру*, кресло без рук, но с изогнутой спинкой (рис. 73), иногда закрепленной под легким углом (*cathedra sup̄ina*), единственное приближение к удобному сиденью, которое знали римляне. Сначала им пользовались только женщины, считая его слишком роскошным для мужчин, но в конце концов он вошел в общее употребление. Его использование учителями в школах риторики (§115) породило выражение *ex cathedrā*, применявшееся к авторитетным высказываниям любого рода, а его использование епископами объясняет наше слово "собор". Ни *солиум*, ни *кафедра* не были мягкими, но для них обоим использовались подушки и покрывала, как и для *лекти*, и они предоставляли такие же возможности для искусной работы и пышного украшения.

227 Столы. Стол (*mēnsa*) был самым важным предметом мебели в римском доме, независимо от того, учитывали ли мы его разнообразное применение или цены, которые часто платили за определенные виды. Они различались по форме и конструкции так же, как и наши, многие из которых скопированы непосредственно с римских моделей. Для их опор и столешниц использовались всевозможные материалы: камень, дерево, цельное или шпонированное, драгоценные металлы, вероятно, только в виде тонких пластин. Самыми дорогими, насколько нам известно, были круглые столы, сделанные из срезов цитрусового дерева, найденного в Африке. Дерево было прекрасно промаркировано, а отдельные экземпляры могли быть от трех до четырех футов в диаметре. За один из них Цицерон заплатил 20 000 долларов, Асиний Поллио - 44 000 долларов, король Джуба - 52 000 долларов, а семья Кетеги обладала таким столом, оцененным в 60 000 долларов. Особые названия получили столы определенных форм. *Моноподиум* - это стол или подставка с одной опорой, используемая, в частности, для хранения лампы или туалетных принадлежностей. *Абакус* - стол с прямоугольной столешницей с приподнятым бортиком, использовавшийся для тарелок и блюд, на месте современного серванта. *Дельфийский* стол (*sc. mēnsa*) имел три ножки, как показано на рис. 74. Столы часто делали с регулируемыми ножками, чтобы можно было изменять высоту; механизм хорошо виден в разрезе (рис. 75). С другой стороны, постоянные столы в *триклиниях* (§204) часто возводились из пола из цельной каменной кладки или бетона, а их столешницы были из полированного камня или мозаики. Стол давал больше возможностей для художественной обработки, чем даже кушетка или кресло, особенно в плане резьбы и инкрустации ножек и столешницы.

РИСУНОК 74. MENSA DELPHICA

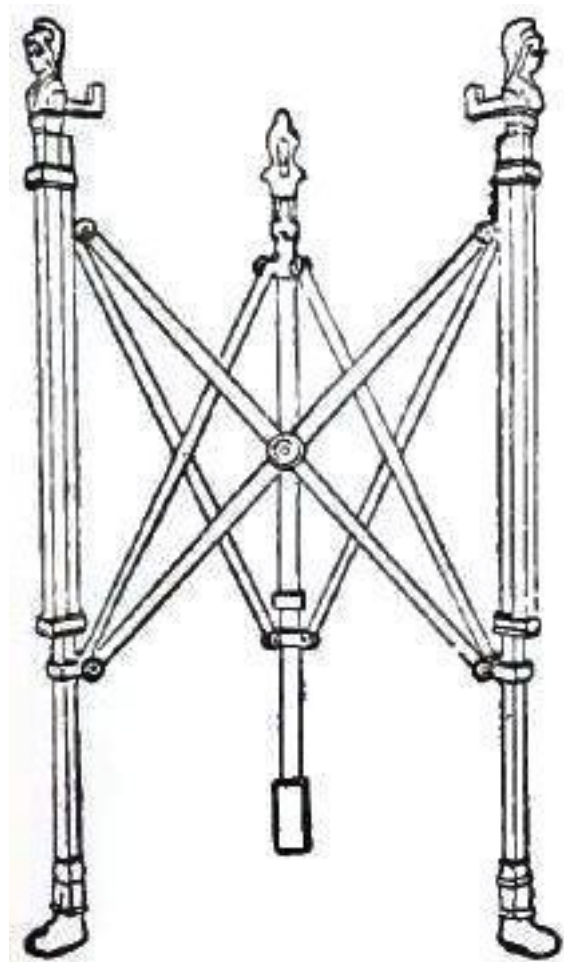

РИСУНОК 75. РЕГУЛИРУЕМЫЙ СТОЛ

228 Лампы - Римская лампа (*lucerna*) была, по сути, очень простой, просто сосуд, в котором хранилось масло или растопленный жир с несколькими нитями, скрученными вместе для фитиля и протянутыми через отверстие в крышке или верхней части (рис. 76). Свет, получаемый таким образом, должен был быть очень неуверенным и тусклым. Не было ни стекла, чтобы поддерживать пламя, ни тем более дымохода или центральной тяги. Однако как произведения искусства они были чрезвычайно красивы: те, что были сделаны из самого дешевого материала, часто отличались изяществом форм и пропорций, а те, что были сделаны из дорогого материала, во многих случаях благодаря мастерству художника должны были иметь ценность, намного превышающую стоимость редких камней или драгоценных металлов, из которых они были сделаны.

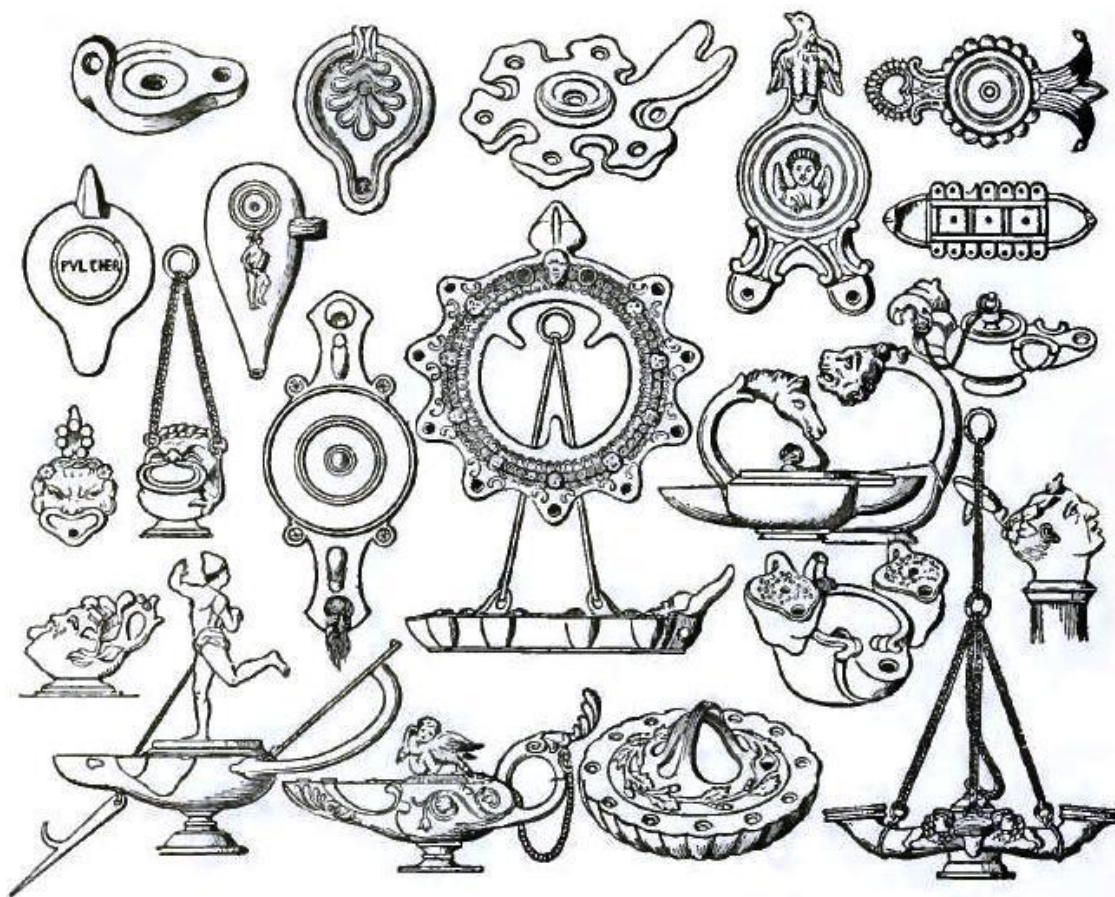

РИСУНОК 76. РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ЛАМП

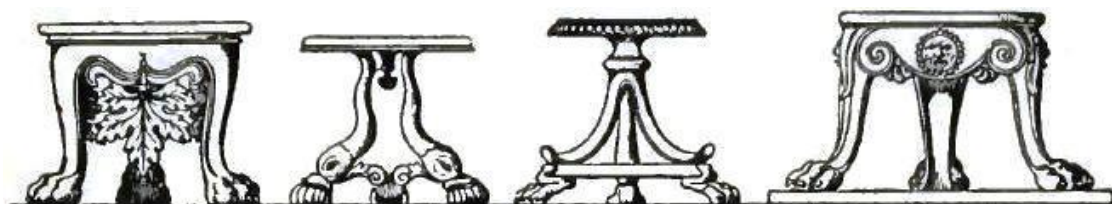

РИСУНОК 77. ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЛАМП

229 Некоторые из этих ламп (см. рис. 76) предназначались для ношения в руке, о чем свидетельствуют ручки, другие - для подвешивания к потолку на цепях. Другие держали на специально изготовленных для них столах, как *моноподии* (§227), обычно используемые в спальнях, или треножники, показанные на рис. 77. Для освещения общественных помещений, кроме них, использовались высокие подставки, подобные нашим рояльным лампам, примеры которых можно увидеть в последнем разрезе (рис. 78). На некоторых из них, возможно, размещалось сразу несколько ламп. Название этих подставок (*candēlābra*) показывает, что первоначально они предназначались для хранения восковых или сальных свечей (*candēlae*), и тот факт, что в домах богатых людей эти свечи были вытеснены коптящей и дурно пахнущей лампой, служит хорошим доказательством того, что римляне не были искусны в их изготовлении. Наконец, можно заметить, что возле наружной двери хранился запас факелов (*facēs*) из сухого, легко воспламеняющегося дерева, часто пропитанного маслом или обмазанного смолой, для использования на улицах.

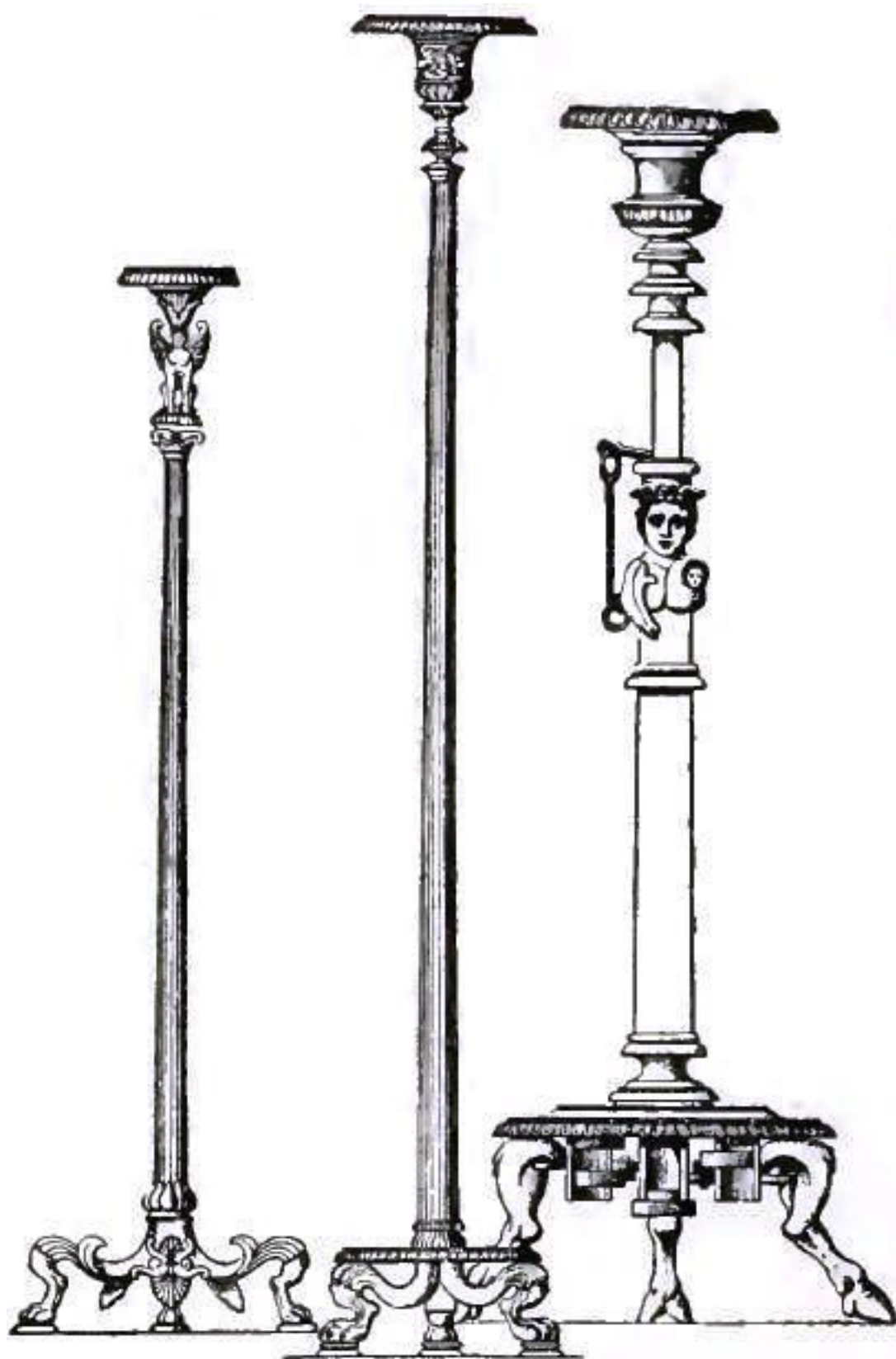

РИСУНОК 78. КАНДЕЛАБРА

РИСУНОК 79. КРЕПКИЙ ЯЩИК

230 Сундуки и шкафы - В каждом доме имелись сундуки (*ārcae*) различных размеров для хранения одежды и других предметов, которые не всегда используются, а также для надежного хранения бумаг, денег и драгоценностей. Материалом для них обычно служило дерево, часто окованное железом и украшенное бронзовыми петлями и замками. Меньшие по размеру *аркау*, использовавшиеся для хранения драгоценностей, часто изготавливались из серебра или даже золота. Наибольшее значение, пожалуй, имел крепкий ящик, хранившийся в *tablinum* (§201), в котором *отец семейства* хранил свои готовые деньги. Его делали как можно более прочным, чтобы его нельзя было легко открыть силой, и таким большим и тяжелым, чтобы его нельзя было унести целиком. В качестве дополнительной меры предосторожности его иногда приковывали цепями к полу. Также он часто был богато украшен резьбой и монтировкой, как видно на иллюстрации из Помпеи (рис. 79).

231 Шкафы (*armāria*) предназначались для аналогичных целей и изготавливались из аналогичных материалов. Они часто делились на отделения и всегда были снабжены петлями и замками. Два наиболее важных варианта использования этих шкафов уже упоминались: в библиотеке (§206) для сохранения книг от мышей и людей и в *алаэ* (§200) для хранения *умагинесов*, или смертных масок из воска. Следует заметить, что у них не было удобных стеклянных дверей, как у шкафов или ящиков, которые мы используем для книг и

подобных вещей, но они были так же хорошо приспособлены для декоративных целей, как и другие предметы мебели, которые были упомянуты.

232 Другие предметы. - Отопительная печь, или мангал, уже была описана (§218). В лучшем случае она была плохой заменой самой плохой современной печи. Место наших часов во дворе или в саду занимали солнечные часы (*sōlārium*), такие, как сейчас часто можно увидеть в наших парках, которые отмеряли часы дня по тени от палки или булавки. Они были привезены в Рим из Греции в 268 году до н. э. Примерно столетие спустя у греков были заимствованы водяные часы (*clepsydra*), более полезное изобретение, поскольку они отмечали ночные и дневные часы и могли использоваться в доме. По сути, он состоял из сосуда, наполненного в определенное время водой, которая вытекала из него с определенной скоростью, а меняющийся уровень отмечал часы на шкале. Поскольку продолжительность римских часов зависела от времени года, а расход воды - от температуры, прибор был далеко не точен. Удар часов у Шекспира в "Юлии Цезаре" (II, i, 192) является анахронизмом. О других предметах, которые иногда относят к мебели, - посуде и кухонных принадлежностях - будет рассказано в другом месте.

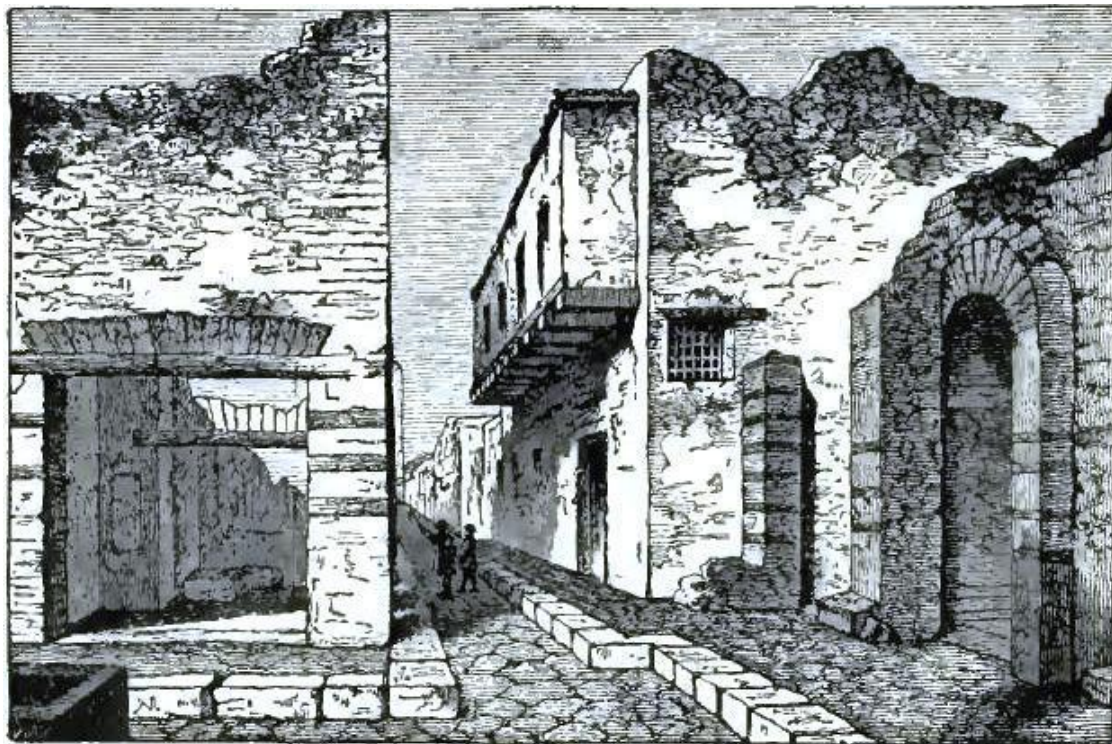

РИСУНОК 80. УЛИЦА В ПОМПЕЯХ

РИСУНОК 81. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНТАН

РИС. 82. КАМНИ ДЛЯ СТУПЕНЕЙ

233 Улица... Из сказанного очевидно, что жилая улица в римском городе должна была быть очень простой и однообразной по своему виду. Все дома были практически в одном стиле, они были одинаково отделаны лепниной (§212), окон было мало и только в верхних этажах, не было газонов или садов, короче говоря, не было ничего, что могло бы придать разнообразие или радовать глаз, за исключением, возможно, украшений *вестибюля* (§194), или случайной надстройки одного этажа над другим (*maeniānūm*, рис. 80), или общественного фонтана (рис. 81). Сама улица была вымощена, как будет объяснено далее, и снабжена пешеходной дорожкой с обеих сторон, приподнятой над ее поверхностью от двенадцати до восемнадцати дюймов. Неудобства, связанные с такой высотой для людей, переходящих с одной тропинки на другую, устранялись с помощью ступеней (*pondera*) такой же высоты, прочно закрепленных на соответствующем расстоянии друг от друга по всей улице. Эти

ступеньки устанавливались в удобных местах на каждой улице, а не только на перекрестках двух или более улиц. Обычно они были овальной формы, с плоскими вершинами и размером примерно три фута на восемнадцать дюймов, причем длинная ось была параллельна дорожке. Промежутки между ними часто были изрезаны глубокими колеями от колес автомобилей, а расстояние между колеями указывало на то, что колеса находились на расстоянии около трех футов друг от друга. Расположение ступеней хорошо видно на рис. 82, но трудно понять, как тягловому скоту удавалось прокладывать между ними путь.

ГЛАВА VII

ОДЕЖДА И ЛИЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ

ССЫЛКИ: Marquardt, 475-606; Voigt, 329-335, 404-412; Göll, III, 189-310; Guhl and Koner, 728-747; Ramsay, 504-512; Blümner, I, 189-307; Smith, Harper, Rich, под *toga*, *tunica*, *stola*, *palla* и другими латинскими словами в тексте ; Lübker, под *Kleidung*; Baumeister, 574 f., 1822-1846; Pauly-Wissowa, под *calceī*.

234 С древнейших до новейших времен одежда римлян была очень простой и состояла, как правило, из двух или трех предметов, кроме покрытия ног. Эти предметы варьировались по материалу, стилю и названию от эпохи к эпохе, но были практически неизменны во времена Республики и ранней Империи. Мягкий климат Италии (§218) и закаливающий эффект физических упражнений для молодежи (§107) сделали ненужной тесно облегающую одежду, к которой мы привыкли, а контакт с греками на юге и, возможно, этрусками на севере привил римлянам вкус к прекрасному, который нашел свое выражение в изящном расположении их свободно ниспадающих одеяний. Одежда мужчин и женщин отличалась гораздо меньше, чем в наши дни, но будет удобно описать их одежду отдельно. Латинские писатели относили каждый предмет одежды к одному из двух классов и называли его по способу надевания *indūtus* или *amictus*. К первому классу можно отнести нижнюю одежду, ко второму - верхнюю, хотя эти термины очень неадекватно отражают латинские слова.

235 Подлигакулум - Далее на человека надевался *подлигакулум*, набедренная повязка, знакомая нам по изображениям древних атлетов и гладиаторов (см. рис. 151, §344, и виновник на рис. 26, §119), или, возможно, короткие подштанники (плавки), которые сегодня носят купальщики или спортсмены колледжей. Нам говорят, что в самые ранние времена это была единственная нижняя одежда, которую носили римляне, и что семья Кетеги придерживалась этой древней практики на протяжении всей Республики, надевая тогу сразу поверх нее. Так поступали и люди, желавшие выставить себя поборниками старомодной

простоты, как, например, младший Катон, и кандидаты на государственные должности. В лучшие времена, однако, *сублигакулум* носили под туникой или заменяли им.

РИС. 83. ТУНИКА

236 Туника. Туника также была принята в очень ранние времена и стала главным предметом одежды, обозначаемым словом *indūtus*. Это была простая шерстяная рубашка, состоящая из двух частей, задней и передней, сшитых вместе по бокам, и несколько напоминающая современный свитер. У нее были очень короткие рукава, закрывавшие едва ли половину верхней части руки, как показано на рис. 83. Она была достаточно длинной, чтобы доходить от шеи до икры, но если владелец желал большей свободы для своих конечностей, он мог укоротить ее, просто протянув ее через пояс или ремень, надеваемый на талию. Туники с рукавами, достигающими до запястий (*tunicae manicātae*), и туники, ниспадающие до лодыжек (*tunicae tālārēs*), не были неизвестны в поздней Республике, но считались немужественными и женоподобными.

237 Туника носилась в доме без верхней одежды и, вероятно, без пояса; фактически она стала отличительной домашней одеждой в отличие от тоги, одежды только для официальных случаев. Гражданин также носил ее без верхней одежды во время работы, но он никогда не появлялся на публике без тоги, и даже тогда, хотя она и была скрыта тогой, хорошая форма требовала ношения пояса вместе с ней. Часто носили две туники (*внутреннюю*, или *subūcula*, и *внешнюю*), а люди, страдавшие от холода, как, например, Август, могли носить и большее количество, когда холод был очень сильным. Туники, предназначенные для использования зимой, вероятно, были толще и теплее, чем те, которые носили летом, хотя оба вида были из шерсти.

238 Туника обычного гражданина была естественного цвета белой шерсти, из которой она была сделана, без отделки или каких-либо украшений. Рыцари и сенаторы, напротив, имели пурпурные полосы, узкие и широкие соответственно, идущие от плеча до низа туники как сзади, так и спереди. Эти полосы были либо вплетены в одежду, либо пришиты к ней. От них туника рыцаря стала называться *tunica angustī clāvī* (или *angusticlāvia*), а сенатора - *lātī clāvī* (или *lāticlāvia*). Некоторые авторитеты считают, что значок senatorской туники представлял собой одну широкую полосу, проходящую по середине одежды спереди и сзади, но, к сожалению, до нас не дошло ни одного изображения, которое бы окончательно решило этот

вопрос. Под этой официальной туникой рыцарь или сенатор обычно носил простую *внутреннюю тунику*. Когда он находился в доме, то оставлял верхнюю тунику расстегнутой, чтобы как можно заметнее показать полосы.

239 Кроме *подлигакула* и *туники* у римлян не было обычного нижнего белья. Слабые возрастом или здоровьем люди иногда обматывали вокруг ног полосы шерстяной ткани (*fasciae*) для дополнительного тепла. Они назывались *feminālia* или *tibiālia*, в зависимости от того, закрывали они верхнюю или нижнюю часть ноги. Такие люди могли также использовать подобные обертывания для тела (*ventrālia*) и даже для горла (*fōcālia*), но все это считалось признаком дряхлости или дряхлости и не являлось частью обычного костюма здоровых людей. Следует особо отметить, что у римлян не было ничего похожего на наши брюки или даже длинные кальсоны: *брака* или *брака* - это галльский предмет, который не использовался в Риме до времен последних императоров. Фраза *nātiōnēs brācātae* в классические времена была презрительным выражением по отношению к галлам в частности и варварам в целом.

240 Toga. Из всех верхних одежд или покрывал самой древней и самой важной была *тога* (ср. *tegere*). Откуда она появилась у римлян, мы не знаем, но она восходит к самым ранним временам, о которых рассказывает традиция, и была характерной одеждой римлян на протяжении более тысячи лет. Это был тяжелый, белый шерстяной халат, обтягивающий всю фигуру, ниспадающий до самых ног, громоздкий, но изящный и величественный на вид. Все его ассоциации наводили на мысль о формальности. Древний римлянин обрабатывал свои поля, одетый только в *subligāculum*; в уединении дома или на работе римлянин всех времен носил удобную, похожую на блузу *тунику*; но на форуме, в *комициях*, в судах, на общественных играх, везде, где соблюдались общественные формы, он появлялся и должен был появляться в тоге. В тоге он принимал на себя обязанности гражданина (§127), в тоге он уводил жену из дома ее отца в свой (§78), в тоге он принимал своих клиентов, также облаченных в тогу (§182), в тоге он исполнял свои обязанности магистрата, управлял своей провинцией, праздновал свой триумф, и в тогу его заворачивали, когда он в последний раз ложился в своем зале (§198). Ни один чужой народ не имел одеяния такого же материала, цвета и устройства; ни одному иностранцу не разрешалось носить его, хотя бы он жил в Италии или даже в самом Риме; даже изгнанный гражданин оставлял тогу со своими гражданскими правами. Вергилий лишь выразил национальное чувство, написав гордый стих (Aen. I, 282):

Rōmānōs, rērum dominōs, gentemque togātam.¹

¹Римляне, повелители деяний, раса, носящая тогу.

241 Форма и устройство. - Общий вид тоги известен каждому школьнику; мало у кого из древних одежд есть столь распространенные и в целом столь удачные изображения (Becker, p. 203; Guhl and Koner, p. 729; Baumeister, p. 1823; Schreiber, LXXXV, 8-10; Harper, Rich, and Smith, s.v.). Они основаны на многочисленных статуях мужчин, облаченных в него, дошедших до нас из древности, и, кроме того, мы имеем полные и тщательные описания его формы и манеры носить его в работах писателей, которые носили его сами. На самом деле, однако, оказалось невозможным согласовать описания в литературе с изображениями в искусстве (рис. 84), и ученые отнюдь не сходятся во мнении относительно точного покроя тоги или способа ее надевания. Однако несомненно, что в своей ранней форме она была более простой, менее громоздкой и более плотно прилегала к фигуре, чем в более поздние времена, и что даже в классический период ее устройство было настолько сложным, что модный человек не мог облачиться в нее без посторонней помощи.

РИС. 84. ТИБЕРИЙ В ТОГЕ

РИСУНОК 85. ЗАДНЯЯ ЧАСТЬ ТОГИ

242 Ученые, которые в большей степени опираются на литературные источники, описывают покррой и устройство тоги примерно следующим образом: Она состояла из одного куска ткани полукруглого покроя, около пяти ярдов в длину и четырех в ширину, часть которого была сжата в длинные узкие косички. Эта ткань складывалась вдвое по длине, но не по центру, а так, чтобы одна складка была глубже другой. Затем ее перекидывали через левое плечо таким образом, чтобы конец спереди доходил до земли, а часть сзади (рис. 85) была длиной примерно в два человеческих роста. Затем этот конец продевали под правую руку и снова перекидывали через левое плечо так, чтобы закрыть всю правую сторону от подмышки до икры. Широкие складки, в которых она висела, собирались на левом плече. Часть, пересекающая грудь по диагонали, называлась *пазухой*, или лоном. Она была достаточно

глубокой, чтобы служить карманом для приема небольших предметов. Согласно этому описанию, тога была цельной и не имела швов.

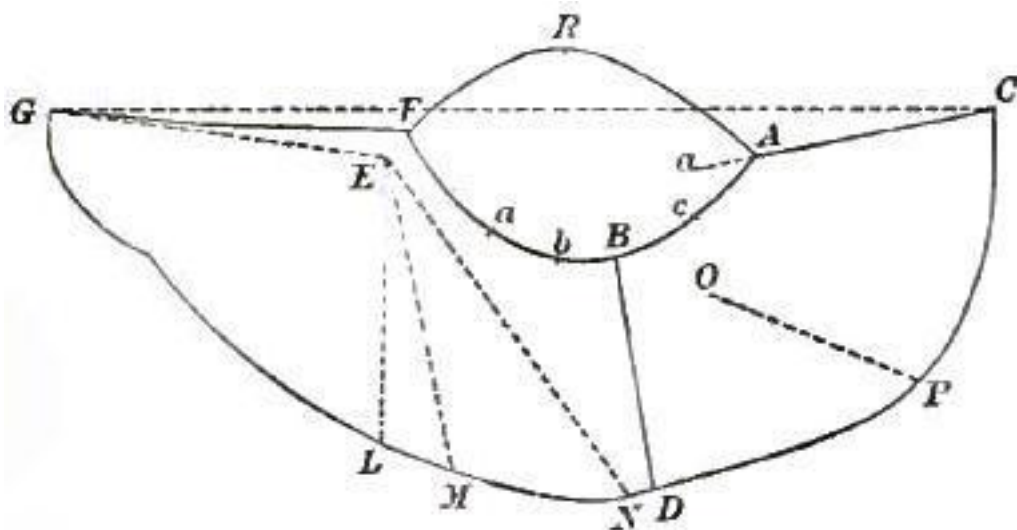

РИСУНОК 86. ВЫКРОЙКА ТОГИ

243 Те, кто пытается реконструировать тогу полностью или в основном по произведениям искусства, сталкиваются с невозможностью воспроизвести на живых существах драпировку, которую можно увидеть на статуях, с тогой из цельного куска товара или полукруглой. Экспериментальная форма показана на рис. 86 и напоминает абак, разрезанный на две части и вытянутый во всю длину. Пунктирная линия GC - это прямой край изделия; жирные линии показывают форму тоги после того, как она была вырезана и к ней была пришта деталь в виде эллипса, обозначенная $FRAcBa$. Пунктирная линия GE имеет длину, равную росту человека в плечах, а остальные измерения должны быть рассчитаны пропорционально. Когда тога надета на фигуру, точка E должна находиться на левом плече, а точка G касаться земли спереди. Точка F находится на шее сзади, а поскольку большая часть одежды должна опускаться за фигуру, точки L и M будут находиться на икрах ног сзади, точка a - под правым локтем, а точка b - на животе. Материал переносится за спину и под правую руку, а затем снова перекидывается через левое плечо. Точка c попадет на E , а часть $OPCa$ будет свисать вниз по спине до земли, как показано на рис. 85, §242. Затем часть FRA перекидывается через правое плечо, чтобы закрыть правую сторону груди и сформировать *пазуху*, а часть, идущая от левого плеча до земли спереди, вытягивается вверх с пути ног, обрабатывается под диагональными складками и дается немного выпасть вперед. Передняя часть должна выглядеть так, как показано на рисунке в §241. На практике, однако, выясняется, что изящество тоги в значительной степени должно было быть заслугой обученного *весталки*, который держал ее в складках, когда она не использовалась, и тщательно расправлял каждую складку после того, как его хозяин надевал ее. Нам не рассказывают о булавках или лентах, удерживающих ее на месте, но говорят, что часть, ниспадающая с левого плеча до земли сзади, держалась на месте за счет собственного веса, и что этот вес иногда увеличивался за счет свинца, вшитого в подол.

244 Очевидно, что в этой модной тоге конечности были полностью скованы, и любое быстрое, не говоря уже о насильственном, движение было абсолютно невозможно. Другими словами, ультрамодная тога во времена Цицерона подходила только для формальной, торжественной, церемониальной жизни города. Поэтому легко понять, как она стала эмблемой мира, будучи слишком громоздкой для использования на войне, и как Цицерон мог насмехаться над молодыми денди своего времени за то, что они носили "паруса, а не

тоги". Мы также можем понять, с какой готовностью римляне приветствовали передышку от гражданских и общественных обязанностей. Ювенал вздыхал о свободе страны, где только мертвые должны носить тогу. Марциал восхваляет нетрадиционность провинций по той же причине. Плиний считает одной из достопримечательностей своей виллы то, что ни один гость не должен носить тогу. Кроме того, ее стоимость делала ее еще более обременительной для бедняков, а рабочие классы вряд ли могли носить ее вообще.

РИСУНОК 87. РАННЯЯ ТОГА

РИСУНОК 88. CINCTUS GABINUS

245 Ранняя тога должна была быть намного проще, но до нас не дошло ни одного ее изображения. Дрезденская статуя, часто используемая для иллюстрации ее устройства (Smith, Fig. 7, p. 848b; Schreiber LXXXV, 8; Marquardt, Fig. 2, p. 558; Baumeister, Fig. 1921), более чем сомнительна, а одеяние, вероятно, представляет собой греческую мантию какого-то рода. Приблизительное представление о ней можно получить, пожалуй, по статуе этрусского оратора во Флоренции (рис. 87), которая очень точно соответствует описаниям ее в литературных источниках. Во всяком случае, в нем мужчины могли сражаться, обвязывая концы вокруг тела и закидывая задние складки на голову. Это называлось *cinctus Gabīnus*, и долгое время после того, как тогу перестали носить на войне, этот *cinctus* использовался в некоторых церемониях. Он изображен на рис. 88, хотя тога относится к более позднему времени.

246 Виды тог. Тога рядового гражданина, как и туника (§ 238), была естественного цвета белой шерсти, из которой ее делали, и различалась по фактуре, конечно, в зависимости от качества шерсти. Она называлась *toga pūra* (или *virīlis, libera* §127). Ослепительный блеск тоге можно было придать с помощью препарата фуллера мела, и такая тога называлась *toga splendēns* или *candida*. В такую тогу облачались все лица, претендующие на должность, и от этого они назывались *candidātī*. Курульные магистраты, цензоры и диктаторы носили *toru praetexta*, отличавшуюся от обычной тоги только пурпурной каймой. Ее также носили мальчики (§127) и главные должностные лица свободных городов и колоний. *Tora picta* была полностью пурпурной, покрытой золотой вышивкой, и ее носили победоносные полководцы во время триумфальной процессии, а позднее - императоры. *Tora pulla* - это просто грязная тога, которую носили люди в трауре или под угрозой какого-либо несчастья, как правило, политического. Людей, надевших ее, называли *sordidātī* и говорили *mūtāre vestem*. Это *vestis mūtātiō* было распространенной формой публичной демонстрации сочувствия павшему лидеру. В этом случае курульные магистраты довольствовались лишь отменой *toru praetexta* на *toru pūra*, а *toru pulla* носили только представители низших сословий.

247 Лацерна - Во времена Цицерона в моду вошла мантия под названием *лацерна*, которая, по-видимому, сначала использовалась солдатами и низшими сословиями, а затем была

принята их старейшинами из-за ее удобства. Сначала ее носили поверх тоги, чтобы защититься от пыли и внезапных ливней. Это была шерстяная мантия, короткая, легкая, открытая по бокам, без рукавов, но застегивающаяся брошью или пряжкой на правом плече. Она была настолько легкой и удобной, что ее стали носить не поверх тоги, а вместо нее, причем так часто, что Август издал указ, запрещающий использовать ее в общественных собраниях граждан. При последующих императорах, однако, она снова вошла в моду и стала обычной верхней одеждой в театрах. Она была разных цветов: темная, естественно, для низших классов, белая для торжественных случаев, а также более ярких оттенков. Иногда к ней прилагался капюшон (*cucullus*), который носитель мог натянуть на голову в качестве защиты или маскировки. До нас не дошло ни одного изображения *лакерны* в искусстве, которое можно было бы идентифицировать с уверенностью; изображение в Rich s.v. очень сомнительно. Военный плащ, который сначала назывался *trabea*, затем *palūdāmentum* и *sagum*, был очень похож на *lacerna*, но был сделан из более тяжелого материала.

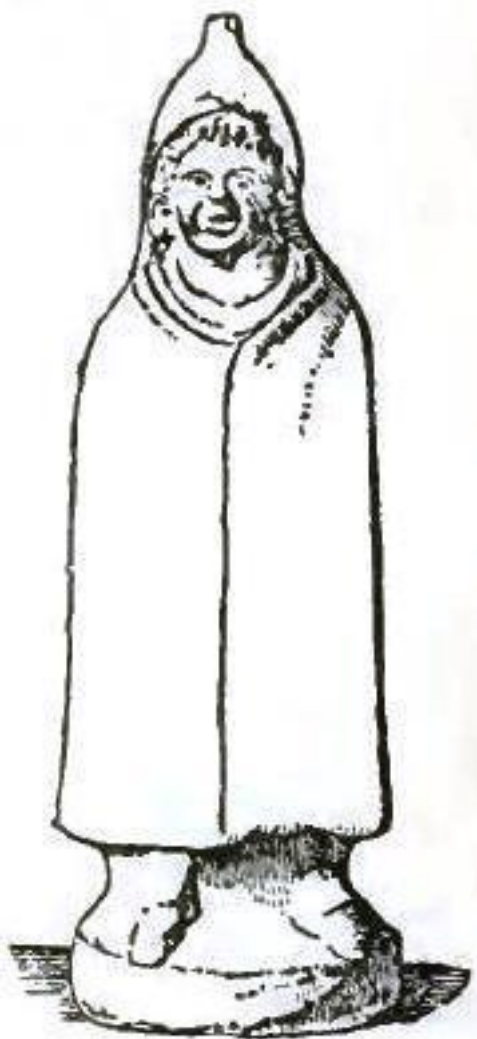

РИСУНОК 89. ПЕНУЛА

РИС. 90. СОЛДАТ В АБОЛЛЕ

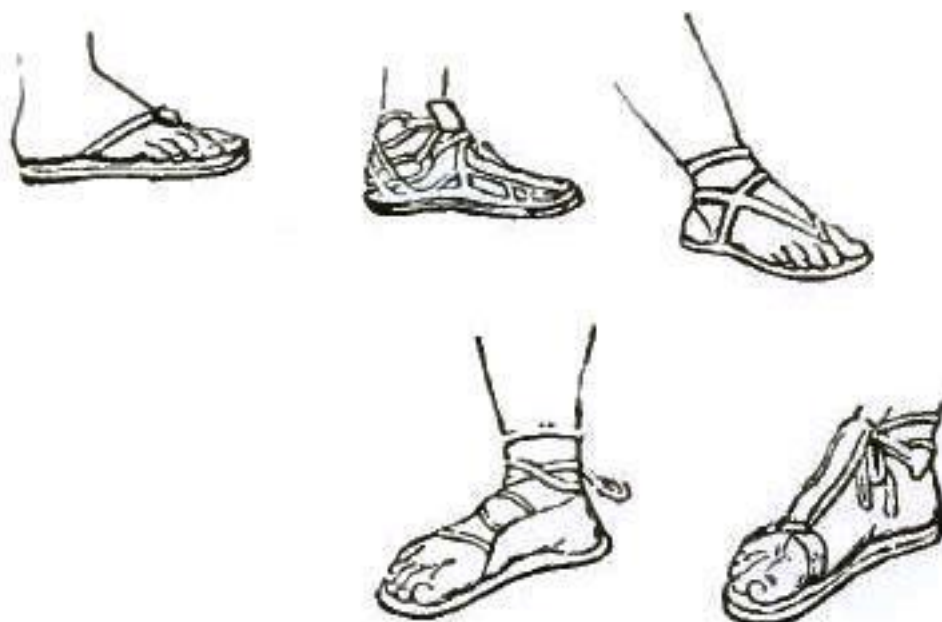

РИС. 91. СОЛЕЯ

248 Паэнула. - Старше *лацерны* и использовалась всеми видами и слоями населения, чем *паэнула* (рис. 89), тяжелая грубая одежда из шерсти, кожи или меха, использовавшаяся только для защиты от дождя или холода, и поэтому никогда не заменявшая тогу или сделанная из тонких материалов или ярких цветов. По всей видимости, она различалась по длине и полноте, но была безрукавкой, сделанной из одного куска с отверстием посередине, через которое носитель просовывал голову. Поэтому его относят к категории *vestimenta clausa*, или закрытых одежд, и он, должно быть, очень похож на современное пончо. Она надевалась через голову, как туника или свитер, и закрывала руки, оставляя им гораздо меньше свободы, чем *лацерна*. В длинных плащах спереди был разрез от талии вниз, что позволяло застегнуть плащ через плечо, оставляя одну руку сравнительно свободной, но в то же время открывая ее для непогоды. Его носили поверх туники или тоги, в зависимости от обстоятельств, и он был обычной дорожной привычкой граждан из лучших слоев общества. Ее также часто носили рабы, и, похоже, она регулярно поставлялась солдатам,

размещенным в местах с суровым климатом. Как и *лакерна*, она иногда снабжалась капюшоном.

249 Другие обертки - О других изделиях, включенных в общий термин *amictus*, мы знаем не более чем названия. *Синтез* был обеденным платьем, которое ультрамодные люди надевали за столом поверх туники и которое иногда называли специальным именем *vestis cēnātōria*, или только *cēnātōrium*. Его не носили вне дома, кроме как на Сатурналии, и обычно он был яркого цвета. Его форма неизвестна. *Лаена* и *аболла* были очень тяжелыми шерстяными плащами, причем последний (рис. 90) был любим бедняками, которым приходилось заставляя одну одежду выполнять обязанности двух или трех. Особенно часто его использовали профессиональные философы, которые, как говорят, небрежно относились к своей одежде. Предполагается, что один из них носит человек, стоящий крайним слева на картине школы, показанной в §119. *Эндормис* был чем-то вроде современного банного халата, используемого мужчинами после сильных гимнастических упражнений, чтобы не простудиться, и вряд ли относится к одежде.

250 Обувь: Soleae. - Можно считать правилом, что свободные люди не появлялись на публике в Риме с босыми ногами, за исключением случаев, когда к этому вынуждала жесточайшая бедность. В ходу были два вида обуви: тапочки или сандалии (*soleae*) и туфли (*calcei*). Тапочки состояли в основном из подошвы из кожи или циновки, прикрепленной к ноге различными способами (см. несколько фасонов на рис. 91). Обычай ограничивал ее использование домом, и она характерно сочеталась с туникой (§237), когда та не была покрыта верхней одеждой. Как ни странно, но, как нам кажется, тапочки не носили во время еды. Хозяин и гости надевали их в столовой, но как только они занимали свои места на диванах (§224), рабы снимали тапочки с ног и ухаживали за ними до окончания трапезы (§152). Отсюда фраза *soleās poscere* стала означать "готовиться к уходу". Когда гость отправлялся на ужин в *лектике* (§151), он надевал *soleae*, но если он шел пешком, то надевал обычную обувь (*calcei*), а его тапочки нес раб.

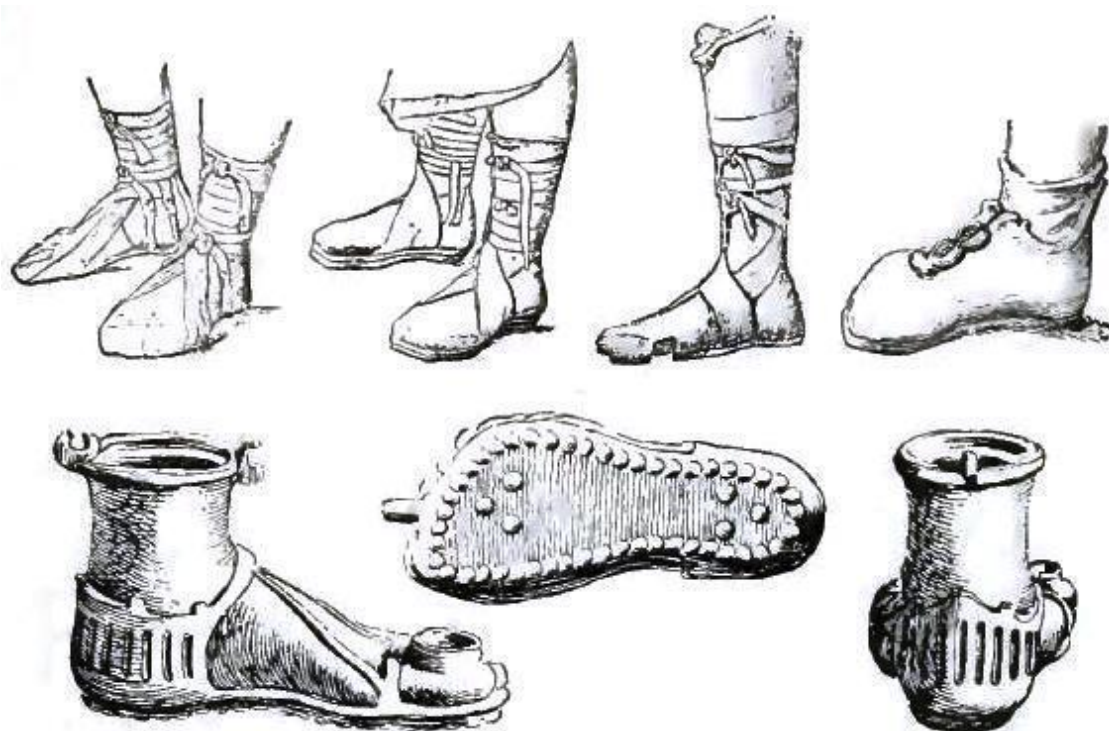

РИСУНОК 92. РИМСКАЯ ОБУВЬ

251 Кальцеи - вне дома всегда носили *кальцеи*, хотя они были гораздо тяжелее и менее удобны, чем *солеа*. Хорошая форма запрещала надевать тогу без *кальцеи*, и их носили также со всеми другими предметами одежды, входящими в понятие *amictus*. *Кальцеи* - это, по сути, обувь, сделанная из кожи, закрывающая верхнюю часть стопы, а также защищающая подошву, застегивающаяся шнурками или ремешками. Высшие классы имели обувь, соответствующую их рангу. Наиболее известна обувь сенаторов (*calceus senātorius*), изображенная на рис. 92, но нам известна только ее форма, а не цвет. Она имела толстую подошву, была открыта изнутри у лодыжки и скреплялась широкими ремешками, которые шли от места соединения подошвы и верха, обматывались вокруг ноги и завязывались выше щиколотки. *Муллеус*, или *патрицианский калфей*, первоначально носили только патриции, а позже - все курульные магистраты. По форме она напоминала сенаторскую обувь, была красного цвета, как рыба, от которой получила свое название, и имела украшение из слоновой кости или серебра в виде полумесяца (*lūnula*), прикрепленного снаружи к лодыжке. Мы ничего не знаем об обуви, которую носили рыцари. Обычные горожане носили обувь, которая открывалась спереди и скреплялась ремешком из кожи, проходившим с одной стороны обуви около верха. Они не поднимались так высоко на ноге, как у сенаторов, и, вероятно, были из некрашеной кожи. Бедные слои населения, естественно, носили обувь из более грубого материала, часто из незагорелой кожи (*pērōnēs*), а рабочие и солдаты - полусапоги (*caligae*) из самой прочной кожи или деревянные башмаки. Римляне не носили чулок, но люди с нежными ногами могли обматывать их *фасциями* (§239), чтобы туфли и сапоги не натирали их.

РИСУНОК 93. КАУЗИЯ

РИС. 94. ПЕТАСУС

252 Покрывала для головы. Мужчины высших классов в Риме обычно не покрывали голову. Когда они выходили на улицу в плохую погоду, то защищались, конечно, *лацерной* и *паенулой*, а они, как мы уже видели (§§247, 248), были снабжены капюшонами (*cucullī*). Если во время внезапного ливня они оказывались без укрытия, то, как могли, натягивали тогу на голову (см. рис. 88 в §245). Люди более низкого положения, особенно рабочие, которые целый день находились вне дома, носили коническую войлочную шапочку, называемую *пилеус* (см. иллюстрацию в § 175). Вероятно, это пережиток того, что в доисторические времена было неотъемлемой частью римской одежды, поскольку она сохранилась среди знаков отличия древнейших жреческих родов, понтификов, фламингов и салиев, а также

фигурировала в обряде манумиссии. Вне города, то есть во время путешествий или в деревне, высшие классы тоже защищали голову, особенно от солнца, широкополой войлочной шляпой иностранного происхождения, *каузией* или *петасусом*. Они показаны на рис. 93 и 94. В городе их носили также старики и немощные, а в более поздние времена - все сословия в театрах. В доме, разумеется, голова оставалась непокрытой.

253 Волосы и борода - Римляне в ранние времена носили длинные волосы и полные бороды, как и все нецивилизованные народы. Варро говорит нам, что профессиональные цирюльники впервые появились в Риме в 300 году до н. э., но мы знаем, что бритва и ножницы использовались римлянами задолго до начала истории. Плиний утверждает, что младший Сципион (†129 г. до н. э.) был первым из римлян, кто стал бриться каждый день, и эта история может быть правдивой. У людей с достатком и положением волосы и бороду содержали в порядке дома их собственные рабы (§150), и эти рабы, если они были искусными цирюльниками, приносили высокие цены на рынке. Люди среднего класса переходили в общественные цирюльни и постепенно превращали их в места всеобщего скопления праздных людей и сплетников. Но во все времена волосы и бороду позволяли отращивать в знак скорби, и они были обычным сопровождением траурного одеяния, о котором уже говорилось (§246). Очень бедные люди тоже обычно ходили небритыми и нечесаными, просто потому, что это было дешевой и легкой модой.

254 Стили менялись в зависимости от возраста людей. Волосы детей, как мальчиков, так и девочек, позволялось отращивать, чтобы они свисали на шею и плечи. Когда мальчик надевал тогу мужественности, длинные локоны отрезали, иногда с большой долей формальности, а в империи их часто приносили в жертву какому-нибудь божеству. В классический период молодые мужчины, похоже, носили аккуратные бороды; по крайней мере, Цицерон высмеивает тех, кто следовал за Катилиной, за то, что они носили полные бороды, и, с другой стороны, заявляет, что их товарищи, которые не могли показать никаких признаков бороды на лице, были хуже, чем женоподобные. Зрелые мужчины носили коротко стриженные волосы и чисто выбритое лицо. На большинстве дошедших до нас портретов безбородые мужчины изображены вплоть до II века нашей эры, но после правления Адриана (117-138 гг. н. э.) в моду вошла полная борода. Рисунки 2-11, §§28-74, расположены в хронологическом порядке и наглядно демонстрируют изменения в стилях.

РИСУНОК 95. КОЛЬЦА С ПЕЧАТКОЙ

255 Ювелирные изделия. Кольцо было единственным украшением, которое носил римский гражданин после достижения им зрелого возраста (§99), и хороший вкус ограничивал его одним кольцом. Изначально оно было железным, и хотя часто украшалось драгоценным камнем и становилось еще более ценным благодаря художественной огранке камня, его всегда носили больше для использования, чем для украшения. На самом деле почти во всех

случаях это было кольцо-печатка, на котором было изображено некое устройство (рис. 95), которое владелец отпечатывал в расплавленном воске, когда хотел признать какой-либо документ своим или защитить шкафы и сундуки от любопытства. Железное кольцо обычно носили до конца Империи, даже после того, как золотое кольцо перестало быть особой привилегией рыцарей и стало просто знаком свободы. Даже обручальное кольцо (§71) обычно было железным, так как оправка придавала ему материальную ценность, хотя нам говорят, что именно это кольцо часто было первым золотым изделием, которым владела девушка.

256 Разумеется, не обошлось без мужчин, готовых нарушить каноны вкуса в вопросе колец, как и в выборе одежды или манере носить волосы и бороду. Поэтому мы не должны удивляться, читая о том, что у одного было шестнадцать колец, а у другого - по шесть на каждом пальце. У одного из знакомых Марциала было такое большое кольцо, что поэт посоветовал ему носить его на ноге, а Ювенал рассказывает нам о выскочке, который летом носил легкие кольца, а зимой - тяжелые. Еще более удивителен тот факт, что кольцо носили на суставе, а не прижимали к пальцу, как это принято сейчас. Если два носили на одном пальце, их надевали на отдельные суставы, не касаясь друг друга. Такая мода, должно быть, серьезно мешала движению пальца.

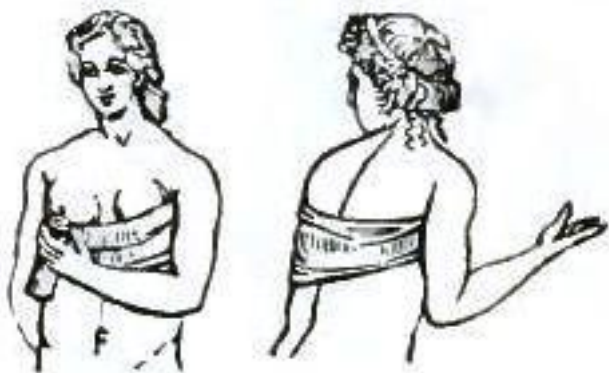

РИС. 96. МАМИЛЛЯР

РИС. 97. СТРОФИУМ

РИСУНОК 98. ЗОНА

257 Женская одежда. - Уже отмечалось (§234), что мужская и женская одежда в древние времена отличалась меньше, чем в современные, и мы обнаружим, что в классический период, по крайней мере, основные носимые предметы были практически одинаковыми, как бы сильно они ни различались по названию и, возможно, по тонкости материалов. В этот период одежда матроны в целом состояла из трех предметов: *внутренней туники*, *внешней туники*, или *stola*, и *palla*. Под *внутренней туникой* не было ничего похожего на современный корсет - талия или корсет, предназначенный для изменения фигуры, но полоса мягкой кожи (*tamillāre*) иногда проходила вокруг тела под грудью для поддержки (рис. 96), также женщины носили *subligāculum* (§235).

258 Внутренняя туника. *Внутренняя туника* не сильно отличалась по материалу и форме от уже описанной мужской туники (§236). Она прилегала к фигуре, возможно, более плотно, чем мужская, иногда снабжалась рукавами и, поскольку доходила только до колена, не требовала пояса, чтобы не мешать свободному использованию конечностей. Однако иногда поверх него, под грудью, надевалась мягкая кожаная полоска, похожая на створку (*strophium*), но только для поддержки, и в этом случае можно предположить, что от *tamillāre* отказались. Для обозначения этого пояса (рис. 97) иногда используются более общие термины *zōna* и *cingulum*. Эту тунику обычно не носили в одиночку, даже в доме, за исключением молодых девушек.

259 Стола. - Поверх *внутренней туники* надевалась *внешняя туника*, или *стола*, отличительная одежда римской матроны (§91). По ряду признаков она отличалась от туники, которую мужчины носили в качестве домашней одежды. Она была открыта с обеих сторон выше талии и застегивалась на плечах брошами. Она была гораздо длиннее, доходила до ног в расстегнутом виде и имела, кроме того, широкую кайму или волан (*īnstita*), пришитый к нижнему подолу. Вокруг шеи также шла кайма, которая, по-видимому, обычно была пурпурной. *Стола* была без рукавов, если *внутренняя туника* имела рукава, но если сама туника была без рукавов, то и *стола* имела их, так что рука всегда была защищена. Однако эти рукава, будь то туника или *штола*, были открыты спереди в верхней части руки и лишь слабо застегивались брошами или пуговицами, часто очень красивыми и ценными.

РИС. 99. СТАТУЯ МЛАДШЕЙ ФАУСТИНЫ

РИС. 100. СТАТУЯ ИЗ ГЕРКУЛАНУМА

260 Из-за большой длины *стола* всегда носили с поясом (*zōna*) выше бедер (рис. 98), через который перетягивали саму *стола*, пока нижний край *īnstita* едва не касался пола. Это придавало полноту в области талии, как на статуе Фаустины (рис. 99), на которой также виден разрез рукавов. Зону обычно полностью скрывали нависающие складки. Как уже говорилось, *stola* была отличительной одеждой матроны, и, вероятно, *īnstita* была ее отличительной чертой; то есть *внешняя туника* незамужней женщины не имела волана или каймы, хотя, вероятно, доходила до пола.

РИСУНОК 101. СТАТУЯ ЛИВИИ

261 Палла. - *Палла* была похожей на шаль накидкой для использования вне дома. Она представляла собой прямоугольный кусок шерстяной ткани, максимально простой по форме, но в разные времена ее носили в самых разных стилях. В классический период его, по-видимому, оборачивали вокруг фигуры, как и тогу. Одну треть перекидывали через левое плечо сзади и позволяли упасть к ногам. Оставшуюся часть носили на спине и перебрасывали вперед либо через правую руку, либо под нее - по желанию владельца. Затем конец перекидывали назад через левое плечо в стиле тоги, как на мраморной статуе из Геркуланума, изображенной на рис. 100, или позволяли свободно свисать через левую руку, как на статуе Ливии (рис. 101). *Паллу* можно было также натягивать на голову, и этот способ ее использования, как полагают некоторые ученые, показан на статуе Ливии, в то время как другие видят в покрытии головы что-то вроде вуали.

262 Туфли и тапочки. То, что было сказано о мужской обуви (§§250, 251), относится и к женской. В доме носили тапочки (*soleae*), которые отличались от мужских только тем, что были украшены как можно больше, иногда даже жемчугом. Представление об их внешнем виде можно получить по статуе Фаустины (§259). Обувь (*calcei*) была обязательна для ношения на улице и отличалась от мужской, как, впрочем, и сейчас, тем, что была сделана из более тонкой и мягкой кожи. Они часто были белыми, позолоченными или ярких цветов, а те, что предназначались для зимней носки, иногда имели пробковую подошву.

263 Укладка волос. Римлянка обычно не носила головного убора, но при необходимости покрывала голову *столой* или вуалью. Большое внимание уделялось укладке волос, причем моды были столь же многочисленны и непостоянны, как и в наши дни. Для молодых девушек любимым приемом, пожалуй, было зачесать волосы назад и собрать их в узел (*nodus*) на затылке. Для матрон будет достаточно обратить внимание на уже приведенные рисунки (§§77, 259, 261) и показать на примере статуй пять стилей (рис. 102), которые носили в разное время в Империи, все они принадлежали придворным дамам.

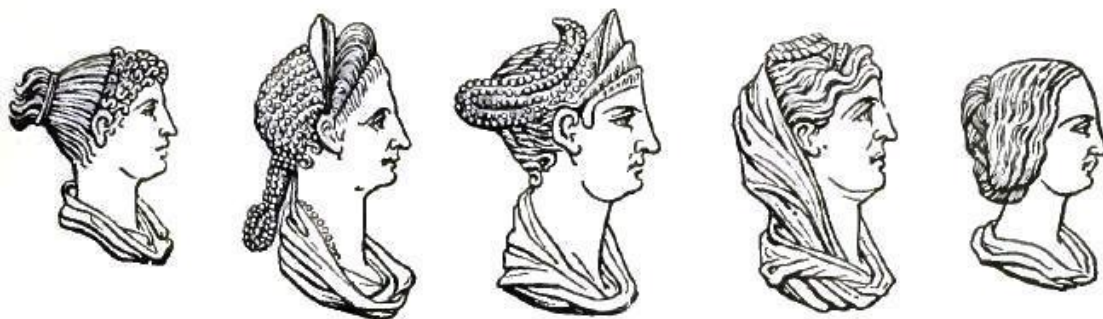

РИСУНОК 102. СТИЛИ УКЛАДКИ ВОЛОС

264 Для фиксации волос использовались шпильки из слоновой кости, серебра и золота, часто украшенные драгоценными камнями. Носили также сетки (*rēticula*) и ленты (*vittae*, *taeniae*, *fasciulae*), но гребни не были частью головного убора. Римская модница не гнушалась красить волосы, особенно восхищаясь золотисто-рыжим цветом греческих волос, или использовать накладные волосы, которые уже в начале империи стали предметом торговли. Следует также упомянуть гирлянды (*corōnae*) из цветов или из цветов и листвы, а также короны из жемчуга и других драгоценных камней, которые использовались для дополнения естественной или искусственной красоты волос. Они показаны на рис. 102 выше.

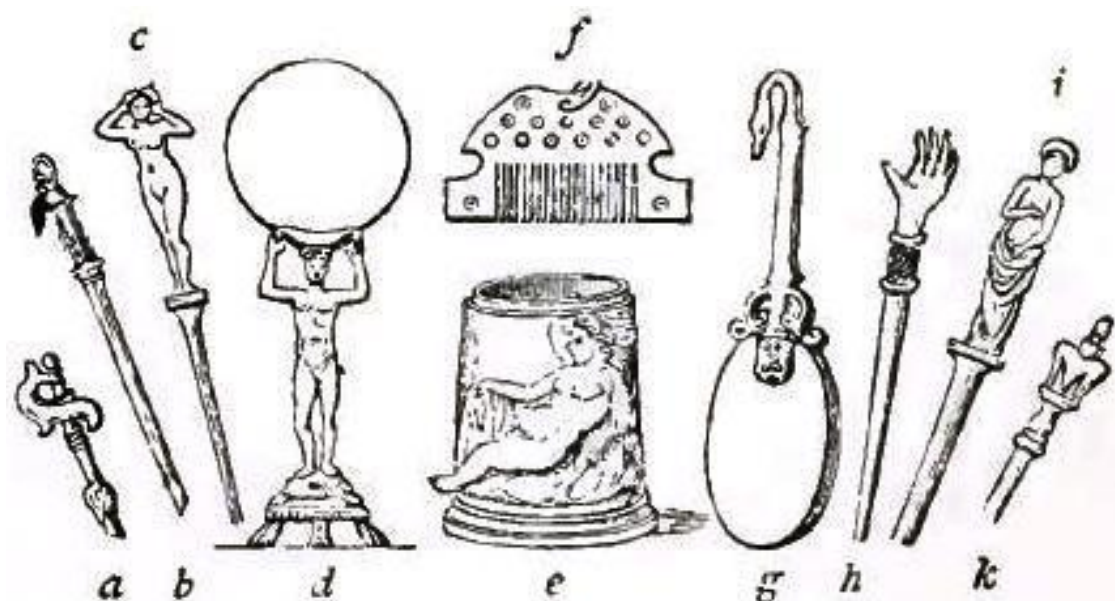

РИС. 103. ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА

265 Женским парикмахером была женщина-рабыня (§150), и Ювенал рассказывает, что она жестоко страдала от нетерпения своей госпожи (§158), которая находила длинные зачатки, изображенные на рисунке, удобным орудием наказания. *Орнатрикс* был искусен во всех уже упомянутых хитростях туалета, а также использовал всевозможные примочки, масла и тоники, чтобы сделать волосы мягкими и блестящими и вызвать их обильный рост. На рис. 103 показан ряд обычных предметов туалета: *a, b, c, h, i* и *k* - зачатки для волос, *d* и *g* - ручные зеркала из полированного металла, *f* - расческа, *e* - коробочка для поматума или пудры.

РИСУНОК 104. ПАРАСОЛЬ

РИС. 105. Вентиляторы (см. также рис. 73, §226)

266 Аксессуары. Парасоль (*umbrāculum*, *umbella*) был широко распространен среди женщин в Риме, по крайней мере, с конца Республики, и был тем более необходим, что они не носили шляп или чепцов. Обычно зонтики для них несли сопровождающие (§151). Из вазовых картин мы узнаем, что по форме они были очень похожи на наши (рис. 104, см. также Smith and Harper, s.v.; Baumeister, p. 1684; Schreiber XCV, 9) и могли закрываться, когда не использовались. Веер (*flābellum*) использовался с древнейших времен и изготавливался различными способами (рис. 105); иногда из крыльев птиц, иногда из тонких листов дерева, прикрепленных к ручке, иногда из павлиньих перьев, художественно уложенных, иногда из льна, натянутого на раму. Эти веера не использовались самой женщиной, их всегда держала служанка, которой было поручено следить за тем, чтобы женщина не замерзла и не засиделась мухами (см. рис. 73 в §226). Платки (*sūdāria*), самые тонкие из льна, использовались обоими полами, но только для вытирания пота с лица или рук. Для сохранения ладоней сухими и прохладными дамы, похоже, также использовали стеклянные шарики или шарики из янтаря, последние, возможно, также для аромата.

267 Украшения. Римская женщина страстно любила драгоценности, и на украшение ее лица тратились неисчислимые суммы. Кольца, броши, булавки, ювелирные пуговицы и короны уже упоминались, а кроме них браслеты, ожерелья и кольца или подвески для ушей носили с самых ранних времен все, кто мог себе это позволить. Они не только изготавливались из дорогих материалов, но и повышали свою ценность благодаря художественному исполнению. Почти все известные нам драгоценные камни были знакомы римлянам и находились в шкатулке (§230) богатой дамы. Однако жемчуг, похоже, во все времена был самым любимым. Здесь невозможно дать адекватное описание этих изделий; никакие иллюстрации не смогут передать их справедливость. Достаточно привести слова Суетония о том, что Цезарь заплатил шесть миллионов сестерций (почти 300 000 долларов) за одну жемчужину, которую он подарил Сервилии, матери Марка Брута, и что Лоллия Паулина, жена императора Калигулы, обладала одним комплектом жемчуга и изумрудов, который, по словам Плиния Старшего, оценивался в сорок миллионов сестерций (почти 2 000 000 долларов).

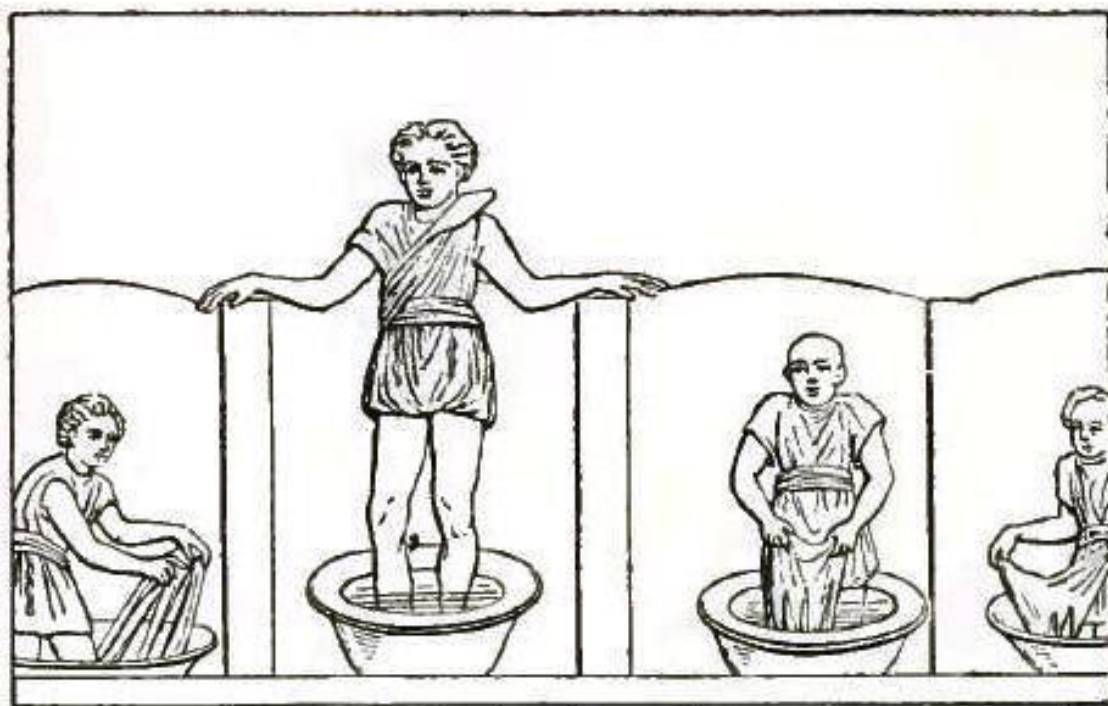
268 Одежда детей и рабов. На фотографии из Геркуланума (§119) показано, что школьники носили *subligāculum* и *tunica*, и, вероятно, никаких других предметов одежды не носили ни мальчики, ни девочки из бедных слоев населения. Кроме них, дети зажиточных родителей носили *togā praetexta* (§246), которую девушка откладывала накануне свадьбы (§76), а мальчик - по достижении совершеннолетия (§127). Рабам полагались туника, деревянные башмаки, а в штормовую погоду - плащ, вероятно, *paenula* (§248). Это, должно быть, была обычная одежда более бедных граждан из рабочего класса, поскольку того, по крайней мере

в более поздние времена, была им малопригодна, и они вряд ли могли позволить себе столь дорогое одеяние.

269 Материалы. - Ткани из шерсти, льна, хлопка и шелка использовались римлянами.

Первыми стали использовать шерстяные изделия, что вполне естественно, ведь первые жители Лациума были пастухами, а шерстяная одежда лучше всего подходила к климату. При Республике шерсть использовалась почти исключительно для одежды мужчин и женщин, как мы уже видели, хотя *сублигакулум* часто, а женская туника иногда, делалась из льна. Лучшая местная шерсть поступала из Калабрии и Апулии, причем лучшая из всех - из окрестностей Тарентума. Однако местной шерсти не хватало для удовлетворения большого спроса, и ее в больших количествах импортировали. Льняные изделия начали производить в Италии, но до Империи они использовались в основном для других целей, а не для одежды, и только в третьем веке нашей эры люди начали использовать их повсеместно. Самый лучший лен поставлялся из Египта и был таким же мягким и прозрачным, как шелк. О применении хлопка известно мало, потому что слово *carbasus*, подлинное индийское название этого материала, использовалось римлянами также для обозначения льняных изделий, и когда мы встречаем это слово, мы не всегда можем быть уверены в том, какой материал имеется в виду. Шелк, прямо или косвенно импортированный из Китая, впервые был использован для изготовления одежды при Тиберии, и то только в смеси льна и шелка (*vestēs sēricae*). В его правление они были запрещены для использования мужчинами, но закон был бессилён против любви к роскоши. Одежда из чистого шелка впервые стала использоваться в третьем веке.

270 Цвета. - Белый цвет был преобладающим цветом всех предметов одежды во всей Республике, в большинстве случаев это был естественный цвет шерсти, как мы видели (§246). Низшие классы, однако, выбирали для своей одежды оттенки, которые не так часто требовали чистки, и находили их также в неокрашенной шерсти. Из Канусиума поступала коричневая шерсть с оттенком красного, из Баэтики в Испании - светло-желтая, из Мутины - серая или смешанная с белым, из Поллентии в Лигурии - темно-серая (*pulla*), использовавшаяся, как уже говорилось (§246), для публичных траурных церемоний. Другие оттенки - от красного до темно-черного - давали иностранные шерсти. Почти единственным искусственным цветом, использовавшимся для одежды при Республике, был пурпур, который, похоже, варьировался от того, что мы называем пунцовым, сделанным из местной трубной раковины (*būcinum* или *mūrex*), до настоящего тирийского пурпура. Первый был блестящим и дешевым, но легко выцветал. Смешанный с темной *пурпурой* в разных пропорциях, он давал множество стойких оттенков. Один из самых популярных оттенков, фиолетовый, приводил к тому, что шерсть стоила около 20 долларов за фунт, в то время как настоящий тирийский стоил по меньшей мере в десять раз дороже. Вероятно, полосы, которые рыцари и сенаторы носили на туниках и тогах, были гораздо ближе к нашему малиновому, чем к фиолетовому. При Империи женская одежда окрашивалась в различные цвета, как и, возможно, более причудливые мужские изделия, такие как *лакерна* (§247) и *синтез* (§249). *Трабея* авгуров, по-видимому, была полосатой с алым и пурпурным, *палудаментум* генерала в разное время был белым, алым и пурпурным, а одеяние *триумфатора* - пурпурным.

ФИГУРА 106. ФУЛЛЕРЕНА ЗА РАБОТОЙ

271 Производство. - В старину шерсть пряли дома служанки, работавшие под присмотром хозяйки (§199), и ткали полотно на семейном ткацком станке, и так продолжалось по всей Республике в самых гордых семьях. Август носил эти самодельные одежды. К концу Республики, однако, это уже не было распространено, и, хотя большая часть местной шерсти обрабатывалась на фермах рабами, которыми руководил *вилика* (§148), ткань любого желаемого качества можно было купить на открытом рынке. Раньше считалось, что одежда поступала со станка уже готовой к носке, но теперь известно, что это неверно. Мы видели, что туника делалась из двух отдельных кусков, сшитых вместе (§236), что тога, вероятно, должна была быть подогнана так же тщательно, как современное пальто (§243), и что даже грубая *паэнула* (§248) не могла быть соткана или связана из одного куска. Но готовая одежда продавалась в городах уже во времена Катона, хотя, возможно, только более дешевого качества, а в Империи торговля достигла больших масштабов. Примечательно, что при огромном количестве рабов в *городских семьях* (§149 f.) никогда не было принято чистить испачканную одежду дома. Все вещи со следами использования отправлялись зажиточными людьми к фуллерам (*fullōnēs*) для стирки (рис. 106), отбеливания (или повторного окрашивания) и отжима. Тот факт, что почти все они были сделаны из шерстяных материалов, делал мастерство и уход еще более необходимыми.

ГЛАВА VIII

ЕДА И ПИТАНИЕ

ССЫЛКИ: Marquardt, 264-268, 300-340, 414-465; Voigt, 327-329, 401-404; Göll, 311-454; Guhl and Koner, 747-759, 702-704; Friedländer, III, 29-56; Ramsay, 490-501; Pauly-Wissowa, *cēna*, *comissātiō*; Smith, Harper, Rich, *cēna*, *comissātiō*, *olea (olīva)*, *vīnum*; Baumeister, 845, 2086; Lübker, 724 f.; Mau-Kelsey, 256-260, 267-270.

272 Природные условия. - Италия, как и все остальные страны Центральной Европы, благословлена природными условиями, которые обеспечивают обильное и разнообразное снабжение продовольствием. Почва богата и состоит из различных элементов в разных частях страны. Осадки выпадают в изобилии, а реки и мелкие ручьи многочисленны. Линия наибольшей протяженности проходит почти на север и юг, но климат мало зависит от широты, его изменяют окружающие водоемы, горные хребты и преобладающие ветры. Эти факторы в сочетании с переменной высотой самой земли создают настолько разные условия, что где-то в пределах Италии почти все злаки и фрукты умеренного и субтропического поясов находят почву и климат, наиболее благоприятные для их роста.

273 Ранние обитатели полуострова, итальянские народы, похоже, оставили римлянам задачу развития и улучшения этих средств к существованию. Дикie фрукты, орехи и мякоть всегда были подспорьем для нецивилизованных народов и, должно быть, были таковыми для пастухов, заложивших фундамент Рима. Само слово *pecūnia* (от *pecus*; ср. *pecūlium*, §162) показывает, что стада домашних животных были первым источником римского богатства. Но другие слова столь же ясно показывают, что возделывание земли понималось римлянами очень рано: имена Фабия, Цицерона, Пизона и Каэпиона не менее древние, чем имена Порция, Асиния, Вителлия и Овидия.¹ Цицерон вкладывает в уста старшего Катона утверждение, что для земледельца сад был вторым источником мяса, но задолго до времени Катона мясо перестало быть главной пищей. Зерно, виноград и оливки давали средства к существованию всем, кто не жил для того, чтобы есть. Они давали вино, от которого веселится сердце человека, масло, от которого сияет лицо его, и хлеб, укрепляющий сердце человека. На этих трех богатых продуктах земли жила масса народа Италии в древности, как живет и по сей день. О каждом из них будет сказано ниже, после того как будут рассмотрены менее важные продукты.

¹Эти слова связаны соответственно с *faba* - бобы, *cicer* - горох, *pīstor* - мельник, *саере* - лук, *porcus* - свинья, *asinus* - осел, *vitellus* - теленок и *ovis* - овца.

274 Фрукты. Помимо оливы и винограда, яблоко, груша, слива и айва были либо родными для Италии, либо завезены в доисторические времена. Их выращиванию уже давно уделялось пристальное внимание, и ко времени Цицерона Италия была покрыта садами, а все эти фрукты были в изобилии и дешевы в свои сезоны, их употребляли люди всех сословий. К этому времени также началось внедрение новых фруктов из чужих стран и улучшение местных сортов. Великие государственные деятели и полководцы давали свои имена новым и лучшим сортам яблок и груш, а также соревновались друг с другом в выращивании плодов вне сезона с помощью тепличных культур (§145). Каждое новое расширение римской территории приносило в Италию новые фрукты и орехи. Среди последних были грецкий орех, фундук, филберт, миндаль и фисташка; миндаль появился после правления Катона, а фисташка - только при Тиберии. Среди фруктов были персик

(*mālum Persicum*), абрикос (*mālum Armeniacum*), гранат (*mālum Pūnicum* или *grānātum*), вишня (*cerasus*), привезенная Лукуллом из города Серас в Понте, и лимон (*citrus*), который не выращивался в Италии до третьего века нашей эры. Кроме того, фрукты для культуры в больших количествах ввозились для употребления в пищу, в сушеном или консервированном виде. Апельсин, однако, как это ни странно для нас, римляне не выращивали.

275 Садовая продукция. - Сад не уступал фруктовому саду в изобилии и разнообразии своего вклада в обеспечение продовольствием. Мы читаем об артишоках, спарже, бобах, свекле, капусте, моркови, цикории, огурцах, чесноке, чечевице, дынях, луке, горохе, маке, тыкве, редисе и репе, и это только те, чьи названия нам всем знакомы. Заметим, однако, что овощи, которые мы ценим больше всего - картофель и помидоры, - римлянам были неизвестны. Из упомянутых овощей самыми древними, по-видимому, были бобы и лук, о чем свидетельствуют уже упоминавшиеся имена Фабия и Казпиона (§273), но постепенно последние стали считаться нерафинированными, а первые - слишком тяжелой пищей, за исключением людей, занятых самым тяжелым трудом. Катон называл капусту лучшим из известных овощей, а репа фигурирует в известном анекдоте о Мании Курии (§299).

276 Римский садовод уделял большое внимание выращиванию зелени, которую можно было использовать для салатов. Среди них чаще всего упоминаются кресс-салат и латук, с которыми мы знакомы, а также мальва, больше не используемая в пищу. Растения в большом разнообразии выращивались для приправы. Мак ели с медом в качестве десерта или посыпали им хлеб в печи. Анис, тмин, фенхель, мята и горчица выращивались повсеместно. Кроме этих приправ, которые можно было найти на каждом огороде, специи в больших количествах привозили с Востока, а богатые люди импортировали овощи больших размеров и лучшего качества, чем можно было вырастить дома. Свежие овощи, как и свежие фрукты, в те времена нельзя было привезти с больших расстояний.

277 Мясо. - Помимо свинины, говядины и баранины, которые мы используем до сих пор, римский фермер имел в своем распоряжении козье мясо, и все эти виды мяса продавались в городах. Козлятина считалась самой бедной из всех и использовалась только низшими классами. Говядину римляне ели с древнейших времен, но ее употребление было признаком роскоши до самого позднего периода империи. Во времена Республики рядовой гражданин ел говядину только в торжественных случаях, когда приносил в жертву богам бычка или корову. Тогда мякоть шла на пир для его семьи и друзей, сердце, печень и легкие (называемые в совокупности *exta*) доставались жрецу, а остальное съедалось на алтаре. Вероятно, огромный размер туши был связан с редкостью ее использования в те времена, когда мясо можно было сохранить свежим только в самую холодную погоду; во всяком случае, мы должны думать, что римляне использовали корову для молочных целей, а быка - для тяги, а не для еды.

278 Свинина была широко распространена как среди богатых, так и среди бедных, и считалась самым вкусным из всех видов домашнего мяса. Сам язык свидетельствует о том, какое важное место она занимала в хозяйстве, ведь ни одно другое животное не имеет столько слов для описания его различных функций. Помимо общего термина *sūs* мы встречаем *porcus*, *porca*, *verrēs*, *aper*, *scrōfa*, *māiālis* и *nefrēns*. В религиозной церемонии *suovetaurilia* (*sūs ovis* + *taurus*) можно заметить, что свинья занимает первое место, опережая овцу и быка. Словарь, описывающий части тела, используемые в пищу, не менее богат; например, есть слова, обозначающие не менее полдюжины видов колбас, в основе которых лежит свинина. Кроме того, мы читаем о пятидесяти различных способах приготовления свинины.

279 Птица и дичь - Все обычные домашние птицы, куры, утки, гуси и голуби, использовались римлянами в пищу; кроме того, богатые люди разводили для стола различные виды диких птиц в заповедниках, которые уже упоминались (§145). Среди них были журавли, тетерева, куропатки, бекасы, дрозды и вальдшнепы. Во времена Цицерона наиболее высоко ценился павлин, занимавший на пирах такое же почетное место, как у нас индейка, но стоивший до 10 долларов за штуку. Диких животных также разводили для употребления в пищу в подобных консервах, любимыми были заяц и кабан. Последнего подавали к столу целиком, как в феодальные времена. В качестве контраста по размеру можно упомянуть дремлющую мышь (*glīs*), которая считалась большим деликатесом.

280 Рыба. - Реки Италии и окружающие моря, должно быть, всегда поставляли большое разнообразие рыбы, но в ранние времена рыба не использовалась римлянами в пищу. К концу Республики, однако, вкусы изменились, и ни один продукт питания не стоил дороже, чем редкие сорта свежей рыбы. Соленая рыба была очень дешевой и в разных видах импортировалась почти из всех портов Средиземноморья. Одно блюдо, особенно *тиротарихус*, которое готовилось из соленой рыбы, яиц и сыра и поэтому чем-то напоминало наши шарики из трески, упоминается Цицероном примерно так же, как мы говорим о гашише. Свежая рыба стоила тем дороже, что ее можно было перевозить только в живом виде. Поэтому богачи строили в своих поместьях рыбные пруды, пример подал Марк Лициний Красс в 92 году до н. э., и разводили как пресноводную, так и соленую рыбу для стола. Названия любимых сортов мало что значат для нас, но мы видим, что кефаль (*mullus*; см. §251) и разновидность тюрбо (*rhombus*) приносили высокие цены, а устрицы (*ostreae*) были так же популярны, как и сейчас.

281 Прежде чем перейти к более важным вопросам, таким как хлеб, вино и масло, следует упомянуть несколько предметов, которые до сих пор находятся в общем пользовании. Римляне свободно использовали молочные продукты: молоко, сливки, творог, сыворотку и сыр. Они пили молоко овец и коз, а также коров, и делали сыр из этих трех видов молока. Сыр из молока овец считался более удобоваримым, хотя и менее вкусным, чем сыр из коровьего молока, а сыр из козьего молока был более вкусным, но менее удобоваримым. Примечательно, что они не знали о сливочном масле, кроме как в качестве пластыря для ран. Мед занял место сахара на столе и в кулинарии, поскольку римляне имели лишь ботаническое представление о сахарном тростнике. Соль сначала получали путем выпаривания морской воды, но затем стали добывать. Ее производство было монополией правительства, и оно всегда следило за тем, чтобы цена была низкой. Она использовалась не только как приправа, но и как консервант. Уксус делали из виноградного сока. В список неизвестных римлянам продуктов питания мы должны включить чай и кофе наряду с уже упомянутыми апельсином, помидором, картофелем, маслом и сахаром.

282 Зерновые культуры. Слово *frūmentum*² было общим термином, применявшимся к любому из многочисленных сортов зерна, которое выращивалось для еды. Из ныне используемых ячмень, овес, рожь и пшеница были известны римлянам, хотя рожь не выращивалась, а овес служил лишь кормом для скота. Ячмень мало использовался, так как считалось, что он недостаточно питателен, а значит, непригоден для рабочих. В очень древние времена широко выращивали другое зерно - полбу (*даль*), но постепенно оно вышло из употребления, за исключением жертвенной лепешки, давшей название брачному обряду (§82). В классические времена пшеница была основным зерном, выращиваемым для еды, и мало чем отличалась от той, которую мы используем сегодня. Обычно ее сажали осенью, хотя на некоторых почвах она вызревала как яровая пшеница. После того как сельскохозяйственные угодья Италии стали использоваться для других целей (парки,

увеселительные заведения, заповедники: см. §§145, 146), пшеницу пришлось импортировать из провинций, сначала из Сицилии, затем из Африки и Египта, так как ее запасов на родине не хватало для удовлетворения потребностей многочисленного населения.

²Слово *frūmentum* встречается в "Галльской войне" пятьдесят пять раз и означает любой вид зерна, которое выращивалось для еды в стране, где Цезарь в то время проводил кампанию. Слово "кукуруза", используемое для перевода в наших школьных изданиях, является наихудшим из возможных, потому что для школьника слово "кукуруза" означает конкретный вид зерна, причем такой, который был неизвестен римлянам. Общее слово "зерно" гораздо лучше подходит для перевода.

РИСУНОК 107. МОЛОТЬБА ЗЕРНА

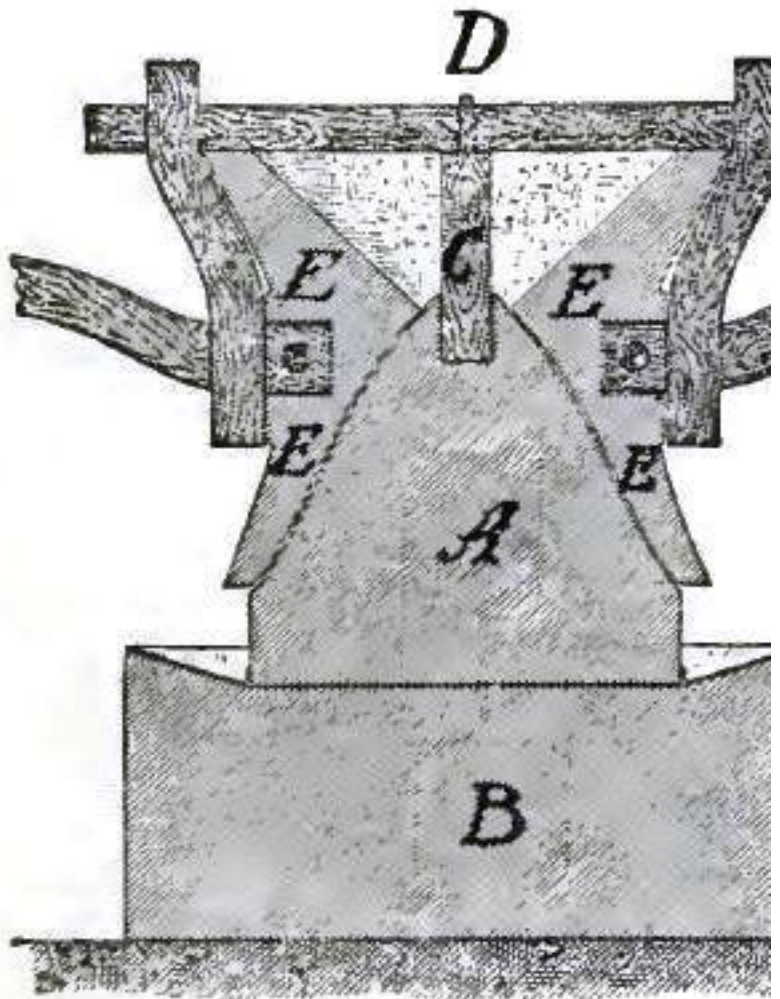

РИСУНОК 108. СЕКЦИЯ МЕЛЬНИЦЫ

283 Приготовление зерна. В самые ранние времена зерно (*фар*) не мололи, а просто толкли в ступке (рис. 107). Затем мука смешивалась с водой и превращалась в подобие каши (*puls*, откуда наше слово "припарка"), которая долгое время оставалась национальным блюдом, чем-то похожим на овсянку в Шотландии. Плавт (†184 г. до н.э.) в шутку называет своих соотечественников "пожирателями пульса". Люди, которые дробили зерно, назывались *пинситоресами* или *писторесами*, откуда, как говорят, и произошло название Писо (§273), а в более поздние времена пекари также назывались *писторесами*, поскольку они не только мололи зерно, но и пекли хлеб. В развалинах пекарен мы регулярно находим мельницы и печи. См. иллюстрацию в §285.

284 Перемалывание зерна в обычную муку происходило на мельнице (*mola*). Она состояла из трех частей: нижнего жернова (*mēta*), верхнего (*catillus*) и рамы, которая окружала и поддерживала последний и служила средством для его вращения на *mēta*. Все эти части отчетливо видны на разрезе (рис. 108; см. также Рич, Харпер и Смит в разделе "Мола"; Гуль и Конер, с. 774; Шрайбер LXVII; Баумейстер, с. 933) и не требуют особых пояснений. *Мета*, как следует из названия, представляла собой конусообразный камень (A), лежащий на каменной кладке (B) с приподнятым бортиком, между которым и нижним краем *меты* собиралась мука. В верхней части *меты* была врезана балка (C), заканчивающаяся вверху железным штырем или шарниром (D), на котором висела и поворачивалась рама, поддерживающая *катиллус*. Сам *катиль* (E) по форме напоминал песочные часы или две воронки, соединенные у горлышка. Верхняя воронка служила воронкой, в которую засыпалось зерно; нижняя воронка плотно прилегала к *мете*, расстояние между ними регулировалось длиной штыря, о котором говорилось выше, в зависимости от желаемой тонкости муки. Мельница без рамы показана на рис. 109.

РИСУНОК 109. ПОМПЕЙСКАЯ МЕЛЬНИЦА БЕЗ РАМЫ

РИС. 110. ЛОШАДЬ И МЕЛЬНИЦА

285 Рама была очень прочной и массивной из-за подвешенного к ней тяжелого груза. Балки, используемые для вращения мельницы, вставлялись в отверстия в узкой части *катилуса*, как показано на рисунке. Сила, необходимая для измольчения, обеспечивалась лошадьми или мулами, привязанными к балкам (рис. 110), или рабами, толкавшими их. Последний способ часто использовался в качестве наказания, как мы видели (§§170, 148). Такой же формы, но гораздо меньших размеров были ручные мельницы, которые использовались солдатами для перемалывания *фрумента*, поставляемого им в качестве пайка. При Империи появились водяные мельницы, но они почти не упоминаются в литературе.

286 Переход от древней каши (§283) к хлебу, выпекаемому по современной моде, должен был происходить через тонкие лепешки, выпекаемые в огне или на огне. Мы не знаем, когда появился хлеб, выпекаемый в печах. Пекари (§283) как представители профессии появились не ранее 171 года до н. э., но задолго до этого времени, конечно же, семейный хлеб выпекался *матерью семьи* или рабыней под ее присмотром. После того как были созданы общественные пекарни, хлеб все реже стали печь в частных домах в городах. Только в самых престижных городских особняках были пристроены печи, о чем свидетельствуют руины. В сельской местности, напротив, старый обычай всегда сохранялся (§148). При Траяне (98-118 гг.) стало принято раздавать хлеб народу ежедневно, вместо зерна раз в месяц, а пекари были организованы в гильдию (*corpus, collegium*) и как корпорация пользовались определенными привилегиями и иммунитетами. На рис. 111 показаны руины помпейской пекарни с несколькими мельницами при ней.

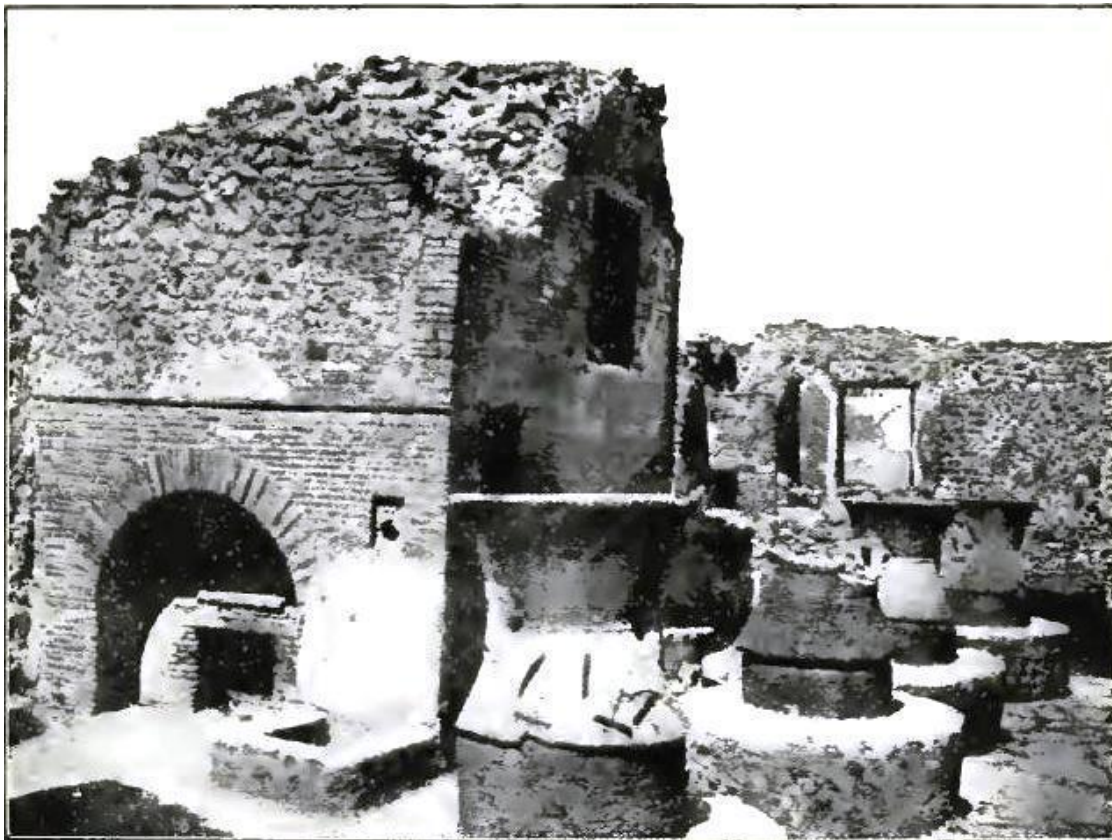

РИСУНОК 111. ПЕКАРНЯ С МЕЛЬНИЦАМИ

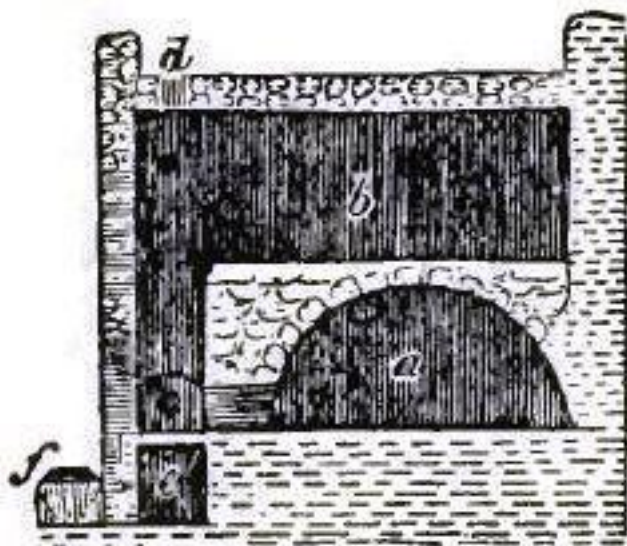

РИС. 112. ПЕЧЬ ДЛЯ ВЫПЕЧКИ ХЛЕБА

РИС. 113. ТОРГОВЫЙ ЗАЛ ПЕКАРНИ

287 Хлебопечение. После просеивания муки, собранной у края *меты* ([§284](#)), добавляли воду и соль и замешивали тесто в корыте вручную или с помощью простой машины, показанной в разрезе в Schreiber LXVII. В тесто добавляли дрожжи, как сейчас, и хлеб выпекали в печи, похожей на те, которые до сих пор можно найти в некоторых частях Европы. Одна из них,

сохранившаяся в руинах Помпеи, показана на разрезе (рис. 112): буквой *a* обозначена сама печь, в которой разводили огонь, тяга обеспечивалась отверстиями *d*. Окружающая камера *b* предназначена для сохранения тепла после того, как огонь (обычно древесный) выгребали в зольник *e*, а вентиляционные отверстия закрывали. Буква *f* обозначает емкость для воды, которая, по-видимому, использовалась для смачивания хлеба во время выпечки. После того как печь нагревалась до нужной температуры и огонь выгребался, в нее клали буханки, закрывали вентиляционные отверстия и оставляли хлеб выпекаться.

288 Существовало несколько сортов хлеба, которые зависели от сорта зерна, установки жерновов (§284) и тонкости просеивания (§287). Самый лучший, сделанный из чистой пшеничной муки, назывался *pānis silīgneus*; сделанный из муки грубого помола, из муки и отрубей или только из отрубей назывался *pānis plebēius*, *castrēnsis*, *sordidus*, *rūsticus* и т. д. Хлебы были круглыми и довольно плоскими - некоторые из них были найдены в руинах Помпеи - и имели поверхность, разделенную линиями, проведенными от центра на четыре или более частей. Настенная роспись (рис. 113) торгового зала пекарни, также найденная в Помпеях, дает хорошее представление о внешнем виде хлеба. В таких магазинах также продавались различные виды пирожных и кондитерских изделий.

289 Олива - Следующей по значимости после пшеницы стала олива. Она была завезена в Италию из Греции, а из Италии распространилась по всем странам Средиземноморья; но как в наши, так и в древние времена лучшие оливки - итальянские. Олива была важным продуктом питания только как фрукт, ее ели как в свежем виде, так и консервировали различными способами, но свое значительное место в домашней экономике римлян она заняла в виде оливкового масла, с которым мы знакомы. Именно из-за ценности масла оливковое дерево стало столь распространенным в Южной Европе, и утверждается, что его применение постоянно расширяется, особенно на севере, где вино и масло, как говорят, вытесняют местные пиво и масло. Римлянам было известно множество сортов, которые требовали различных климатических условий и почв и были приспособлены для различных целей. В целом можно сказать, что крупные ягоды больше подходили для еды, чем для масла.

РИСУНОК 114. СБОР ОЛИВОК

290 Оливки ели свежими, когда они созревали, а также консервировали различными способами. Спелые оливки посыпали солью и оставляли нетронутыми на пять дней; затем соль стряхивали, а оливки сушили на солнце. Их также консервировали в сладком виде без соли в кипяченом сусле (§296). Полуспелые оливки собирали (рис. 114) вместе с плодоножками и укутывали в банки с маслом лучшего качества; говорят, что таким образом они сохраняли вкус свежих плодов более года. Зеленые оливки сохранялись целиком в крепком рассоле, в том виде, в котором они известны нам сейчас, или же их взбивали в массу и сохраняли с пряностями и уксусом. Для приготовления *эпитурума* брали плоды на любой из трех стадий, удаляли косточки, измельчали мякоть, приправляли ее уксусом, семенами кориандра, кумина, фенхеля и мяты и закрывали смесь в банках с маслом, достаточным для того, чтобы исключить доступ воздуха. В результате получался салат, который ели с сыром.

291 Оливковое масло. - Это масло использовалось для нескольких целей. Древнее всего его использовали для помазывания тела после купания, особенно атлеты; оно служило средством для изготовления духов, поскольку римляне ничего не знали о дистилляции с помощью спирта; его сжигали в лампах (§228); оно было незаменимым продуктом питания. В качестве продукта питания ее использовали, как сейчас масло в кулинарии или как приправу в натуральном виде. Олива при надавливании выделяет две жидкости. Первая (*amurca*) - темная и горькая, по консистенции напоминает воду. Она использовалась в основном как удобрение, но не как пища. Вторая, вытекающая под большим давлением, - масло (*oleum*, *oleum olivum*). Лучшее масло получали из не до конца созревших оливок, но наибольшее количество давали созревшие плоды.

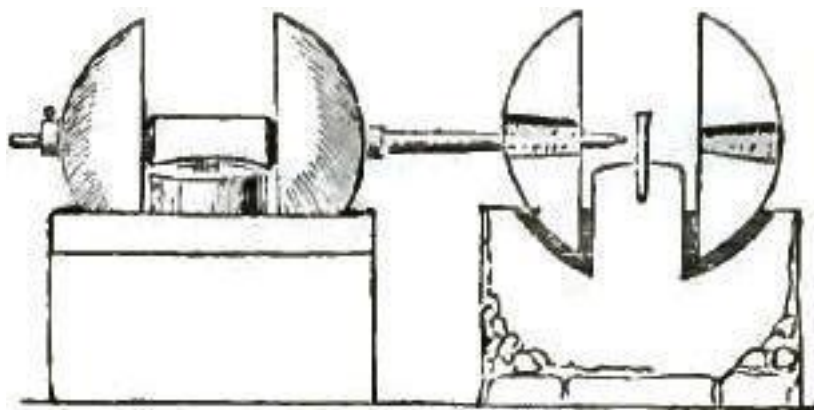

РИСУНОК 115. ОЛИВКОВАЯ МЕЛЬНИЦА

292 Оливки срывали с дерева (рис. 114), причем те, что падали сами, считались неполноценными (§ 160), и раскладывали на наклонных платформах, чтобы часть *амурки* могла вытекать сама. Здесь плоды оставались до тех пор, пока не происходило легкое брожение. Затем он подвергался воздействию машины (рис. 115), которая сминала и давила его. Вытекающее масло собирали в кувшин и переливали из него в сосуд (*lābrum fictile*), где ему давали осесть, *амурка* и другие примеси падали на дно. Затем масло снимали в другой такой же сосуд и снова давали ему осесть, повторяя этот процесс (при необходимости до тридцати раз), пока не останутся все примеси. Лучшее масло получалось, если сначала ягоды подвергались только мягкому давлению. Затем мякоть вынимали, отделяли от косточек или ямок и давили второй или даже третий раз, причем качество масла с каждым разом становилось все хуже. Масло хранилось в банках, которые изнутри были покрыты воском или

камедью для предотвращения впитывания, крышки тщательно закрывались, а банки хранились в сейфах (рис. 116).

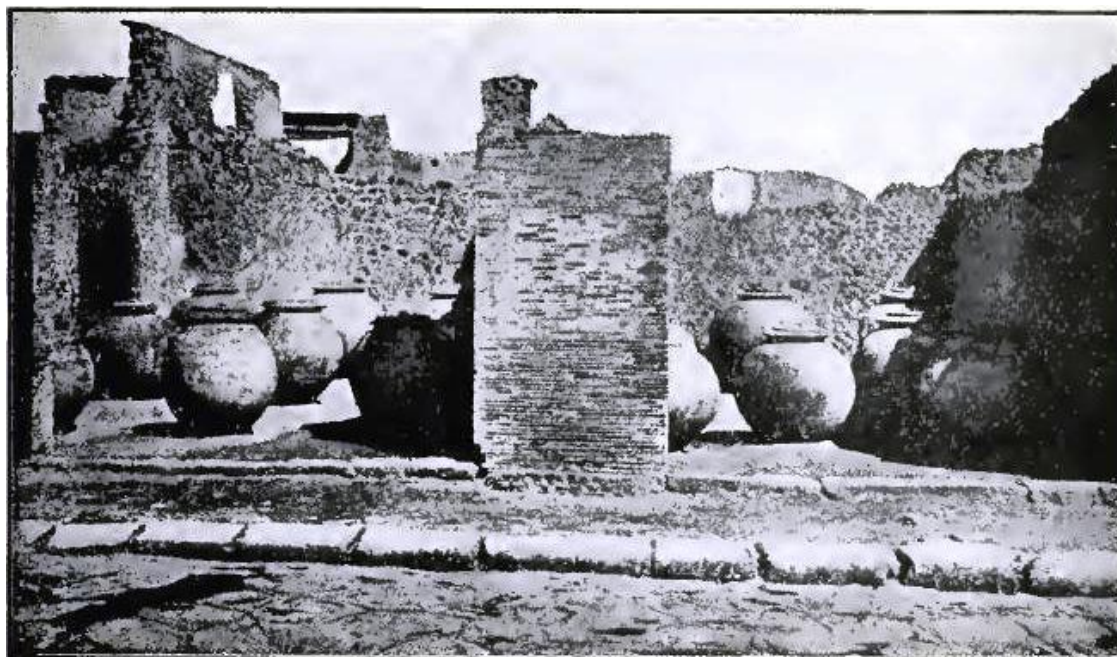

РИСУНОК 116. ХРАНИЛИЩЕ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ МАСЛА

293 Виноград. - Виноград ели свежим с лозы, а также сушили на солнце и хранили как изюм, но своим настоящим значением в Италии, как и в других странах, он обязан вину, которое из него делали. Лоза не была родной для Италии, как считалось до недавнего времени, а была завезена, вероятно, из Греции, задолго до начала истории. Самое раннее название Италии, известное грекам, было *Oenōtria*, "земля виноградного столба", а древние легенды приписывают Нуме ограничения на употребление вина. Вероятно, до времен Гракхов вино было редким и дорогим. Количество производимого вина постепенно увеличивалось по мере сокращения выращивания зерновых (§146), но качество долгое время оставалось низким, все лучшие вина импортировались из Греции и с Востока. Однако ко времени Цицерона внимание стало уделяться виноградарству и научному изготовлению вин, а ко времени Августа стали производиться урожаи, которые соперничали с лучшими, привезенными из-за границы. Плиний, писавший в середине первого века нашей эры, говорит, что из восьмидесяти действительно хороших вин, известных тогда римлянам, две трети были произведены в Италии, а Арриан примерно в то же время утверждает, что итальянские вина славились даже в Индии.

294 Виноградарство. - Виноград можно было выращивать почти везде в Италии, но лучшие вина производились к югу от Рима, в пределах Лациума и Кампании. Города Праенесте, Велитрае и Формиае славились винами, выращенными на солнечных склонах Альбанских холмов. Чуть дальше к югу, возле Террачины, находился *агер Цекуб*, где производили цекубское вино, провозглашенное Августом самым благородным из всех. Затем идет гора Массикус с *агром Фалернус* на ее южной стороне, где производятся фалернские вина, еще более знаменитые, чем цекубские. На Везувии и вокруг него тоже выращивали прекрасные вина, особенно вблизи Неаполя, Помпеи, Кумы и Суррентума. Хорошие вина, но менее известные, чем эти, производились на крайнем юге, в Беневенте, Аулоне и Тарентуме. Аналогичного качества были вина, выращенные к востоку и северу от Рима, вблизи Сполетиума, Цезины, Равенны, Гадрии и Анконы. Те, что росли на севере и западе, в Этрурии и Галлии, были не столь хороши.

295 Виноградники. - Солнечная сторона холма была лучшим местом для виноградника. Лозы поддерживались столбами или шпалерами по современной моде, либо сажались у подножия деревьев, по которым им разрешалось взбираться. Для этой цели предпочитали вяз (*ulmus*), потому что он процветал повсюду, его можно было плотно обрезать без угрозы для жизни, а его листья служили хорошим кормом для скота, когда их срывали, чтобы пропустить солнечный свет к лозам. Вергилий говорит о "женитьбе лозы на вязе", а Гораций называет платан холостяком (*platanus coelebs*), потому что его густая листва делает его непригодным для виноградника. Перед сбором винограда главная работа заключалась в том, чтобы очистить землю; в течение всего года ее раз в месяц обрабатывали лопатой. Один человек мог правильно ухаживать примерно за четырьмя акрами.

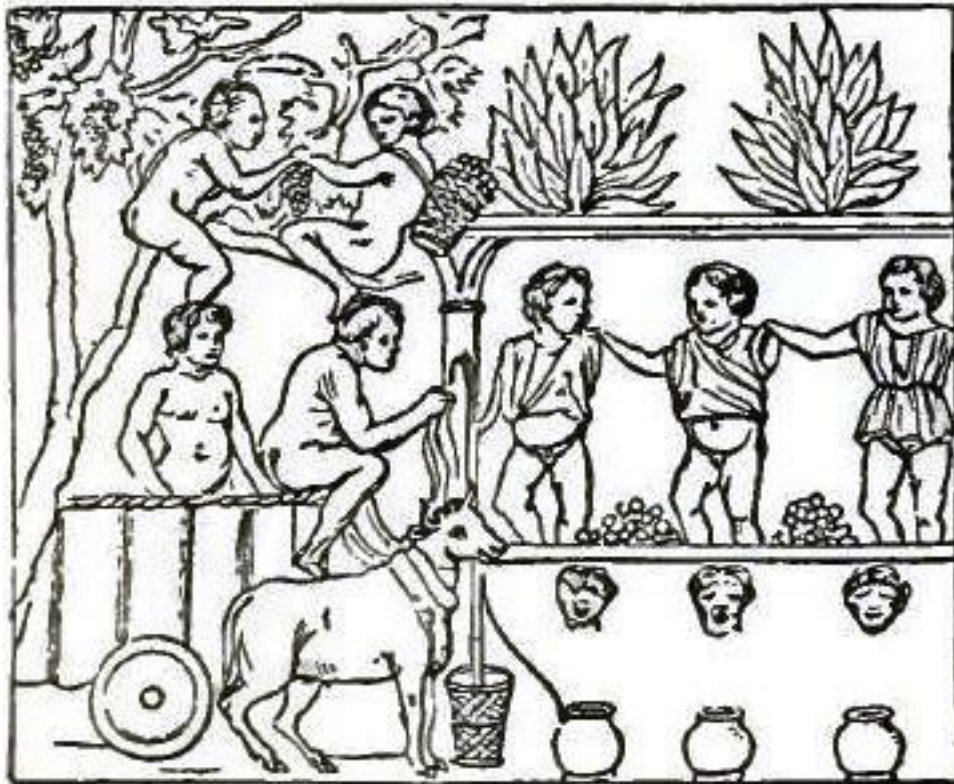

РИСУНОК 117. ИЗГОТОВЛЕНИЕ ВИНА

296 Виноделие... Виноделие обычно происходило в сентябре, сезон менялся в зависимости от почвы и климата. В преддверии этого события 19 августа отмечался праздник - *Виналия Рустика* (*vīnālia rŭstica*). Что именно означал этот праздник, сами римляне до конца не понимали, но, вероятно, он был призван обеспечить благоприятный сезон для сбора винограда. Общий процесс изготовления вина мало чем отличался от того, который знаком нам по библейским историям и по-прежнему практикуется в наши дни. После сбора винограда его сначала топтали босыми ногами (рис. 117), а затем давили в *прелуме* или *лоркуле*. Сок, вытекающий из пресса, назывался *mustum*, "новый", и его часто пили неперебродившим, как сейчас пьют "сладкий" сидр. Его можно было сохранить сладким от урожая к урожаю, запечатав в кувшин, обмазанный внутри и снаружи смолой и погруженный на несколько недель в холодную воду или закопанный во влажный песок. Его также сохраняли путем выпаривания на огне; когда таким образом его количество уменьшалось наполовину, получалось виноградное желе (*dēfrutum*), которое использовалось как основа для различных напитков и для других целей (§290).

297 Броженое вино (*vīnum*) изготавливалось путем сбора *мустума* в огромные чаноподобные кувшины (*dōlia*, показаны на рис. 116), достаточно большие, чтобы в них мог поместиться

человек, и вмещавшие сто или более галлонов. Их покрывали смолой внутри и снаружи и частично закапывали в землю в подвалах или хранилищах (*vīnāriae cellae*), в которых они оставались навсегда. После того как они были почти заполнены *мустумом*, их оставляли открытыми на время процесса брожения, который длился при обычных обстоятельствах около девяти дней. Затем их плотно закрывали и открывали только тогда, когда вино требовало внимания³или его нужно было удалить. Более дешевые вина употреблялись прямо из *долий*, но лучшие сорта через год переливались в меньшие кувшины (*амфоры*), осветлялись и иногда "докаливались" различными способами, а затем хранились в хранилищах, часто совершенно отличных от подвалов (рис. 118). Излюбленным местом была комната в верхнем этаже дома, где вино искусственно выдерживалось под воздействием тепла, поднимающегося от печи, или даже дыма, выходящего из огня. На *амфорах* иногда указывали название вина и имена консулов за год, в который они были наполнены.

³Испорченное вино использовалось в качестве уксуса (*acētum*), а уксус, ставший невкусным и безвкусным, назывался *варра*. Последнее слово также использовалось в качестве упрека для обозначения беспечных и никчемных людей.

РИС. 118. ВИННЫЙ ПОГРЕБ

298 Напитки. - После воды и молока вино было обычным напитком римлян всех сословий. Однако следует четко понимать, что они всегда смешивали его с водой и использовали больше воды, чем вина. Плиний упоминает об одном сорте вина, которое выдерживало смешивание с восьмикратным количеством воды. Пить вино несмешанным считалось типичным варварством, и среди римлян его пили только рассеянные люди во время самых бурных празднеств. При Империи обычные сорта вина были достаточно дешевы и продавались по три-четыре цента за кварту (§388); лучшие сорта были очень дорогими, совершенно недоступными, как дает нам понять Гораций, для человека в его обстоятельствах. Реже, чем вино, употреблялись и другие напитки, упоминаемые в литературе. Любимым напитком был *мульсум*, приготовленный из четырех мер вина и одной меры меда. Смесь воды и меда, оставленная для брожения, называлась *мульсой*. Римляне делали сидр, а также вина из шелковицы и фиников. Они также делали различные сердечные напитки из ароматических растений, но следует помнить (§281), что они не знали ни чая, ни кофе.

299 Стил жизни. Столовые припасы того или иного народа меняются от эпохи к эпохе с развитием цивилизации и утонченности, а в одну и ту же эпоху - со средствами и вкусами классов и отдельных людей. О римлянах можно сказать, что в период ранней республики, возможно, почти до второго века до нашей эры, они мало заботились об удовольствиях стола. Они жили экономно и питались скупой. Они были почти строгими вегетарианцами (§273), большую часть пищи употребляли холодной, а приготовление и подача блюд отличались предельной простотой. Все готовилось *матерью семьи* или служанками под ее руководством (§90). Стол накрывали в *атрии* (§188), и отец, мать и дети сидели вокруг него на табуретах или скамьях (§225), ожидая друг друга и своих гостей (§104). Иждивенцы ели ту же пищу, но отдельно от семьи. Посуда была самая простая, из фаянса или даже дерева, хотя

серебряная солонка часто была заветным украшением самого скромного стола. Столовые ножи и вилки были неизвестны, пища разрезалась на удобные порции перед подачей, а ложки использовались для того, чтобы донести до рта то, с чем не могли справиться пальцы. В этот период практически не было разницы между блюдами для гордых патрициев и скромных клиентов. Самнитские посланники застали Мания Курия, завоевателя Пирра (275 г. до н. э.), который ел свой обед из овощей (§ 275) из глиняной миски. Столетие спустя поэт Плавт называет своих соотечественников расой едоков каши (*pultiphagōnidae*, §283) и дает нам понять, что в его время даже самые богатые римляне не имели в своих домах специально обученных поваров. Когда давался необычный ужин, нанимался профессиональный повар, который привозил с собой в дом хозяина свою утварь и помощников, подобно тому, как в наши дни на вызов приезжает сантехник или хирург.

300 В последние два века Республики все изменилось. Завоевание Греции и войны в Малой Азии привили римлянам вкус восточной роскоши и изменили их простые застольные обычаи, как изменились и другие обычаи в результате контакта с внешним миром (§§ 5, 101, 112, 192). С этого времени бедные и богатые перестали жить одинаково. Первые, стесненные бедностью, жили экономно, как в старину: каждый школьник знает, что солдаты, которые выигрывали для Цезаря сражения, жили на зерне (§282 и прим.), которое они мололи на своих ручных мельницах и пекли на кострах. С другой стороны, очень богатые люди, подражая роскоши греков, но не обладая их утонченностью, стали обжорами, а не гурманами. Они рыскали по всему миру⁴ в поисках продуктов, предпочитая редкие и дорогие блюда тому, что было действительно вкусным и изысканным. Они измеряли пиршество количеством, которое могли употребить, оживляя утоленный аппетит пикантными соусами и прибегая к помощи снотворных, чтобы продлить удовольствие от стола и предотвратить последствия чрезмерного возлияния. Была введена отдельная столовая (*trīclīnium*), в больших домах их было две и более (§204), а *оэци* (§207) использовались в качестве банкетных залов. Обеденная кушетка (§224) заняла место скамьи или табурета, рабы подавали еду лежащим гостям, было придумано обеденное платье (§249), а в каждой *городской семье* (§149) был высокооплачиваемый повар с целым штатом обученных помощников. Конечно, всегда находились состоятельные люди, например Аттикус, друг Цицерона (§155), которые придерживались более простых обычаев прежних времен, но они мало что могли сделать против течения бессмысленной расточительности и экстравагантности. В противовес им следует выделить и пресыщенных бедняков, которые предпочитали похлебку богатого покровителя (§§181, 182) хлебу честной независимости. Между этими двумя крайностями находился многочисленный средний класс зажиточных людей, чьи обычные трапезы нас интересуют больше, чем банкеты очень богатых. Этими блюдами были *ientāculum*, *prandium* и *cēna*.

⁴Геллий (II век н. э.) приводит список из сатирической поэмы Варро: Павлин с Самоса, вересковый петух из Фригии, журавль из Медии, ребенок из Амбракии, молодая рыба-туннель из Халкидона, *мурена* из Тартесса, треска (?) из Пессина, устрицы из Тарента, гребешок с Хиоса (?), осетр (?) с Родоса, *скарус* из Киликии, орехи с Фасоса, финики из Египта, каштаны (?) из Испании.

301 Часы приема пищи. Трехразовое питание было обычным числом у римлян, как и у нас, хотя тогда, как и сейчас, встречались гигиенисты, считавшие, что два приема пищи полезнее трех, и тогда, как и сейчас, высокие печени часто баловались дополнительным приемом пищи поздно вечером. Обычаи более или менее строго определяли часы приема пищи, хотя они менялись в зависимости от возраста, а в меньшей степени - от занятий и даже склонностей человека. В ранние времена в городе и во все периоды в деревне главный

прием пищи (*cēna*) происходил в середине дня, ранним утром ему предшествовал завтрак (*ientāculum*), а вечером следовал ужин (*vesperna*). В классические времена часы приема пищи в Риме были примерно такими же, как сейчас в наших крупных городах: то есть *cēna* откладывалась до окончания дневной работы, вытесняя *vesperna*, а обед (*prandium*) занимал место старомодного "полуденного ужина". Вечерний ужин стал более или менее светским приемом, на нем присутствовали гости, а еда и обслуживание были самыми лучшими, какие только мог позволить себе дом, в то время как *ientāculum* и *prandium* были по сравнению с ними очень простыми и неформальными трапезами.

302 Завтрак и обед. Завтрак (*ientāculum* или *iantāculum*) съедался сразу после подъема, час, конечно, варьировался в зависимости от рода занятий и состояния человека. Обычно он состоял только из хлеба, который ели сухим, макали в вино или посыпали солью, хотя иногда добавляли изюм, оливки и сыр. Рабочие, которым не хватало времени, похоже, брали завтрак в руки, чтобы съесть его по дороге к месту работы, а школьники по пути в школу (§122) часто останавливались у общественной пекарни (§286), чтобы купить что-то вроде коржика или блинчика, на котором они и готовили торопливый завтрак. Реже завтрак превращался в обычную трапезу, когда в дополнение к упомянутым вещам подавались яйца, а вместе с ними пили мультсум (§298) и молоко. Вероятно, такой завтрак принимали в более позднее время и те, кто обходился без полуденной трапезы. Обед (*prandium*) наступал около одиннадцати часов. Он тоже состоял, как правило, из холодной пищи: хлеба, салатов (§276), оливок, сыра, фруктов, орехов и холодного мяса с ужина предыдущего дня. Иногда, однако, добавляли теплое мясо и овощи, но трапеза никогда не была замысловатой. Иногда о ней говорят как об утренней трапезе, но в этом случае она должна была следовать примерно через обычный промежуток времени за очень ранним завтраком, или же она сама должна была составлять завтрак, принятый позже обычного, когда *ientāculum* по какой-то причине был пропущен. После *prandium* наступал полуденный отдых или сиеста (*merīdiātio*), когда все дела откладывались до восьмого часа, за исключением судебных инстанций и сената. Летом, по крайней мере, все ложились спать, и даже в столице улицы были почти такими же пустынными, как в полночь. *Весперна*, совершенно неизвестная в городской жизни, завершала день на ферме. Это был ранний ужин, состоявший в основном из остатков полуденного обеда с добавлением неприготовленной пищи, которую, естественно, поставляла ферма. Слово *merenda*, по-видимому, в ранние времена применялось к этой вечерней трапезе, затем к закускам, принимаемым в любое время (ср. английское "lunch"), и, наконец, совсем вышло из употребления.

303 Официальная трапеза. Суебливая жизнь города рано вытеснила обед из его первоначального места в середине дня и закрепила его за полуднем. Вскоре эта мода распространилась на города и была перенесена городскими жителями в их загородные поместья (§145), так что в классические времена поздний ужин (*cēna*) был обычным делом для всех людей любого социального положения по всей Италии. Это была даже более важная функция, чем у нас, потому что римляне не знали других форм чисто социального общения. У них не было приемов, балов, мюзиклов или театральных вечеринок - никаких других возможностей развлечь своих друзей или быть развлеченными ими. Поэтому можно с уверенностью сказать, что когда римлянин находился в городе, он каждый вечер был хозяином или гостем ужина, настолько изысканного, насколько позволяли его средства или средства его друзей, если, конечно, срочные дела не требовали его внимания или какие-то необычные обстоятельства не отрывали его на время от общества. В загородных поместьях преобладал тот же обычай: гости приезжали из соседних поместий или были друзьями, которые неожиданно останавливались, возможно, чтобы развлечься на ночь во время путешествия в город или из него (§388). Эти официальные обеды следует тщательно отличать

от экстравагантных банкетов показных богачей. Сами по себе они были очень полезны, являясь проявлением подлинного гостеприимства. Гости были друзьями, их количество было ограничено, присутствовали жена и дети хозяина, а целью было общественное удовольствие. Прежде чем описывать саму трапезу, необходимо рассказать о столовой и ее обстановке.

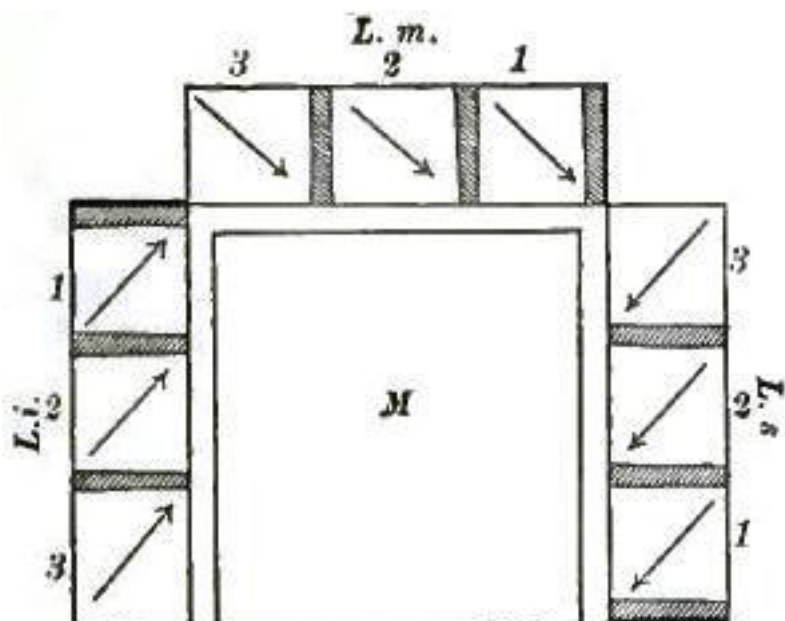

РИСУНОК 119. СТОЛ И КУШЕТКИ

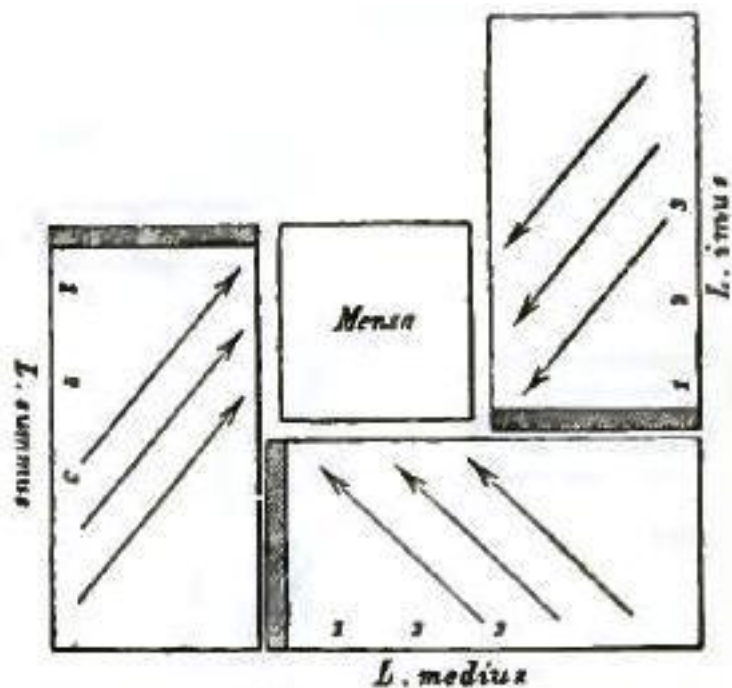

РИС. 120. СТОЛ И КУШЕТКИ

РИСУНОК 121. ЖЕНЩИНА СИДИТ НА ОБЕДЕННОМ ДИВАНЕ

304 Обеденная кушетка. Положение столовой (*trīclīnium*) в римском доме уже описывалось (§204), и было отмечено (§300), что в классические времена табурет или скамья уступили место кушетке. Эта кушетка (*lectus trīcliniāris*) была устроена так же, как и обычные кушетки (§224), только она была шире и ниже, имела подлокотник только на одном конце, была без спинки и наклонялась спереди назад. На конце, где находилась рука, клали подушку или подставку, а параллельно ей еще две, которые делили кушетку на три части. Каждая часть предназначалась для одного человека, и, таким образом, на одной кушетке могли разместиться три человека. Столовая получила свое название (*trīclīnium*) от того, что в ней планировалось разместить три таких кушетки (*κλίνας* по-гречески), поставленных по трем сторонам стола, четвертая сторона которого была открыта. Расстановка немного варьировалась в зависимости от размера комнаты. В большой комнате кушетки ставили так, как показано на рис. 119, но если требовалась экономия места, то их ставили так, как показано на рис. 120, причем последний вариант, вероятно, был более распространенным. Таким образом, девять человек можно считать обычным числом на римском званом обеде. Больше приглашали только в необычных случаях, и тогда использовалась более просторная комната, где можно было расставить два или более столов, каждый из которых вмещал девять гостей. В случае приглашения членов одной семьи, особенно если один из них был ребенком, или если гости были очень близкими друзьями, четвертому человеку могло найтись место на диване, но это было, конечно, необычно; скорее всего, когда гость неожиданно появлялся, кто-то из членов семьи уступал ему свое место. Часто хозяин резервировал место или места для друзей, которых гости могли привести без предупреждения. Такие незваные гости назывались *umbræ*. В присутствии гостей жена садилась на край кушетки (рис. 121), а не откидывалась, а дети обычно располагались на местах у открытой части стола.

305 Почетные места - Гость подходит к кушетке с тыла и занимает на ней место, ложась на левый бок, лицом к столу, и опираясь на левый локоть, который покоится на подушке или подставке, упомянутой выше. Положение его тела показано стрелками на разрезе выше (рис. 119). Каждая кушетка и каждое место на ней имели свое название в соответствии с их

положением по отношению к остальным. Кушетки назывались соответственно *lectus summus*, *lectus medius* и *lectus īmus*, и можно заметить, что люди, лежащие на *lectus medius*, имели *lectus summus* слева, а *lectus īmus* - справа. Согласно этикету, *lectus summus* и *lectus medius* предназначались для гостей, а *lectus īmus* - для хозяина, его жены и еще одного члена семьи. Если семью представлял только хозяин, то два места рядом с ним на *lectus īmus* отводились самым скромным из гостей.

306 Места на каждой кушетке назывались одинаково: (*locus*) *summus*, *medius* и *īmus*, обозначаемые соответственно цифрами 1, 2 и 3 в разрезе. О человеке, занимавшем место под номером 1, говорили, что он выше (*super*, *suprā*) человека справа от него, а человек, занимавший среднее место (2), был выше человека справа от него и ниже (*īnfrā*) того, кто был слева. Почетным местом на *lectus summus* было место под номером 1, а соответствующее место на *lectus īmus* занимал хозяин. Однако самому почетному гостю отводилось место на *lectus medius* под номером 3, и это место называлось особым именем *locus cōsulāris*, поскольку, если присутствовал консул, оно всегда отводилось ему. Заметим, что оно находилось рядом с местом хозяина и, кроме того, было особенно удобно для государственного чиновника; если во время ужина ему требовалось получить или отправить сообщение, он мог общаться с посланником, не поворачиваясь на локте.

РИСУНОК 122. БОКОВАЯ СТОЙКА

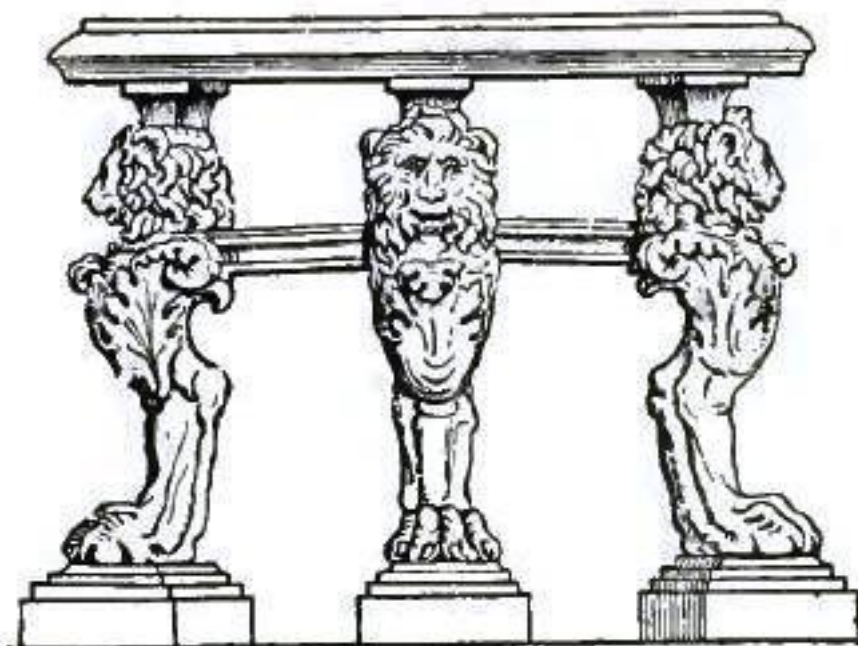

РИС. 123. ПИДЕБОРД

307 Другая мебель. - По сравнению с *лекти* остальная мебель столовой играла незначительную роль. Фактически единственным абсолютно необходимым предметом был стол (*mēnsa*), поставленный, как показано на рисунке выше, между тремя кушетками таким образом, чтобы все были одинаково удалены от него, а свободный доступ к нему оставался с четвертой стороны. Пространство между столом и кушетками могло быть настолько малым, что гости могли угощаться сами, или, напротив, настолько большим, что между ними могли проходить рабы, чтобы подавать еду. У гостей не было индивидуальных тарелок, которые они могли бы держать на столе, так что он использовался только для того, чтобы принимать большие блюда, в которых подавалась еда, и некоторые формальные предметы, такие как солонка (§299) и вещи, необходимые для подношения богам. Стол, таким образом, никогда

не был очень большим (один такой почти не поместился бы в современной столовой), но часто был очень красивым и дорогим (§227). Его красоту не скрывала никакая ткань или покрытие; скатерть, как мы ее знаем, вошла в обиход лишь в конце первого века нашей эры. Стоимость и красота посуды также ограничивались только средствами и вкусом владельца. Помимо кушетки и стола, единственными предметами мебели, обычно находившимися в *триклинии*, были буфеты (*abaci*). Они варьировались от простой полки до столов различных форм и размеров и открытых шкафов, как показано на рис. 122 и 123 и в Schreiber LXVII, 11. Они ставились в стороне от стен и служили, как и наши, для демонстрации тарелок и фарфора, когда не использовались на столе.

308 Courses. - В классические времена даже самый простой ужин делился на три части: *gustus* ("закуска"), *cēna* ("собственно ужин") и *secunda mēsa*⁽⁵⁾ ("десерт"); ужин делался более сложным, если каждая из частей подавалась в несколько блюд. *Закуски* состояли только из тех блюд, которые, как считалось, возбуждали аппетит или способствовали пищеварению: устрицы и другие моллюски в свежем виде, морская рыба в соленом или маринованном, некоторые овощи, которые можно было есть в сыром виде, особенно лук, и почти неизменно латук и яйца, все с пикантными соусами. С этими закусками пили *mulsum* (§298), так как вино считалось слишком тяжелым для пустого желудка, и от напитка *gustus* также называли *prōmulsis*; другое и более значительное название для него - *antecēna*. Затем следовал настоящий обед, *cēna*, состоящий из более сытных блюд, рыбы, мяса, птицы и овощей. Во время этой части трапезы пили вино, но в меру, так как считалось, что оно притупляет чувство вкуса, и настоящая пьянка начиналась только после окончания *cēna*. *Цена* почти всегда состояла из нескольких блюд (*mēsa prīma, altera, tertia* и т. д.), причем три блюда не считались ни скупыми, ни экстравагантными; нам рассказывают, что Август часто обедал из трех блюд и никогда не выходил за пределы шести. *Секунда менса* завершала трапезу всевозможной выпечкой, сладостями, орехами и фруктами, свежими и консервированными, к которым свободно подливалось вино. От того, что в начале трапезы ели яйца, а в конце - яблоки, произошло пословицное выражение *ab ovō ad māla*.

⁵Это наиболее распространенная форма, но встречается и множественное число, а прилагательное может следовать за существительным.

309 Счета за проезд - В литературе сохранились счета за проезд нескольких блюд, вероятно, действительно поданных на стол, которые можно считать типичными, по крайней мере, для домашнего, щедрого и роскошного обеда. Самый простой из них приводится Ювеналом (†2 век н.э.): на *гастус* - спаржа и яйца; на *цену* - молодой ребенок и курица; на *секунду* - фрукты. Два других приводит Марциал (43-101 гг. н. э.): в первом - салат, лук, рыба-тунец и яйца, нарезанные ломтиками; сосиски с кашей, свежая цветная капуста, бекон и фасоль; груши и каштаны, а с вином - оливки, пересоленный горох и люпин. На втором - мальвы, лук, мята, девясил, анчоусы с нарезанными яйцами и свиное вымя в соусе из тунца; *цена* подавалась в виде одного блюда (*ūna mēsa*): ребенок, курица, холодная ветчина, бобы харики и кочан молодой капусты; свежие фрукты, разумеется, с вином. Последним мы обязаны Макробию (†5 век н.э.), который относит его к пиру понтификов во времена республики, пирам, которые славились своей пышностью. *Антецена* состояла из двух блюд: первое - морские ежи, сырые устрицы, три вида морских мидий, дрозд на спарже, жирная курица, панированные устрицы и мидии; второе - снова мидии, рыба в раковинах, морская крапива, фиги, корейка козленка, свиная вырезка, курица во фрикасе, снова фиги, два вида морских котиков. Количество блюд, в которых подавалась *цена*, не указано: вымя свиньи, голова кабана, панированная рыба, панированное вымя свиньи, домашние утки, дикие утки, зайцы, жареная курица, пудинг из крахмала, хлеб. Макробий не упоминает ни овощей, ни

десерта, но мы можем считать само собой разумеющимся, что они соответствовали остальным блюдам пира, а вино, которое пили понтифики, славилось как лучшее.

310 Сервировка ужина. - Час ужина знаменовал собой завершение дневной работы, как уже говорилось (§301), и поэтому варьировался в зависимости от времени года и социального положения семьи. В целом можно сказать, что он наступал не раньше девятого и редко после десятого часа (§418). Обычно он продолжался до сна, то есть не менее трех-четырех часов, хотя римляне ложились спать рано, потому что рано вставали (§§79, 122). Иногда даже обычный ужин длился до полуночи, но когда банкет ожидался необычайно продолжительным, его было принято начинать раньше, чтобы после него оставалось время для необходимого отдыха. Такие банкеты, начинавшиеся до девятого часа, назывались *tempestiva convivia*, причем слово "рано" в этой связи несло в себе примерно тот же упрек, что и наши "поздние" ужины. На обычных семейных обедах время проводилось в беседах, хотя в некоторых хороших домах (в частности, в доме Аттика, см. §155) обученный раб читал гостям вслух. На "господских обедах" устраивались другие развлечения: музыка, танцы, жонглирование и т. д., которые проводили профессиональные артисты (§153).

311 Когда гостей проводили в столовую, торжественно вызывали богов - обычай, которому соответствует наша "благодать перед мясом". Затем они занимали свои места на кушетках (*accumbere, discumbere*), как им было назначено (§306), их сандалии снимались (§250), чтобы за ними ухаживали их собственные слуги (§152), а для мытья рук несли воду и полотенца. Затем начиналась трапеза: каждое блюдо ставилось на стол на официанте или подносе (*ferculum*), с которого блюда в обычном порядке передавались гостям. По окончании каждого блюда посуду ставили на место и убирали, а гостям снова передавали воду и полотенца - обычай тем более необходимый, что пальцы использовались для вилок (§299). Между основными частями трапезы стол также убирали и тщательно вытирали тряпкой или мягкой губкой. Между собственно *cēna* и *secunda mēsa* делалась более длительная пауза и сохранялась тишина, пока ларам подносили вино, соль и еду, возможно, также обычные предметы питания. Десерт подавался так же, как и другие части трапезы. Сигналом к тому, чтобы покинуть кушетки, служили сандалии (§250), и гости немедленно уходили.

312 Комиссариат. - Цицерон рассказывает, как Катон и его соседи-сабиняне засиживались за десертом и вином до поздней ночи, и заставляет их находить главное очарование долгого вечера в беседе. По этой причине Катон считает латинское слово *convivium* - "совместная жизнь" - лучшим словом для такого общения, чем то, которое использовали греки - *symposium* - "совместная выпивка". Молодые люди в светских кругах столицы склонялись скорее к греческой точке зрения и сопровождали собственно *cēna* попойкой, или винным ужином, называемым *comissātiō* или *compōtātiō*. Эта форма отличалась от той, которую одобрил Катон, не только количеством выпитого вина, более низким тоном и сомнительными развлечениями, но и следованием некоторым греческим обычаям, неизвестным римлянам до второй Пунической войны и так и не принятым в регулярных званных обедах, которые были описаны. Это использование духов и цветов во время пира, выбор хозяина пиршества и способ питания.

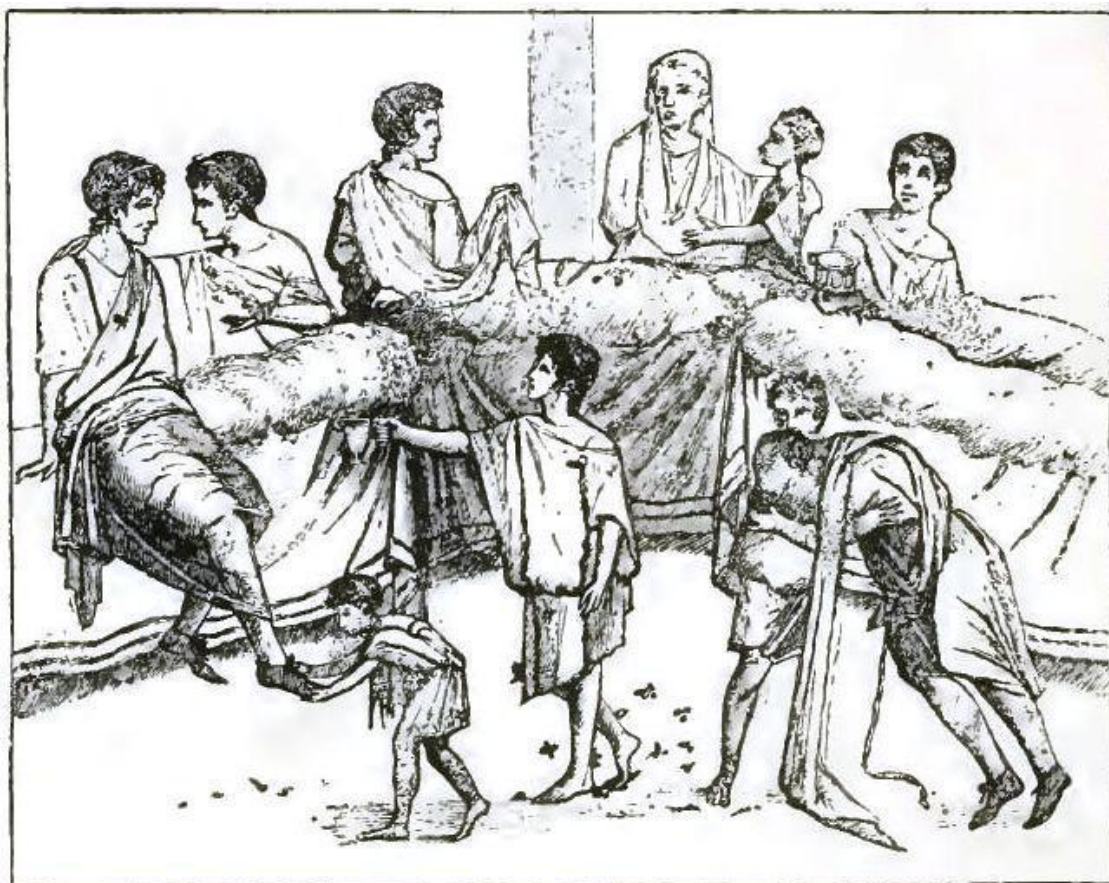

РИСУНОК 124. ОКОНЧАНИЕ ПИТЕЙНОГО ПОЕДИНКА

РИС. 125. МИКСЕРНЫЙ КУБОК

313 Духи и цветы использовались не столько из-за сладости их аромата, что очень нравилось римлянам, сколько потому, что они верили, что запах предотвращает или, по крайней мере, замедляет опьянение. Об этом свидетельствует тот факт, что они не использовали благовония и цветы в течение всей трапезы, а ждали, пока помажут голову духами и увенчают ее цветами, пока не принесут десерт и вино. Для гирлянд (*corōnae convīvālēs*) использовались различные листья и цветы в соответствии с индивидуальными вкусами, но роза была самой популярной и стала ассоциироваться с комиссарством. После того как гости надевали свои короны (иногда на шею надевали и гирлянды), каждый бросал кости, обычно призывая при этом свою возлюбленную или какое-нибудь божество помочь ему в броске. Тот, чей бросок оказывался самым высоким (§320), сразу же объявлялся *бибенди* (*rēx, magister, arbiter*). В чем заключались его обязанности и привилегии, нам нигде прямо не сказано, но вряд ли можно сомневаться, что в его компетенцию входило определение пропорции воды, добавляемой в вино (§298), установление правил питья (Гораций называет их *lēgēs īnsānae*), решение, что каждый гость должен делать для развлечения своих товарищей, и наложение штрафов и неустоек за нарушение правил.

РИС. 126. КУБКИ ДЛЯ ПИТЬЯ

ФИГУРА 127. ЦИАТУС

314 Вино смешивалось под руководством *магистра* в большой чаше (*crātēr*), пропорции вина и воды были, по-видимому, постоянными в течение вечера, и из *crātēr* (рис. 125), поставленного на стол на виду у всех, вино разливалось слугами в кубки (*pōcula*, рис. 126) гостей. Ковш (*cyathus*, рис. 127) вмещал примерно одну двенадцатую часть пинты, или, что более вероятно, был градуирован на двенадцатые доли. Способ питья, по-видимому, отличался от обычного ужина главным образом следующим: на обычном ужине каждый гость смешивал вино по своему вкусу и пил столько, сколько хотел, а на *комиссарии* все должны были пить одинаково, невзирая на различия во вкусах и возможностях. Вино, похоже, пили в основном за "здоровье", но странный обычай регулировал размер бокалов. Любой гость мог предложить здоровье любого человека, которого ему было угодно назвать; тут же рабы наливали в каждый кубок столько *cyathī* (двенадцатые доли пинты), сколько букв было в названном имени, и кубки должны были осушить по призыву. Остальные развлечения, несомненно, были достаточно бурными (§310); азартные игры, похоже, были обычным делом, а Цицерон в своих речах против Катилина рассказывает о более позорных практиках. Иногда гости проводили вечер, кочуя из дома в дом, поочередно выступая в роли хозяев и наводя ужас ночью, когда они шатались по улицам со своими коронами и гирляндами.

315 Банкеты богатей... Нет нужды говорить о банкетах богатых вельмож в последний век Республики и богатых парвеню (§181), которые заполнили дворы предыдущих императоров. Они устраивались по тому же плану, что и описанные нами обеды, отличаясь от них лишь показной демонстрацией мебели, тарелок и блюд. Насколько до нас дошли сведения, они были скорее гротескными и отвратительными, если судить по канонам сегодняшнего дня, чем великолепными. Кушетки из серебра, вино вместо воды для рук, двадцать два блюда для одной цены, семь тысяч птиц, подаваемых на другой, блюда из печени рыб, языков фламинго, мозгов павлинов и фазанов, смешанных вместе, поражают нас как вульгарность

до безумия. Сейчас суммы, потраченные на эти пиры, не кажутся такими баснословными, как тогда. Каждый сезон в наших больших столицах проходят светские рауты, которые превосходят пиры Лукулла по стоимости, а также по вкусу и изысканности. Однако как знамения времени, как признаки изменившихся идеалов, вырождения и упадка, они заслуживали того внимания, которое уделяли им римские историки и сатирики.

ГЛАВА IX

УВЕСЕЛЕНИЯ; БАНИ

ССЫЛКИ: Marquardt, 269-296, 834-861; Staatsverwaltung, III, 504-565; Göll, III, 455-480, 104-157; Guhl and Koner, 643-658, 804-829, 609-618; Friedländer, II, 295-637; Ramsay, 394-409; Pauly-Wissowa, *amphitheātrum*, *calx*, *circus*, *Bader*; Smith, Harper, Rich, *amphitheātrum*, *balneae*, *circus*, *gladiātōrēs*, *theātrum*, и другие латинские слова в тексте; Baumeister, 694, 241-244, 2089-2111; Lübker, 1073 f., 1199 f., 477 f., 1048 f., 185, 1213; Kelsey-Mau, 135-161, 180-220.

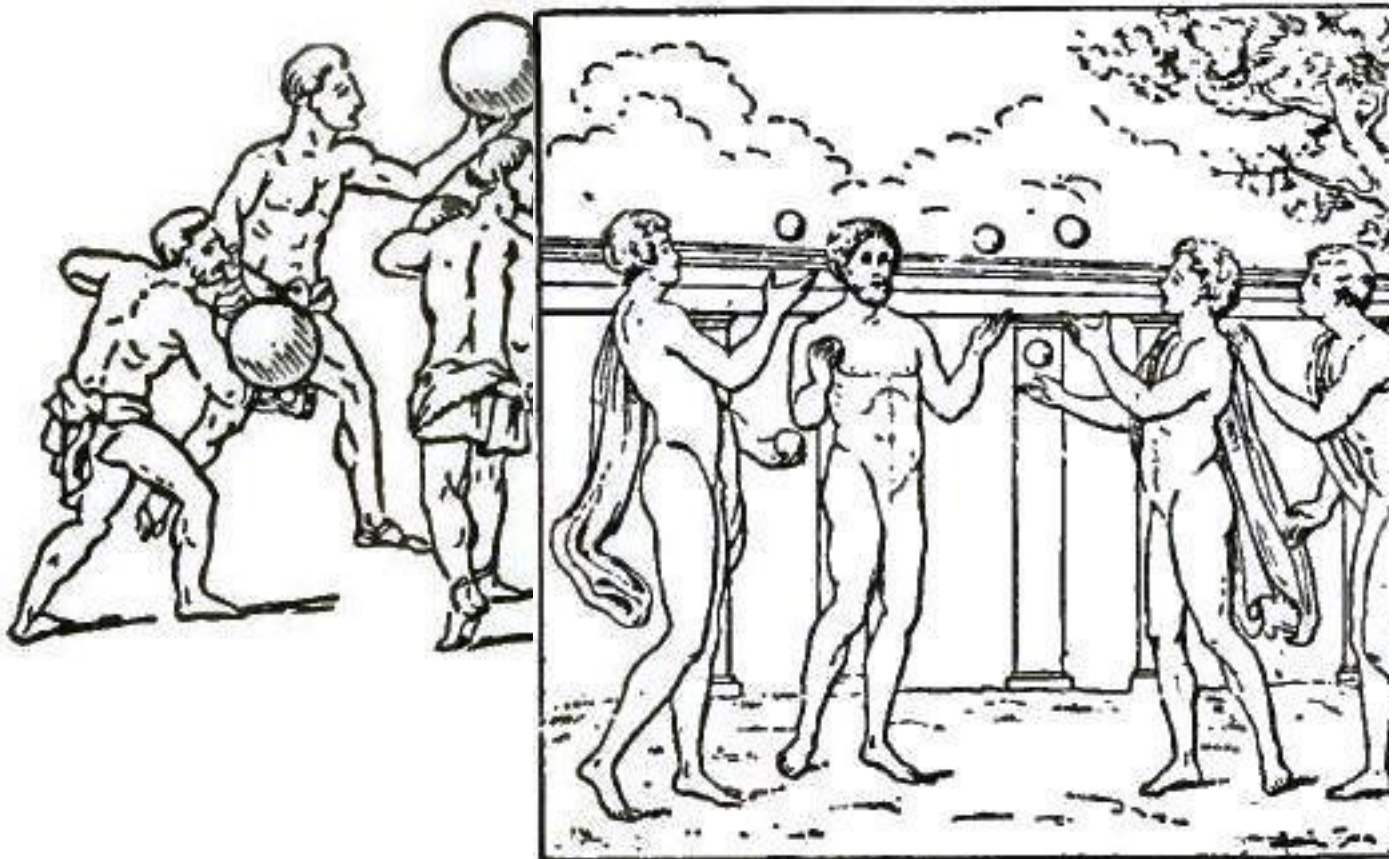

РИСУНОК 128. МЕТАТЕЛЬ ДИСКУСА

316 После того как игры детства (§§102, 103) были пройдены, римлянин, казалось, потерял всякий инстинкт к игре. Он ничего не знал о спорте ради спорта, не принимал участия в играх ради того, чтобы преуспеть в них. Он играл в мяч перед обедом для пользы упражнения, занимался верховой ездой, фехтованием, борьбой, метанием диска (рис. 128) и плаванием для силы и умения владеть оружием, играл в азартные игры для азарта ставок, но не было

"национальной игры" для молодых людей , не было общественных развлечений, в которых мужчины и женщины участвовали бы вместе. Римлянину было трудно и дорого развлекать других. Его не интересовала драма, мало интересовали зрелищные представления, больше, пожалуй, фарсы и варьете, но единственное, что его действительно привлекало, - это азарт, и он находил его в азартных играх или в таких развлечениях, которые были связаны с риском для жизни и конечностей, - в цирке и амфитеатре. Мы можем описать сначала те игры, в которых римлянин участвовал сам, а затем те, на которых он был просто зрителем. К первому классу относятся полевые и опасные игры, ко второму - общественные и частные игры (*lūdī pūblicī et prīvātī*).

317 Спорт Кампуса. Кампус Мартиус включал в себя всю ровную землю, лежащую между Тибром и Капитолийским и Квиринальским холмами. Северо-западная часть этой равнины, ограниченная с двух сторон Тибром, который здесь круто обрывается к западу, огражденная от общественных и частных зданий и часто называемая просто *Кампусом*, на протяжении веков была игровой площадкой Рима. Здесь молодые люди собирались, чтобы поупражняться в упомянутых выше атлетических играх, естественно, в прохладное время дня. Даже мужчины более зрелого возраста не гнушались посещать Кампус после *меридиана* (§302), готовясь к бане перед ужином, вместо которой молодые люди предпочитали окунуться в удобную реку. Сами виды спорта были теми, которые мы привыкли объединять в легкую атлетику. Они бегали наперегонки, прыгали, метали диск (рис. 128), упражнялись в стрельбе из лука, устраивали поединки по борьбе и боксу. Если судить по описанию Вергилия в Пятой Энеиде, эти виды спорта проводились тогда так же, как и сейчас, но исключение следует сделать для игр с мячом. Они кажутся очень скучными и глупыми по сравнению с нашими. Однако следует помнить, что в них играли скорее ради полезного для здоровья упражнения, чем ради удовольствия от игры, причем люди высокого положения - Цезарь, Меценат и даже император Август.

318 ИГРЫ С МЯЧОМ - Известно, что в различных играх использовались мячи разных размеров, наполненные волосами, перьями и воздухом (*фоллес*, рис. 129). Метание и ловля составляли основу всех игр, бита была практически неизвестна. В самой простой игре игрок подбрасывал мяч как можно выше и старался поймать его до того, как он ударится о землю. Разновидностями этой игры было то, что мы называем жонглированием: игрок держал в воздухе два или более мячей (рис. 130), а также подбрасывал и ловил мяч по очереди с другим игроком. Другая игра, должно быть, напоминала наш гандбол: для нее требовалась стена и ровная площадка у ее подножия. Мяч ударяли открытой рукой о стену, позволяли ему упасть на землю и связать, а затем таким же образом отбивали обратно о стену. Цель игрока состояла в том, чтобы удержать мяч таким образом дольше, чем это удастся его сопернику. В частных домах и общественных банях часто устраивали "площадки", специально подготовленные для этого развлечения. Третья игра называлась *тригон*, в нее играли три человека, расположившись по углам равностороннего треугольника. Использовались два мяча, и цель игрока состояла в том, чтобы бросить мяч в того из своих противников, у которого меньше шансов его поймать. Поскольку двое могли бросить в третьего в один и тот же момент, или бросающий один мяч мог получить второй мяч в самый момент броска, необходимо было использовать обе руки, и требовалась хорошая степень мастерства. Другие игры, связанные с бросанием и ловлей, упоминаются то тут, то там, но ни одна из них не описана достаточно подробно, чтобы ее можно было понять.

319 Азартные игры - Римляне страстно любили азартные игры, и азартные игры настолько ассоциировались с ними, что были запрещены законом, даже если на самом деле ставки не делались. Общая пошлажка, по-видимому, давалась на Сатурналии в декабре, и общественное мнение позволяло старикам играть в любое время. Однако законы, как это обычно бывает, было трудно исполнять, и крупные суммы выигрывались и проигрывались не только на общих игорных курортах, но и в частных домах. Азартные игры с высокими ставками были одним из главных развлечений на мужских обедах, о которых мы уже упоминали (§314). Самой распространенной формой азартных игр были наши "головы или решки", при этом использовались монеты, как и у нас, а стоимость зависела от средств игроков. Другой распространенной формой было "чет или нечет", каждый игрок угадывал по очереди и в свою очередь держал жетоны, спрятанные в вытянутой руке, чтобы угадал его противник. Ставкой обычно служило содержимое руки, хотя нередко делались и дополнительные ставки. В одной из разновидностей этой игры игроки пытались угадать реальное количество жетонов в руке. Однако больший интерес представляют игры в костяшки и кости.

РИСУНОК 131. ДЕВУШКИ ИГРАЮТ С КОСТЯШКАМИ

320 Костяшки. - Костяшки (*tālī*) овец и коз, а также их имитации из слоновой кости, бронзы и камня использовались детьми в качестве игрушек, а мужчинами - для игр. Дети играли ими в "валетные камни", подбрасывая в воздух сразу пять штук и ловя как можно больше на тыльную сторону ладони (рис. 131). Длина *тали* была больше ширины, поэтому они имели четыре длинные стороны и два конца. Концы были закруглены или заострены, так что *тали* не могли на них стоять. Из четырех длинных сторон две были шире остальных. Из двух более широких сторон одна была вогнутой, другая - выпуклой; из более узких сторон одна была плоской, а другая - выемчатой. Поскольку все стороны были разной формы, *тали* не требовали маркировки, как наши игральные кости, но для удобства их иногда маркировали цифрами 1, 3, 4 и 6, а цифры 2 и 5 опускали. Одновременно использовались четыре *тали*, которые либо подбрасывали в воздух рукой, либо бросали из коробки с костями (*fritillus*), причем считалась сторона, на которой лежала кость, а не та, которая поднималась. Было возможно тридцать пять различных бросков, каждый из которых имел свое название. Четыре туза - это самый низкий бросок, называемый "Гриф", а самый высокий, называемый "Венера", - когда все *тали* поднимались по-разному. Именно этот бросок обозначал *magister bibendī* (§313).

РИСУНОК 132. ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ

321 Кости - У римлян тоже были кости (*tesserae*), точно такие же, как у нас. Они были сделаны из слоновой кости, камня или близкого к зернистому дерева, а их стороны были пронумерованы от одного до шести. Их использовали по три за раз, бросая с *фритилуса*, как и костяшки (рис. 132), но считали те стороны, которые попадались. Самым высоким броском были три шестерки, самым низким - три туза. В обычных играх цель игрока, по-видимому, заключалась в том, чтобы выбросить большее число, чем его противник, но существовали также игры с костями на досках с жетонами, которые, должно быть, были чем-то похожи на наши нарды, объединяя мастерство с шансом. О них известно не больше, чем об их названиях, но доска, использовавшаяся для какой-то такой игры, показана в §336 (рис. 144). Если учесть, как много места в наших газетах уделяется игре в бейсбол, и как невозможно человеку, никогда не видевшему игры, составить правильное представление о ней только по газетным описаниям, то не покажется странным, что мы так мало знаем о римских играх.

322 Общественные и частные игры. - Историческое развитие общественных игр в этой книге не рассматривается (§ 2). Достаточно сказать, что эти бесплатные представления, устраивавшиеся сначала в честь какого-нибудь бога или богов за счет государства и расширявшиеся и умножавшиеся в политических целях, пока не утратили всякого религиозного значения, к концу Республики стали главным удовольствием в жизни для низших классов Рима, так что Ювенал заявляет, что бесплатный хлеб (§286) и игры в цирке были единственным желанием народа. Эти игры были не только бесплатными, но когда их давали, все общественные дела прекращались, и все граждане были вынуждены брать отпуск. Эти праздники быстро становились все более и более многочисленными; к концу Республики игры занимали шестьдесят шесть дней, а в правление Марка Аврелия (161-180 гг.) не менее ста тридцати пяти дней в году были закрыты для дел.¹ Кроме этих постоянных игр, часто устраивались другие, посвященные чрезвычайным событиям, а похоронные игры были обычным делом, когда умирали великие люди. Последние не были признаны законными праздниками. Для наших целей различие между общественными и частными играми не имеет значения, и все они могут быть классифицированы в соответствии с природой выставок: *lūdī scēnicī* - драматические развлечения в театре, *lūdī circēnsēs* - гонки на колесницах и другие выставки в цирке, и *mūnera gladiātōria* - шоу гладиаторов, обычно проводимые в амфитеатре.

¹Например, в Индиане ежегодно проводится шестьдесят праздников, и это примерно средний показатель по Соединенным Штатам.

323 Драматические представления. - История развития драмы в Риме относится, конечно, к истории латинской литературы. В классические времена драматические представления состояли из комедий (*cōmoediae*), трагедий (*tragoediae*), фарсов (*mīmī*) и пантомим (*pantomīmī*). Фарсы и пантомимы использовались в основном как интермедии и послесловия, хотя среди простых людей они были самыми популярными и пережили все остальные. Трагедия никогда не имела в Риме реальной силы, и только самые яркие комедии пользовались популярностью на сцене. Из комедий до нас дошли только комедии Плавта и Теренция, все они были адаптированы к греческим оригиналам, все изображали греческую жизнь и были представлены в греческих костюмах (*fābulae palliātae*). Они были больше похожи на наши комические оперы, чем на наши комедии: большие части декламировались под музыку, а другие пелись, пока актер танцевал. Они всегда давались днем, поскольку римские театры не имели средств освещения, в ранний период после полуденной трапезы (§301), но ко времени Цицерона они стали даваться утром. Средняя комедия должна была длиться около двух часов, с учетом музыки между сценами. Мы читали о том, что пьесу играли дважды за день, но это, должно быть, было очень исключительным случаем, так как нужно было выделить время для других, более популярных представлений, дававшихся по тому же случаю.

РИСУНОК 133. СЦЕНА ИЗ КОМЕДИИ

324 Постановка пьесы. Пьеса, как и другие виды спорта, находилась под наблюдением официальных лиц, отвечавших за игры, на которых она давалась. Они заключали договор на постановку пьесы с каким-нибудь признанным распорядителем (*dominus gregis*), который обычно был актером с признанными способностями и имел при себе труппу (*grex*) из других людей, уступавших только ему самому. Все актеры были рабами (§143), а мужчины исполняли женские роли. Число актеров не было ограничено, но из соображений экономии доминус старался ставить каждую пьесу с наименьшим числом участников, и одному актеру часто поручали две или даже больше ролей. Персонажи комедий носили обычную греческую повседневную одежду, поэтому костюмы (рис. 133) не были дорогими. Единственным необходимым гримом была краска для лица, особенно для актеров, исполнявших женские роли, и парики, которые использовались условно для представления различных персонажей: седой для стариков, черный для юношей, красный для рабов и т. д. Все это и необходимое имущество (*ōrnāmenta*) предоставлялось господином. По-видимому, также

было принято, чтобы он пировал за свой счет, если актеры старались развлечься необычайно успешно.

325 Ранний театр. - Сам театр не заслуживал такого названия до самого конца Республики. В период написания лучших пьес (200-160 гг. до н. э.) почти ничего не было сделано для размещения актеров или зрителей. Сцена представляла собой временный помост, скорее широкий, чем глубокий, построенный у подножия холма или на поросшем травой склоне. Здесь не было почти ничего из того, что мы привыкли ассоциировать со сценой: ни занавесов, ни мушек, ни декораций, которые можно было бы менять, ни даже резонатора для поддержки голоса актера. Не было возможности изобразить и интерьер дома, поэтому драматург ограничивался такими ситуациями, которые можно было предположить, что происходят на общественной улице. Эта улица и представляла собой сцену; в задней ее части показывали фасады двух или трех домов с открывающимися окнами и дверями, а иногда между двумя домами был переулок или проход. На сцене стоял алтарь, как нам сказали, чтобы напоминать людям о религиозном происхождении игр. Для зрителей были созданы условия не лучше, чем для актеров. Люди занимали свои места на склоне перед сценой, кто-то лежал на траве, кто-то стоял, кто-то, возможно, сидел на табуретах, которые они принесли из дома. Здесь всегда царили шум и неразбериха, чтобы испытать голос актера, толкались и толпились, спорили и ругались, плакали дети, а в самый разгар спектакля сообщение о чем-то более оживленном, что можно было увидеть в другом месте, могло увести всю публику.

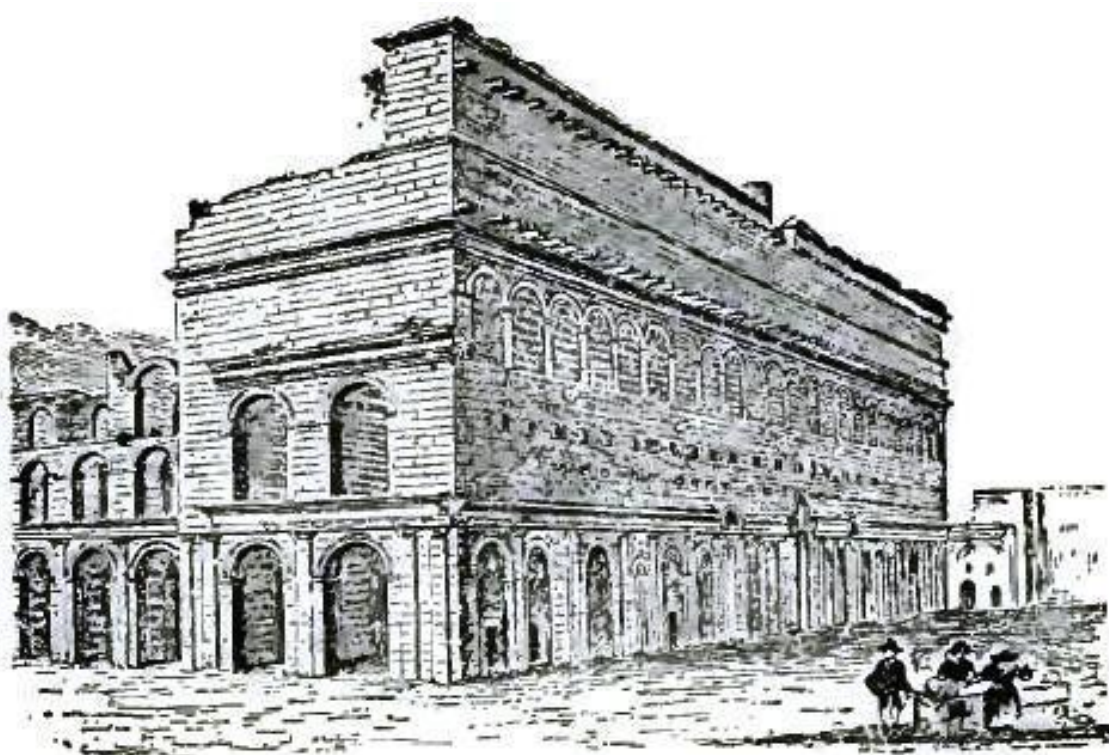

РИСУНОК 134. ВНЕШНИЙ ВИД ТЕАТРА В ОРАНДЖЕ

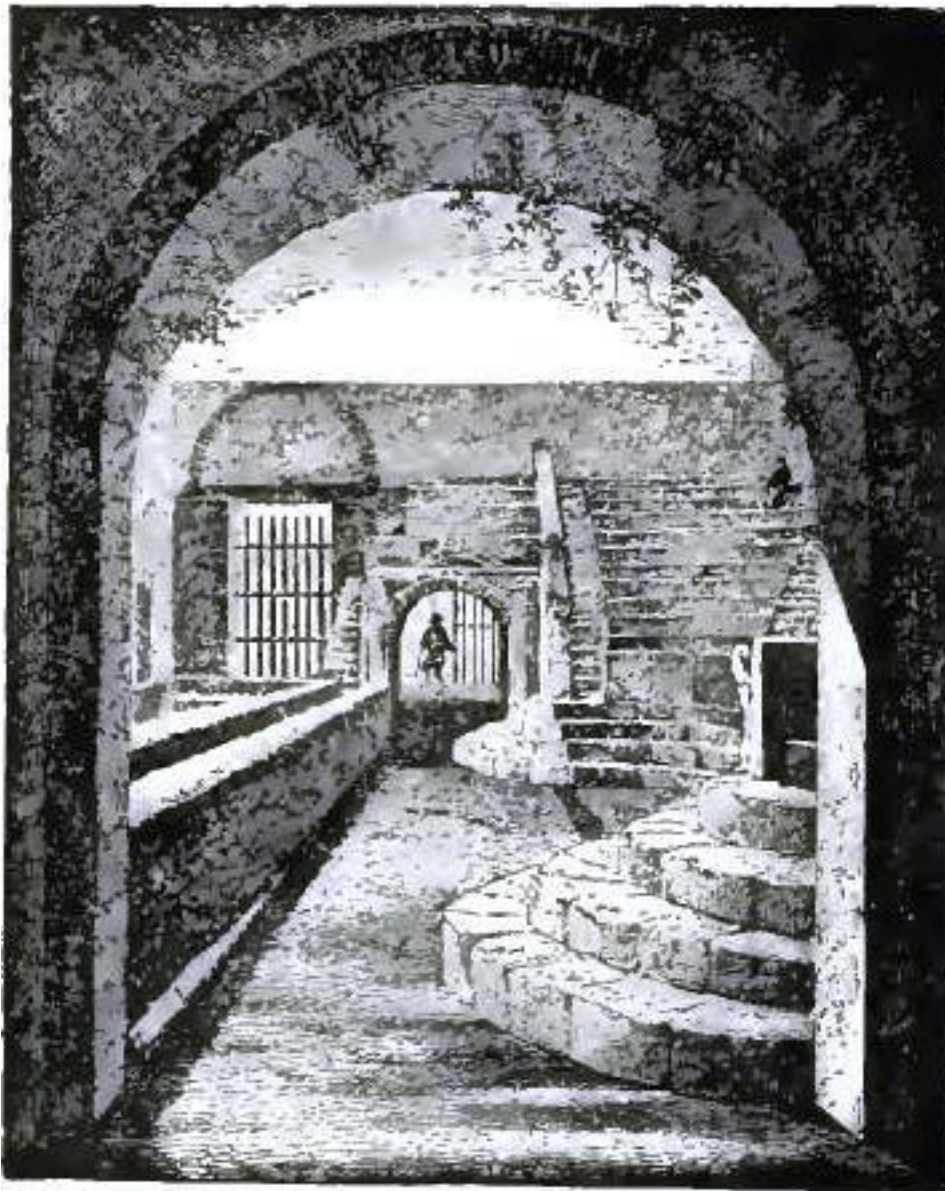

РИС. 135. ТЕАТР В ПОМПЕЯХ

326 Поздний театр. - Начиная примерно с 145 года до н. э., однако, были предприняты усилия по улучшению этой бедной апологии театра, несмотря на противодействие тех, кто считал пьесы губительными для морали. В том же году был возведен деревянный театр по греческому образцу, оборудованный сиденьями, но сенат приказал снести его, как только закончились игры. Тем не менее, в обычай вошло возводить временный театр с отдельными местами для сенаторов, а гораздо позже и для рыцарей, как только на публичных играх начинались представления, пока в 55 году до нашей эры Помпей Магнус не возвел первый постоянный театр в Риме. Он был построен из камня по плану театра, который он видел в Митилене, и вмещал не менее семнадцати тысяч человек; Плиний говорит о сорока тысячах. Этот театр имел два примечательных отличия от своей греческой модели. Греческие театры выкапывались из склона холма, в то время как римский театр возводился на ровном месте (театр Помпея в Кампус Мартиус) и, следовательно, давал больше возможностей для внешнего великолепия. В греческом театре непосредственно перед сценой было большое круглое помещение для хоровых выступлений; в римском театре это помещение, называемое тогда, как и сейчас, оркестром, было гораздо меньше и предназначалось для сенаторов. Первые четырнадцать рядов сидений, поднимающихся сразу за ними, предназначались для

рыцарей. Места позади них занимались народом без разбора, по принципу "кто первый пришел, того и тапки". Никаких других постоянных театров в Риме не возводилось до 13 года до н. э., когда были построены два. Меньший вмещал одиннадцать тысяч зрителей, а больший, возведенный в честь Марцелла, племянника Августа, - двадцать тысяч. Эти усовершенствованные театры позволили внести в представления зрелищные элементы, которые не позволяли грубые подмостки ранних времен, и эти зрелища стали гибелью законной драмы. Говорят, что для придания реалистичности сценам разграбления города Помпей предоставил отряды кавалерии и пехоты, сотни мулов, нагруженных настоящими военными трофеями, и три тысячи чаш для смешивания (§314). По сравнению с этими тремя тысячами мисок лавины, бегущие паровозы, работающие лесопилки и соборные сцены современности кажутся бедными.

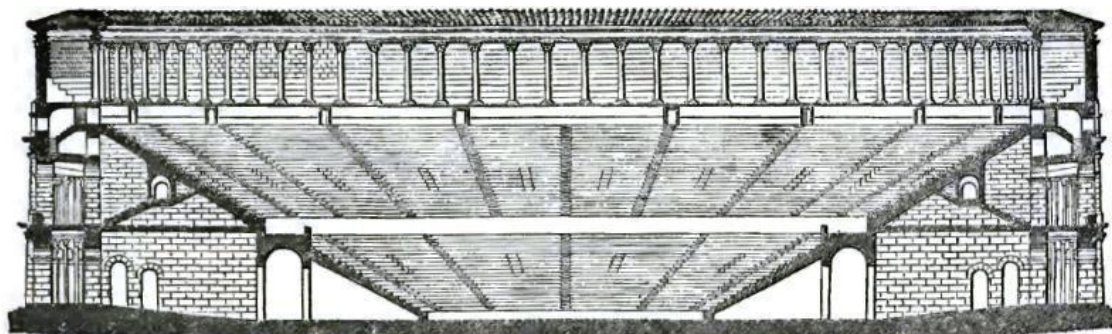

РИСУНОК 136. Фрагмент театра Марцелла (реставрация)

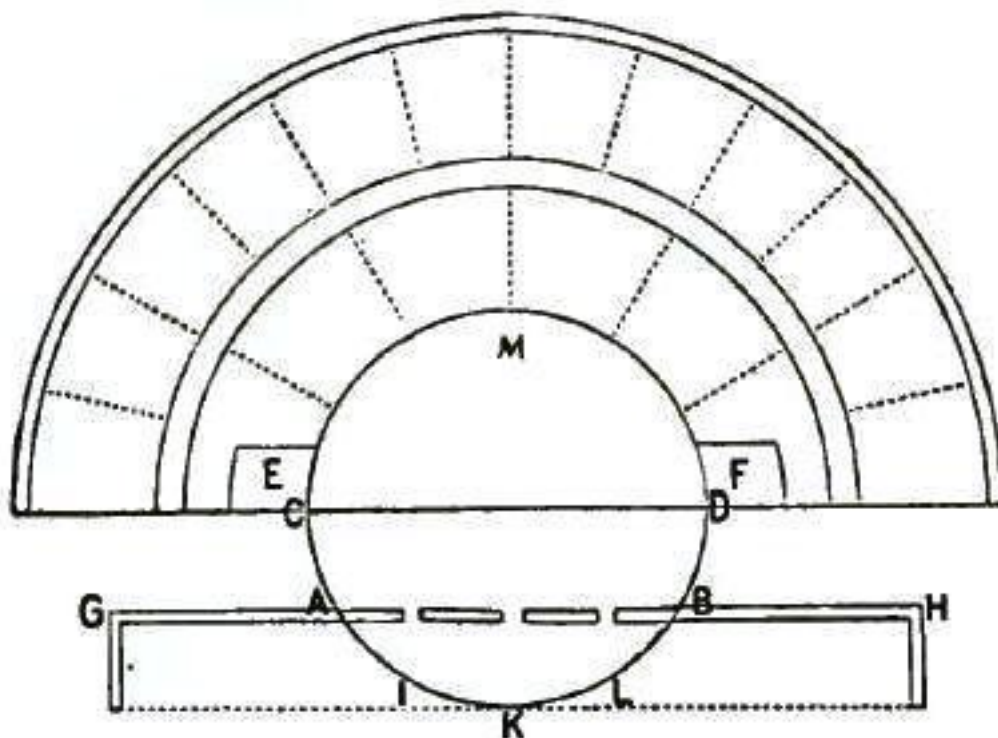

РИСУНОК 137. ПЛАН ТЕАТРА

327 Общий вид этих театров, по типу сотен, возведенных позже по всему римскому миру, можно понять по рис. 137, плану театра, составленному Витрувием (§187). GH - передняя линия сцены (*просцениум*); все за ней - *сцаена*, предназначенная для актеров, все перед ней

- *savea*, предназначенная для зрителей. IKL в задней части отмечают положение трех дверей, например, дверей трех домов, упомянутых выше (§325). Полукруглый оркестр CMD - это часть, предназначенная для сенаторов. Места за оркестром, расположенные концентрическими полукругами, разделены пятью проходами на шесть частей (*cunei*), и таким же образом места над полукруглым проходом (*praecinctiō*), показанным на рисунке, разделены одиннадцатью проходами на двенадцать *cunei*. Доступ к местам сенаторов обеспечивался проходами под высокими сиденьями справа и слева от сцены, один из которых можно увидеть на рис. 135, где представлена часть меньшего из двух театров, обнаруженных в Помпеях, построенных недалеко от 80 г. до н. э. Над сводчатым проходом можно заметить, что это были, должно быть, лучшие места в театре, в какой-то степени соответствующие ломам современности. Они предназначались для императора, если он присутствовал, для чиновников, наблюдавших за играми, и (с другой стороны) для весталок. Доступ к более высоким местам был удобен благодаря широким лестницам, построенным под сиденьями и ведущим к проходам между *клиньями*. Они показаны на рис. 136, представляющем собой теоретическую реконструкцию театра Марцелла, о котором говорилось выше. За самыми высокими сиденьями располагались широкие колоннады, дававшие укрытие на случай дождя, а над ними - высокие мачты, с которых спускались навесы (*vēla*) для защиты людей от солнца. О внешнем виде сценической площадки можно судить по рис. 134, на котором изображены остатки римского театра, до сих пор существующего в Оранже,² на юге Франции. Следует заметить, что сцена была соединена со зрительным залом сиденьями над сводчатыми проходами в оркестр, и что занавес поднимался снизу, чтобы скрыть сцену, а не опускался сверху, как сейчас. Витрувий предлагал строить за сценой комнаты и портики, наподобие уже упоминавшихся колоннад, чтобы обеспечить пространство для актеров и имущества и укрытие для людей в случае дождя.

²Этот театр был восстановлен и используется для воспроизведения классической драмы. См. интересный рассказ о нем в "Century Magazine" за июнь 1895 года. Предполагается, что он был возведен во времена правления Марка Аврелия (161-180 гг.) и пришел в упадок в четвертом веке нашей эры.

РИСУНОК 138. ПОБЕДОНОСНАЯ АУРИГА

328 Римские цирки. - Игры в цирке были самыми древними из бесплатных выставок в Риме и всегда самыми популярными. Слово "цирк" означает просто кольцо, и поэтому *lūdī circēnsēs* - это любые представления, которые могли быть даны на кольце. Ниже (§343) мы увидим, что эти представления были нескольких видов, но наиболее характерным из них, который всегда имеется в виду, когда не назван никакой другой, являются гонки на колесницах. Для этих гонок первым и, по сути, единственным необходимым условием является большой и ровный участок земли. Таким местом была долина между Авентинским и Палатинским холмами, и здесь еще в доисторические времена был создан первый римский ипподром. Он *так* и остался цирком, который всегда имелся в виду, когда к нему не добавляли описательных

терминов, хотя, когда были построены другие, его иногда называли *Circus Maximus*. Ни один из других никогда не приближался к нему ни по размерам, ни по великолепию, ни по популярности.

329 Вторым цирком, построенным в Риме, был *цирк Фламиниев*, основанный в 221 году до н. э. тем же Каем Фламинием, который построил Фламиниеву дорогу. Он располагался в южной части *Campus Martius* (§317) и, как и *Circus Maximus*, подвергался частым разливам Тибра. Его местоположение не вызывает сомнений, но фактические остатки очень скудны, поэтому о его размерах и внешнем виде известно немного. Третьим по счету был цирк Кая (Калигулы) и Нерона, названный так по именам двух императоров, имевших отношение к его строительству, и возведенный, следовательно, в I веке н. э. Он лежал у подножия Ватиканского холма, но мы знаем о нем лишь то, что он был самым маленьким из трех. Эти три цирка были единственными в пределах города. Однако в непосредственной близости находились еще три. В пяти милях от него, на *Портуанской дороге*, находился цирк Арвальских братьев. Примерно в трех милях от него на Аппиевом пути находился цирк Максенция, возведенный в 309 году н. э. Он сохранился лучше всех, и его план показан в следующем параграфе. На той же дороге, примерно в двенадцати милях от города, в старом городе Бовилле, находился третий, то есть шесть в пределах легкой досягаемости для жителей Рима.

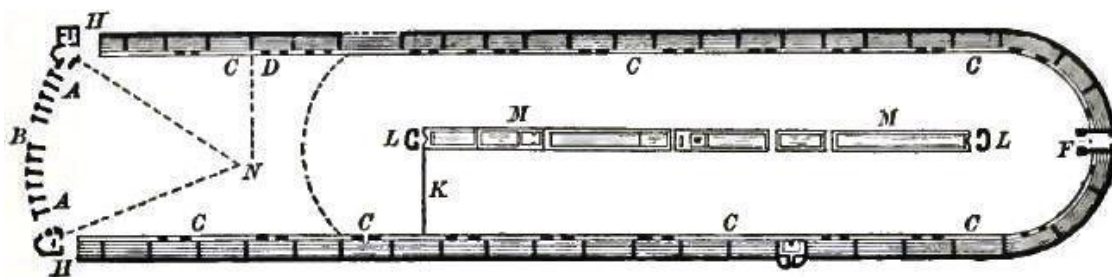

РИСУНОК 139. ПЛАН ЦИРКА МАКСЕНТИЯ

330 План цирка - Все известные нам римские цирки имели одно и то же общее устройство, которое легко понять из плана цирка Максенция, показанного на рис. 139. Длинный и сравнительно узкий участок земли, образующий собственно поле для бега (*arēna*), почти окружен ярусами сидений, идущих двумя длинными параллельными линиями, объединяющимися в полукруг на одном конце. В центре этого полукруга находятся ворота, обозначенные на плане буквой *F*, через которые победитель покидал цирк по окончании скачек. Поэтому они назывались *porta triumphālis*. Напротив этих ворот в другом конце арены находилась станция для колесниц (*AA* на плане), называемая *carcerēs*, "барьеры", фланкированная двумя башнями по углам (*II*), и разделенная на две равные части другими воротами (*B*), называемыми *porta romāe*, через которые процессии входили в цирк. Между башнями и сиденьями также есть ворота (*HH*). Внешний вид башен и барьеров, называемых вместе *oppidum*, показан на рис. 140.

РИСУНОК 140. ОППИДУМ ЦИРКА

331 Арена примерно на две трети своей длины разделена оградой или стеной (*MM*), называемой *спиной*, "хребтом". В конце ее стояли неподвижные столбы (*LL*), называемые *mētae*, отмечавшие внутреннюю линию поля. Один раз обогнуть *спину* - это круг (*spatium, curriculum*), а фиксированное количество кругов, обычно семь за забег, называлось *missus*. Последний круг, однако, имел только один поворот - у *mēta prīma*, ближайшего к *porta triumphālis*, а финиш представлял собой прямой рывок к *calx*. Это была меловая линия, начерченная на арене достаточно далеко от второй *меты*, чтобы ее не стерли копыта лошадей при выполнении поворота, и достаточно далеко от *карцеров*, чтобы погонщик мог остановить свою команду, прежде чем врезаться в них. Пунктирная линия (*DN*) - предполагаемое местоположение *кальки*. Заметим, что в развитом цирке важны *арена*, *карцеры*, *спина*, *метины* и сиденья, которые будут описаны более подробно.

332 Арена. Арена - это ровное пространство, окруженное сиденьями и барьерами. Свое название она получила из-за песка, которым покрывали ее поверхность, чтобы максимально избавить лошадей от негнущихся ног. Взглянув на план, можно понять, что для римлян скорость не была так важна, как для нас. Песок, короткие отрезки пути и резкие повороты между ними - все это было против большой скорости. Римлянин находил свое возбуждение в опасности гонки. На всех дошедших до нас изображениях гоночной трассы можно увидеть разбитые колесницы, павших лошадей, погонщиков под колесами и копытами. Расстояние тоже не было предметом точного измерения, оно варьировалось в разных цирках: цирк Максимуса был на 300 футов длиннее цирка Максенция. Однако во всех цирках было неизменным количество кругов, семь для забега, и это также доказывает, что опасность была главным элементом популярности состязаний. Расстояние, фактически пройденное в цирке Максенция, можно оценить очень точно. Длина *спины* составляет около 950 футов. Если учесть пятьдесят футов на поворот у каждой *меты*, то каждый круг составляет 2 000 футов, а шесть кругов - 12 000 футов. Седьмой круг имеет всего один поворот, но последний отрезок пути до *кальпы* делает его, возможно, на 300 футов длиннее, чем один из остальных, скажем, 2 300 футов. Итого 14 300 футов на всю *миссию*, или около 2,7 мили. Иордан подсчитал, что *миссус* Цирка Максимус составляет 8,4 километра, то есть около 5,2 мили, но он, похоже, учитывал всю длину арены, а не только *спину*.

РИСУНОК 141. КАРЦЕРЫ

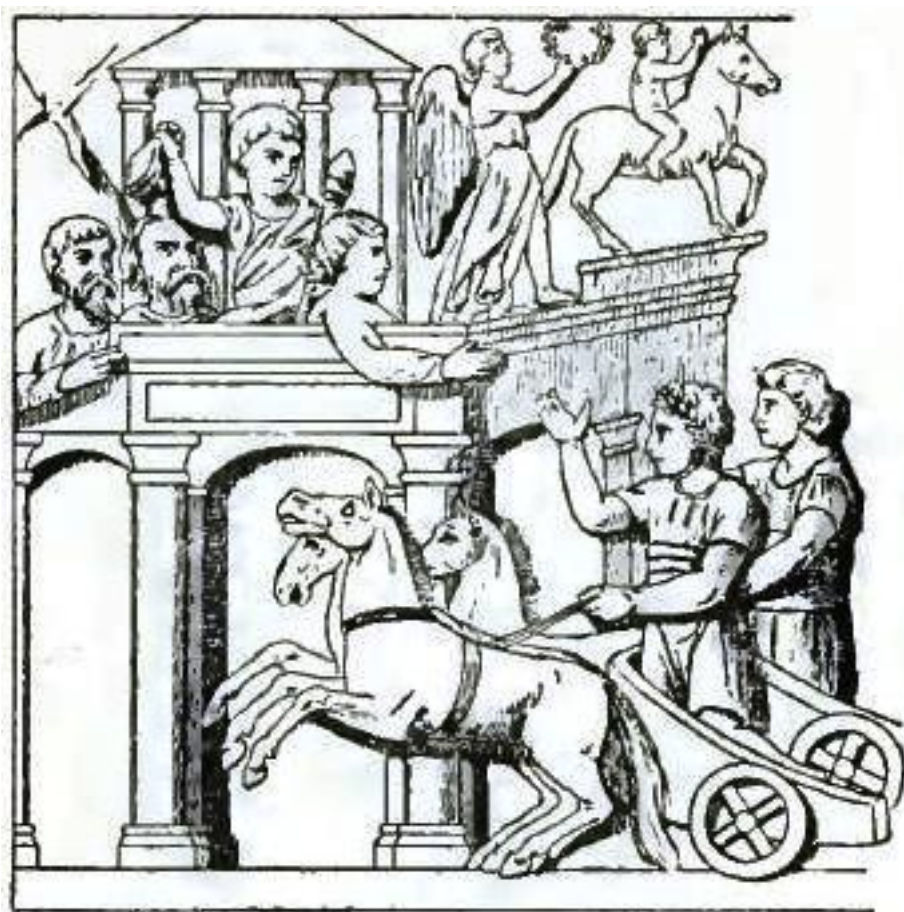

РИСУНОК 142. КОРОБКА DATOR LUDORUM

333 Барьеры. *Карцеры* - это места, где стояли колесницы и упряжки, когда они были готовы к началу гонок. Они представляли собой ряд сводчатых камер, полностью отделенных друг от друга сплошными стенами и закрытых дверями, через которые въезжали колесницы. Передняя часть камеры была образована двойными дверями, верхняя часть которых была сделана из решетчатых прутьев, пропускающих единственный свет, который она получала. От этой конструкции и произошло название *carcer*. Каждая камера была достаточно большой, чтобы вместить колесницу с упряжкой, а так как упряжка состояла иногда из семи лошадей, то "тюрьма" должна была быть почти квадратной. Для каждой колесницы всегда была отдельная камера. До Домициана наибольшее число колесниц составляло восемь, но после него в одной гонке иногда участвовало до двенадцати, и, следовательно, нужно было предусмотреть двенадцать *карцеров*, хотя обычное число колесниц составляло четыре. Половина этих камер находилась справа, половина слева от *porta romae*. Внешний вид одной из секций *карцера* показан на рис. 141.

334 На плане (§ 330) можно заметить, что *карцеры* были расположены по кривой линии. Предполагается, что она была проведена таким образом, чтобы каждая колесница, независимо от того, в каком из *карцеров* она находилась, должна была пройти одинаковое расстояние, чтобы достичь начала курса на более близком конце *спины*. Поэтому на старте не было преимущества в положении, и места распределялись по жребию. В более поздние времена стартовая линия (*linea alba*) была проведена мелом между второй *метой* и сиденьями справа, но линия *карцеров* осталась изогнутой, как и раньше. На концах ряда палат были построены башни, которые, по-видимому, служили трибунами для музыкантов; над *porta romae* находилась ложа главного чиновника игр (*dator lūdōrum*), а между его ложей и башнями располагались места для его друзей и лиц, связанных с играми. На рис.

142 изображен победитель, остановившийся перед ложей *датора*, чтобы получить приз, прежде чем триумфально проехать по арене.

РИСУНОК 143.

335 Спина и меты. *Спина* делила скаковую трассу на две части, определяя минимальное расстояние для бега. Ее длина составляла примерно две трети длины арены, но начиналась она только на ширину дорожки от *porta triumphālis*, оставляя полностью свободным гораздо большее пространство в конце возле *porta pompaе*. Она была идеально прямой, но не шла точно параллельно рядам сидений; в конце В на утрированной схеме (рис. 143) расстояние ВС несколько больше, чем расстояние АВ, чтобы оставить больше места у стартовой линии (*līnea alba*, §334), где колесницы должны были стоять бок о бок, чем дальше по курсу, где они были бы расставлены. *Меты*, названные так из-за своей формы (§284), представляли собой столбы, установленные на двух концах *спины* и архитектурно являвшиеся ее частью, хотя между ними могло быть пространство. В республиканские времена *спина* и *меты*, должно быть, были деревянными и подвижными, чтобы освободить место для демонстрации диких зверей и кавалерийских боев, которые первоначально устраивались в цирке. После создания амфитеатра цирк стал использоваться исключительно для скачек, а *спина* стала постоянной. Она была возведена на фундаменте из несокрушимого бетона (§ 210 f.) и украшена великолепными произведениями искусства, которые должны были полностью скрыть лошадей и колесницы, когда они переходили на другую сторону арены.

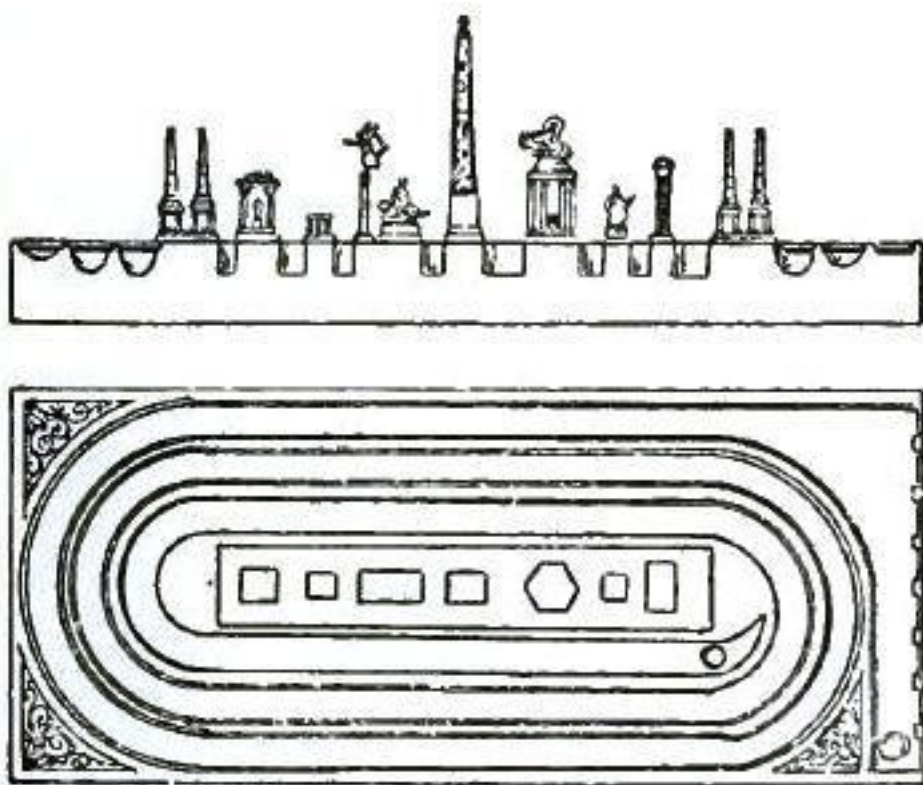

РИСУНОК 144. НАСТОЛЬНАЯ ИГРА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ СПИНУ

336 Представление о цирке дошло до нас в доске-игре, найденной в Бовилле ([§329](#)), которая дает прекрасное представление о *спине* (рис. 144). Из различных рельефов и мозаик мы знаем, что *спина* Цирка Максима была покрыта целым рядом статуй и декоративных сооружений, таких как обелиски, небольшие храмы или святилища, колонны, возвышающиеся над статуями, алтари, трофеи и фонтаны. Август первым воздвиг обелиск в Цирке Максимус; он был восстановлен в 1589 году н. э. и теперь стоит на площади Пьяцца дель Пополо, измеряя без основания около 78 футов в высоту. Констанций воздвиг другой (рис. 145) в том же цирке, который сейчас стоит перед Латеранской церковью, размером 105 футов. Обелиск из цирка Максенция сейчас стоит на площади Навона. Помимо этих чисто декоративных элементов, в каждом цирке на каждом конце *спины* был постамент, поддерживающий семь больших яиц (*ōva*) из мрамора, одно из которых снималось в конце каждого круга, чтобы люди могли знать, сколько еще осталось пробежать. Другая, совершенно иная идея *спины* показана на рис. 146 из мозаики в Лионе. Это канал, заполненный водой, с обелиском посередине. *Меты* в их развитой форме очень четко показаны в этой мозаике: три конических каменных столба, установленных на полукруглом цоколе, и все они самой массивной конструкции.

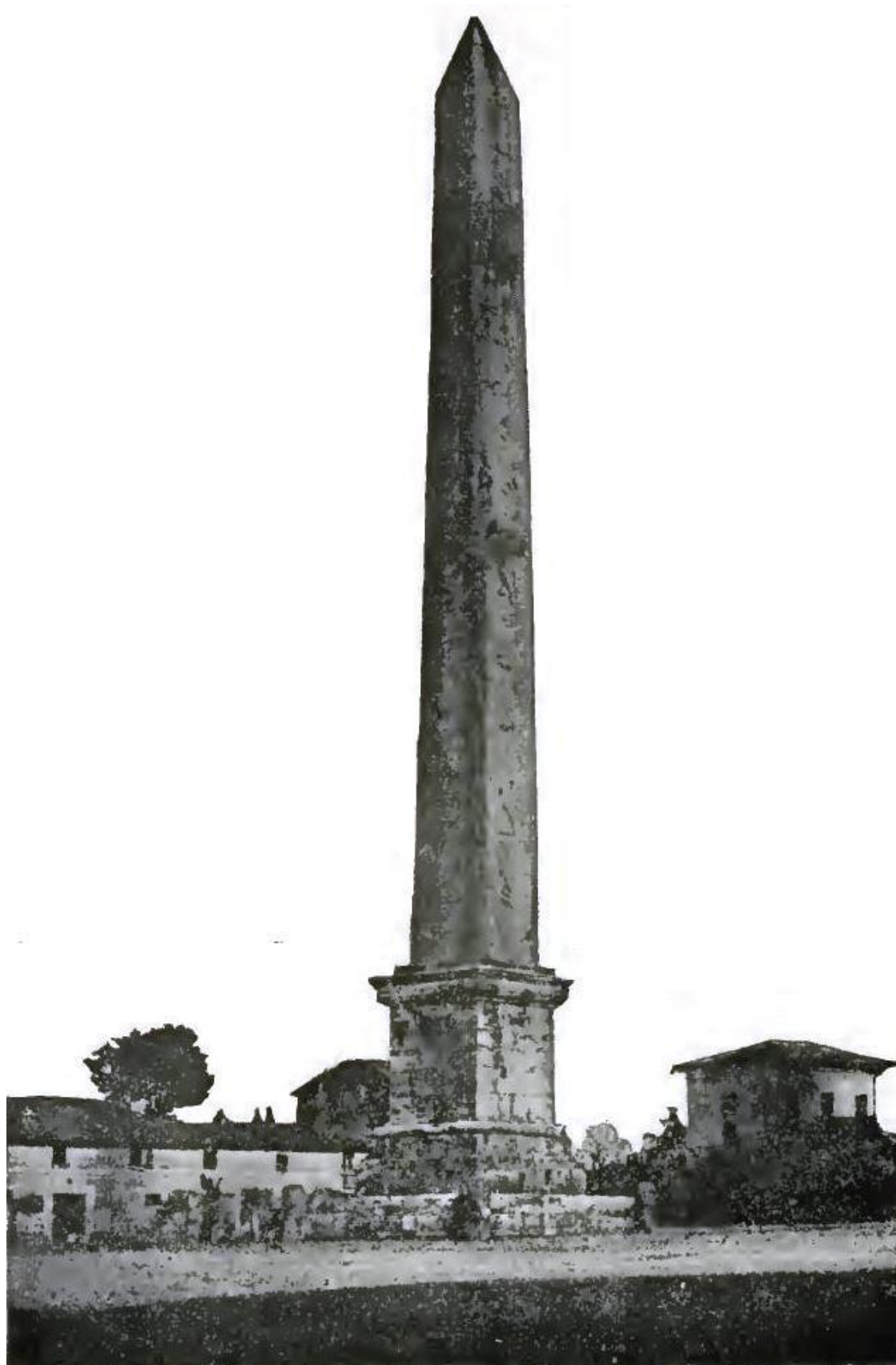

РИСУНОК 145. ОБЕЛИСК, НЕКОГДА НАХОДИВШИЙСЯ В ЦИРКЕ МАКСИМУС

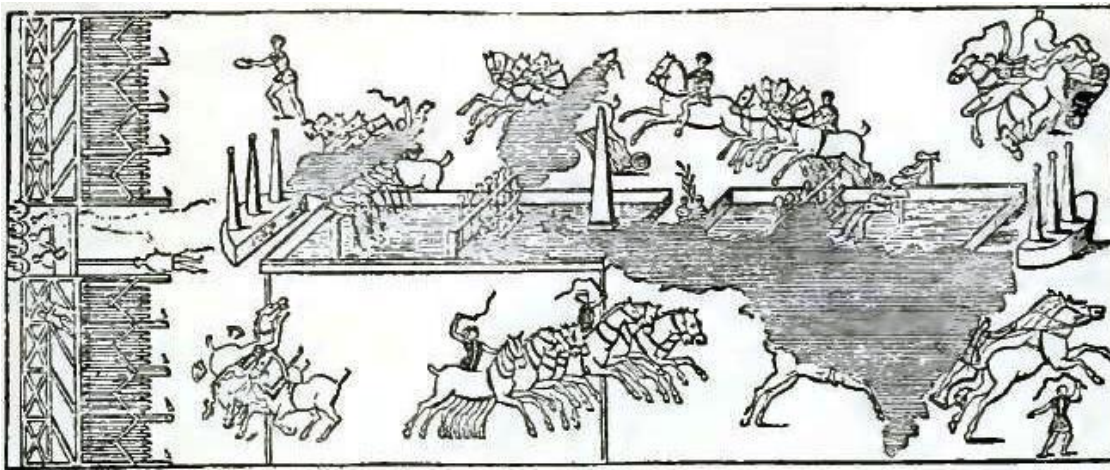

РИСУНОК 146. КАНАЛ В ВИДЕ СПИНЫ

337 Сиденья. - Сиденья вокруг арены в Цирке Максимуса первоначально были деревянными, но в результате несчастных случаев из-за гниения и потерь от пожара ко времени Империи были перестроены из мрамора, за исключением, возможно, самых высоких рядов. Сиденья в других цирках, похоже, с самого начала были каменными. У подножия ярусов сидений находилась мраморная платформа (*подиум*), которая шла вдоль обеих сторон и изогнутого конца и, таким образом, была сопряжена с ними. На этом *подиуме* были возведены ложи для использования более важными магистратами и чиновниками Рима, здесь же Август разместил места сенаторов и других высокопоставленных лиц. Он также распределил места по всему *кавею* между различными сословиями и организациями, отделив женщин от мужчин, хотя до его времени они сидели вместе. Между *подиумом* и дорожкой находился открытый экран, а когда Цезарь показывал диких зверей в цирке, он приказал вырыть рядом с *подиумом* канал шириной и глубиной десять футов и наполнить его водой в качестве дополнительной защиты. Доступ к сиденьям осуществлялся с задней стороны, по многочисленным широким лестницам, ведущим к *преципитатам* (§327), которых в цирке Максима было, вероятно, три. Горизонтальные пространства между *преципитатами* назывались *маенами*, каждая из которых, в свою очередь, делилась лестницами на *кунеи* (§327), а ряды сидений в *кунеях* назывались *градусами*. Сиденья в ряду, похоже, не были обозначены так же, как сейчас обозначаются "трибуны" на наших бейсбольных площадках. Когда места отводились для определенного количества людей, они описывались как столько-то футов в таком-то ряду (*gradus*) такой-то секции (*cuneus*) такого-то круга (*maeniānum*).

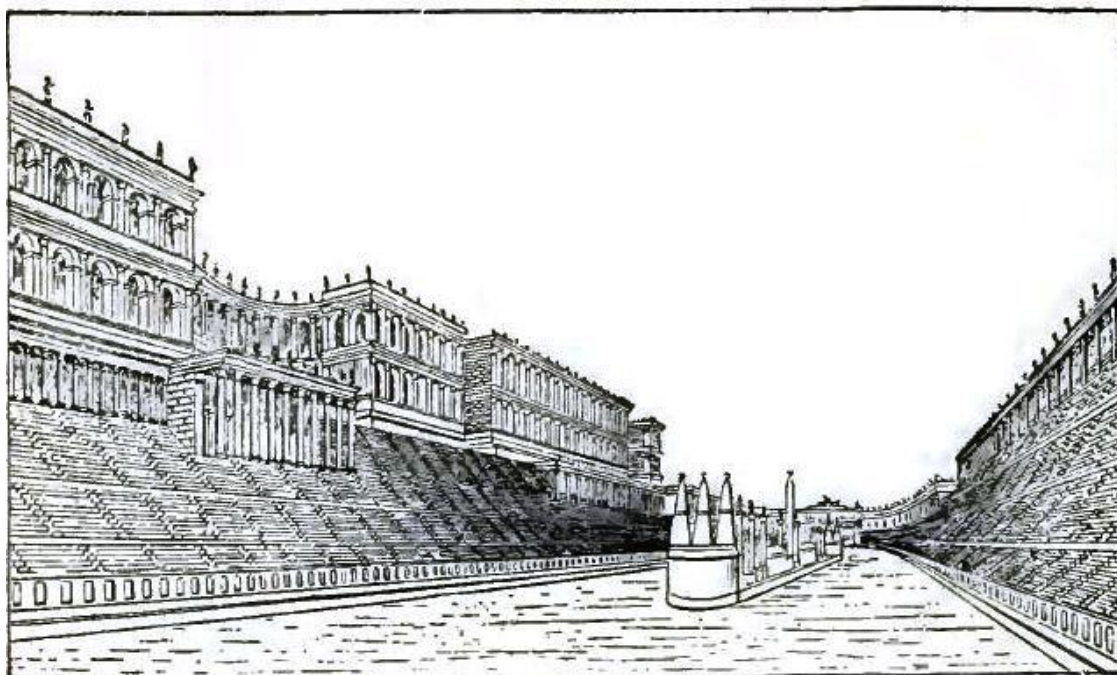

РИСУНОК 147. РЕСТАВРАЦИЯ ЦИРКА МАКСИМУС

338 Количество мест свидетельствует о популярности скачек. Маленький цирк в Бовиллах вмещал не менее 8 000 человек, согласно Хюльзену, цирк Максенция - около 23 000, а Цирк Максимус, вмещавший 60 000 во времена Августа, был расширен до вместимости почти 200 000 во времена Констанция. Сами сиденья опирались на арки из массивной каменной кладки; представление об их внешнем виде можно получить из внешнего вида Колизея в §356. Каждая третья из этих сводчатых камер под сиденьями, по-видимому, использовалась для лестницы, остальные - для магазинов и будок, а в верхних частях - для комнат служащих цирка, которых, должно быть, было очень много. Галереи, похоже, венчали сиденья, как и в театрах (§327), а балконы для императоров были построены на видных местах, но руины не позволяют точно определить их местоположение. Представление о том, как выглядели сиденья внутри арены, можно получить из попытки реконструкции Цирка Максимуса (рис. 147), детали которой весьма неопределенны.

339 Оборудование скачек. - Конечно, было время, когда скачки в цирке были открыты для всех желающих показать своих лошадей или свое умение управлять ими, но к концу Республики никто из известных людей не принимал участия в играх, а команды и водителей предоставляли синдикаты скачек (*factiōnēs*), которые практически контролировали рынок в том, что касалось обученных лошадей и обученных людей. С этими синдикатами организатор игр договаривался о необходимом ему количестве скачек (десять или двенадцать в день во времена Цезаря, позже - вдвое больше, а по особым случаям - еще больше), и они поставляли все необходимое. Эти синдикаты назывались по цветам, которые носили их водители. Сначала мы слышим только о двух - красном (*russāta*) и белом (*albāta*); затем добавились еще два: синий (*veneta*), вероятно, во времена Августа, и зеленый (*prasina*) вскоре после него, и, наконец, Домициан добавил пурпур и золото. Между этими организациями существовало величайшее соперничество. Они тратили огромные деньги на своих лошадей, импортируя их из Греции, Испании и Мавритании, и еще большие суммы, возможно, на водителей. Они содержали тренировочные конюшни в таких масштабах, какими не может похвастаться современность; на мозаике, найденной в одном из таких заведений в Алжире, среди обслуживающего персонала названы жокеи, конюхи, конюхи, шорники, врачи, тренеры, кареты и посыльные, а лошади укрыты одеялами в своих стойлах.

Это соперничество распространилось по всему городу; у каждой *фактории* были свои приверженцы, и огромные суммы денег проигрывались и выигрывались по мере завершения каждой *мисс*. Все уловки ринга были искусно использованы; лошадей фокусировали, водителей нанимали из конкурирующих синдикатов или подкупали, и даже отравляли, как нам говорят, когда они были против денег.

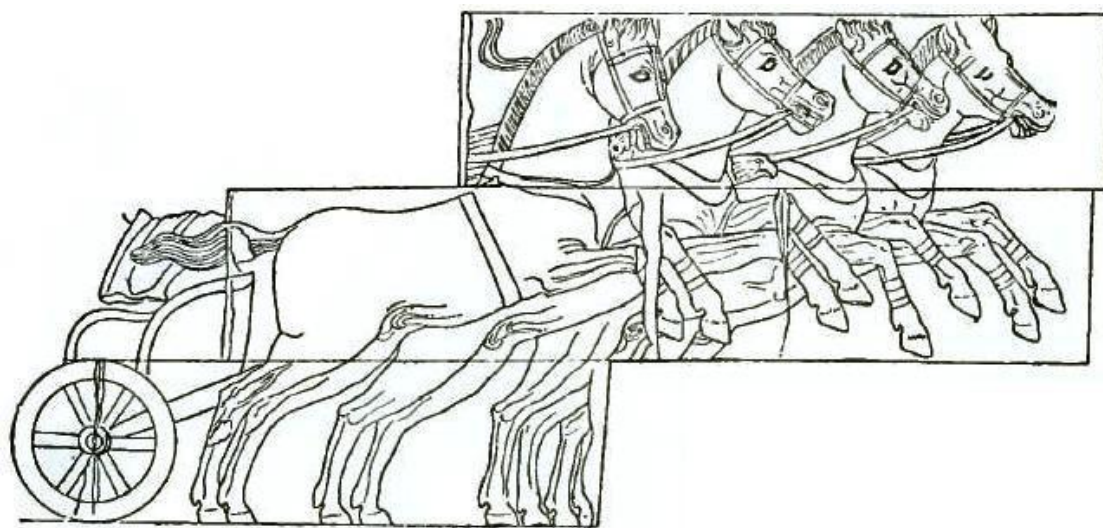

РИСУНОК 148. ГОНОЧНАЯ КОЛЕСНИЦА И УПРЯЖКА

340 Колесница, используемая в гонках, была низкой и легкой, закрытой спереди, открытой сзади, с длинными осями и низкими колесами, чтобы уменьшить риск перевернуться. Водитель, по-видимому, стоял далеко вперед в машине, за осью не было места для стояния, как показано на разрезе (рис. 148). Упряжки состояли из двух лошадей (*bīgae*), трех (*trīgae*), четырех (*quadrīgae*), а в более поздние времена - из шести (*sēiugēs*) или даже семи (*septeiugēs*), но упряжка из четырех лошадей была самой распространенной и может быть принята за тип. Две лошади были привязаны друг к другу, по одной с каждой стороны языка, а остальные были прикреплены к машине просто за шлейки. Из четырех лошадей крайняя левая была самой важной, потому что *мэта* всегда лежала слева, и высшее мастерство водителя проявлялось в том, чтобы повернуть ее как можно ближе. Неспособность ближайшей к нему лошади быстро отреагировать на повод или слово могла означать крушение машины (из-за слишком близкого подхода) или потерю внутреннего пути (из-за слишком широкого), и в любом случае - проигрыш в гонке. В надписях иногда указываются имена всех лошадей команды, иногда - только лошади слева. Перед началом скачек публиковались списки лошадей и погонщиков в каждой из них для ориентира желающих поставить свои деньги, и хотя время не велось, за записями лошадей и людей следили так же охотно, как и сейчас. Из характера дистанции (§332) следует, что сила и мужество, а главное, долговечность были столь же важны, как и скорость. Лошади почти всегда были жеребцами (кобылы упоминаются крайне редко), и никогда не участвовали в скачках в возрасте до пяти лет. Учитывая длину дистанции и большой риск несчастных случаев, удивительно, как долго выдерживали лошади. Нередко лошадь выигрывала сто скачек (таких лошадей называли *centēnārius*), а некий Диокл, сам знаменитый гонщик, владел лошастью, выигравшей двести (*ducēnārius*).

РИСУНОК 149. ОДЕЖДА АУРИГА

341 Гонщики. Гонщики (*agitātōrēs, aurīgae*) были рабами или вольноотпущенниками, некоторые из которых получили свободу благодаря своему мастерству и смелости на скачках. Только в самые развращенные времена империи граждане любого социального положения принимали реальное участие в гонках. Одежда погонщика показана на рис. 149; особенно следует обратить внимание на плотно прилегающую шапочку, короткую тунику (всегда цвета его *фактории*), зашнурованную вокруг тела кожаными ремешками, кожаные ремни вокруг бедер, наплечники и тяжелые кожаные щитки на ногах. Наши футболисты носят их как защитную броню. Поводья связывали узлом и пропускали вокруг тела погонщика. На поясе он носил нож, чтобы перерезать поводья на случай, если его выбросит из машины, или чтобы перерезать следы, если лошадь упадет и запутается в них. Гонки давали столько же возможностей для искусного вождения, сколько и сейчас, и требовали еще больше силы и смелости. Поощрялось то, что мы называем "фолом". Гонщик мог настроить свою команду против другой, мог расстроить машину соперника, если мог; получив преимущество, он мог съехать с прямой трассы, чтобы не дать более быстрой команде обойти свою. Вознаграждение было пропорционально велико. Успешный *аурига*, хотя его и презирали, был любимцем и гордостью толпы, помешанной на гонках, и, по крайней мере, при Империи

его обхаживали и чествовали как высшие, так и низшие чины. Оплата успешных гонщиков была экстравагантной, соперничающие синдикаты торговались друг с другом за услуги самых популярных. При победе в гонках они получали богатые подарки, причем не только от своих *факторий*, но и от посторонних людей, которые поддерживали их и наживались на их мастерстве.

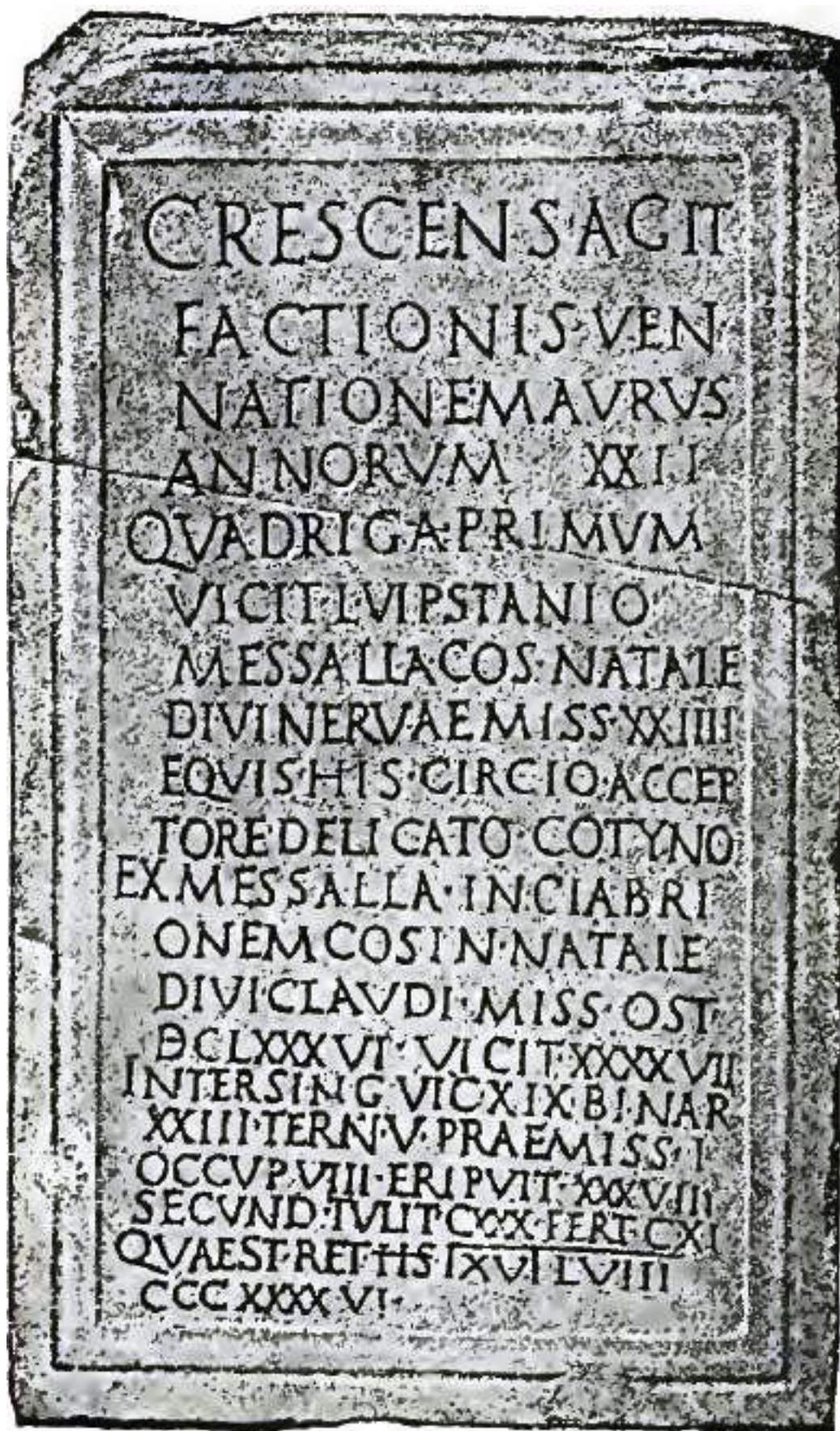

РИСУНОК 150. НАДПИСЬ В ЧЕСТЬ КРЕСЦЕНСА

342 Знаменитые ауриги. Имена некоторых из этих победителей дошли до нас в надписях (§ 10), воздвигнутых в их честь или в память о них их друзьями. Среди можно упомянуть Публия

Аэлия Гутту Кальпурниана (§58) из поздней империи (1 127 побед), Кая Апулея Диокла, испанца (за двадцать четыре года 4 257 скачек, 1 462 победы, выиграв сумму в 35 863 120 сестерций, около 1 800 000 долларов), Флавий Скорп (2 048 побед в возрасте двадцати семи лет), Марк Аврелий Либер (3 000 побед), Помпей Мускос (3 559 побед). К ним можно добавить Кресценса, надпись³ в честь которого была найдена в Риме в 1878 году и представлена на рис. 150.

⁽³⁾ "Кресценс, гонщик синего синдиката, мавританской нации, двадцати двух лет от роду. Свою первую победу в качестве водителя колесницы с четырьмя лошадьми он одержал в консульство Луция Випстания Месаллы в день рождения обожествленной Нервы в двадцать четвертом заезде с этими лошадьми: Цирций, Акцептор, Деликатус и Котинус. Со времени консульства Мессаллы до дня рождения обожествленного Клавдия в консульство Глабрия он шестьсот восемьдесят шесть раз выезжал из барьеров и сорок семь раз побеждал. В гонках между колесницами с одним от каждого синдиката он побеждал девятнадцать раз, с двумя от каждого двадцать три раза, с тремя от каждого пять раз. Один раз он специально отстал, восемь раз занял первое место на старте, тридцать восемь раз отнял его у других. Второе место он занял сто тридцать раз, третье - сто одиннадцать раз. Его выигрыш составил 1 558 346 сестерций (около 78 000 долларов)".

343 Другие шоу цирка. - Цирк реже использовался для других выставок, кроме гонок на колесницах. Среди них можно упомянуть выступления *дезультириев* - мужчин, которые ездили на двух лошадях и перепрыгивали с одной на другую на полной скорости, а также дрессированных лошадей, которые выполняли различные трюки, стоя на своего рода платформе на колесах, которая обеспечивала очень неустойчивую опору. Также проводились выставки всадничества горожан с хорошей репутацией, которые ехали под предводительством эскадронов, чтобы показать эволюции кавалерии. Молодые люди из знати также играли в *lūdus Trōiae*, игру, которую Вергилий описал в Пятой Энеиде. Больше по вкусу публике были охоты (*vēnātiōnēs*), когда диких зверей выпускали на волю в цирке, чтобы они убивали друг друга или были убиты людьми, обученными для этой цели. Мы читаем о пантерах, медведях, быках, львах, слонах, гиппопотамах и даже крокодилах (в искусственных озерах, сделанных на арене), которые выставлялись во время республики. В цирке тоже иногда проводились бои гладиаторов, но чаще они проходили в амфитеатре. Одним из самых ярких зрелищ, должно быть, была процессия (*pompa circēnsis*), которая официально открывала некоторые публичные игры. Она начиналась от Капитолия, спускалась к Цирку Максиму, входила через *porta pompaе* (по его названию, §330) и проходила вокруг арены. Во главе в повозке ехал председательствующий магистрат в одежде триумфатора и с рабом, который держал над его головой золотой венок. Далее следовала толпа знатных людей на лошадях и пешком, затем колесницы и всадники, которые должны были принять участие в играх. Далее следовали жрецы, расставленные по коллегиям, носители благовоний и инструментов для жертвоприношений, статуи божеств на низких повозках, запряженных мулами, лошадьми или слонами, или же переносимые на повозках (*fercula*) на плечах людей. Каждое отделение процессии возглавляли оркестры музыкантов, слабое подобие которых можно увидеть в шествии по улицам, предшествующем представлению современного цирка.

ФИГУРА 151. САМНИТ"

344 Гладиаторские бои.- Гладиаторские бои, похоже, были известны в Италии задолго до основания Рима. Впервые мы слышим о них в Кампании и Этрурии. В Кампании богатые и беспутные вельможи, как нам рассказывают, заставляли рабов биться до смерти на своих банкетах и пирах для развлечения гостей. В Этрурии бои восходят, по всей вероятности, к человеческим жертвоприношениям при погребении знатных людей в соответствии с древним поверьем, что кровь угодна мертвым. Жертвами становились пленники, захваченные на войне, и постепенно вошло в обычай давать им шанс на жизнь, снабжая их оружием и позволяя сражаться друг с другом у могилы, причем победитель получал пощаду хотя бы на время. Римляне не спешили перенимать этот обычай: первая выставка состоялась в 264 году до нашей эры, почти через пять веков после основания города. О том, что они заимствовали его из Этрурии, а не из Кампании, говорит тот факт, что выставки проводились на погребальных играх: самые ранние - при Бруте Пера в 264 году до н.э., Марке Аэмилии Лепиде в 216 году до н.э., Марке Валерии Лавине в 200 году до н.э. и Публии Лицинии в 183 году до н.э.

345 В течение первых ста лет после их введения выставки были нечастыми, как показывают только что приведенные даты; упомянутые даты - это все, о которых нам известно за этот

период, но после этого времени они проводились все чаще и всегда в большем масштабе. Однако в период Республики они теоретически оставались, по крайней мере, частными играми (*mūnera*), а не общественными (*lūdī*); то есть они не проводились в определенные дни, повторяющиеся ежегодно, и устроителям выставок приходилось искать повод для них в смерти родственников или друзей, а расходы покрывать из собственного кармана. На самом деле нам известен лишь один случай, когда подобные представления устраивали действительные магистраты (консулы Публий и Манлий, 105 г. до н. э.), и мы слишком мало знаем о сопутствующих обстоятельствах, чтобы предположить, что они действовали в своем официальном качестве. Даже при Империи гладиаторы не сражались в дни регулярных публичных игр. Однако Август выделял средства на "экстраординарные шоу" под руководством преторов. При Домициане избранные эдилы были назначены ответственными за эти выставки, которые регулярно проводились в декабре - единственный известный случай фиксированных дат для гладиаторских мундиалей. Все остальные, о которых мы читаем, следует считать свободными приношениями народу императоров, магистратов или частных граждан.

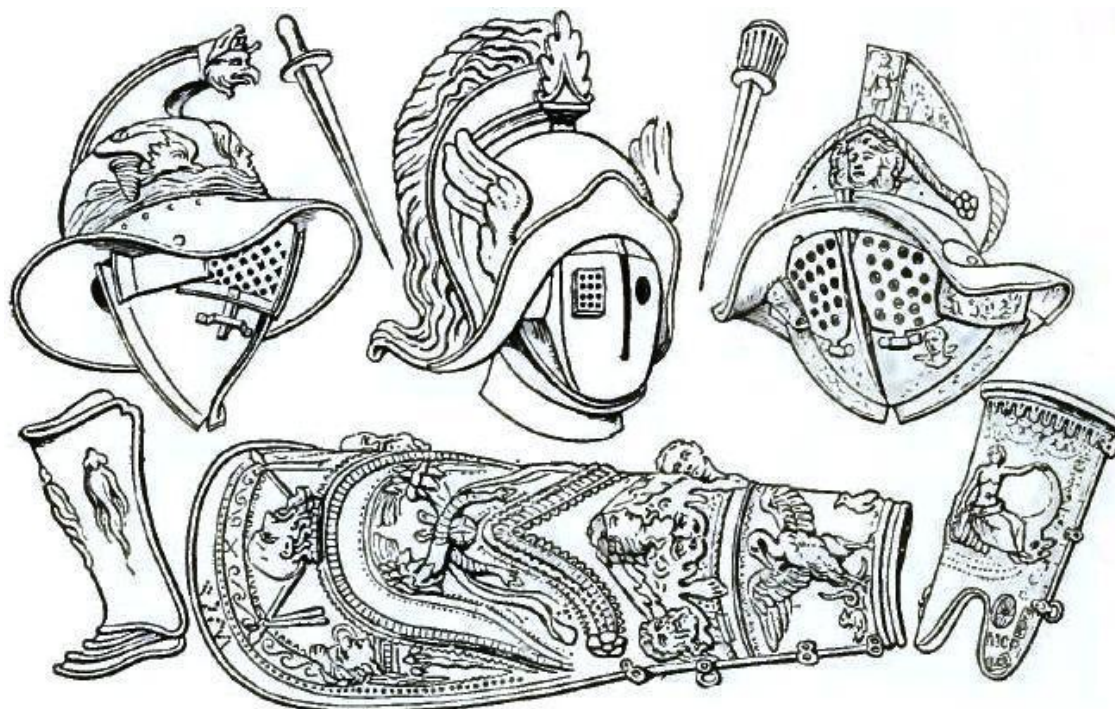

РИСУНОК 152. ОРУЖИЕ ГЛАДИАТОРОВ

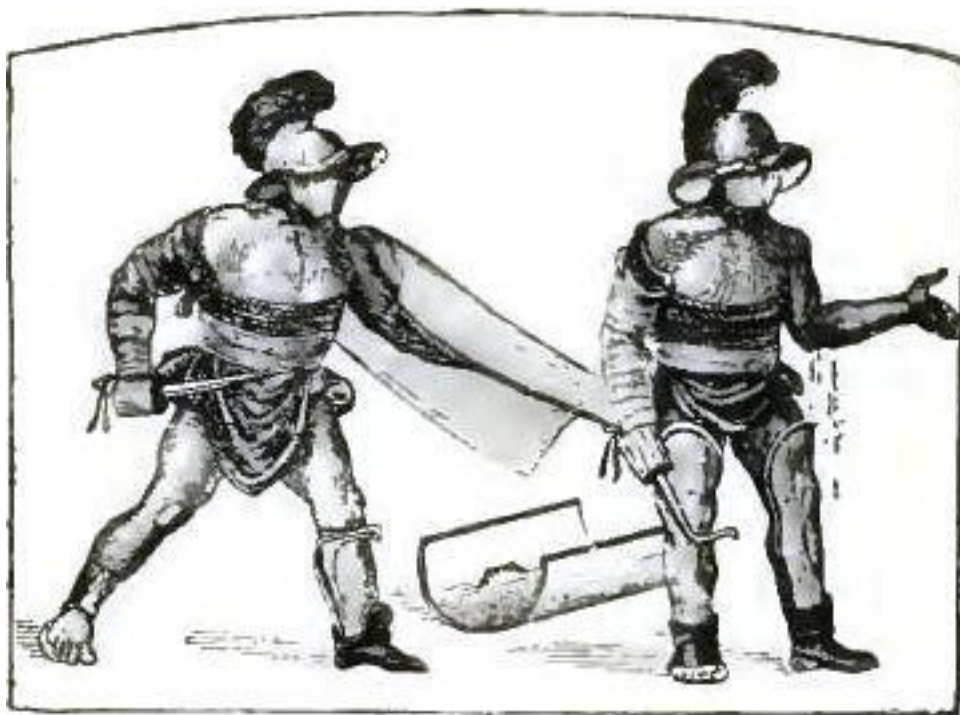

РИС. 153. РАНЕНЬЙ ГЛАДИАТОР

346 Популярность боев. Любовь римлян к азарту (§ 316) сделала выставки сразу и безмерно популярными. На первой выставке, упомянутой выше, в честь Брута Пера, было представлено всего три пары гладиаторов, но на трех последующих число пар выросло до двадцати двух, двадцати пяти и шестидесяти. Ко времени Суллы политики нашли в мунере наиболее эффективное средство завоевания благосклонности народа и соперничали друг с другом в частоте представлений и количестве бойцов. Кроме того, те же политики сделали эти представления предлогом для того, чтобы окружить себя бандами брадобреев и забияк, которых все называли гладиаторами, независимо от того, предназначались они для арены или нет, и с которыми они устраивали беспорядки на улицах, срывали общественные собрания, одолевали суды и даже руководили выборами или мешали им. Приготовления Цезаря к выставке, когда он агитировал за эдильство (65 г. до н. э.), вызвали такой всеобщий страх, что сенат принял закон, ограничивающий количество гладиаторов, которых мог нанять частный гражданин, и ему разрешили выставить только 320 пар. Банды Клодия и Милона превратили город в бойню в 53 году до н.э., и порядок был восстановлен только в конце следующего года, когда Помпей как "единственный консул" положил конец битве дубинками и мечами своих солдат. Во времена Империи число реально выставленных напоказ мечей почти превосходит все ожидания. Август дал восемь *муниций*, в которых сражалось не менее десяти тысяч человек, но они были распределены по всему периоду его правления. Траян выставил столько же только за четыре месяца 107 года н. э. в честь завоевания даков. Первый Гордиан, император в 238 году нашей эры, дарил *мунеру* ежемесячно в год своего эдильства, причем количество пар колебалось от 150 до 500. Эти выставки не прекращались вплоть до пятнадцатого века нашей эры.

347 Источники снабжения. - В ранней Республике гладиаторами были пленники, захваченные на войне, естественно, люди, обученные владению оружием (§161), которые считали смерть от меча более счастливой участью, чем рабство, которое их ожидало (§140). Это всегда оставалось главным источником снабжения, хотя по мере роста спроса его становилось недостаточно. Со времен Суллы были созданы школы, в которых рабы с опытом войны или без него готовились к профессии. Естественно, это были рабы с самым

несговорчивым и отчаянным характером (§170). Со времен Августа на арену (позже "ко львам") приговаривали преступников, но только неграждан, и за самые отвратительные преступления, измену, убийство, поджог и тому подобное. Наконец, в конце империи арена стала последним отчаянным средством для рассеянных и блудных людей, и эти добровольцы были достаточно многочисленны, чтобы их называли классом *auctōrātī*.

РИСУНОК 154. ШЛЕМЫ ГЛАДИАТОРОВ

348 По мере увеличения числа выставок становилось все труднее поставлять требуемых гладиаторов, поскольку следует помнить, что выставки проводились во многих городах провинций и небольших городах Италии, а также в Риме. Поэтому границы постоянно пересекались, и на арене погибали тысячи людей, которых только самая вопиющая несправедливость могла причислить к вышеперечисленным классам. Во времена Цицерона провинциальных губернаторов обвиняли в том, что они посылают на заклание в Рим провинциалов, которые не могут добиться успеха, и заставляют римских граждан, разумеется, безвестных и без друзей, сражаться в провинциальных представлениях. Позже на арену стали посылать людей, осужденных за самые мелкие преступления, когда не хватало настоящих преступников, и с той же целью фабриковать обвинения против невиновных. Гонения на христиан во многом объяснялись потребностью в новых гладиаторах. После падения Иерусалима все евреи старше семнадцати лет были приговорены Титом к работе в шахтах или сражению на арене. Пограничные войны велись с единственной целью - захватить людей, из которых можно было бы сделать гладиаторов, а за неимением мужчин иногда заставляли сражаться детей и женщин.

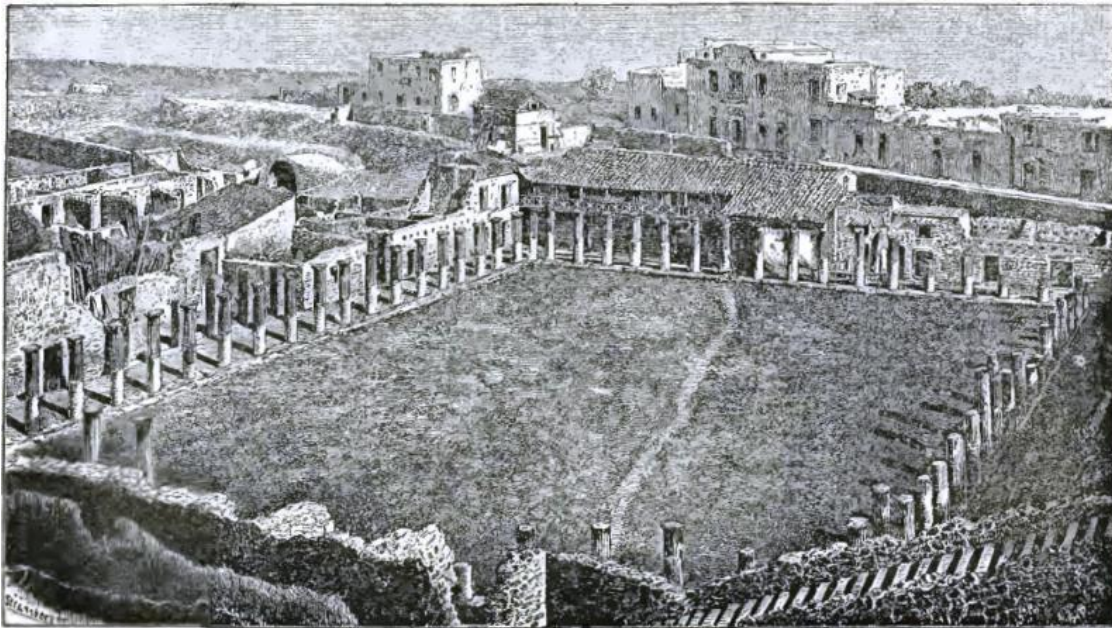

РИСУНОК 155. ШКОЛА ДЛЯ ГЛАДИАТОРОВ В ПОМПЕЯХ

349 Школы для гладиаторов. - Школы для обучения гладиаторов (*lūdī gladiātōriī*) уже упоминались. Цицерон во время своего консульства говорит об одной из них в Риме, а до него были и другие в Капуе и Праенесте. Некоторые из них были созданы богатыми вельможами для подготовки собственных гладиаторов к *мунере*, которую они рассчитывали получить; другие были собственностью постоянных торговцев гладиаторами, которые содержали и тренировали их по найму. Этот бизнес был почти таким же неблагоприятным, как и бизнес *ленонов* (§139). Во времена Империи учебные школы содержались за государственный счет и под руководством государственных чиновников не только в Риме, где их было не менее четырех, но и в других городах Италии, где часто проводились выставки, и даже в провинциях. Цель всех школ, как государственных, так и частных, была одна - сделать из обучаемых в них бойцов как можно более эффективные боевые машины. За гладиаторов отвечали компетентные мастера (*lanistae*), они были подчинены строжайшей дисциплине, за их питанием тщательно следили, для них была предусмотрена специальная пища (*sagīna gladiātōria*), были предписаны регулярные гимнастические упражнения, а уроки по использованию различных видов оружия давали признанные эксперты (*magistrī, doctōrēs*). В фехтовальных поединках использовались деревянные мечи (*rudēs*). Гладиаторы, объединенные в школу, назывались *familia*.

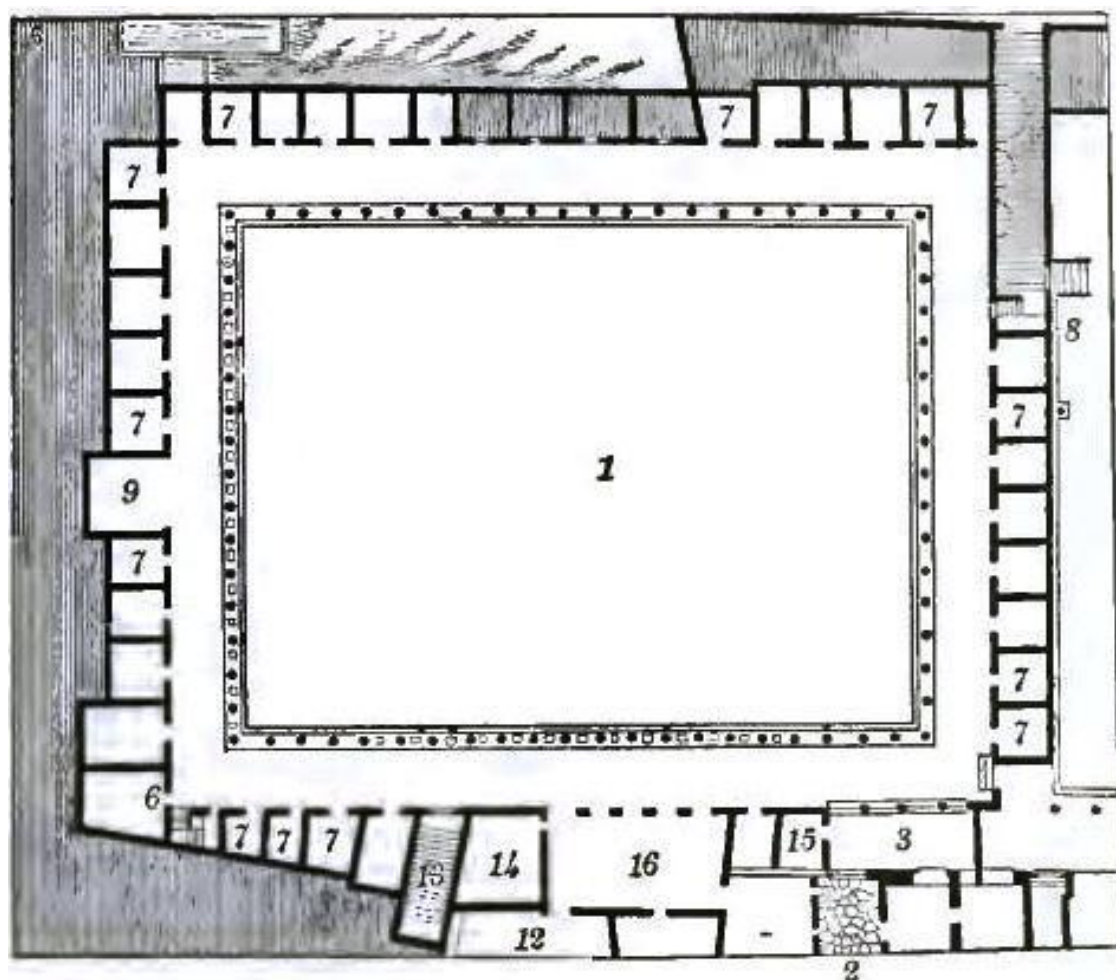

РИСУНОК 156. ПЛАН ШКОЛЫ ДЛЯ ГЛАДИАТОРОВ

350 Эти школы также должны были служить казармами для гладиаторов в перерывах между поединками, то есть, практически, домами заключения. Именно из школы Лентула в Капуе сбежал Спартак, и римлянам не нужен был второй подобный урок. Общее устройство казарм можно понять по руинам одной из них, обнаруженной в Помпеях, хотя в этом случае здания изначально планировались для другой цели, и перепланировка может быть не идеальной во всех отношениях. Центральный двор, или площадка для упражнений (рис. 155, 156), окружен широкой колоннадой, а та, в свою очередь, рядами зданий высотой в два этажа, общее расположение которых не отличается от перистиля дома (§202). Размеры двора составляют почти 120 на 150 футов. Здания разделены на комнаты, почти все небольшие (около двенадцати футов в квадрате), соединенные между собой и выходящие на площадку; в первые комнаты можно попасть с колоннады, во вторые - с галереи, на которую вело несколько лестниц. Предполагается, что эти небольшие помещения были спальными комнатами гладиаторов, каждая из которых вмещала двух человек. Их семьдесят один (на плане обозначен 7), что позволяет разместить 142 человека. Назначение более крупных помещений чисто предположительное. Предполагается, что вход находился в доме 3, а комната 15 - для сторожа или часового. В 9 находилась *экседра*, где гладиаторы, возможно, в полном облачении ожидали своей очереди на тренировочной площадке, 1. Помещение для стражи, 8, идентифицируется по остаткам колодок, в которые заключались огнеупорные преступники для наказания или хранения. Они позволяли преступникам лежать на спине или сидеть в очень неудобной позе. В доме 6 находилась оружейная или имущественная комната, если судить по найденным в ней вещам. Рядом с ней в углу находилась лестница, ведущая на галерею перед комнатами второго этажа. Большая комната, 16, была комнатой

для уборки, а в нее выходила кухня, 12. Лестница, 13, дает доступ к помещениям над кухней и столовой, возможно, это квартиры дрессировщиков и их помощников.

351 Выставочные места. - Во времена Республики бои гладиаторов иногда проходили на могиле или в цирке, но регулярно на форуме. Ни одно из этих мест не было хорошо приспособлено для этой цели, могила - меньше всех. В цирке было достаточно мест, но *спина* мешала (§335), а арена была слишком обширной, чтобы дать всем зрителям удовлетворительный обзор борьбы, которая была ограничена практически одним местом. На форуме, напротив, сиденья можно было расположить очень удобно; они шли параллельно сторонам, были изогнуты по углам и занимали лишь достаточное пространство, чтобы дать место борцам. Неудобство здесь заключалось в том, что сиденья нужно было устанавливать перед каждым представлением и убирать после него, что задерживало бизнес, если они были построены тщательно, и угрожало жизни, если их ставили поспешно. Эти соображения в конце концов заставили римлян, как и кампанцев за полвека до этого, оборудовать постоянные места для *мунеры*, расположенные, как и на форуме, но в таком месте, где они не мешали бы общественным или частным делам. К этим местам для показательных выступлений гладиаторов со временем стали применять исключительно слово *amphitheātrum*, которое раньше в правильном общем смысле обозначало любое место, например, цирк, где сиденья располагались по всему периметру, в отличие от театра, где ряды сидений разбивались сценой.

352 Амфитеатры в Риме. - Когда именно в Риме были возведены первые амфитеатры в специальном смысле этого слова, точно установить невозможно. Старший Плиний (†79 г. н.э.) рассказывает, что в 55 году до н.э. Кай Скрибоний Курио построил два деревянных театра *спина к спине*, сцены, таким образом, находились в противоположных концах, и давал в них одновременные театральные представления по утрам. Затем, пока зрители оставались на своих местах, два театра были повернуты с помощью механизмов и сведены лицом друг к другу, сцены убраны, а в пространстве, которое они занимали, днем перед объединенной толпой были даны представления гладиаторов. Эта история слишком явно придумана для того, чтобы объяснить совершенный амфитеатр времен Плиния, который он должен был интерпретировать как "двойной театр". Нам также говорят, что Цезарь возвел деревянный амфитеатр в 46 году до н. э., но у нас нет его подробного описания, и нет причин думать, что это было нечто большее, чем временное сооружение. Однако в 29 году до н. э. Статилиус Тавр построил амфитеатр, по крайней мере, частично из камня, который просуществовал до великого пожара в правление Нерона (64 г. н. э.). Сам Нерон ранее возвел в Кампусе деревянную постройку. Наконец, незадолго до конца первого века нашей эры, был завершен *амфитеатр Флавиум*, позже известный как *Колоссеум* или *Колизей*, который был достаточно большим и прочным, чтобы навсегда сделать ненужным возведение других подобных сооружений в городе.

РИСУНОК 157. ВНЕШНИЙ ВИД АМФИТЕАТРА В ПОМПЕЯХ

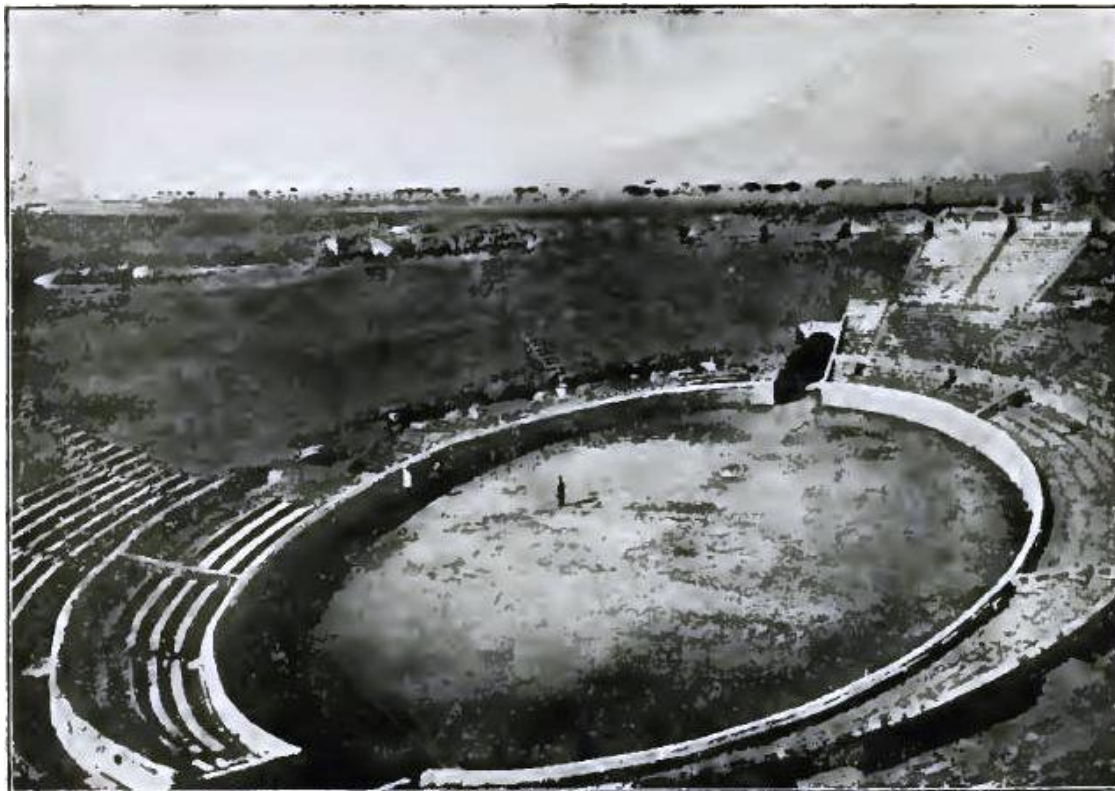

РИСУНОК 158. ИНТЕРЬЕР АМФИТЕАТРА В ПОМПЕЯХ

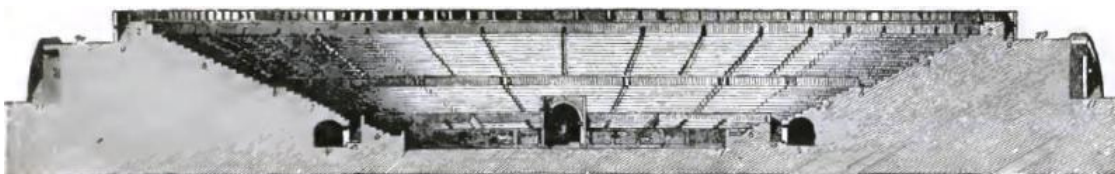

РИСУНОК 159. РАЗРЕЗ АМФИТЕАТРА В ПОМПЕЯХ

353 Амфитеатр в Помпеях - основные черты амфитеатра легче всего понять по руинам амфитеатра в Помпеях, возведенного около 75 года до н. э., почти за полвека до первого постоянного сооружения такого рода в Риме (§352), и самого раннего из известных нам по литературным или монументальным источникам. Внешний вид показан на рис. 157 (см. также Overbeck, pp. 176-180; Mau-Kelsey, pp. 206-212), а разрез - на рис. 159. Сразу видно, что арена и большинство мест находятся в большой впадине, вырытой для этой цели, что делает достаточной для внешней стороны низкую стену высотой едва ли более десяти-тринадцати футов. Даже эта стена была необходима только с двух сторон, так как амфитеатр был построен в юго-восточном углу города, а его южная и восточная стороны были ограничены городскими стенами. Форма эллиптическая, главная ось - 444 фута, малая - 342. Арена занимает среднее пространство. Она была окружена тридцатью пятью рядами сидений, расположенных в трех отделениях: в самом нижнем (*infima* или *ima cavea*) было пять рядов, во втором (*media cavea*) - двенадцать, а в самом верхнем (*summa cavea*) - восемнадцать.

Вокруг амфитеатра на высоте самого верхнего ряда сидений проходила широкая терраса. На эту террасу можно было попасть по двойной лестнице на западе, показанной на рис. 157, и по одинарным лестницам у городских стен на востоке и юге (10 на рис. 160). Между террасой и верхними сиденьями находилась галерея или ряд лож, каждая площадью около четырех футов, вероятно, для женщин. Под ложами люди могли переходить с террасы на сиденья. Амфитеатр вмещал около 20 000 человек.

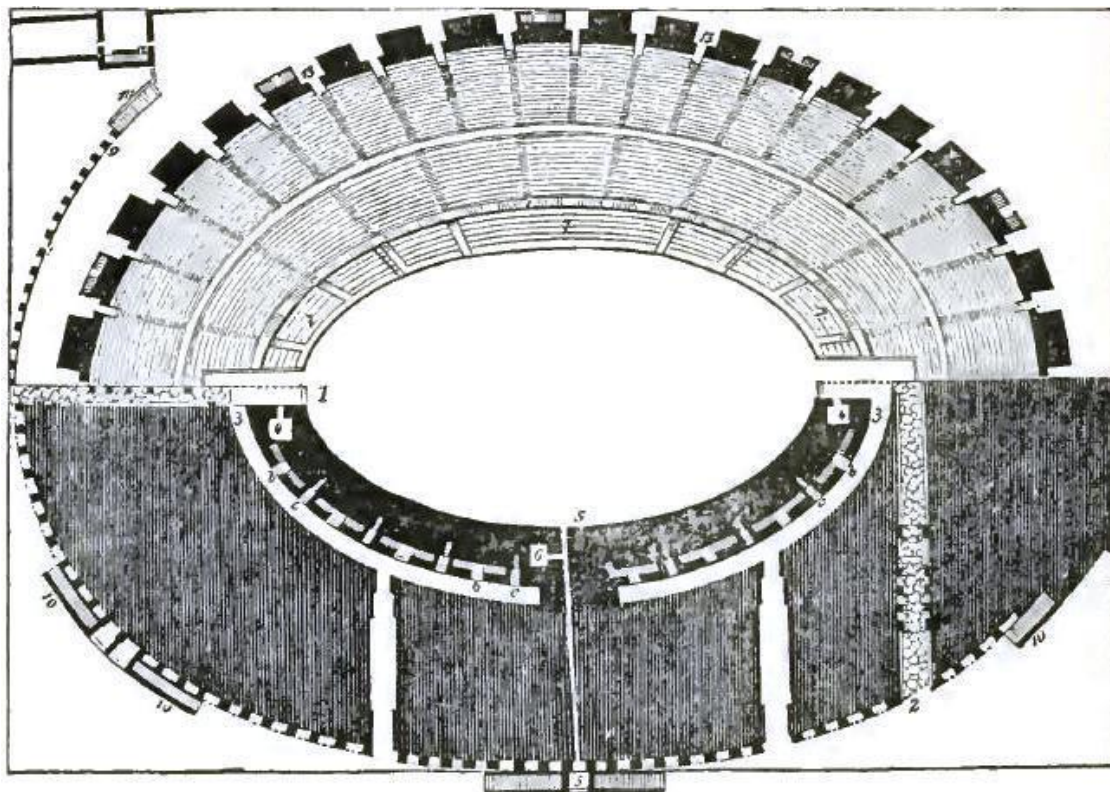

РИСУНОК 160. ПЛАН АРЕНЫ В АМФИТЕАТРЕ В ПОМПЕЯХ

354 Арена показана на рис. 158, ее план - на рис. 160. Она представляла собой эллипс с осями 228 и 121 фут. Вокруг нее проходила стена высотой чуть более шести футов, на одном уровне с верхом которой находились самые низкие сиденья. Для защиты зрителей, когда показывали диких животных, на вершине стены арены устанавливали решетку из железных прутьев. Доступ на арену и к местам в *пещере Има* и *пещере Медиум* осуществлялся через два подземных хода, 1 и 2 на рис. 160, из которых 2 поворачивает под прямым углом из-за городской стены на юге. От арены шел и третий проход, 5, низкий и узкий, ведущий к *porta Libitinēnsis*, через который с помощью веревок и крюков перетаскивали тела умерших. Рядом с устьями этих проходов находились небольшие камеры или норы, обозначенные 4, 4, 6, назначение которых неизвестно. Пол арены был покрыт песком, как в цирке (§332), но в данном случае для впитывания крови, а также для того, чтобы гладиаторы могли твердо стоять на ногах.

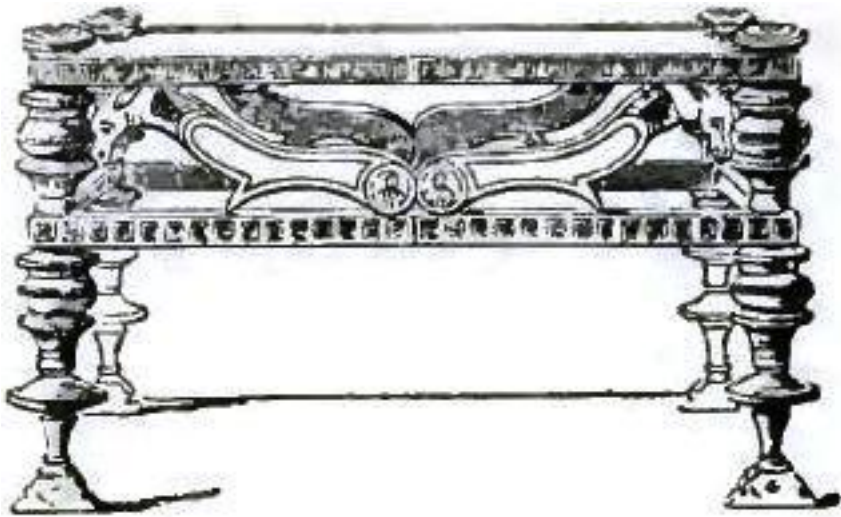

РИСУНОК 161. БИСЕЛЛИЙ

355 Из всей части амфитеатра, отведенной для зрителей, только *пещера Има* стояла на искусственном фундаменте. Все остальные места строились по мере поступления средств, а люди тем временем находили себе места на покатых берегах, как в ранних театрах (§325). *Пещера Има* не была снабжена сиденьями по всему периметру, но значительная часть с восточной и западной сторон была оборудована четырьмя низкими широкими каменными уступами, возвышающимися один над другим, на которых члены городского совета могли размещать почетные места (*bisellia*, рис. 161), на которые их звание давало им право. В середине секции на востоке самый низкий выступ сделан двойной ширины на протяжении примерно десяти футов; это было место, отведенное для дарителя игр и его друзей. В *cavea media* и *cavea summa* сиденья были каменными, опирающимися на земляной вал. Вероятно, все места в низшей части были зарезервированы для знатных людей, места в средней части продавались зажиточным людям, а на менее желанные места в высшей части вход был свободным.

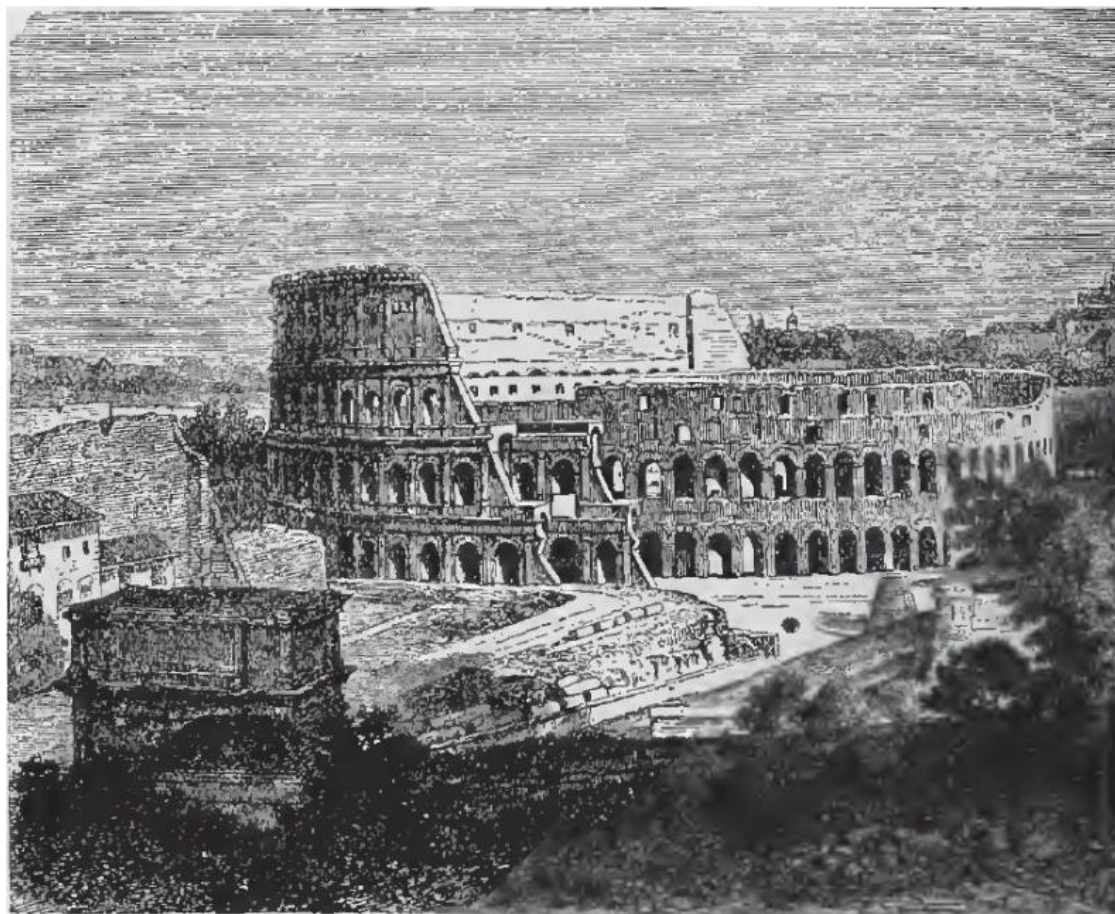

РИСУНОК 162. ВНЕШНИЙ ВИД КОЛИЗЕЯ

356 Колизей. Флавианский амфитеатр (§352) - самое известное из всех сооружений Древнего Рима, поскольку в большей степени, чем другие, сохранился до наших дней. Для нашей цели нет необходимости излагать его историю или описывать его архитектуру; достаточно сравнить его основные части с теми, что были у его скромного прототипа в Помпеях. Последний был построен на окраине города, в углу фактически городских стен (§353); Колизей же находился почти в центре Рима, в самом общедоступном из всех общественных зданий. Внутри помпеянского сооружения можно было попасть только через два прохода и по трем лестницам, а восемьдесят пронумерованных входов позволяли римской толпе легко находить свои места в Колизее. Большая часть прежнего амфитеатра находилась под землей; все соответствующие части Колизея располагались над уровнем улицы, а стены возвышались почти на 160 футов. Это дало возможность использовать то же архитектурное великолепие, которое отличало римский театр от греческого (§326). Общий эффект показан на рис. 162 - внешний вид руин в их современном виде.

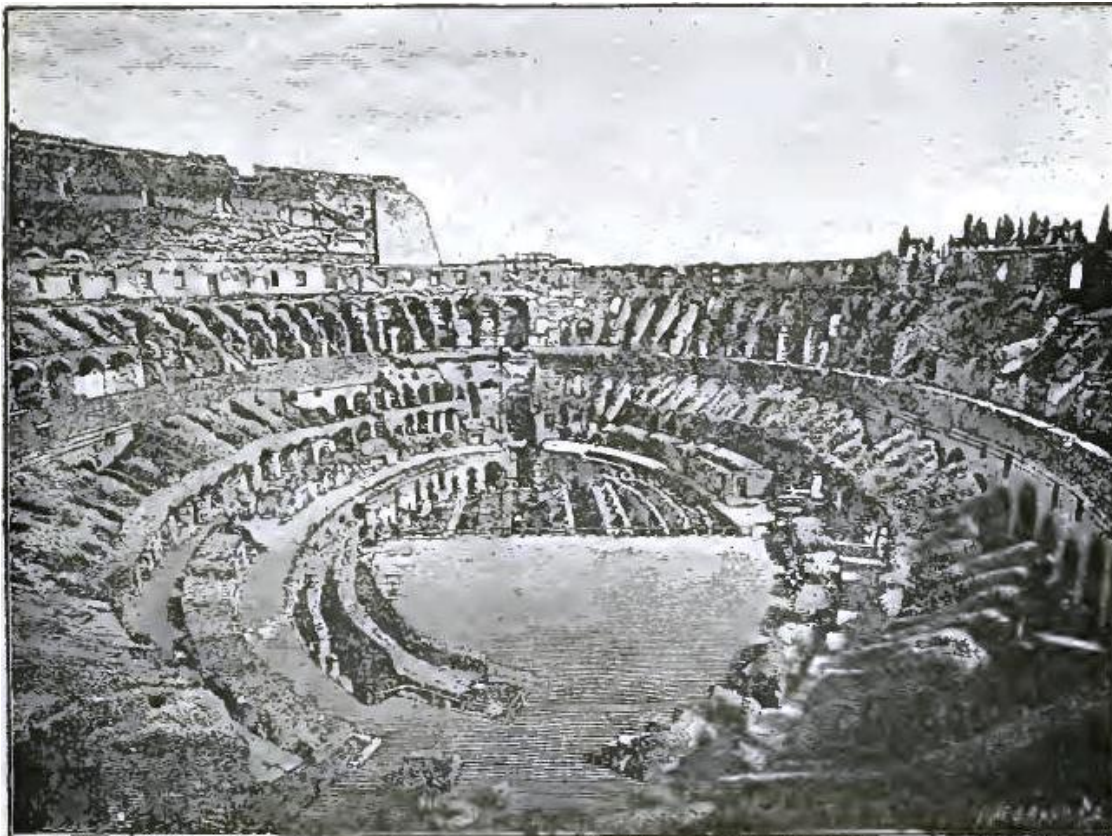

РИСУНОК 163. ИНТЕРЬЕР КОЛИЗЕЯ

357 Интерьер показан на рис. 163. По форме это эллипс с осями 620 и 513 футов, здание занимает почти шесть акров земли. Арена также представляет собой эллипс, оси которого равны 287 и 180 футам. Таким образом, ширина пространства, отведенного для зрителей, составляет $166\frac{1}{2}$ футов по всему периметру арены. Следует также отметить, что под всем зданием, включая арену, были построены подземные камеры. В них размещались полки гладиаторов, логова диких зверей, механизмы для сцен превращения, описанных Гиббоном в двенадцатой главе, и, прежде всего, огромное количество водопроводных и дренажных труб, позволявших в мгновение ока превращать арену в озеро и так же быстро избавляться от воды. Стена, окружавшая арену, была высотой в пятнадцать футов, с той стороны, которая была облицована валиками и защищена, как в Помпеях, решеткой или сетью из металла над ней. Верх стены находился на одном уровне с полом самого низкого ряда сидений, называемого *подиумом*, как в цирке ([§337](#)), и здесь было место для двух или, самое большее, трех рядов мраморных тронов. Они предназначались для императора и императорской семьи, дарителя игр, магистратов, сенаторов, дев-весталок, послов иностранных государств и других важных персон.

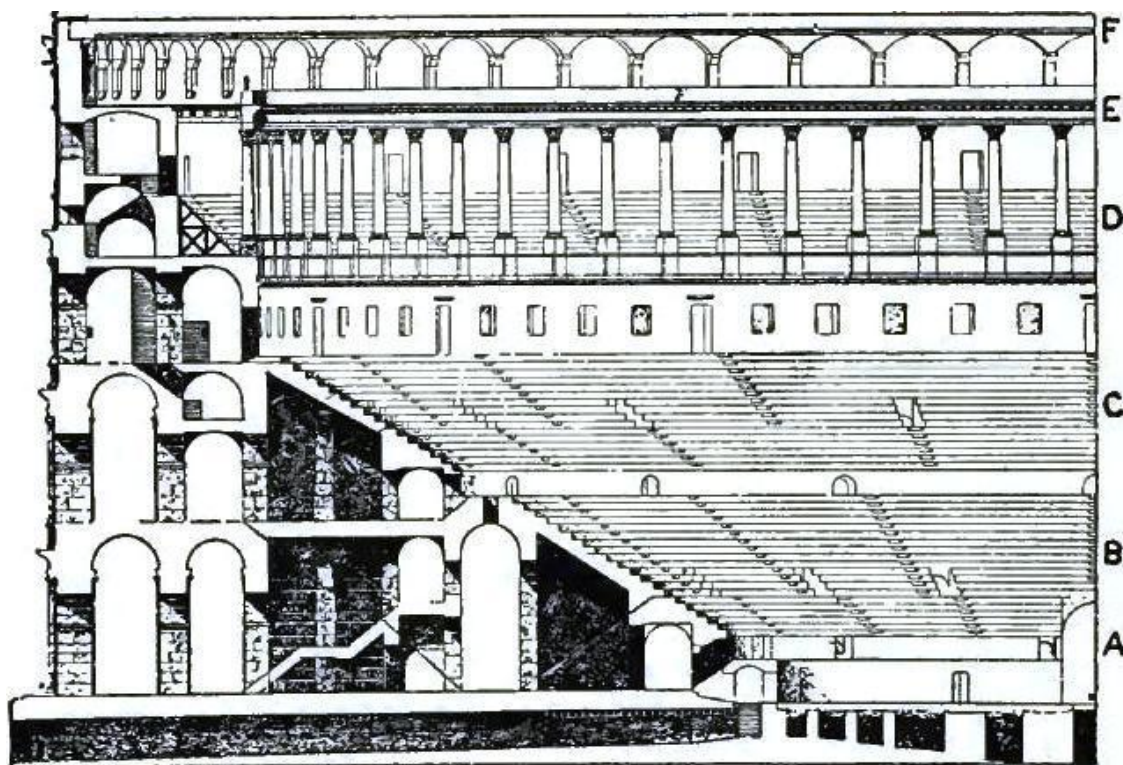

РИСУНОК 164. ЧАСТЬ КОЛИЗЕЯ

358 Расположение мест и способ добраться до них показаны на секционном плане, рис. 164. Сиденья располагались в три яруса (*maeniāna*, §337) один над другим, разделенные широкими проходами и поднимавшиеся тем круче, чем дальше от арены, и венчались открытой галереей. На плане *подиум* обозначен как А. В двенадцати футах над ним начинается первый *маэну*, В, с четырнадцатью рядами мест, предназначенных для членов конного ордена. Затем шла широкая *прециптийо* (§327), а за ней - второй *маэну*, С, предназначенный для простых граждан. Сзади была стена значительной высоты, а над ней - третий *маэну*, D, снабженный грубыми деревянными скамьями для низших классов, иностранцев, рабов и т. п. Ряд колонн по фронту этой части ухудшал дальний вид. Над ним располагалась открытая галерея Е, на которой женщинам отводилось нежелательное место. Для них не было других мест, если только они не были достаточно выдающимися, чтобы претендовать на место на *подиуме*. На самом верху внешней стены находилась терраса F, на которой были закреплены мачты для поддержки навесов, защищавших от солнца. Колизей вмещал 80 000 зрителей и еще 20 000 стоячих мест.

РИСУНОК 165. РЕТИАРИЙ И СЕКУТОР

РИСУНОК 166. ТРЕКС

РИСУНОК 167. ВОТИВНЫЙ ГАЛЕРУС

359 Стили боя. Гладиаторы обычно сражались парами, человек против человека, но иногда и массами (*gregātim, catervātim*). В ранние времена они были солдатами, пленниками, захваченными на войне (§347), и сражались, естественно, тем оружием и снаряжением, к которому привыкли. Когда появились профессионально обученные гладиаторы, они получили старые имена и стали называться самнитами, фракийцами и т. д., в соответствии с их вооружением и тактикой. В гораздо более поздние времена победы над далекими народами отмечались боями, в которых оружие и методы войны побежденных демонстрировались жителям Рима; так, после завоевания Британии *эсседари* демонстрировали на арене тактику боя на колесницах, которую за несколько поколений до этого описал Цезарь в своих "Комментариях". Вполне естественно, что люди хотели видеть, как разные виды оружия и разные тактики пробуются друг против друга, и поэтому самниты сражались с фракийцами, тяжеловооруженные с легковооруженными. Это стало при Империи излюбленным стилем боя. Наконец, когда люди устали от обычных зрелищ, были введены новшества, которые нам кажутся гротескными; мужчины сражались с завязанными глазами (*andabatae*), вооруженные двумя мечами (*dimachaerī*), с лассо (*laqueatōrēs*), с тяжелой сетью (*rētiārīi*), были битвы карликов и карликов с женщинами. Из них огромную популярность приобрел *rētiārius*. Он нес огромную сеть, в которую пытался запутать своего противника, всегда *секутора* (см. ниже), и при удачном броске поражал его кинжалом. В случае неудачи он пускался в бегство, готовя сеть к новому броску, а если терял сеть, то пытался удержать противника тяжелым трехгранным копьем (*fuscina*), единственным его оружием, помимо кинжала (рис. 165).

360 Оружие и доспехи Доспехи и оружие, использовавшиеся в этих боях, известны по найденным в разных местах образцам, некоторые из которых показаны на рис. 152, §345, а также по картинам и скульптурам, но мы не всегда можем отнести их к определенным классам гладиаторов. Самым древним классом были самниты (рис. 151, §344). У них были пояса, толстые рукава на правой руке (*manica*), шлемы с козырьками, показанные на рис. 154, §348, поножи на левой ноге, короткие мечи и длинный щит (*scūtum*). В период империи название "самнит" постепенно утратилось, и гладиаторов с эквивалентным снаряжением

стали называть *hoplomachī* (тяжеловооруженные), когда они сражались с более легковооруженными фракийцами, и *secūtōrēs*, когда они сражались с *rētiārīi*. Фракийцы (рис. 166) имели почти такое же снаряжение, как и самниты, отличительной чертой которых был маленький щит (*парма*) вместо *скутума* и, чтобы компенсировать разницу, поножи на обеих ногах. Они носили изогнутый меч. Галлы были тяжеловооружены, но мы не знаем, как они отличались от самнитов. В более поздние времена их называли *мурмиллонами*, из-за украшения на их шлемах в форме рыбы (*мормышки*). У ретиариев не было защитных доспехов, кроме кожаной защиты на плечо, показанной на рис. 165. Конечно, один и тот же человек мог поочередно выступать в роли самнита, фракийца и т. д., если он умел пользоваться различным оружием; см. надпись в § 363.

361 Объявление об играх - Игры рекламировались заранее с помощью объявлений, нарисованных на стенах общественных и частных домов, и даже на надгробных плитах, выстроившихся вдоль подходов к городам и поселкам. Некоторые из них написаны в очень общих выражениях, сообщая лишь имя организатора игр и дату их проведения:

A - SVETTI - CERTI
AEDILIS - FAMILIA - GLADIATORIA - PUGNAB - POMPEIS
PR - K - JVNIAS - VENATIO - ET - VELA - ERUNT⁴

⁽⁴⁾ "В последний день мая в Помпеях будут сражаться гладиаторы эдила Аулуca Суэция Цертуса. Также будет устроена охота, и будут использованы навесы".

Другие, помимо навесов, обещают, что пыль на арене будет сдерживаться поливом. Иногда, когда отряд был особенно хорош, имена гладиаторов объявлялись попарно, как они будут сопоставлены друг с другом, с подробным описанием их снаряжения, школы, в которой каждый из них обучался, количества его предыдущих боев и т. д. К такому объявлению на одной из стен в Помпеях кто-то добавил после показа результат каждого боя. Ниже приведен только образец такого объявления:⁵

	MVNUS · N. . . · IV · III	
	PRID · IDUS · IDIBUS · MAIS	
T	M	O
v. PUGNAX · NER · III		v. CYCNVS · IVL · VIII
p. MVRANVS · NER · III		m. ATTICVS · IVL · XIV

⁽⁵⁾ "Игры Н... с 12 по 15 мая. Фракиец Пугнакс из гладиаторской школы Нерона, сражавшийся три раза, будет состязаться с *мурмиллом* Мурраном из той же школы и с тем же количеством боев. *Гопломах* Цикнус из школы Юлия Цезаря, который сражался восемь раз, будет состязаться с фракийцем Аттиком из той же школы и с четырнадцатью боями".

Буквы, выделенные курсивом перед именами гладиаторов, были добавлены после выставки каким-то заинтересованным зрителем и означают *vīcit*, *periit* и *missus* ("избитый, но пощаженный"). В других объявлениях к таким сведениям, как приведенные выше, добавлялось сообщение о том, что каждый день будут сражаться другие пары, кроме упомянутых, что должно было возбудить любопытство и интерес людей.

362 Сам бой. За день до выставки для гладиаторов был устроен банкет (*cēna libera*), и они принимали визиты своих друзей и поклонников. Игры проходили во второй половине дня. После того как эдитор *Мунерис* занимал свое место (§355), гладиаторы проходили процессией вокруг арены, останавливаясь перед ним, чтобы произнести знаменитое приветствие : *moritūri tē salūtant*. Затем все уходили с арены и возвращались парами в соответствии с опубликованной программой. Представление началось с серии мнимых боев, *prōlūsiō*, с использованием тупого оружия. Когда народу надоедало это, трубы давали сигнал к началу настоящего представления. Тех, кто не желал сражаться, выгоняли на арену плетью или раскаленными железными прутьями. Если один из участников боя оказывался явно побежденным, но не убитым, он мог попросить пощады, подняв палец к *эдитору*. Было принято передавать просьбу народу, который махал тряпками или салфетками в знак того, что желает ее удовлетворения, или показывал большой палец вниз как сигнал к смерти. Гладиатор, которому было отказано в освобождении (*missiō*), получал смертельный удар от своего противника без сопротивления. Бои, в которых все должны были сражаться до смерти, считались *sine missiōne*, но они были запрещены Августом. Тело убитого утаскивали через *porta Libitinēnsis*, посыпали песком или сгребали кровь, и состязания продолжались до тех пор, пока не сражались все.

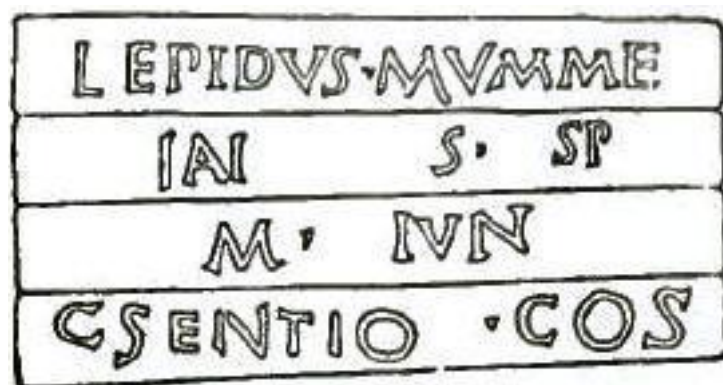

РИСУНОК 168. ГЛАДИАТОРСКАЯ ТЕССЕРА⁶

⁶*Lepidus Mummēiānī s(ervus). Spectāvit m(ense) Iuniō, C. Sentiō Cōnsule.*

D · M · ET · MEMORIAE
AETERNAE · HYLATIS
DYMACHAERO · SIVE
ASSIDARIO · P · VII · RV · I
ERMAIS · CONIVX ·
CONIVGI · KARISSIMO
P · C · ET · S · AS · D

7

⁷Надпись на могиле гладиатора. "Богам Манесам и вечной памяти Хайласа, димахаэруса или эсседария семи побед и главного тренера". Его жена Эрмаис воздвигла этот памятник своему любимому мужу и посвятила его, оставив за собой обычные права."

363 Награды. - До своего первого появления на публике гладиатор технически назывался *тиро*. После первой победы он получал жетон из дерева или слоновой кости (рис. 168), на котором было написано его имя, имя его хозяина или тренера, дата и буквы SP, SPECT, SPECTAT или SPECTAVIT, означающие, возможно, *populus spectāvit*. Если после многих побед он оказывался лучшим в своем классе или вторым лучшим в своей семье, он получал титул *prīmus*, или *secundus*, *pālus*. Завоевав свободу, он получал деревянный меч (*rudis*). Отсюда названия *prīma rudis* и *secunda rudis*, которые, по-видимому, давались тем, кто впоследствии работал мастерами обучения (*doctōrēs*, §349) в школах. Поощрения, которые давали знаменитым гладиаторам их хозяева и спонсоры, выражались в ценных призах и денежных подарках. Возможно, они не были столь щедрыми, как те, что давали *ауригам* (§341), но их было достаточно, чтобы позволить им жить в роскоши до конца жизни. Однако те, кто следовал этой профессии, вероятно, находили наиболее приемлемое вознаграждение в немедленной и долговременной известности, которую принесли им их сила и мужество. О том, что они не уклонялись от той *инфамии*, которую влекла за собой эта профессия, говорит тот факт, что они не пытались скрыть свою связь с амфитеатром. Напротив, на их надгробиях записаны их занятия и количество побед, и на них часто высечены их изображения с *рудами* в руках.

364 Другие зрелища в амфитеатре. О других играх, которые иногда давали в амфитеатрах, уже говорилось в связи с цирком (§343). Самыми важными были *vēnātiōnēs*, охоты на диких зверей. Иногда их убивали люди, обученные охотиться на них, иногда заставляли убивать друг друга. Поскольку амфитеатр предназначался в первую очередь для убийства людей, устраиваемые в нем *vēnātiōnēs* постепенно, но верно приобретали форму охоты на людей. Жертвами становились осужденные преступники, некоторые из них были виновны в преступлениях, заслуживающих смерти, некоторые были осуждены по сфабрикованным обвинениям, некоторые (среди них были женщины и дети) были приговорены "ко львам" за политические или религиозные убеждения. Иногда их снабжали оружием, иногда выставляли безоружными, даже сковывали или привязывали к кольям, иногда изобретательность палачей находила для них дополнительные мучения, заставляя играть роли страдальцев в мифологических трагедиях. Арена была также хорошо приспособлена для маневрирования лодок, когда ее заливали водой (§357), и в Колизее часто происходили морские сражения (*naumachiae*), такие же отчаянные и кровавые, как некоторые из тех, что придали новый поворот мировой истории. Самые ранние выставки такого рода проводились в искусственных озерах, которые также назывались *naumachiae*. Первое из них было вырыто Цезарем для одной выставки в 46 году до н. э. Во 2 году до н. э. Август построил постоянный бассейн размером 1800 на 1200 футов, а последующие императоры построили еще по меньшей мере четыре.

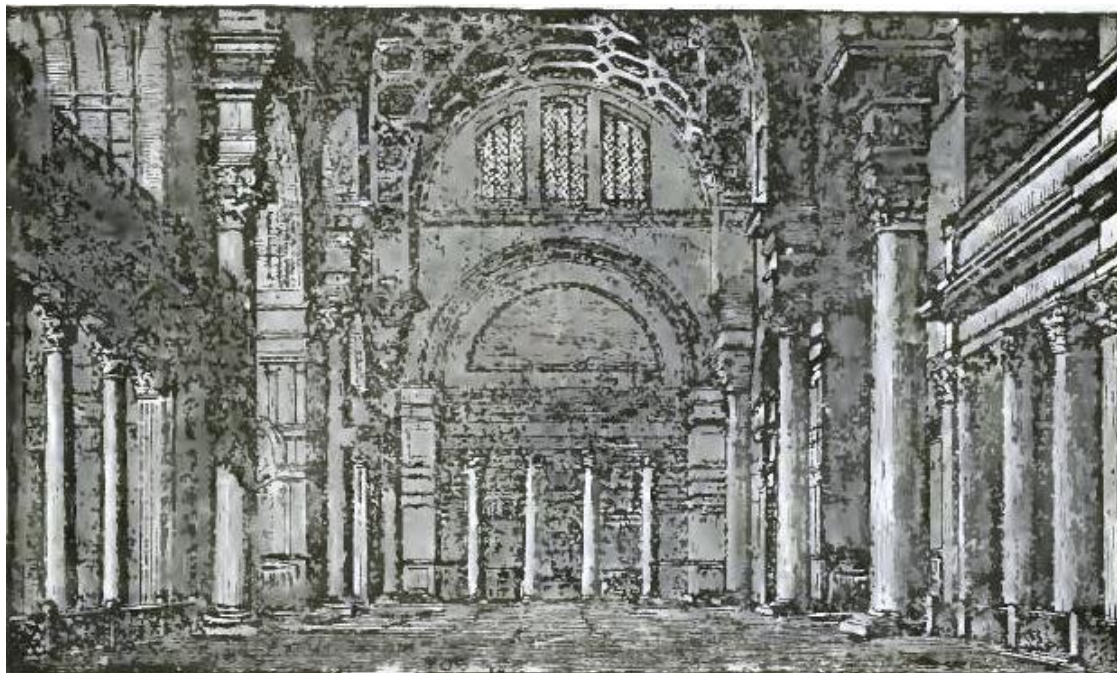

РИСУНОК 169. ЗАЛ В ТЕРМАХ КАРАКАЛЛЫ

365 Ежедневная ванна. - Для римлянина ранних времен ванна служила только для здоровья и приличия. Он мыл каждый день руки и ноги, так как обычный костюм оставлял их открытыми (§239), а тело - раз в неделю. Он мылся дома, используя очень примитивное подобие умывальной комнаты, расположенной рядом с кухней (§203), чтобы можно было с наименьшими неудобствами носить в нее воду, нагретую на кухонной плите. К последнему веку Республики все это изменилось, хотя сейчас уже невозможно проследить, как это происходило. Ванна стала такой же важной частью повседневной жизни, как и сама *сēла*, которой она регулярно предшествовала. Ее принимали в одном из общественных банных заведений, которые к тому времени были широко распространены во всех частях Рима, а также в небольших городах Италии и даже в провинциях. В них предлагались всевозможные виды ванн, обычные, ванны, душевые, с массажем (турецкие), а также во многих случаях заимствованные из греческих гимназий площадки для упражнений, корты для различных игр, комнаты для чтения и бесед, библиотеки, гимнастические снаряды - в общем, все то, что сегодня предоставляют своим членам наши атлетические клубы. Аксессуары стали действительно более важными, чем сама баня, и оправдывают описание бани в разделе развлечений. В тех местах, где не было общественных бань или они находились на неудобном расстоянии, богатые люди оборудовали купальни в своих домах, но какими бы продуманными они ни были, частные бани в лучшем случае оставались лишь импровизацией.

РИСУНОК 170. ТЕПИДАРИЙ В ПОМПЕЯХ

366 Необходимые вещи для бани. Развалины общественных и частных бань, найденные по всему римскому миру, вместе с диссертацией Витрувия и бесчисленными упоминаниями в литературе, очень ясно показывают общую конструкцию и устройство бани, но показывают, что в вопросах деталей допускалась самая широкая свобода. Для роскошной бани классических времен считалось необходимым четыре вещи: теплая предбанник, горячая ванна, холодная ванна, а также растирание и помазание маслом. Все это можно было бы разместить в одной комнате, так как все, кроме последней, есть в каждой современной ванной, но на самом деле в очень скромных частных домах мы находим как минимум три комнаты, отведенные под ванну, а часто пять или шесть, а в общественных заведениях это число может быть умножено несколько раз. В более благоустроенных домах были предусмотрены: (1) комната для раздевания и одевания (*apodytērium*), обычно не отапливаемая, но оборудованная скамьями и часто шкафчиками для одежды; (2) теплая предбанник (*tepidarium*), в котором купальщик ждал, пока начнет потеть, чтобы избежать опасности слишком внезапного перехода в высокую температуру следующей комнаты; (3) горячая комната (*caldarium*) для горячей ванны; (4) холодная комната (*frigidarium*) для холодной ванны; (5) *unctōrium*, комната для растирания и помазания маслом, завершающая ванну, из которой купальщик возвращался в *apodytērium* для своей одежды.

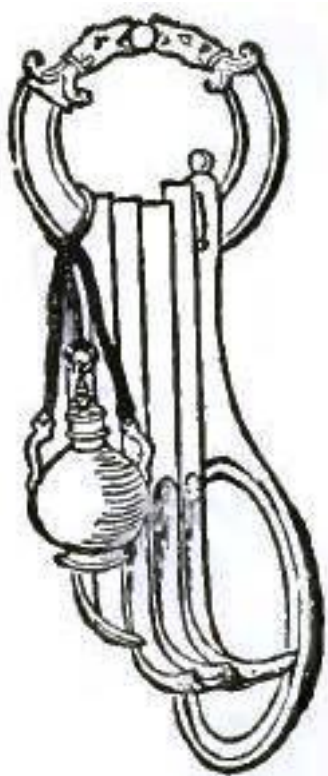

РИСУНОК 171. СТРИГИЛИ

367 В более скромных домах пространство экономилось за счет использования одной комнаты для нескольких целей. Можно обойтись без отдельного *аподитериума*, раздеваясь и одеваясь в зависимости от погоды *либо во фригидариум, либо в тепидариум*; можно сэкономить *ункториум*, используя *тепидарий* как для этой цели, так и для своей собственной. Таким образом, апартаменты из пяти комнат можно было сократить до четырех или трех. С другой стороны, в частных домах иногда имелась дополнительная горячая комната без воды (*ласōnicum*), используемая для потогонных ванн, а в общественных банях почти обязательно была площадка для упражнений (*palaestra*), с бассейном на одной стороне (*piscīna*) для холодного окуна и прилегающей комнатой (*dēstrictārium*), в которой пот и грязь от упражнений соскабливались с *помощью strigilis* (рис. 171) до и после бани. Не следует думать, что все купальщики обходили все комнаты в указанном выше порядке, хотя это было достаточно распространено. Некоторые вообще обходились без горячей ванны, принимая вместо этого пот в *лаконики* или, если не удавалось, в *кальдариум*, удаляя пот с помощью стригиля, после чего принимали холодную ванну (возможно, просто душ или спринцевание) во *фригидариум*, обтирались льняными тканями и помазывались маслом. Молодые люди, покинувшие кампус и Тибр (§317) ради *палестры* и бани, довольствовались удалением последствий упражнений скребком, окунанием в открытый бассейн, а затем вторым скребком и маслом. Многие зависело от времени и вкусов человека, и врачи устанавливали для своих пациентов строгие правила, которым они должны были следовать.

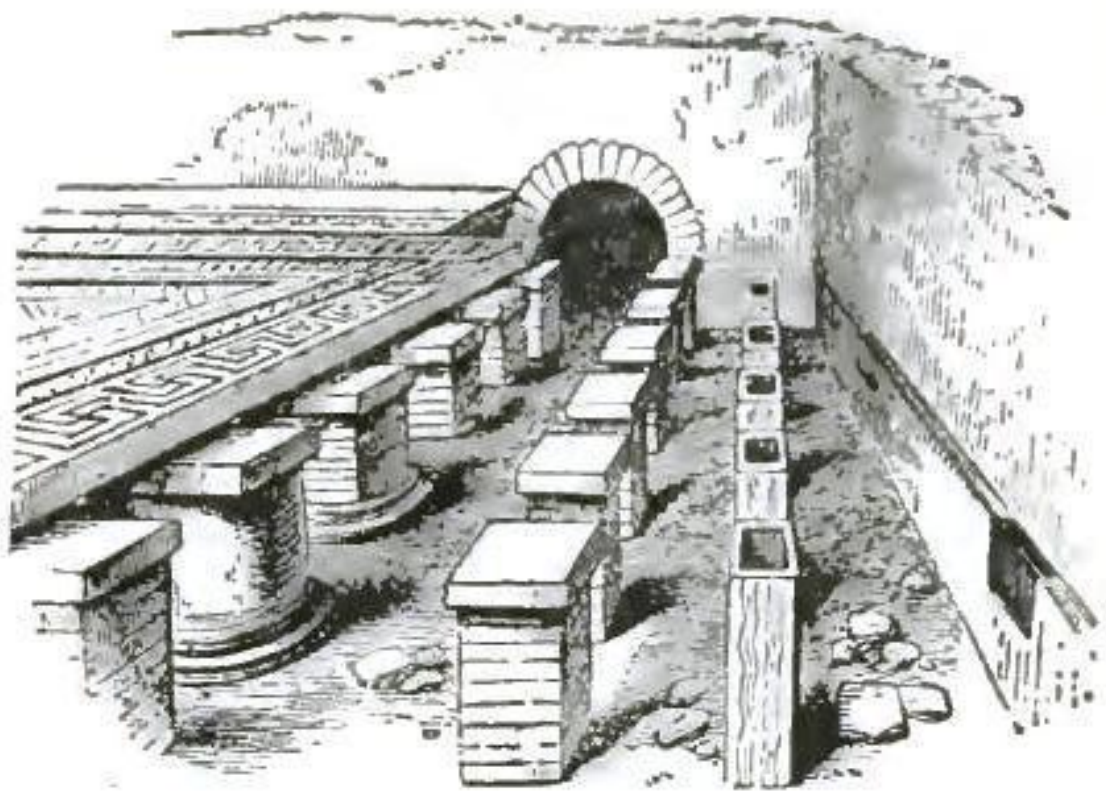

РИСУНОК 172. СУСПЕНЗУРА

368 Отопление бани - расположение комнат, будь их много или мало, зависело от способа отопления. В ранние времена для этого использовались печи, расположенные в комнатах по мере необходимости, но к концу Республики в обиход вошла печь, которая одним огнем нагревала и комнаты, и воду. Горячий воздух из печи поступал в комнаты не напрямую, как у нас, а циркулировал под полом и через промежутки между стенами, причем температура в комнате зависела от ее близости к печи. *Лаконикум*, если он был, ставили прямо над печью, рядом с ним располагался *калдариий*, затем *тепидариий*, а *фригидариий* и *аподитерий*, не нуждающиеся в тепле, находились на наибольшем расстоянии от огня и без связи с ним. Если в одном здании было два комплекса бань, как это иногда делалось для одновременного размещения мужчин и женщин, то две *кальдариии* располагались по разные стороны от печи (см. план в § 376), а остальные помещения соединялись с ними в обычном порядке, причем два входа находились на наибольшем расстоянии друг от друга. Способ проведения воздуха под полами показан на рис. 172. На самом деле этажей было два: первый находился на одном уровне с верхом горшка, второй (*suspēnsūra*) - с верхом печи. Между ними было пространство около двух футов, в которое уходил горячий воздух. На вершине печи, чуть выше уровня второго этажа, стояли два чайника для нагрева воды. Один был поставлен далеко сзади, где огонь был не таким горячим, и содержал воду, которая была просто теплой; другой был поставлен прямо над огнем, и вода в нем, полученная из первого, легко поддерживалась сильно горячей. Рядом с ними находился третий котелок с холодной водой. Из этих трех чайников вода по мере необходимости подавалась в различные комнаты. Это устройство будет легко понять после изучения планов в §§ 376, 378.

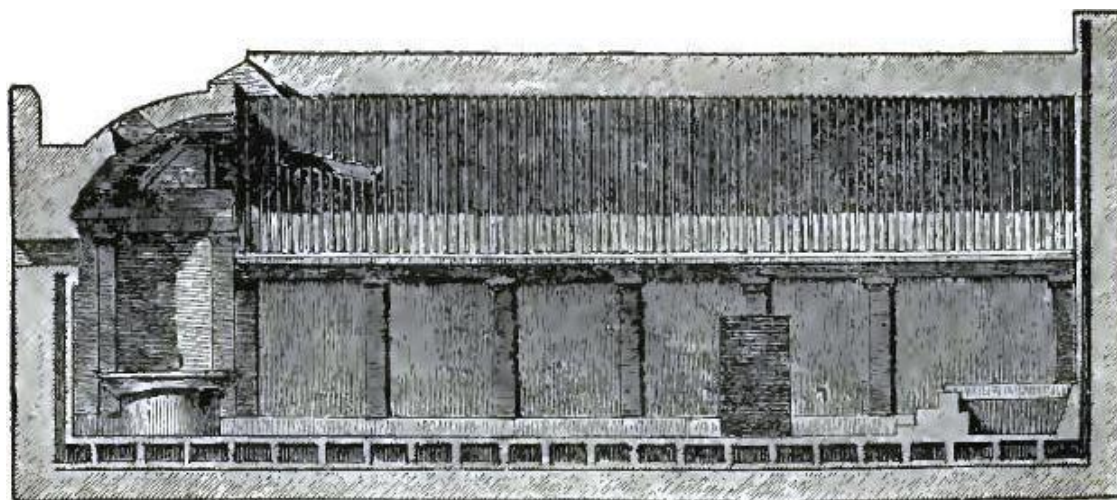

РИСУНОК 173. РАЗРЕЗ КАЛЬДАРИЯ

369 Калдарий - ванна с горячей водой принималась в *калдариум* (*cella caldāria*), который служил также для потения, когда не было *лаконикума*. Это было прямоугольное помещение, и в общественных банях оно было больше в длину, чем в ширину (Витрувий говорит, что пропорция должна быть 3:2) с одним концом, закругленным, как апсида или эркер. В другом конце стоял большой резервуар с горячей водой (*альвеус*), в котором принимали ванну сразу несколько человек. *Альвеус* (рис. 173) возводился на две ступени от пола комнаты, его длина равнялась ширине помещения, а ширина в верхней части составляла не менее шести футов. В нижней части он был не так широк, задняя часть наклонялась внутрь, чтобы купальщики могли прислониться к ней, а передняя часть имела длинную широкую ступеньку для удобства спуска в нее, на которой тоже сидели купальщики. Вода поступала горячей из печи и поддерживалась металлическим нагревателем (*testūdō*), открывающимся в *альвеус* и уходящим под пол в камеру горячего воздуха. В верхней части резервуара находилась переливная труба, а в нижней - сливная, через которую вода сливалась на пол *калдария* и использовалась для его чистки. В апсидном конце помещения находился бак или большой металлический таз (*lābrum, solium*), в котором, по-видимому, содержалась прохладная вода для спринцевания. В частных банях комната обычно была прямоугольной, и тогда *lābrum* ставили в углу. Для размещения тех, кто использовал комнату только для принятия потной ванны, вдоль стены стояли скамьи. Воздух в *калдариум*, конечно, был бы очень влажным, в то время как воздух в *лаконикуме* был бы совершенно сухим, так что эффект был бы не совсем одинаковым.

370 Фригидарий и ункториум. *Фригидарий* (*cella frīgidāria*) содержал только холодную ванну для окунания, если только его не использовали для *аподитерий*, когда на стене были шкафчики для одежды (по крайней мере, в общественных банях) и скамьи для рабов, которые следили за ними. Те, кому баня казалась слишком холодной, шли в открытый бассейн в *палестре*, который прогревался солнцем. В одной из общественных бань Помпеи холодная ванна была введена в *тепидарий*, вероятно, в интересах инвалидов, которым даже *палестра* казалась слишком прохладной для комфорта. Заключительный процесс - соскабливание, растирание и смазывание - был очень важен. Часто купальщика обрабатывали дважды: перед теплой ванной и после холодной; первую процедуру можно было пропустить, а вторую - никогда. Специальная комната, *ūnctōrium*, была обставлена скамьями и кушетками. Скребки и масла приносили сами купальщики, обычно их вместе с полотенцами для бани нес раб (*capsārius*). Купальщик мог сам скрести (*dēstringere*) и наносить масло (*deungere*), а мог получать регулярный массаж из рук обученного раба. Вполне вероятно, что в больших банях могли нанимать специалистов, но у нас нет прямых

свидетельств на этот счет. Если не было специального *ūnctōrium*, вместо него использовали *tepidārium* или *apodytērium*.

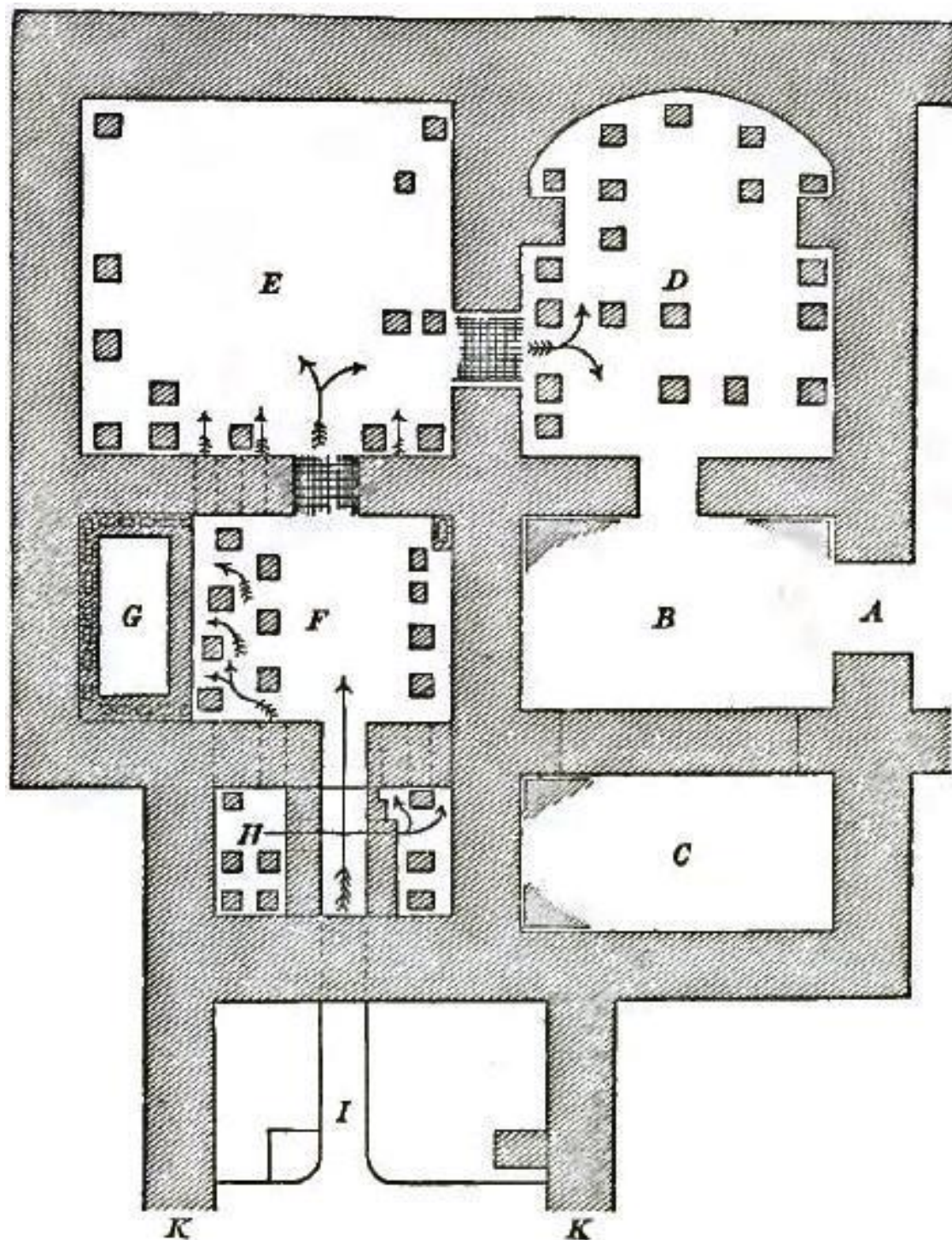

РИСУНОК 174. БАНЯ В КЕРВЕНТЕ

371 Частная баня.- На рис. 174 показан план частной бани в Каэрвенте, Монмутшир, Англия, руины которой были обнаружены в 1855 году. Она датируется примерно временем Константина (306-333 гг.) и, несмотря на свои небольшие размеры, дает четкое представление о расположении комнат. Вход А ведет во *фригидарий* В, размером 10'6" x 6'6", с ванной С, 10'6" x 3'3". За ним находится *аподитерий* D, 10'6" x 13'3", имеющий апсидное завершение, которое должно быть у *кальдария*. Далее следует *тепидарий* E, 12' x 12', который, вопреки всем правилам, является самым большим, а не самым маленьким из

четырёх основных помещений. Далее следует *caldārium F*, 12' x 7'6", с его *альвеусом G*, 6' x 3' x 2', но от его *лабрума* не осталось и следа, возможно, потому, что бассейн был слишком мал, чтобы требовать какого-то специального фундамента. И наконец, редкий *лаконикум H*, 8' x 4', построенный над одним концом печи *I*, которая находилась в подвальном помещении *KK*. Горячий воздух проходил через , как показано стрелками, выходя через отверстия у крыши в наружной стене *аподитериума*. Следует отметить, что не было прямого прохода из *кальдария* во *фригидарий*, не было специального входа в *лаконикум*, и что *тепидарий* должен был служить в качестве *ūnctōrium*. Размеры бани в целом составляют 31 x 34 фута.

372 Общественные бани - более простым баням ранних времен, а также самим баням было дано название *balneum (balineum)*, часто используемое во множественном числе, *balnea*, дактилическими поэтами для метрического удобства. Более сложные заведения более позднего времени назывались *бальнеями*, а самые крупные, с чертами, заимствованными из греческой гимназии (§365), получили название *термы*. Однако на практике эти слова использовались свободно и часто чередовались. Об общественных банях впервые слышно после второй Пунической войны. Их количество быстро росло: в 33 году до н. э. в Риме действовало не менее 170, а позже их стало более 800. С такой же быстротой они распространялись по Италии и провинциям, во всех городах и многих деревнях было по крайней мере по одной. Они были общественными только в том смысле, что были открыты для всех граждан, которые могли заплатить скромную плату за их использование. Бесплатных бань не было, за исключением тех случаев, когда какой-нибудь магистрат, гражданин или кандидат на должность освобождал народ от платы на определенное время, оплачивая ее сам. Так, Агриппа в 33 году до н. э. держал открытыми бесплатно 170 заведений в Риме. Богатые люди иногда предоставляли бесплатные бани народу по своему завещанию, но всегда на ограниченное время.

373 Управление. - Первые общественные бани были открыты частными лицами в спекулятивных целях. Другие были построены богатыми людьми в качестве подарков родным городам, как сейчас такие люди дарят больницы и библиотеки. Управление возлагалось на городские власти, которые содержали здания в порядке и открывали бани за счет собранной платы. Другие были построены городами на общественные средства, а третьи стали памятниками при последующих императорах. Как бы они ни были построены, управление ими было практически одинаковым для всех. Они сдавались в аренду на определенное время и за фиксированную сумму управляющему (*дирижеру*), который оплачивал свои расходы и получал прибыль за счет собранной им платы. Плата (*balneāticum*) была едва ли более чем номинальной. Обычная цена в Риме для мужчин, как мы видели (§370), составляла *квадранс*, то есть менее одного цента, при этом купальщик сам обеспечивал себя полотенцами, маслом и т. д. Женщины платили больше, возможно, вдвое, а дети до определенного возраста, который нам неизвестен, не платили ничего. Разумеется, в разных местах цены варьировались. Вполне вероятно, что в одних банях цены были выше, чем в других в том же городе, либо потому, что они были более роскошно оборудованы, либо для того, чтобы сделать их более эксклюзивными и модными, чем остальные, но у нас нет достоверных сведений о том, что это было сделано.

374 Часы работы - Баня регулярно принималась между *merīdiātiō* и *cēna*, час варьировался, таким образом, в узких пределах в разные сезоны и для разных классов (§310). В целом можно сказать, что она принималась около восьмого часа, и в этот час все *проводники* были обязаны по своим контрактам держать бани открытыми и все вещи наготове. На самом деле многие люди предпочитали купаться до *prandium* (§302), и, по крайней мере, некоторые бани в больших местах должны были быть открыты в это время. Все они регулярно оставались

открытыми до захода солнца, но в небольших городах, где общественных бань было меньше, вероятно, они оставались открытыми и позже; по крайней мере, лампы, найденные в большом количестве в помпейских банях, похоже, указывают на вечерние часы. Можно считать само собой разумеющимся, что управляющие держали двери открытыми до тех пор, пока это было им выгодно.

375 Условия для женщин. Женщины из уважаемых семей мылись в общественных банях, как они купаются в общественных местах и сейчас, но только с женщинами, наслаждаясь возможностью встретиться со своими подругами так же, как и мужчины. В крупных городах были отдельные бани, предназначенные исключительно для них. В больших городах для них отводились отдельные комнаты в банях, предназначенных, как правило, для мужчин. Такая комбинация показана в следующем параграфе, а ее устройство объясняется в § 368. В небольших городах баня открывалась для мужчин и женщин в разные часы. В конце Империи мы читаем о том, что мужчины и женщины купались вместе, но это касалось только женщин, которые вообще не претендовали на уважительность.

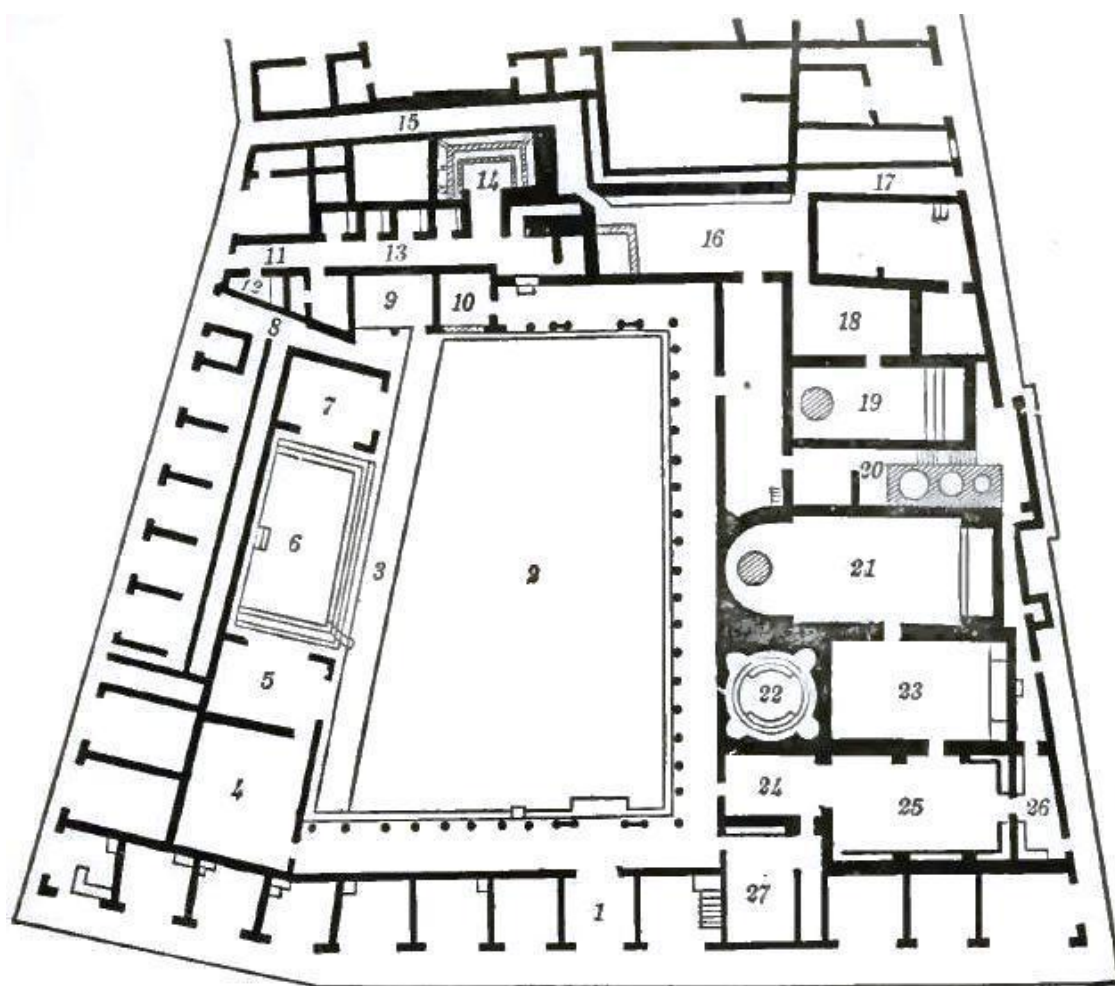

РИСУНОК 175. ТЕРМЫ В ПОМПЕЯХ

376 Термы - На рис. 175 показан план так называемых Стабийских бань в Помпеях, который дает правильное представление о небольших *термах* и в то же время служит иллюстрацией совмещения мужских и женских бань под одной крышей. На плане непронумерованные помещения, выходящие на прилегающие улицы, использовались для магазинов и складов, независимых от бань, а те, что открывались внутрь, предназначались для использования обслуживающим персоналом или для целей, которые сейчас невозможно определить. Главный вход (1) с южной стороны выходил на *палестру* (2), окруженную с трех сторон

колоннадами, а с запада - кегельбаном (3), где были найдены большие каменные шары. За кегельбаном находилась открытая солнцу *писцина* (6), по обеим сторонам которой располагались помещения (5, 7) для спринцевания и *дестриктарий* (4) для атлетов. Два боковых входа (8, 11) располагались на северо-западе, в них находились комната носильщика (12) и кабинет управляющего (10). Комната (9) во главе кегельбана предназначалась для игроков и может быть сравнена с аналогичной комнатой для гладиаторов, обозначенной 9 на рис. 156 (§350). За кабинетом находилась *латрина* (14).

377 На востоке находятся собственно бани, мужские - на юге. Для мужчин имелись две *аподитерии* (24, 25), каждая с отдельной комнатой ожидания для рабов (26, 27) с дверью на улицу. Далее по порядку шли *фригидарий* (22), *тепидарий* (23) и *кальдарий* (21). В *тепидарии*, вопреки обычаю, была холодная ванна, как объясняется в §370. Главный вход в женскую купальню находился на северо-востоке (17), но был также вход с северо-запада через длинный коридор (15), оба входа открывались в *аподитерий* (16). В одном из его углов находилась холодная ванна, поскольку в женских банях не было отдельного *фригидария*. Затем в обычном положении шли *тепидарий* (18) и *кальдарий* (19). Печь (20) находилась между двумя *калдариями*, а расположение трех чайников (§368), в которых подавалась вода, хорошо видно. Следует отметить, что здесь не было *лаконики*. Возможно, одна из комнат ожидания для мужчин (24) использовалась в качестве *unctōrium*. Руины показывают, что комнаты были оформлены очень художественно, и нет сомнений, что они были роскошно обставлены. Колоннады и большие залы ожидания давали достаточно места для отдыха после бани, который римляне так высоко ценили.

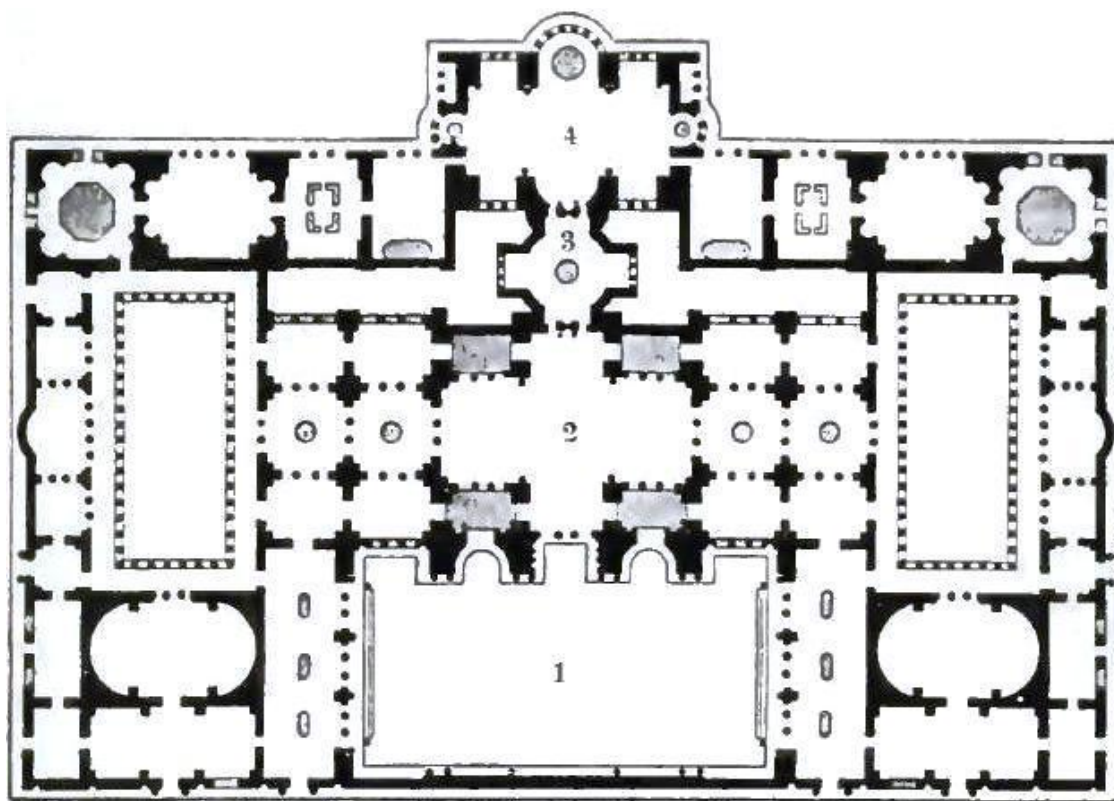

РИСУНОК 176. БАНИ ДИОКЛЕТИАНА

378 Бани Диоклетиана. Неправильность плана и пустая площадь помпейских *терм*, о которых мы только что рассказали, объясняются тем, что в разное время они перестраивались со всевозможными переделками и дополнениями. Ничто не может быть более симметричным, чем *термы* поздних императоров, как тип которых показан на рис. 176 план бань Диоклетиана, посвященных в 305 году н. э. Они располагались на восточной

стороне города и были самыми большими и, за исключением терм Каракаллы, самыми великолепными из римских бань. На плане показано расположение основных помещений, расположенных по линии малой оси здания; незакрытая *писцина* (1), *аподитерий* и *фригидарий* (2), объединенные, как в женских банях Помпеи, *тепидарий* (3) и *кальдарий* (4), выступающий за пределы других помещений ради солнечного света. Назначение окружающих залов и дворов сейчас невозможно определить, но из плана ясно, что в роскоши того времени ничего не было упущено. Представление о великолепии центральной комнаты можно получить из рис. 169 (§ 365), на котором изображена соответствующая комната в банях Каракаллы.

ГЛАВА X

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПЕРЕПИСКА. КНИГИ

ССЫЛКИ: Marquardt, 469-474, 731-738, 799-833; Voigt, 359 f.; Göll, II, 418-462, III, 1-45; Guhl and Koner, 538-544, 766 f., 783 f.; Friedländer, II, 36-291; Ramsay, 76-78, 512-516; Pauly-Wissowa, *carpentum*, *cisium*, *charta*, *Brief*, *Buch*, *Buchhandlung*, *Bibliotheken*; Smith, Harper, Rich, Lübker, *viae*, *tabulae*, *liber*, *bibliothēca*, и другие латинские слова в тексте; Baumeister, 2079 f., 354, 361-364; Blümner, I, 308-327; Johnston, Latin Manuscripts, 13-21, 27-34, 36.

379 Для получения информации о средствах передвижения, использовавшихся римлянами, мы вынуждены полагаться на косвенные источники (§12), поскольку если какие-либо путевые книги и были когда-либо написаны, то они не дошли до нас. Однако мы знаем, что, хотя никакие расстояния не были слишком велики, чтобы их преодолевать, никакие трудности не были слишком суровы, чтобы их преодолевать ради славы или богатства, римлянин не заботился о путешествиях как таковых, ради простого удовольствия, то есть осмотра достопримечательностей. Отчасти это объяснялось его слепотой к прелестям природы, а в большей степени, возможно, его чувством, что оказаться вне Рима - значит быть забытым. Один раз в жизни он совершил большое турне (§116), год провел за границей в поезде какого-нибудь генерала или губернатора (§118), но и в этом случае только самые неотложные частные дела или государственные обязанности могли вырвать его из Италии. А Италия была для него только Римом и его загородными поместьями (§145). Их он посещал, когда жаркие месяцы закрывали суды и откладывали заседания сената, и беспокойно бродил от одного к другому, с нетерпением ожидая, когда снова начнется его настоящая жизнь. Даже когда государственные или частные дела вызывали его из Рима, он поддерживал связь с делами посредством переписки, ожидая, что друзья напишут ему объемные письма, и сам был готов

ответить взаимностью, когда положение изменится на противоположное. Так же и проконсул держался так близко к Риму, как позволяли границы его провинции; почти все восстания в дальней Галлии были вызваны привычкой Цезаря спешить в Италию, как только зима прекращала активные действия на поле.

380 По воде... Средства передвижения были те же, что и у наших предков столетие назад. По воде римляне использовали парусные суда, реже - каналные лодки; по суше - транспортные средства, запряженные лошадьми или мулами, на короткие расстояния - седаны или литеры. Однако не было транспортных компаний, линий лодок или транспортных средств, курсирующих между определенными местами и готовых перевозить пассажиров по фиксированной цене и по регулярному расписанию. Поэтому морскому путешественнику, чьи средства не позволяли ему купить или зафрахтовать судно в свое исключительное пользование, приходилось ждать в порту, пока он не найдет судно, идущее в нужном ему направлении, а затем договариваться о проезде на тех условиях, на которых он мог. Кроме того, были и другие неудобства. Лодки были маленькими, и это делало их неудобными в бурную погоду; отсутствие компаса заставляло их идти как можно дальше от берега, что часто увеличивало расстояние; зимой навигация обычно приостанавливалась. Поэтому путешествий по воде старались по возможности избегать. Например, вместо того чтобы плыть в Афины из Остии или Неаполя, путешественник отправлялся по суше в Брундизий, по морю - в Диррахий и продолжал путь по суше. Между Брундизием и Диррахием постоянно курсировали суда, и единственной задержкой, которой следовало опасаться, была непогода. Короткое путешествие, всего 100 миль, обычно совершалось за двадцать четыре часа.

381 По суше. - Римлянин, путешествовавший по суше, был явно лучше американцев времен революции. Его гостиницы были не так хороши, это правда, но его транспортные средства и скот были полностью равны их, а его дороги были лучшими из когда-либо построенных. Верховая езда не была признанным способом передвижения (у римлян не было седел), но были машины с двумя колесами и с четырьмя, для одной лошади и для двух и более, крытые и непокрытые. Их нанимали у ворот всех важных городов, но цена неизвестна. Чтобы не тратить время на погрузку и разгрузку багажа, вероятно, люди, отправлявшиеся на большие расстояния, брали свои собственные транспортные средства и лишь время от времени нанимали свежих лошадей. Однако не было ни почтовых трактов, ни мест, где бы меняли лошадей по окончании регулярных этапов для обычных путешественников, хотя для курьеров и правительственных чиновников, особенно в провинциях, такие условия существовали. Для коротких поездок, когда спешка не требовалась, путешественники, естественно, использовали своих лошадей, а также собственные кареты. О пышности, которая часто сопровождала такие путешествия, уже говорилось в §152.

382 Транспортные средства. Улицы Рима были настолько узкими (самая широкая - не более двадцати пяти футов, средняя - около четырнадцати), что повозки и кареты не допускались на них в часы, когда они могли быть переполнены людьми. На протяжении всей Республики и, по крайней мере, двух столетий после нее улицы были закрыты для всех транспортных средств в течение первых десяти часов дня, за исключением только четырех классов: рыночных повозок, которые привозили продукты в город ночью и которым разрешалось уезжать пустыми на следующее утро; перегрузочных повозок (*plaustra*), перевозивших материалы для общественных зданий; повозок, используемых весталками, *фламинами* и *rēx sacrōrum* для выполнения их священнических функций; колесниц, управляемых во время *rompa circēnsis* (§343) и триумфальных процессий. Подобные правила действовали почти во всех италийских городах. Это сделало общим использование в стенах *лектики* и ее

носильщиков (§151). Кроме подстилки, на которой пассажир откидывался назад, было распространено кресло-седло, на котором он сидел прямо. Оба кресла были покрыты и занавешены. *Лектику* иногда использовали для коротких поездок, а вместо шести или восьми носильщиков между валами иногда запрягали мулов, одного впереди, другого сзади, но только в конце империи. Такая повозка называлась *бастерна*.

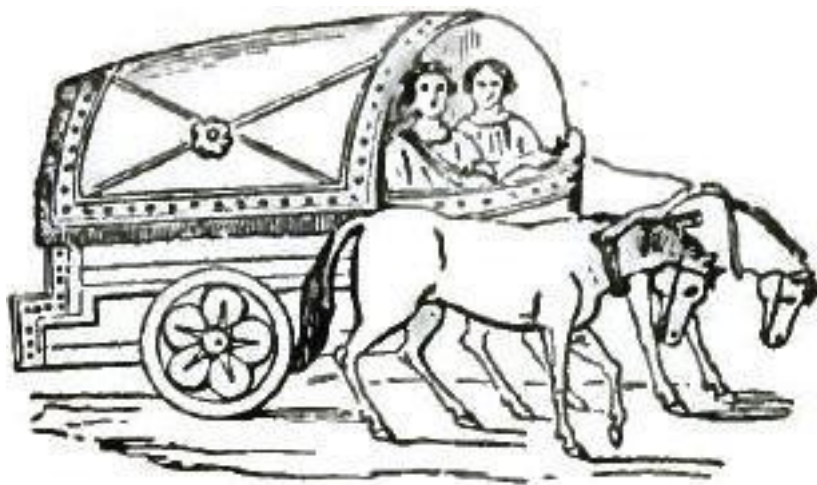
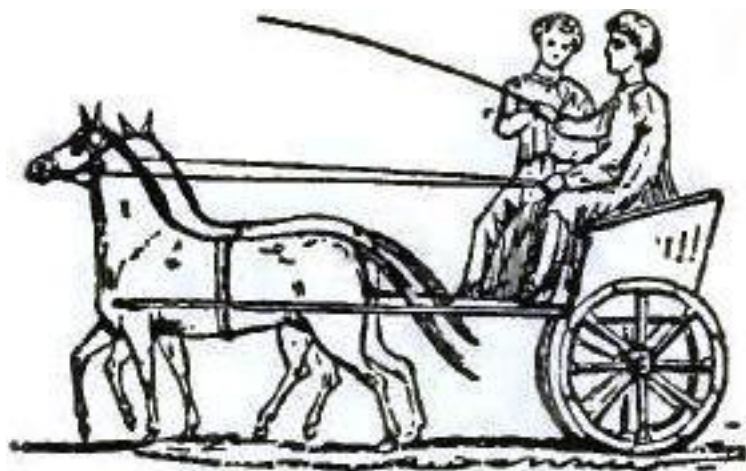

РИСУНОК 177. КАРПЕНТУМ

383 Повозки. - Памятники показывают нам грубые изображения нескольких видов транспортных средств, и до нас дошли названия по крайней мере восьми, но мы не в состоянии точно связать фигуры и названия, и поэтому имеем лишь очень общие представления о форме и конструкции даже самых распространенных. Некоторые из них, по-видимому, были древней конструкции и сохранились только для использования в качестве государственных повозок в процессиях, о которых уже говорилось. Такими были *пилентум* и *карпентум*, первый с четырьмя колесами, второй - с двумя, оба крытые, оба запряжены двумя лошадьми, оба используются весталками и жрецами. О *карпентуме* редко говорят как о дорожной повозке, и его использование в таких целях было признаком роскоши. Ливий рассказывает, что первый Таркин прибыл из Этрурии в Рим именно в такой повозке, и принято считать, что именно такая повозка изображена на этрусской картине, представленной здесь на рис. 177. *Petōritum* также использовался в триумфальных процессиях, но только для перевозки военных трофеев. По сути, это была багажная повозка, в которой ехали слуги в поезде путешественника. *Карука* - роскошный дорожный фургон, о котором мы впервые слышим в эпоху поздней империи. Он был оборудован кроватью, на которой путешественник откидывался днем и спал ночью.

ФИГУРА 178. CISIUM

384 Реда и цисиум. Обычными транспортными средствами были *реда* и *цисиум*. Первая была большой и тяжелой, крытой, имела четыре колеса и запрягалась двумя или четырьмя лошадьми. Им регулярно пользовались люди, сопровождавшие свои семьи или имевшие при себе багаж, и для этих целей его сдавали в наем. Для быстрых поездок, когда у человека не было попутчиков и небольшого багажа, излюбленным средством передвижения был двухколесный и непокрытый *цизий*. Его запрягали две лошади, одна из которых находилась между сбруей, а другая была привязана с помощью шлейки; возможно, что иногда использовались и три лошади. В *цисиуме* было одно сиденье, достаточно широкое, чтобы на нем мог разместиться и водитель. Очень вероятно, что повозка на памятнике, найденном возле Триева (рис. 178), является *цисиумом*, но абсолютной уверенности в этом нет. Цицерон говорит о том, что эти повозки проходили пятьдесят шесть миль за десять часов, вероятно, с одной или несколькими сменами лошадей. Другими транспортными средствами типа телеги, вошедшими в обиход во времена империи, были *essedum* и *covinus*, но мы не знаем, чем они отличались от *cisium*. В этих повозках не было рессор, но путешественник заботился о том, чтобы у него было много подушек. Стоит заметить, что ни одно из упомянутых транспортных средств не имеет латинского названия, все они галльские, за исключением, пожалуй, одного (*pilentum*). Точно так же большинство наших собственных экипажей имеют иностранные названия.

РИСУНОК 179. ДОРОГА, ПРОРУБЛЕННАЯ ЧЕРЕЗ ХОЛМ

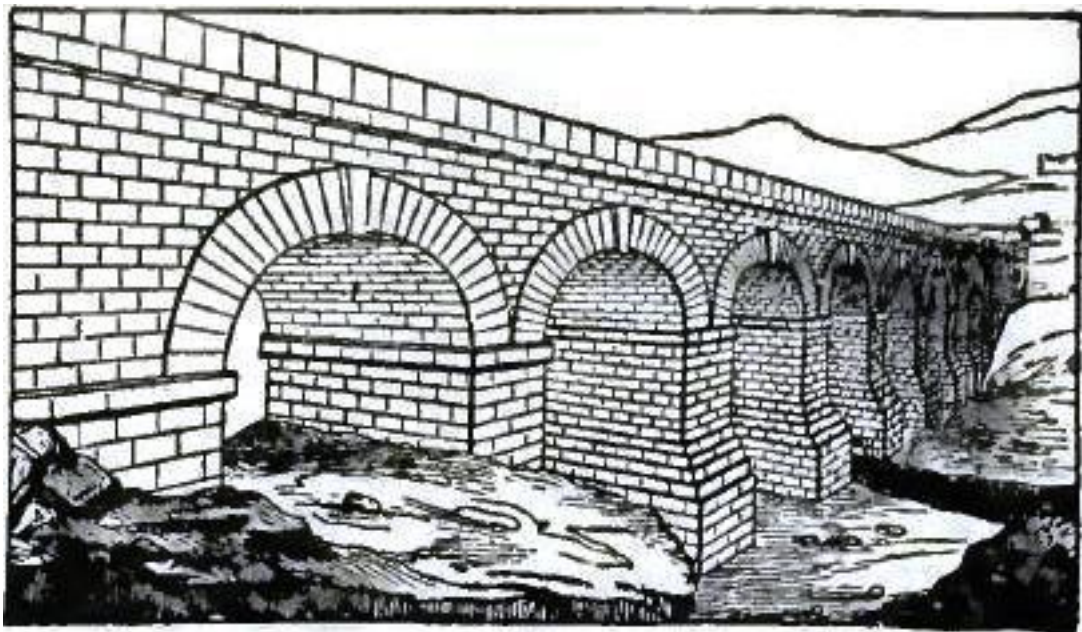

РИСУНОК 180. МОСТ ЧЕРЕЗ РУЧЕЙ

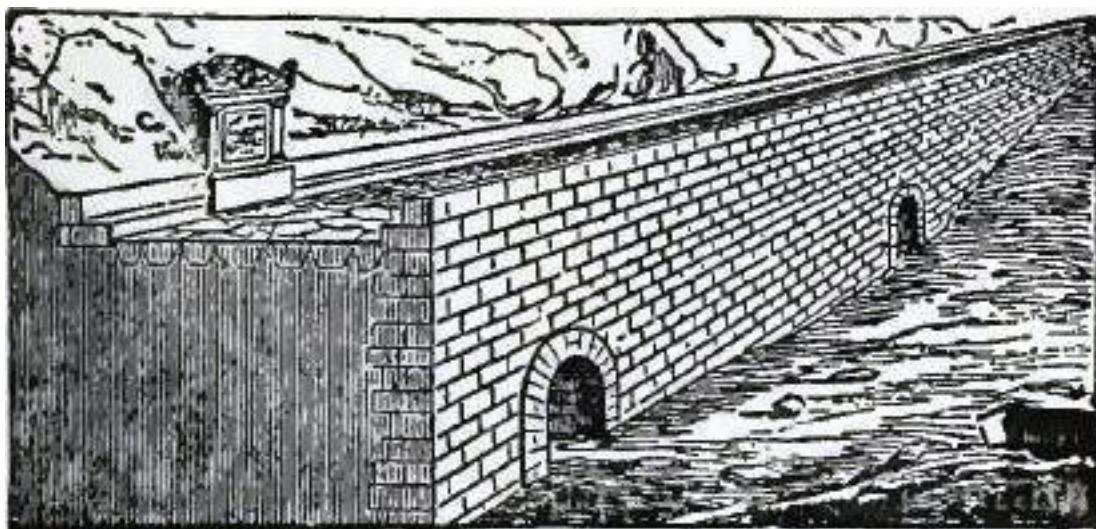

РИСУНОК 181. ВИАДУК ЧЕРЕЗ БОЛОТО

L · CAECILI · Q · F
METEL · COS
CXIX
ROMA

1

РИСУНОК 182. ВЕХА ¹Надпись на одной из вех *виа Салария*. "Воздвигнута консулом (117 г.

до н. э.) Луцием Цецилием Метеллом и т. д. (§39). Сто девятнадцать (миль) от Рима".

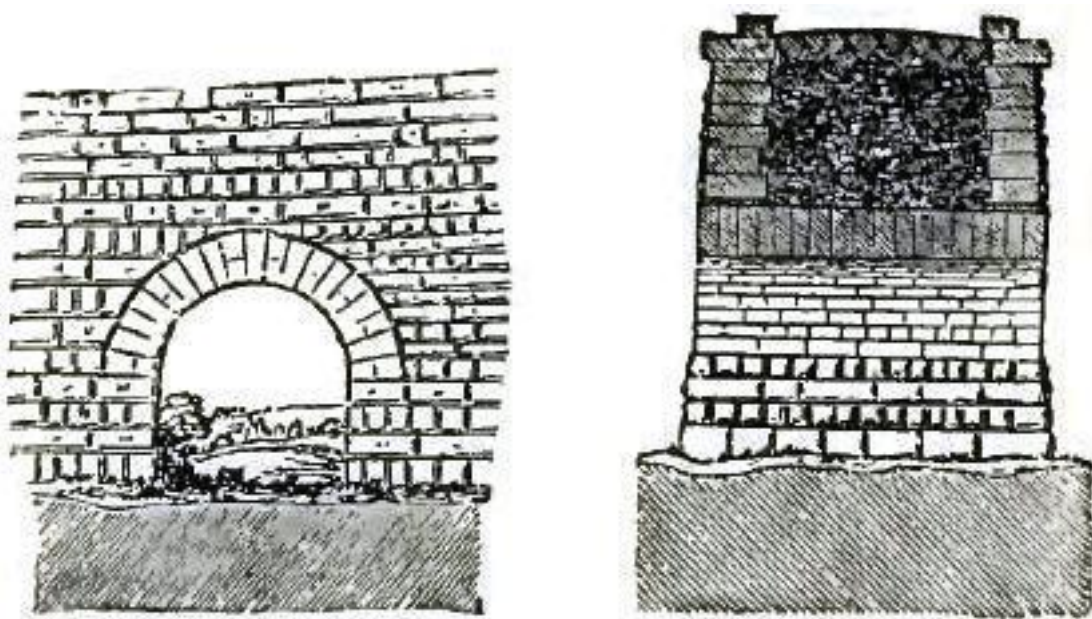

РИСУНОК 183. НАСЫПЬ И ПОПЕРЕЧНЫЙ РАЗРЕЗ

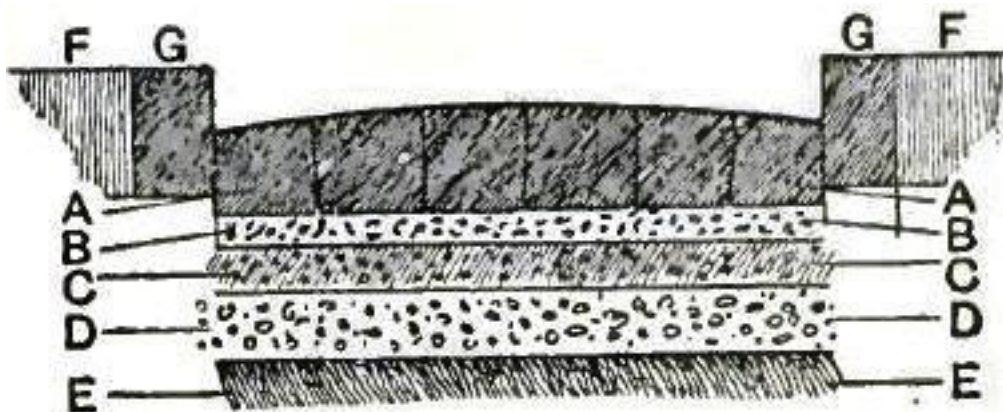

РИСУНОК 184. СТРОИТЕЛЬСТВО ДОРОГИ

385 Дороги. Благодаря инженерному мастерству римлян и щедрому расходованию средств их дороги стали лучшими из всех, которые когда-либо знал мир. Это были сугубо военные сооружения, построенные в стратегических целях, призванные облегчить доставку грузов на границу и сосредоточение войск в кратчайшие сроки. Начиная с первого важного приобретения территории в Италии (*Аппиева дорога* была построена в 312 году до н.э.), они шли в ногу с расширением Республики и Империи. В Италии они строились за счет государства, в провинциях расходы на строительство и содержание несли завоеванные общины, но работы велись под руководством римских инженеров и часто легионами в перерывах между кампаниями. Они пролегали по прямой линии между городами, которые должны были соединять, с частыми перекрестками и ответвлениями, построенными с меньшей тщательностью. Никакие естественные препятствия не могли изменить их курс. Уклон всегда был легким, холмы были прорезаны (рис. 179), ущелья и реки пересечены арками из цельного камня (рис. 180), а долины и болота перекинуты виадуками из того же материала (рис. 181).

386 Их поверхность была идеально гладкой и тщательно закругленной, по бокам имелись водостоки для отвода дождя и талого снега. При этом учитывался комфорт всех категорий

путешественников. Вехи указывали расстояние от начальной точки дороги, а часто и до важных мест в противоположном направлении, а также имена консулов или императоров, при которых были построены дороги (рис. 182). Полотно дороги было достаточно широким, чтобы по нему без проблем могли встретиться и проехать самые большие повозки. Для пешеходов по обеим сторонам дороги была проложена тропинка с частыми ступеньками, чтобы они могли переходить на другую сторону над грязью или пылью повозки, а у вех часто сооружались сиденья для отдыха. Всадники находили каменные блоки, установленные тут и там для удобства посадки и высадки. Там, где обнаруживались родники, строились придорожные фонтаны для людей и корыта для скота. Такие дороги часто проходили сто лет без ремонта, а некоторые их участки выдержали многовековое движение и до сих пор находятся в хорошем состоянии.

387 Строительство. - Наши знания о строительстве военных дорог почерпнуты из трактата Витрувия о тротуарах и из существующих остатков самих дорог. Латинская фраза, обозначающая строительство дороги (*mūnīre viam*), точно отражает этот процесс, поскольку по всей своей длине, будь то на уровне окружающей местности (рис. 183) или в выемке под ней, дорога представляла собой сплошную стену шириной в среднем пятнадцать футов и, возможно, три фута в высоту. Применявшийся при этом метод легко понять из рис. 184. Сначала делалась выемка (*ямка*) шириной с предполагаемую дорогу и глубиной, достаточной для удержания наполнителя, который варьировался в зависимости от характера почвы. Земля на дне выемки (E) выравнивалась и уплотнялась тяжелыми трамбовками (§ 213). На нее укладывался *statūmen* (D) - фундамент из камней, не слишком больших, чтобы их можно было держать в руках, толщина слоя зависела от пористости почвы. Поверх этого укладывался *rūdus* (C) - девятидюймовый слой грубого бетона или щебня (§210) из битых камней и извести. Поверх него укладывался *nūcleus* (B), шестидюймовый слой мелкого бетона из битых горшков и извести, на который укладывался последний слой (A) из блоков лавы или другого твердого камня, поставляемого из соседней страны. Этот последний слой (*dorsum*) составлял дорожное полотно (*agger viae*) и укладывался с особой тщательностью, чтобы не оставить швов или трещин, которые могли бы пропускать воду или задевать колеса автомобилей. На рисунке камни представлены с плоской нижней поверхностью, но обычно их обтесывали, как на рис. 183, чтобы они прочнее удерживались *nūcleus*. *Аггер* был ограничен по бокам *умбонами* (G,G), бордюрными камнями, за которыми пролегли тропинки (F,F), *sēmitae* или *marginēs*. На каменистом грунте фундамент или даже первый и второй курсы могут быть излишними. На малопроезжих ответвлениях дорог вместо каменных блоков *укладывали* толстый слой гравия (*glārea*), хорошо округленного и утрамбованного, а перекрестки, возможно, были из более дешевых материалов.

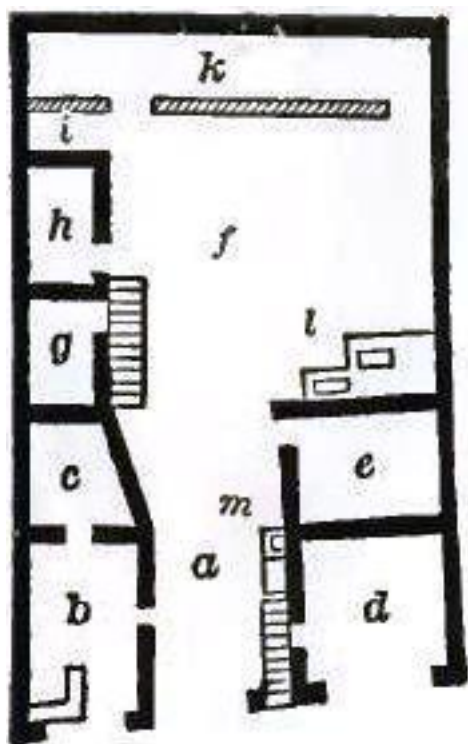

РИСУНОК 185. ПЛАН ГОСТИНИЦЫ

388 Трактиры. Во всех городах Италии было множество ночлежных домов и ресторанов, но все они были самого низкого уровня. Респектабельные путешественники старательно избегали их, либо имея собственные остановки (*dēversōria*) на дорогах, которыми они часто пользовались, либо прибегая к услугам друзей (§303) и *гостеприимцев* (§184), которых они непременно должны были иметь повсюду. В места общественных развлечений (*tabernae dēversōriae, caupōnae*) их мог загнать только несчастный случай, непогода или необычная спешка. Поэтому гости таких заведений принадлежали к самому низкому классу, а трактирщики (*caupōnēs*) и трактиры имели самую дурную репутацию. Путешественникам предоставляли еду и постель, а их скот размещали под одной крышей и в неприятной близости. План трактира в Помпеях (рис. 185) можно принять за образец всех подобных домов. Вход (a) достаточно широк, чтобы впустить повозки в помещение для повозок (f), за которым находится хлев (k). В одном углу находится корыто для полива (l), в другом - *латрина* (i). По обе стороны от входа находятся винные залы (b, d), от одного из них отходит комната хозяина (c). Небольшие комнаты (e, g, h) - это спальни, а в другие, расположенные на втором этаже над вагонкой, можно было попасть по черной лестнице. Парадная лестница имеет свой собственный вход с улицы, и комнаты, в которые можно попасть по ней, вероятно, не имели отношения к трактиру. За этой лестницей на нижнем этаже находился камин (m) с водонагревателем. Представление об умеренных ценах в таких заведениях можно получить из счета, дошедшего до нас в виде надписи, хранящейся в музее Неаполя: пинта вина с хлебом - один цент; другая еда - два цента; сено для мула - два цента. Углы улиц были излюбленными местами для трактиров, и на них были вывески (слон, орел и т. д.), как и в более поздние времена.

389 Скорость. - Из-за отсутствия общественного транспорта, ходящего по регулярному расписанию (§380), невозможно определить скорость, которую обычно развивали путешественники. Она зависела от общего расстояния, которое нужно было преодолеть, степени комфорта, требуемого путешественником, срочности его дел и имеющихся в его распоряжении средств. Цицерон говорит о пятидесяти шести милях за десять часов на

повозке (§384) как о чем-то необычном, но по таким дорогам можно было бы проехать гораздо быстрее, если бы на соответствующих расстояниях были предоставлены свежие лошади и если бы путешественник мог выдержать усталость. Отправка писем дает лучший стандарт для сравнения. Государственной почтовой службы не существовало, но каждый римлянин, занимавший высокое положение, имел среди своих рабов специальных посыльных (*tabellārii*), в чьи обязанности входила доставка важных писем для него. За день они преодолевали от двадцати шести до двадцати семи миль пешком и от сорока до пятидесяти - на повозках. Мы знаем, что письма из Рима в Брундизий, 370 римских миль, отправлялись за шесть дней, а в Афины - еще за пятнадцать. Письмо из Сицилии доходило до Рима на седьмой день, из Африки - на двадцать первый, из Британии - на тридцать третий, а из Сирии - на пятидесятый. Во времена Вашингтона не было ничего необычного в том, что зимой письмо шло месяц из восточных штатов в южные.

390 Отправка писем. - На большие расстояния, особенно за море, отправка писем специальными гонцами была очень дорогой, и, за исключением самых срочных дел, приходилось прибегать к помощи торговцев и путешественников, идущих в нужном направлении. Люди, посылавшие гонцов или намеревавшиеся путешествовать сами, считали делом чести своевременно известить своих друзей, чтобы те подготовили письма, а также разносили письма для совершенно незнакомых людей, если их об этом просили. Конечно, существовала большая опасность, что отправленные таким образом письма могут попасть в чужие руки или быть потерянными. Поэтому было принято отправлять копию важного письма (*litterae eōdem exemplō, ūnō exemplō*) или хотя бы краткое изложение его содержания другим человеком и, по возможности, другим путем. Также было принято маскировать смысл с помощью вымышленных имен, известных только корреспондентам, или с помощью обычных шифр-кодов. Суэтоний рассказывает, что Цезарь просто заменял каждую букву той, которая стояла на три места ниже в алфавите: D на A, E на B и т.д., но на самом деле в обиходе были очень сложные и запутанные системы.

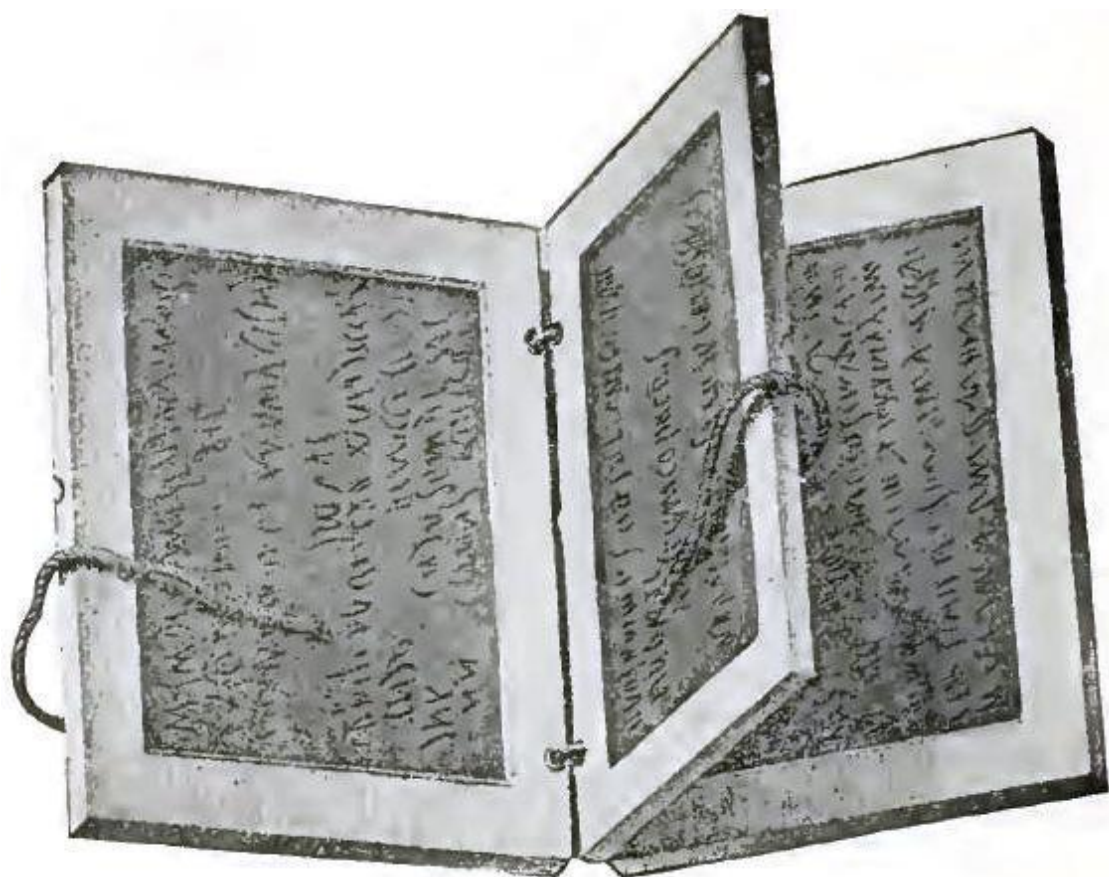

РИСУНОК 186. КОДИЦИЛЛЫ

РИСУНОК 187.
БРОНЗОВЫЙ СТИЛУС

391 ПИСЬМА. Обширная переписка, которую вел каждый римлянин (§379), делала невозможным для него писать своей рукой любые письма, кроме самых важных или адресованных самым дорогим друзьям. Место современного стенографа и пишущей машины заняли рабы или вольноотпущенники, часто высокообразованные (§154), которые писали под его диктовку. Таких рабов в обиходе называли *библиотекарями*, более точно - *слугами эпистол*, *слугами ману*, или *мануэнсами*. Заметки и короткие письма писались на табличках (*tabellae*, рис. 24, §110) из елового дерева или слоновой кости различных размеров, часто скрепленных в наборы из двух и более штук проволочными петлями (*codicillī, pugillārēs*, рис. 186). Внутренние стороны были слегка выдолблены, а углубление

почти заполнено воском, так что по краям оставался лишь приподнятый ободок, похожий на рамку старомодной грифельной доски. На воске прорисовывались буквы с помощью инструмента из слоновой кости или металла (*стилуса, графия*), один конец которого был заострен, как у карандаша, для письма, а другой - широкий и плоский, как у резака для бумаги, для разглаживания воска (рис. 187). Плоским концом можно было исправлять ошибки или стирать все письмо и использовать таблички снова, часто для ответа на само письмо. Для более длительных сообщений римляне использовали грубую бумагу (*папирус*), изготовление которой будет описано ниже. На ней они писали ручками, сделанными из расщепленного тростника, и густыми чернилами из саж (ламповой черни), смешанной со смолистыми камедями. Бумага, перья и чернила были настолько плохими, что громоздкие и неудобные таблички использовались по преимуществу для написания всех писем, кроме самых длинных. Пергамент вошел в обиход лишь в четвертом или пятом веке нашей эры.

392 Запечатывание и вскрытие писем. Для запечатывания письма требовались нить (*līnum*), воск (*cēra*) и печать (*sīgnum*). Печать (§255) не только предохраняла письмо от ненадлежащего осмотра, но и подтверждала подлинность тех, что были написаны *библиотекарем*, поскольку подписи на автографах, похоже, не рассматривались. Дощечки складывали лицевой стороной друг к другу так, чтобы надписи были на внутренней стороне, нить пропускали вокруг них и через небольшие отверстия, проделанные в них, а затем надежно завязывали. На узел капали размягченный воск и прикладывали к нему печать. Письма, написанные на листах бумаги (*schedae*), сворачивали в продольном направлении и закрепляли таким же образом. На внешней стороне писали имя того, кому адресовано письмо, и, возможно, указывали место, где его можно найти, если письмо не было отправлено специальным гонцом. При вскрытии письма следили за тем, чтобы не сломать печать, так как перерезание нити открывало доступ к содержимому. Если письмо сохранялось, к нему прикрепляли печать, чтобы удостоверить его подлинность. Цицерон описывает вскрытие письма в десятом параграфе Третьей оратории против Катилина.

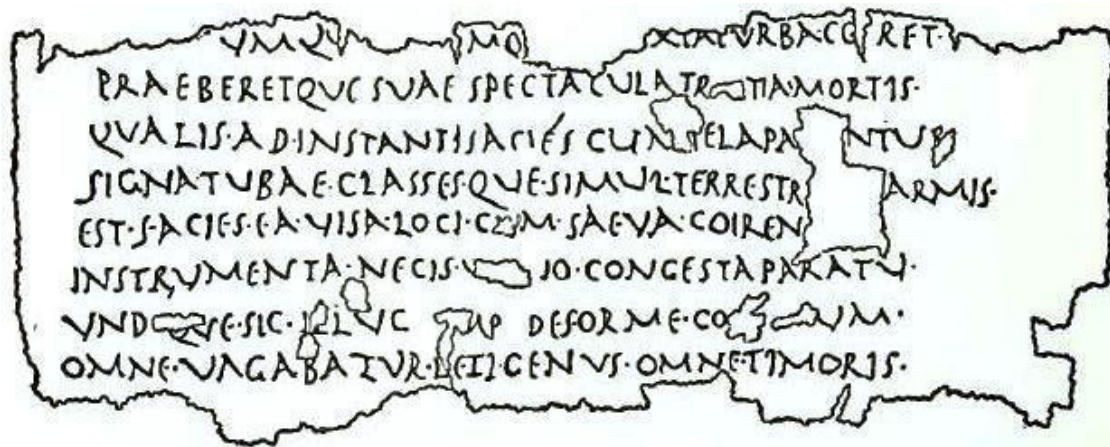

РИСУНОК 188. ФРАГМЕНТ ПАПИРУСНОГО СВИТКА ИЗ ГЕРКУЛАНУМА

393 Книги - Почти все материалы, использовавшиеся древними для получения письменности, были известны римлянам и использовались ими в тех или иных целях, в то или иное время. Однако для публикации литературных произведений в период создания великих классиков единственным материалом была бумага (*папирус*), единственной формой - рулон (*volūmen*). Книга современной формы (*cōdex*), написанная на пергаменте (*membrānum*), сыграла важную роль в сохранении литературы Рима, но стала использоваться для публикации только после того, как канон классиков был завершен, а великие мастера ушли из жизни. Римляне переняли папирус у греков, а греки получили его от египтян. Когда

египтяне впервые стали его использовать, мы не знаем, но до нас дошли египетские свитки, написанные по меньшей мере за двадцать пятьсот лет до христианской эры. Самые древние римские книги такого рода, которые сохранились, были найдены в Геркулануме, сильно обугленные и разбитые. Те из них, которые удалось расшифровать, не содержат ни одного латинского автора, представляющего какую-либо ценность. Образец надписи на одной из них, всего лишь фрагмент неизвестного автора, показан на рис. 188. В то время, когда он был захоронен, еще можно было увидеть свитки, написанные почерком Гракхов, и автографы Цицерона, Вергилия и Горация, должно быть, были достаточно распространены. Все они, насколько нам известно, с тех пор исчезли.

394 Производство бумаги. Папирусный тростник имел суставчатый стебель треугольной формы и достигал максимальной высоты, возможно, четырнадцати футов при толщине в четыре или пять дюймов. Стебель содержал сердцевину, из которой изготавливали бумагу следующим образом: Стебель разрезали по швам, удаляли твердую кожуру, а сердцевину разрезали на тонкие секции или полоски как можно ровнее. Первый разрез, по-видимому, делался от одного из углов до середины противоположной стороны, а остальные - параллельно ему справа и слева. Затем полоски сортировались по ширине, и их укладывали рядом друг с другом на доску как можно плотнее, чтобы их общая ширина была почти равна длине одной полоски. Поперек них под прямым углом укладывался еще один слой, а между ними, возможно, слой клея или пасты. Получившийся лист, похожий на циновку, размачивали в воде и прессовали или отбивали молотком, превращая в вещество, не похожее на нашу бумагу, которое римляне называли *charta*. После того как листы (*schēdae*) были высушены и отбелены на солнце, их очищали от шероховатостей и обрезали до одинаковых размеров, в зависимости от длины полосок палы. Чем меньше полоски, из которых состоял каждый лист, или, другими словами, чем больше ширина каждой полоски, тем ближе текстура *чарты* и тем выше ее качество. Поэтому бумагу можно было сортировать по размеру, и за стандарт принималась ширина листа, а не его высота. Бумага лучшего качества, по-видимому, продавалась в листах шириной около десяти дюймов, а самая плохая, на которой можно было писать, - около шести. Высота в каждом случае была, возможно, на один-два дюйма больше. Было подсчитано, что из одного растения папируса получается около двадцати листов размером, пропорциональным его высоте, и это число, по-видимому, стало коммерческой единицей измерения (*scāpus*), по которой бумага продавалась на рынке, - единицей, примерно соответствующей нашей квире.

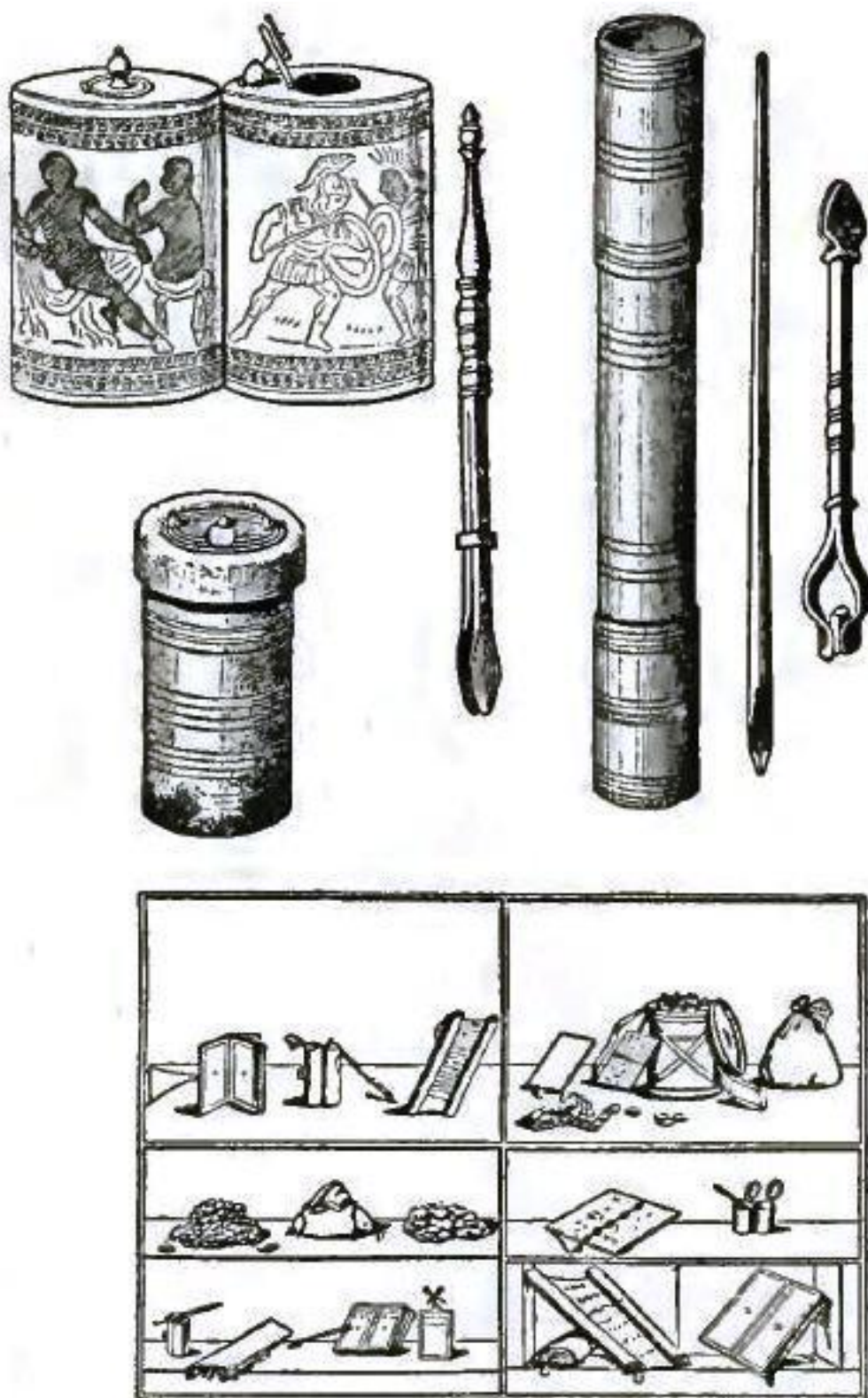

РИСУНОК 189. ИНСТРУМЕНТЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ПИСЬМЕ

395 Перо и чернила - Обычно писали только на верхней поверхности листа, образованной горизонтальным слоем полос, которые даже после изготовления служили для направления пера пишущего. В книгах, где важно было сохранить постоянное количество строк на странице, их правили с помощью круглого кусочка свинца. Перо (*calamus*) изготавливалось из тростника, доведенного до остроты и расщепленного примерно так же, как наши перья. Черные чернила (*ātrāmentum*, [§391](#)) иногда заменялись жидкостью каракатицы. Красные чернила часто использовались для заголовков, орнаментов и т. п. , а на рисунках

чернильница обычно изображается с двумя отделениями (рис. 189). Чернила были больше похожи на краску, чем на современные чернила, и их можно было стирать влажной губкой, когда они были свежими, и смывать, даже когда они становились сухими и твердыми. Стирать листы, чтобы использовать их во второй раз, было признаком бедности или нищеты, но обратная сторона *шедае*, отслуживших свой срок, часто использовалась для бумаги, особенно в школах (§110).

396 Изготовление рулона. - Для письма или другого краткого документа мог подойти один лист, но для литературных целей требовалось много листов. Их не скрепляли встык, как отдельные листы в наших книгах, не нумеровали и не укладывали свободно друг от друга, как мы располагаем их в наших письмах и рукописях, но после написания они склеивались по бокам (не сверху) в длинную громоздкую полосу, причем линии на каждом листе шли параллельно длине полосы, а надписи на каждом листе образовывали колонку, перпендикулярную длине полосы. Поэтому на каждой стороне листа по мере написания оставлялось поле, и эти поля, накладываясь друг на друга и склеиваясь, образовывали толстое пустое пространство, двойную толщину бумаги, между каждыми двумя листами полосы. Очень широкие поля оставлялись также сверху и снизу, где бумага страдала от использования гораздо больше, чем в наших книгах. Когда листы были надежно скреплены в нужном порядке, к левому (внешнему) краю первого листа приклеивали тонкий деревянный брусок, а к правому (также внешнему) краю последнего листа - второй брусок (*умбиликус*), как сегодня крепят настенную карту. Когда томик не использовался, его плотно сворачивали вокруг *лупка*, отсюда и пошло его название (*volūmen*).

РИСУНОК 190. КАПСА

397 Рулон, предназначенный для постоянного хранения, отделялся с особой тщательностью. Верх и низ (*frontēs*) обрезали до гладкости, полировали пемзой и часто красили в черный цвет. Заднюю часть рулона натирали кедровым маслом, чтобы защитить его от моли и мышей. К концам *унбилика* прикрепляли ручки (*cornua*), иногда позолоченные или окрашенные в яркий цвет. Первый лист использовался для посвящения, если таковое имелось, а на обратной стороне часто писали несколько слов, дающих представление о содержании свитка; иногда на этой странице помещали портрет автора. Во многих книгах полное название и имя автора писались только в конце свитка на последнем листе, но в любом случае к верхней части этого листа приклеивалась полоска пергамента (*titulus*) с названием и именем автора, которая выступала над краем свитка. Для каждого рулона делалась пергаментная обложка цилиндрической формы, в которую он вставлялся сверху, и только *титул* был виден. Если произведение делилось на несколько томов (см. ниже), свитки собирались в пачку (*fascis*) и хранились в деревянной коробке (*capsa*, *scrīnium*), похожей на современную шляпную коробку. При снятии крышки были видны *титулы*, и нужный свиток можно было взять, не мешая остальным (рис. 190). Иногда рулоны хранили в

шкафах (*armāria*, §231), укладывая на полки по длине *титулами* вперед, как показано на рисунке в следующем параграфе.

РИС. 191. ЧТЕНИЕ РУЛОНА

398 Размер рулонов. - Когда читали томик, рулон держали в обеих руках и разворачивали колонку за колонкой правой рукой, а левой читатель сворачивал законченную часть на деревянной дощечке, прикрепленной к краю первого листа (рис. 191). Закончив чтение, он сворачивал его обратно на *умбилику*, обычно держа ее под подбородком и поворачивая *роговую оболочку* обеими руками. В случае длинного рулона такое переворачивание назад и вперед занимало много времени и терпения и, должно быть, сильно пачкало и портило сам рулон. Ранние валики всегда были длинными и тяжелыми. Теоретически не существовало ограничений на количество листов, которые можно было склеить вместе, и, соответственно, на размер или длину рулона. Его делали настолько длинным, насколько это было необходимо для того, чтобы вместить данное произведение. В Древнем Египте складывали рулоны длиной более пятидесяти ярдов, а в ранние времена в Греции и Риме использовались рулоны примерно такой длины. Однако с III века до н. э. стало принято делить произведения большой длины на два или более томов, причем сначала деление было чисто произвольным и производилось там, где было удобно закончить рулон, независимо от того, насколько нарушалось единство мысли. Столетие спустя авторы стали делить свои произведения на удобные части, каждая из которых имела собственное единство, как, например, пять "книг" *цицероновского De Finibus*, и каждой из этих частей или "книг" отводился отдельный свиток. Столь удобное и разумное нововведение быстро стало универсальным правилом. Оно даже сработало в обратную сторону: некоторые древние произведения стали делиться на книги, которые не были так разделены их авторами, например, Геродот, Фукидид и Невий. Примерно в то же время вошло в обычай выставлять на рынок уже склеенные листы в

размере не менее *скалуса* (§394). Конечно, склеить два или три таких листа или отрезать неиспользованную часть одного было гораздо проще, чем работать с отдельными листами. Готовые рулоны, кроме того, складывались самым тщательным образом. Даже листы одного и того же качества (§394) могли немного отличаться прочности или отделки, и изготовители рулона старались поместить самые лучшие листы в начале, где износ был наиболее сильным, и оставить для конца менее совершенные листы, которые иногда могли быть вообще отрезаны.

399 Размножение книг. - Процесс издания самой большой книги в Риме ничем не отличался от процесса написания самого короткого письма. Каждый экземпляр делался сам по себе, сотый или тысячный требовал столько же времени и труда, сколько и первый. Экземпляр автора распределялся по нескольким *библиотекам* - его собственной, если он был богатым человеком, Цезарем или Саллюстием, его покровителя, если он был бедным человеком, Теренцием или Вергилием. Каждый из *библиотекарей* писал и переписывал порученные ему части, пока не было сделано необходимое количество копий. Затем листы раскладывались в нужном порядке, и рулоны монтировались, как уже было описано. Наконец, книги просматривались для исправления ошибок, которые обязательно должны были быть сделаны, - процесс гораздо более утомительный, чем современная корректура, поскольку каждый экземпляр должен был быть исправлен отдельно, так как в двух экземплярах не будет одинаковых ошибок. Книги, сделанные таким образом, предназначались почти исключительно для подарков, хотя друзья обменивались книгами с друзьями, и некоторые из них могли попасть на рынок. Однако вплоть до последнего века Республики не существовало ни организованной книжной торговли, ни такого понятия, как коммерческое издание. Когда человеку нужна была книга, он, вместо того чтобы купить ее в книжной лавке, брал экземпляр у друга и просил *библиотекаря* сделать ему столько, сколько он пожелает. Таким образом Атикус сделал для себя и Цицерона копии всех греческих и латинских книг, к которым он мог приложить руки, и распространил повсюду сочинения самого Цицерона.

400 Коммерческая публикация. - Издание книг в Риме как бизнес началось во времена Цицерона. Не было закона об авторском праве и, соответственно, защиты автора или издателя. Денежные доходы автора поступали в виде подарков или грантов от тех, чью благосклонность он завоевал своим гением; издатель зависел, в случае новых книг, от удовлетворения спроса, прежде чем его конкуренты успеют выпустить свои издания, а в случае стандартных книг - от точности, элегантности и дешевизны своих копий. Процесс коммерческого издания был в основном таким же, как уже описанный, за исключением того, что использовалось большее количество *библиотекарей*, а экземпляр читался всем сразу, чтобы избавить их от необходимости работать с неудобным рулоном и следить за тем, как они пишут. Издатель как можно точнее оценивал спрос на новое произведение, которое ему удалось заполучить, нанимал как можно больше переписчиков и следил за тем, чтобы ни один экземпляр не покинул его заведение, пока не будет готово все издание. После того как экземпляры поступали в продажу, их мог размножить любой желающий. Лучшие дома прилагали все возможные усилия, чтобы в их книгах не было ошибок, приглашая компетентных корректоров, которые вычитывали их копию за копией, но, несмотря на все их усилия, ошибок было множество. Иногда авторы собственными руками исправляли экземпляры, предназначенные для друзей. В случае со стандартными произведениями покупатели часто нанимали ученых с репутацией, чтобы те пересматривали для них свои экземпляры, а экземпляры известного совершенства одалживали или брали напрокат по высокой цене для сравнения.

401 Быстрота и стоимость публикации. - Цицерон рассказывает о римских сенаторах, которые писали достаточно быстро, чтобы взять улику *verbātim*, и обученные переписчики, должно быть, намного превосходили их в скорости. Марциал рассказывает, что его вторую книгу можно было переписать за час. В ней содержится пятьсот сорок стихов, а значит, скорость переписчика равна девяти стихам в минуту. Очевидно, что небольшое издание, не превышающее, например, в два или три раза число переписчиков, можно было бы выпустить на рынок быстрее, чем это делается сейчас. Стоимость книг, разумеется, варьировалась в зависимости от их размера и стиля оформления. Первая книга Марциала, содержащая восемьсот двадцать строк и занимающая двадцать девять страниц в тексте Тевнера, продавалась по тридцать центов, пятьдесят центов и один доллар; его "*Ксения*", содержащая двести семьдесят четыре стиха и занимающая четырнадцать страниц в тексте Тевнера, продавалась по двадцать центов, но обошлась издателю менее чем в десять. Сейчас такие цены вряд ли можно назвать чрезмерными. Многие зависело от репутации автора и последующего спроса, и на некоторые книги устанавливались высокие цены. Экземпляры с автографами - Геллий († около 180 г. н. э.) говорит, что один экземпляр Вергилия стоил владельцу 100 долларов, - и экземпляры, за правильность которых ручался какой-либо признанный авторитет, стоили необычайно дорого.

402 Библиотеки. - Собираение книг в большие частные коллекции стало всеобщим только к концу Республики. Цицерон имел значительные библиотеки не только в своем доме в Риме, но и в каждой из полудюжины своих загородных резиденций. Вероятно, Лукулл и Сулла привезли в Рим целые библиотеки с Востока и из Греции, что положило начало моде на коллекционирование книг; во всяком случае, коллекции составлялись многими людьми, которые не знали и не заботились о содержании свитков, и в каждом городском доме была своя библиотека (§206), уставленная томами. В этих библиотеках часто выставлялись бюсты великих писателей и статуи муз. Публичные библиотеки появились во времена Августа. Первую в Риме основал Асиний Поллион (†4 г. н. э.), она располагалась в Атриуме *Либертатуса*. Сам Август основал еще два, а его преемники довели их число до двадцати восьми. Самой величественной из них была *Ульпийская библиотека*, основанная Траяном. Маленькие города тоже имели свои библиотеки, и даже небольшой городок Комум мог похвастаться одной из них, основанной еще Плинием и поддерживаемой фондом, который приносил тридцать тысяч сестерций в год. При общественных банях часто были библиотеки и читальные залы (§365).

ГЛАВА XI

ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВ И СРЕДСТВА К СУЩЕСТВОВАНИЮ. ДЕНЬ РИМЛЯНИНА

403 Из сказанного очевидно, что для поддержания того состояния, в котором находился каждый римлянин, имевший положение, требовались значительные средства. Интересно будет узнать, как огромная масса людей зарабатывала на ту скудную жизнь, которой они были вынуждены довольствоваться. Для этого будет удобно, если не очень точно, разделить римский народ на три больших класса - дворян, рыцарей и коммун, на которые его распределила политическая история. В то же время следует помнить, что между двумя этими классами не было жесткой и фиксированной границы; знатный человек мог по своему желанию объединиться с рыцарями, если только он обладал необходимой суммой в 20 000 долларов, а любой свободнорожденный гражданин мог стремиться к высшим должностям государства, какими бы жалкими ни были обстоятельства его рождения, каким бы бедным по карману или таланту он ни был.

404 Карьера знати. - Знатные люди унаследовали некоторые аристократические представления старого патрициата, которые ограничивали их деловую активность и во многом способствовали разложению общественной жизни в последний век Республики. Люди, занимавшие такое положение, считались выше всякого труда, как руками, так и головой, ради жалкой выгоды. Только сельское хозяйство было свободно от развращающих ассоциаций, как в Англии в наше время, а государственная и военная карьера были единственными занятиями, пригодными для приложения их сил. Даже в качестве государственных деятелей и генералов они служили своим согражданам без материального вознаграждения, потому что сенаторы не получали жалованья, их не прикрепляли к магистратурам или военным командованиям. Эта теория достаточно хорошо работала во времена до Пунических войн, когда каждый римлянин был фермером, когда ферма производила все, что нужно для его простых нужд, когда он оставлял ее только для того, чтобы служить солдатом в молодости или сенатором в старости, и возвращался на свои поля, как Цинциннат, когда его услуги больше не требовались его стране. Аристократия, вытеснившая чистую демократию прежних времен, подорвала все цели, которые она должна была обеспечить.

405 Сельское хозяйство. - Фермерская жизнь, которую Цицерон так красноречиво описывает и так восторженно восхваляет в "*Catō Māior*", едва ли была бы узнаваема самим Катонем и стала воспоминанием или мечтой задолго до того, как Цицерон написал книгу. Крестьянин больше не обрабатывал свои поля, даже с помощью рабов. Крестьянское сословие практически исчезло из Италии. Мелкие хозяйства были поглощены огромными поместьями богатых землевладельцев, а цели и методы ведения сельского хозяйства полностью изменились. Об этом уже говорилось (§146 f.), и здесь будет достаточно напомнить тот факт, что в Италии больше не выращивали зерно для рынка, просто потому, что его можно было дешевле поставлять из-за моря. Виноград и оливки стали главными источниками богатства, и ради них Саллюст и Гораций жалуются, что все меньше места остается для парков и увеселительных заведений (§145). Тем не менее, производство вина и масла под руководством заботливого управляющего (§148) должно было быть очень прибыльным в Италии, и многие вельможи имели плантации и в провинциях, доходы от которых помогали содержать их государство в Риме.

406 Политические должности... Политика, должно быть, была выгодна только тем, кто играл в нее до конца. Должностям не полагалось жалованья, а косвенные доходы от одной из низших вряд ли окупили бы расходы, необходимые для обеспечения следующей по порядку. Прибыль всегда приходила через должности в провинциях. Квесторство можно было провести в одной из них, преторство и консульство обязательно сопровождалось годом за границей. Честным людям эти места давали возможность узнать о выгодных инвестициях, и хорошего наместника часто выбирала община, чтобы он заботился о ее интересах в столице, а это означало вознаграждение в виде ценных подарков время от времени. Справедливость и умеренность Цицерона в качестве квестора в Сицилии принесла ему богатую награду, когда он стал преследовать Верреса за разграбление этой провинции, а также когда он отвечал за поставки зерна во время своего эдильства. Для коррумпированных чиновников провинции были золотыми приисками. Здесь практиковались все виды грабежа и вымогательства, а от правителя ожидали обогащения не только он сам, но и сопровождавшие его *соправители* (§118). Катулл горько сетует на корыстолюбие Меммия, который оставлял себе все награбленное в Вифинии. Историю Верреса можно прочесть в любой истории Рима; она отличается от истории обычного правителя только судьбой, постигшей преступника.

407 Закон. Как и сейчас, политическая карьера была тесно связана с юридической, но Рим не знал класса профессиональных адвокатов, практикующих за вознаграждение и живущих на свою практику. Для работы в судах не требовалось никаких условий, даже морального облика, на котором настаивают в Индиане. Любой человек мог подать иск против любого другого по любому поводу, и нередко молодой политик использовал эту лицензию для получения известности, даже если знал, что для выдвинутых им обвинений нет никаких оснований. С другой стороны, адвокату запрещалось брать плату за свои услуги. В прежние времена клиент по праву обращался за советом к своему покровителю (§179), а адвокат более поздних времен теоретически был, по крайней мере, к услугам всех, кто к нему обращался. Люди, обладающие высокими качествами, считали делом чести свободно предоставлять свои технические знания в распоряжение своих сограждан. В то же время законы, запрещающие взимать плату, легко обходились. Благодарным клиентам не мешало делать ценные подарки, а щедрые наследства, оставленные успешным адвокатам, были весьма распространенным явлением. Насколько нам известно, у Цицерона не было другого источника дохода, но хотя он никогда не был богатым человеком, он владел домом на Палатине (§221, прим.) и полудюжиной загородных резиденций, жил в достатке и щедро тратил деньги на произведения искусства (§227), отвечавшие его вкусам, и на книги (§402). Коррумпированные судьи (*praetōrēs*), конечно, как и сейчас, могли находить другие источники дохода, но мы чаще слышим об этом в отношении присяжных (*iudicēs*), чем судей, вероятно, потому, что, имея перед собой провинцию, *претор* не считал нужным опускаться до мелкого взяточничества.

408 Армия. Военные трофеи номинально поступали в казну государства. Практически же они проходили сначала через руки полководца, который оставлял себе, своим подчиненным (§118) и солдатам то, что хотел, а остальное отправлял в Рим. Возможности были великолепны, и римский генерал понимал, как их использовать. Некоторые из них были вполне законными по обычаям того времени: грабеж захваченных городов, выкуп за пощажённых, продажа пленников в рабство (§134). Совершенно незаконными, конечно, были и состояния, нажитые на поставках припасов для армии по завышенным ценам или на использовании их в личных целях. Восстановление завоеванной территории приносило не менее богатые доходы; можно с уверенностью сказать, что эдуи хорошо заплатили Цезарю за господство в центральной Галлии, которое он обеспечил им после разгрома гельветов.

Гражданские войны, стоившие лучшей крови Италии, принесли победителям огромные богатства. Помимо разграбления государственной казны, имущества людей из противоборствующей стороны были конфискованы и проданы тому, кто больше заплатит. Вырученные средства номинально поступали в казну нового правительства, но они были ничтожно малы по сравнению с прибылью. После того как Сулла утвердился в Риме, имена как друзей, так и врагов были внесены в проскрипционные списки, и если на них не оказывалось мощного влияния, они теряли жизнь и состояние. За влияние приходилось дорого платить. Можно привести один пример. Поместье некоего Росция из Америи, оцененное в 300 000 долларов, было продано за 100 долларов Луцием Хрисогоном, вольноотпущенником Суллы, потому что никто не осмелился выступить против креатуры диктатора. Расселение солдат по земельным наделам стало хорошим бизнесом для трех комиссаров, которые руководили распределением земли. Субсидии всегда получали фермы, принадлежащие и занятые приверженцами победившей партии, а взятки поступали с обеих сторон.

409 Карьера эквитов. - Название рыцаря утратило свое первоначальное значение задолго до Цицерона. Эквиты стали классом капиталистов, которые находили в финансовых операциях тот азарт и прибыль, которые дворяне находили в политике и войне. Именно огромные масштабы их деятельности избавляли их от клейма, которое накладывали на работу ради выгоды, подобно тому как в наши дни оптовый торговец может занимать положение в обществе, совершенно не соответствующее надеждам мелкого розничного торговца. Как организация эквиты оказывали значительное политическое влияние, фактически удерживая баланс сил между сенаторской и демократической партиями. Как правило, они пользовались этим влиянием лишь настолько, насколько это было необходимо для обеспечения благоприятного для них как класса законодательства и для того, чтобы назначить губернаторами провинций людей, которые бы не слишком пристально следили за их операциями там. Ведь именно в провинциях рыцари, равно как и дворяне, находили свои лучшие возможности. Их главным занятием было выращивание доходов. Для этого создавались синдикаты, которые вносили в государственную казну единовременную сумму, установленную сенатом, и возмещали ее себе, собирая с провинции все, что могли. Прибыль была запредельной, и слово "мытарь" стало синонимом грешника. Помимо сбора доходов, они "финансировали" провинции и союзные государства, выдавая деньги на покрытие обычных или чрезвычайных расходов. Сулла обложил Азию взносами в размере 20 000 талантов (около 20 000 000 долларов). Деньги были внесены синдикатом римских капиталистов, и они собрали сумму в шесть раз больше, когда Сулла вмешался, опасаясь, что в случае дальнейших нужд ему ничего не останется. Не один претендент был посажен на марионеточный трон на Востоке, чтобы обеспечить выплату сумм, ранее одолженных ему капиталистами. Их деятельность как частных лиц была лишь менее обширной и прибыльной. Зерно в провинциях, шерсть, продукция рудников и фабрик могли быть перевезены только на деньги, выданные ими. Они также осмеливались участвовать в коммерческих предприятиях за границей, которые были запрещены им на родине, сами занимались куплей-продажей, а не просто предоставляли средства другим. Они также ссужали деньги частным лицам, хотя в Риме денежное кредитование было дискредитировано. Обычная ставка составляла двенадцать процентов, но Марк Брут ссужал деньги под сорок восемь процентов в Киликии, когда Цицерон отправился туда в качестве губернатора в 51 году до н. э., и ожидал, что Цицерон будет исполнять за него его контракты.

410 Солдаты. Свободнорожденных граждан Рима, не принадлежащих к знати и рыцарям, можно условно разделить на два класса: солдат и пролетариат. Гражданские войны изгнали их с ферм или сделали непригодными к земледельческому труду, а расовая гордость или

конкуренция рабского труда закрыли перед ними другие пути развития промышленности, как бы многочисленны они ни были в столице мира. Лучшие из этого класса обратились к армии. Она уже давно перестала состоять из граждан-солдат, призванных в случае крайней необходимости на одну кампанию и распущенных по ее окончании. Это было то, что мы должны называть регулярной армией: солдаты набирались на двадцать лет, получали установленное жалование и определенные привилегии после почетной демобилизации. В мирное время, когда был мир, они были заняты на общественных работах (§385). Плата была небольшой, возможно, сорок или пятьдесят долларов в год с пайком во времена Цезаря, но это было столько, сколько рабочий мог заработать самым тяжелым трудом, и у солдата была воинская слава, чтобы противостоять клею работы, и надежды на подарки от своего командира и привилегии на случай грабежа и разбоя. По окончании срока службы он мог по своему желанию вернуться в Рим, но многие заводили связи в общинах, где находились их посты, и предпочитали строить свои дома там, получая бесплатные земельные наделы - важный инструмент в распространении римской цивилизации.

411 Пролетариат. Помимо праздных и распутных людей, привлеченных в Рим бесплатной кукурузой и другими соблазнами, которые привлекают подобный элемент в наши города сейчас, большое количество трудолюбивых и экономных людей было вынуждено приехать в город из-за потери имущества во время гражданских войн и невозможности найти работу в других местах. Точной оценки количества этих безработных нет, но известно, что до времен Цезаря оно перевалило за отметку в 300 000 человек. Время от времени Цезарь создавал колонии на границах, и таким образом целых 80 000 человек снова могли зарабатывать себе на жизнь, но это был наименее вредный элемент, который был готов эмигрировать, а отбросы оставались позади. Помимо попрошайничества и мелких преступлений, их единственным источником дохода была продажа голосов, и это делало их настоящей угрозой для Республики. Во времена Империи их политическое влияние было утрачено, и государство сочло необходимым время от времени раздавать деньги, чтобы облегчить их нужду. Некоторые из них выступали в роли клиентов для зазевавшихся богачей (§181), но большинство довольствовалось тем, что их кормило государство и развлекало постоянно увеличивающимися представлениями и играми (§322).

412 Профессии и ремесла. - Профессии и ремесла, между которыми римляне не делали различий, в последние годы Республики были практически отданы *либертинам* (§ 175) и иностранцам. О некоторых из них уже было сказано. Учителям плохо платили (§121) и обычно смотрели на них с презрением. Врачи пользовались не более высоким уважением, но, по-видимому, хорошо оплачивались, если судить по тем, кто был при дворе. Двое из них оставили совместное состояние в 1 000 000 долларов, а еще один получил от императора Клавдия ежегодное пособие в 25 000 долларов. В знаниях и умениях как в хирургии, так и в медицине они, похоже, не сильно отставали от практиков двухвековой давности. Банкиры объединяли размен денег с выдачей займов. Первое было очень необходимо в городе, в который поступали все монеты известного мира; второе никогда не считалось вполне респектабельным для римлянина, но нет никаких сомнений в том, что многие римляне с самой высокой репутацией извлекали большие прибыли из этого бизнеса, осуществляемого незаметно от имени вольноотпущенника. В Риме ремесла рано объединились в гильдии, но их единственной целью, похоже, была передача и совершенствование техники ремесла; по крайней мере, не было никаких препятствий на пути рабочих, не принадлежащих к гильдиям, и не было таких вещей, известных как патенты или особые привилегии в работе. Восемь из этих гильдий старше истории: фулеры, сапожники, плотники, ювелиры, медники, гончары, красильщики и (как ни странно) флейтисты. По мере развития знаний об искусстве или разделения труда образовалось множество других. Особые части города, по-видимому,

были отведены под особые классы рабочих, так как в наших городах подобные предприятия часто располагаются в одном и том же районе: Цицерон говорит об улице косарей.

413 Бизнес и торговля. Торговля Рима охватывала все земли и моря. Плиний рассказывает, что торговля с Индией и Китаем приносила Риму 5 000 000 долларов в год. Оптовая торговля в значительной степени находилась в руках класса капиталистов, розничной торговлей занимались вольноотпущенники и иностранцы. Насколько велики были эти предприятия, мы не можем сказать. Поставки продовольствия в город, должно быть, давали работу тысячам людей; торговля одеждой уже упоминалась (§271). Строительные работы велись с огромными затратами и в самых широких масштабах. Все общественные здания и многие важные частные постройки возводились по контракту. Можно не сомневаться, что заключение контрактов на строительство общественных зданий было очень выгодным для офицеров, которые этим занимались, но, с другой стороны, следует признать, что работа была выполнена хорошо. Красс, похоже, занимался своего рода спасательным бизнесом. Когда казалось, что здания будут уничтожены огнем, он покупал их вместе с содержимым за символическую сумму, а затем боролся с пламенем с помощью банд рабов, которых он обучал для этой цели. Сама работоторговля была очень значительной, и на ней сколачивались большие состояния (§139). Тяжелые работы, которыми занимались обычные рабочие, почти полностью выполнялись рабами (§148), и следует помнить, что тогда вручную выполнялось много работы, которую сейчас делают машины. Уже упоминалось о книжном бизнесе (§400). Даже место современной газеты заняли письма, которые писались как бизнес людьми, собиравшими все новости, сплетни и скандалы города, переписывавшими их рабами и рассылавшими их тем, кто не любил беспокоить своих друзей (§379) и был готов платить за информацию.

414 Гражданская служба. - Свободные люди, работавшие в канцеляриях различных магистратов, были низшего класса, в основном *либертины*. Им платило государство, и хотя номинально их назначали только на год, они, похоже, практически занимали свои места при хорошем поведении. Во многом это объяснялось краткостью срока полномочий обычных магистратов и редкостью переизбрания. Не имея собственного опыта в ведении дел, мировые судьи тем более нуждались в тщательно подготовленных и опытных помощниках. Высший класс этих чиновников составлял *ордос - скрибы*, название которых не дает адекватного представления о масштабах и важности их обязанностей. Все, что сейчас делают члены кабинета министров, секретари, руководители департаментов, начальники бюро, аудиторы, контролеры, регистраторы и бухгалтеры, вплоть до работы обычных клерков и переписчиков, выполнялось этими "писцами". Ниже их стояли другие, почти столь же необходимые, но не столь же уважаемые, - ликторы, гонцы и т. д. Эти государственные служащие занимали особые места в театре и цирке. Эти должности, по-видимому, пользовались большим спросом, как, например, сейчас во Франции. Гораций, как говорят, был клерком департамента.

415 День римлянина. То, как римлянин проводил свой день, зависело, конечно, от его положения и рода занятий и сильно различалось в зависимости от человека и конкретного дня. Обычный распорядок дня человека из высшего сословия, о котором мы чаще всего читаем в римской литературе, был примерно таким: Римлянин вставал очень рано, его день начинался до восхода солнца, потому что так рано заканчивался. После торопливого завтрака (§302) он посвящал необходимое время своим личным делам, просматривал счета, советовался с управляющими, давал указания и т. д. Цицерон и Плиний находили эти ранние часы наиболее подходящими для литературной работы. Гораций рассказывает о юристах, дающих бесплатные советы в три часа ночи. После завершения своих личных дел римлянин

занимал свое место в *атрии* (§198) на *салютатио* (§182), когда его клиенты приходили выразить свое почтение, возможно, попросить помощи или совета, которые он был обязан им предоставить (§179). Однако от всех этих утренних дел пришлось бы отказаться, если бы римлянина пригласили на свадьбу (§79), или присутствовать при наречении ребенка (§97), или стать свидетелем совершеннолетия (§128) сына друга, поскольку все эти полуофициальные мероприятия проходили рано утром. Но после них или после пира римлянин отправлялся на форум в сопровождении своих клиентов, неся на себе свою *литанию* (§151) с *номенклатором* под локтем. Дела судов и сената начинались около третьего часа и могли продолжаться до девятого или десятого, а дела сената должны были прекращаться на закате. За исключением чрезвычайных случаев, все дела непременно заканчивались до одиннадцати часов, и в это время наступал обед (§302).

416 Затем наступала полуденная *сиеста*, настолько всеобщая, что улицы были пусты, как в полночь, и один из римских писателей считает это время подходящим для рассказа о призраках. Конечно, в праздничные дни не проводились заседания судов или сената, и тогда часы, отведенные обычно для дел, можно было провести в театре, цирке или других играх. На самом деле римляне, принадлежавшие к лучшему классу, скорее избегали этих зрелищ, если только не были связаны с ними официально, и многие из них посвящали праздники посещению своих загородных поместий. После *сиесты*, которая длилась час или более, римлянин был готов к регулярным атлетическим упражнениям и купанию, либо в Кампусе и Тибре (§317), либо в одной из общественных купален (§365). За купанием (§367) следовала *гостиная* (§377), возможно, променад по двору, который давал возможность поболтать с другом или узнать последние новости, посоветоваться с деловыми партнерами, словом, обсудить все то, что сегодня мужчины обсуждают в своих клубах. После этого наступало главное событие дня - ужин (§303), в собственном доме или в доме друга, за которым сразу же следовал отход ко сну. Даже в дни, проведенные в деревне, эта программа не претерпевала существенных изменений, и римлянин брал с собой в провинцию обычаи своей домашней жизни, насколько это было возможно.

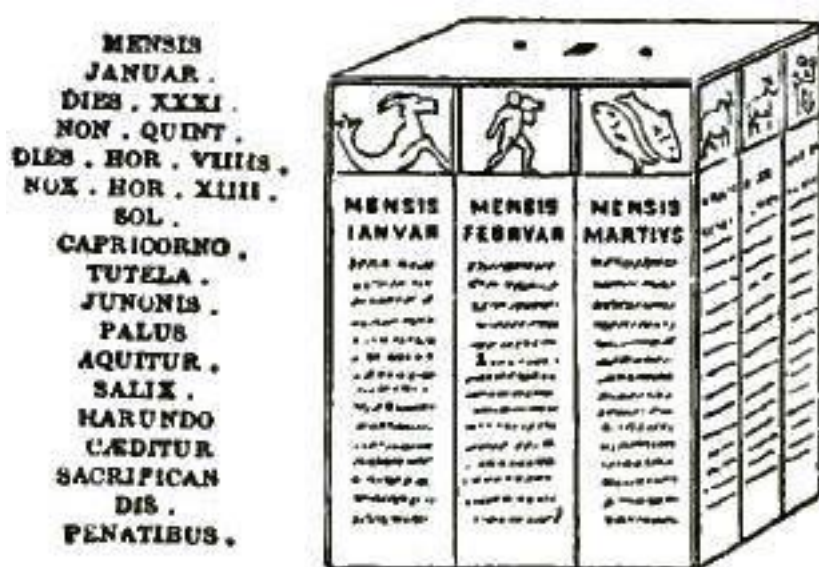

РИСУНОК 192. ДРЕВНИЙ КАЛЕНДАРЬ

417 Часы дня. День делился на двенадцать часов (*hōrae*), каждый из которых составлял двенадцатую часть времени между восходом и заходом солнца и менялся в зависимости от сезона года. Продолжительность дня и часа в Риме в разное время года показана в следующей таблице:

Месяц и день	Продолжительность дня	Продолжительность часа
23 декабря	8° 54'	44' 30"
6 февраля	9° 50'	49' 10"
23 марта	12° 00'	1° 00' 00"
9 мая	14° 10'	1° 10' 50"
25 июня	15° 06'	1° 15' 30"
10 августа	14° 10'	1° 10' 50"
25 сентября	12° 00'	1° 00' 00"
9 ноября	9° 50'	49' 10"

418 Принимая дни 25 июня и 23 декабря соответственно за самый длинный и самый короткий в году, в следующей таблице приведен вывод каждого часа для лета и зимы:

Время	Лето	Зима
Восход	4° 27' 00"	7° 33' 00"
1-й час	5° 42' 30"	8° 17' 30"
2-й час	6° 58' 00"	9° 02' 00"
3-й час	8° 13' 30"	9° 46' 30"
4-й час	9° 29' 00"	10° 31' 00"
5-й час	10° 44' 30"	11° 15' 30"
6-й час	12° 00' 00"	12° 00' 00"
7-й час	1° 15' 30"	12° 44' 30"
8-й час	2° 31' 00"	1° 29' 00"
9-й час	3° 46' 30"	2° 13' 30"
10-й час	5° 02' 00"	2° 58' 00"
11-й час	6° 17' 30"	3° 42' 30"
12-й час	7° 33' 00"	4° 27' 00"

Таким же образом можно рассчитать часы для любого дня, если известны продолжительность дня и час восхода солнца, но для всех практических целей подойдет старое двустигие:

Английский час вы можете определить,
Если к латинскому прибавить шесть.

Когда латинский час больше шести, удобнее будет вычесть, чем прибавить.

ГЛАВА XII

МЕСТА ЗАХОРОНЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ

ССЫЛКИ: Marquardt, 340-388; Voigt, 319-322, 396, 455; Göll, 480-547; Guhl and Koner, 580-595, 857-863; Friedländer, III, 125-137; Ramsay, 479-482; Pauly-Wissowa, *cenotaphium*, *columbārium*; Smith, Harper, Rich, *columbārium*, *fūnus*, *sepulcrum*; Lübker, *Bestattung*, *sepulcrum*; Baumeister, 308-311, 604-609, 1520 f.; Mau-Kelsey, 399-428; Gusman, 44-54; Egbert, Latin Inscriptions, 230-242; Lanciani, Ancient Rome, 64, 129 f.

419 Важность погребения. Представления римлян о будущей жизни объясняют то значение, которое они придавали церемониальному погребению мертвых. Душа, по их мнению, могла обрести покой только тогда, когда тело было должным образом уложено в могилу; до тех пор пока это не было сделано, она преследовала дом, будучи несчастной сама и принося несчастье другим. Поэтому совершение погребальных обрядов (*iūsta facere*) было торжественным религиозным долгом, возлагавшимся на оставшихся в живых членов семьи (§28), и латинские слова показывают, что эти знаки уважения рассматривались как право умершего. В случае, если тело было потеряно в море или по какой-либо другой причине не было найдено, церемонии совершались с таким же благочестием, а в честь умершего иногда воздвигалась пустая гробница (*cenotaphium*). И эти же обряды римлянин обязан был совершить, если ему попадался непогребенный труп гражданина, ведь все они были членами большой семьи содружества. В этом случае трех горстей праха над телом было достаточно для торжественного погребения и счастья беспокойного духа, если по какой-либо причине тело не могло быть погребено.

420 Погребение и кремация. - Погребение было способом избавления от мертвых, который в древности практиковали римляне, и даже после того, как кремация вошла в широкое употребление, было церемониально необходимо, чтобы какая-то небольшая часть останков, обычно кость пальца, была похоронена в земле. Сожжение практиковалось еще до создания Двенадцати таблиц, поскольку в них оно упоминается вместе с погребением, но мы не знаем, как давно это произошло. Гигиенические соображения, вероятно, были как-то связаны с его повсеместным распространением, а это подразумевает, конечно, города значительных размеров. Ко времени Августа он стал практически всеобщим, но даже в Риме практика погребения никогда не была полностью прекращена, поскольку кремация была слишком дорогой для самых бедных слоев населения, а некоторые из самых богатых и аристократических семей придерживались более древнего обычая. Корнелии, например, всегда хоронили своих покойников, пока диктатор не требовал сжечь его тело, опасаясь, что его кости могут быть выкопаны и опозорены его врагами, как он опозорил кости Мариуса. Детей в возрасте до сорока дней хоронили всегда, как и рабов, чьи похороны оплачивали их хозяева. После введения христианства погребение снова стало преобладать, во многом из-за возросших расходов на сожжение.

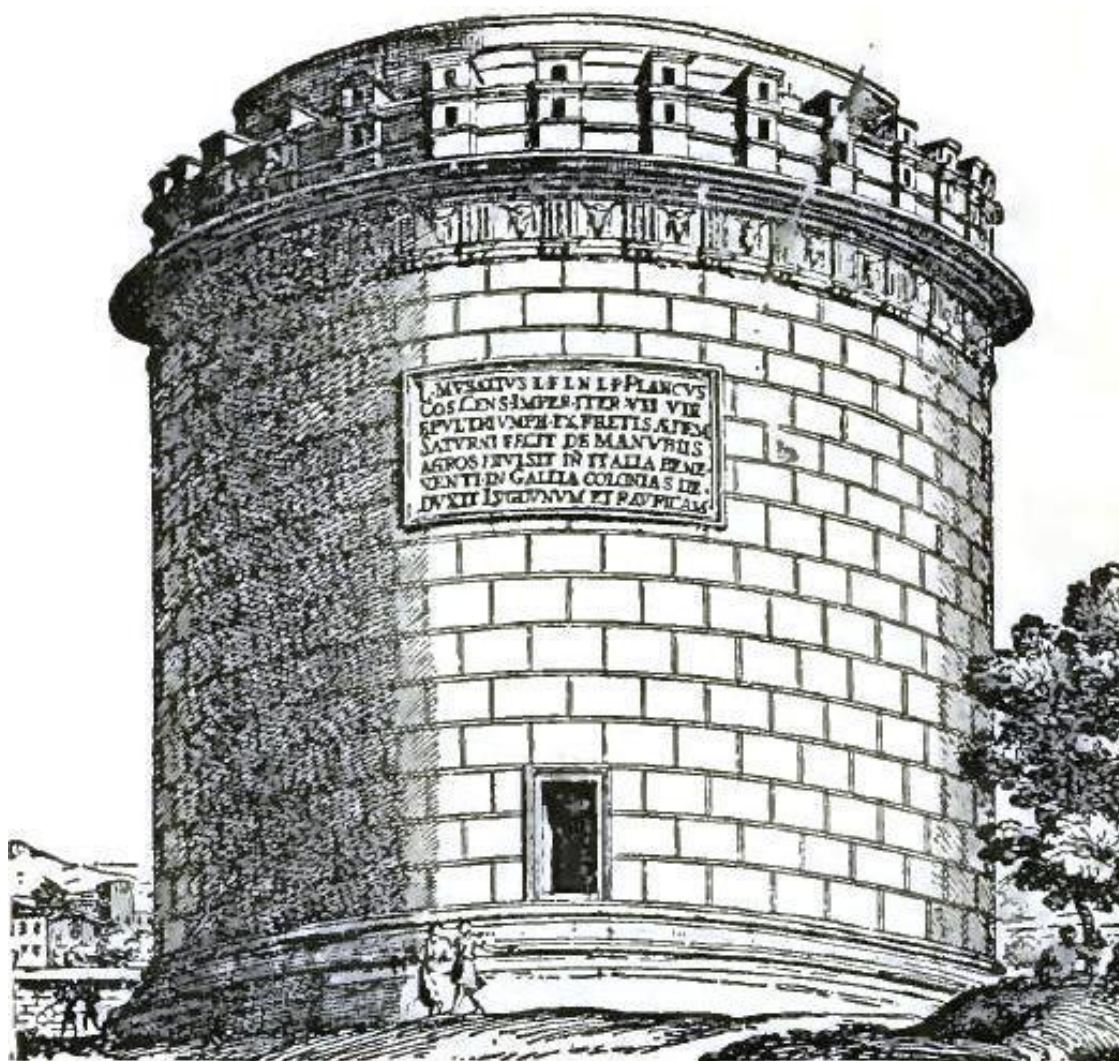

РИСУНОК 193. ГРОБНИЦА ПЛАНКА

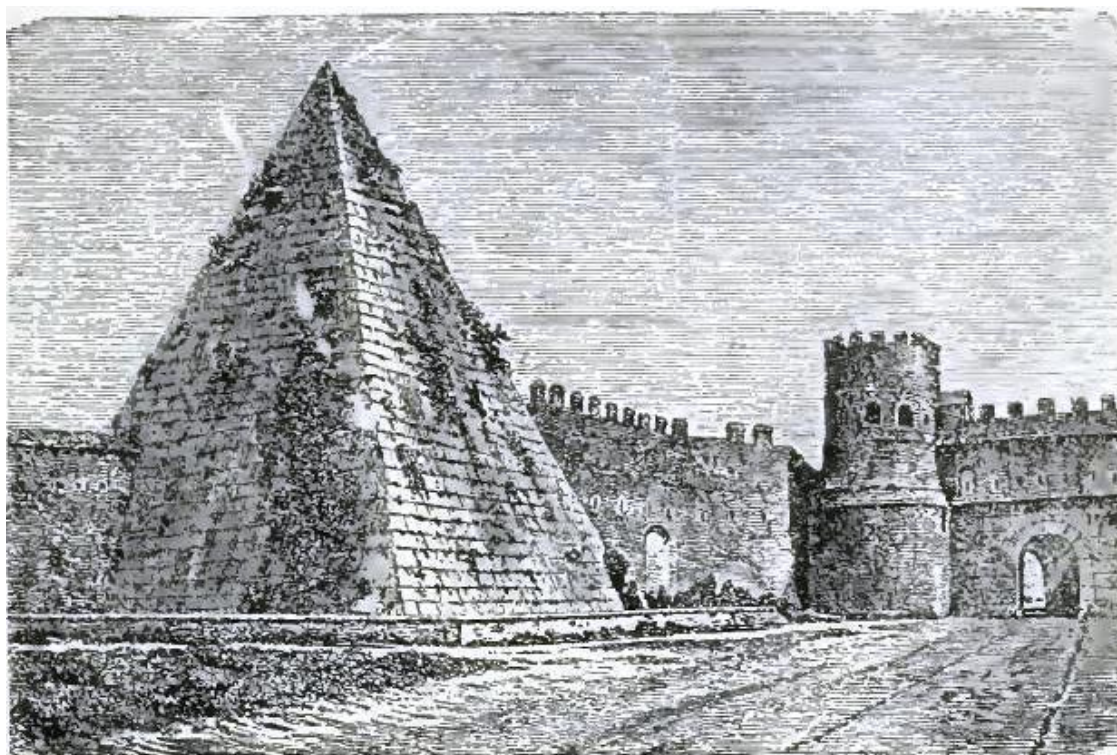

РИСУНОК 194. ГРОБНИЦА ЦЕСТИЯ

421 Места погребения. Древнейшим местом погребения, по крайней мере главы дома, было место под очагом в *атрии* его дома, позднее - в саду за домом, но этот обычай перестал существовать задолго до начала истории, а Двенадцать таблиц запрещали хоронить и даже сжигать мертвых в стенах города. Для очень бедных людей места для погребения отводились в отдаленных местах за стенами, что в какой-то степени соответствовало "Полю горшечника" в современных городах. Зажиточные люди делали свои места захоронения настолько заметными, насколько позволяли их средства, надеясь, что надписи на памятниках сохранят имена и добродетели умерших, и, возможно, думая, что они все еще играют какую-то роль в окружающей их жизни. С этой целью они выстроили по обеим сторонам больших дорог на многие мили от городов ряды гробниц самой сложной и дорогой архитектуры. В окрестностях Рима на Аппиевом пути, как на самом древнем (§385), можно было увидеть памятники самых знатных и древних семей, но ни одна из дорог не обходилась без подобных мемориалов. Многие из этих гробниц стояли в XVI веке, некоторые сохранились до сих пор. Такого же обычая придерживались и в небольших городах, и представление о внешнем виде памятников можно получить по так называемой "Улице гробниц" в Помпеях (рис. 195). Вблизи городов были и другие места погребения, разумеется, менее заметные и менее дорогие, а на фермах и в сельских поместьях также устраивались захоронения для людей более скромного положения.

РИСУНОК 195. УЛИЦА ГРОБНИЦ В ПОМПЕЯХ

РИСУНОК 196. ВНЕШНИЙ ВИД ГРОБНИЦЫ В ПОМПЕЯХ

422 Гробницы. Гробницы, предназначенные для захоронения тел или только праха, или и того, и другого, сильно различались по размерам и конструкции в зависимости от целей, для которых они возводились. Некоторые из них предназначались только для отдельных людей, но в большинстве случаев это были сугубо общественные мемориалы, а не настоящие

гробницы, предназначенные для захоронения останков умерших. Большинство из тех, что стояли вдоль дорог, были семейными усыпальницами, вместительными для целых поколений потомков и членов семьи, включая друзей-гостей (§185), умерших вдали от собственного дома, и вольноотпущенников (§175). Существовали также усыпальницы *гентов* (§21), в которых хоронили всех, даже самых скромных и бедных, кто претендовал на связь с *генами* и имел место в их формальной организации (§22). Другие возводились в больших масштабах спекулянтами, которые продавали по низким ценам место, достаточное для урны или двух урн, людям, слишком бедным для возведения собственных гробниц и не претендующим на семейное или языческое место погребения. В подражание этим сооружениям другие возводились по тому же плану погребальными обществами, образованными людьми ремесленного сословия, а третьи - благотельными людьми, как мы видели бани (§373) и библиотеки (§402), возведенные и содержащиеся для общественного блага. О гробницах всех этих видов будет сказано после того, как будут описаны общественные места погребения.

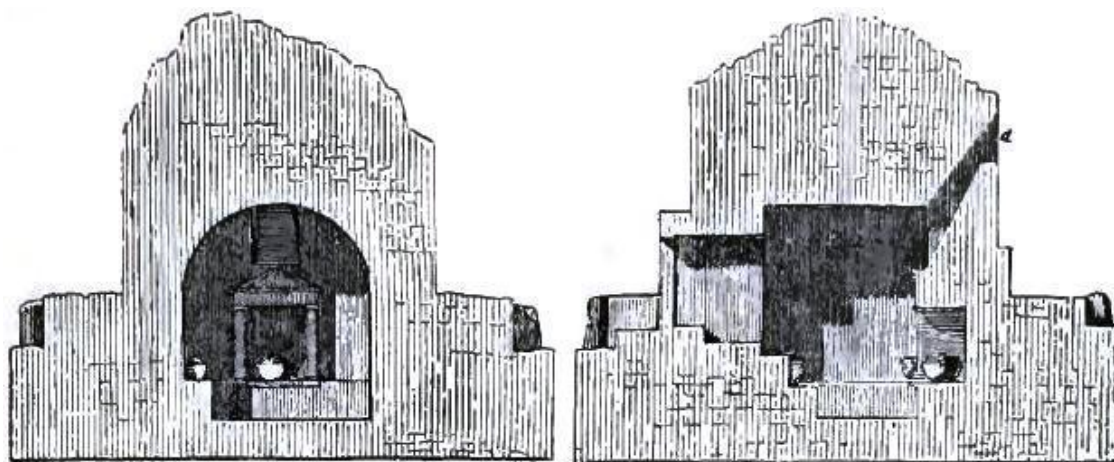

РИСУНОК 197. РАЗРЕЗ ГРОБНИЦЫ, ИЗОБРАЖЕННОЙ НА РИСУНКЕ 196

423 Поле гончара - Во времена Республики Эсквилинский холм, или, по крайней мере, его восточная часть, был местом, куда свозили все городские отходы, которые не могли унести сточные каналы. Здесь же находились могильные ямы (*puticuli*) для нищих. Это были просто ямы в земле, площадью около двенадцати футов, без какой-либо обшивки. В них бросали тела бездомных бедняков, а вместе с ними и поверх них - туши мертвых животных, грязь и отбросы улиц. Ямы держали открытыми, непокрытыми, видимо, даже когда они были заполнены, и зловоние и размножающиеся болезни делали холм абсолютно непригодным для жизни. При Августе опасность для здоровья всего города стала настолько велика, что свалки были перенесены на большее расстояние, а Эсквилин, покрытый ямами и чистой почвой на глубину двадцати пяти футов, был превращен в парк, известный как *Horti Maecēnātis*.

424 Однако не следует понимать, что тела римских граждан обычно утилизировались таким отвратительным образом. О верных вольноотпущенниках заботились их покровители, трудолюбивые бедняки обеспечивали себя в упомянутых выше кооперативных обществах, а пролетариат (§411) в целом был спасен от подобной участи языческими связями, покровителями (§181) или благосклонностью отдельных людей. Можно с уверенностью сказать, что только во времена чумы и моровой язвы тела известных граждан сбрасывались в эти ямы, как при подобных обстоятельствах тела сжигались в кучах в наших городах. Неисчислимые тысячи людей, населявших Гончарное поле Рима, были чужаками, брошенными рабами (§156), жертвами, погибшими на арене (§362), изгоями преступного

мира и "неопознанными", которых в наши дни хоронят за государственный счет. Преступников, преданных смерти властью, вообще не хоронили; их туши оставляли на съедение птицам и хищным зверям на месте казни у Эсквилинских ворот.

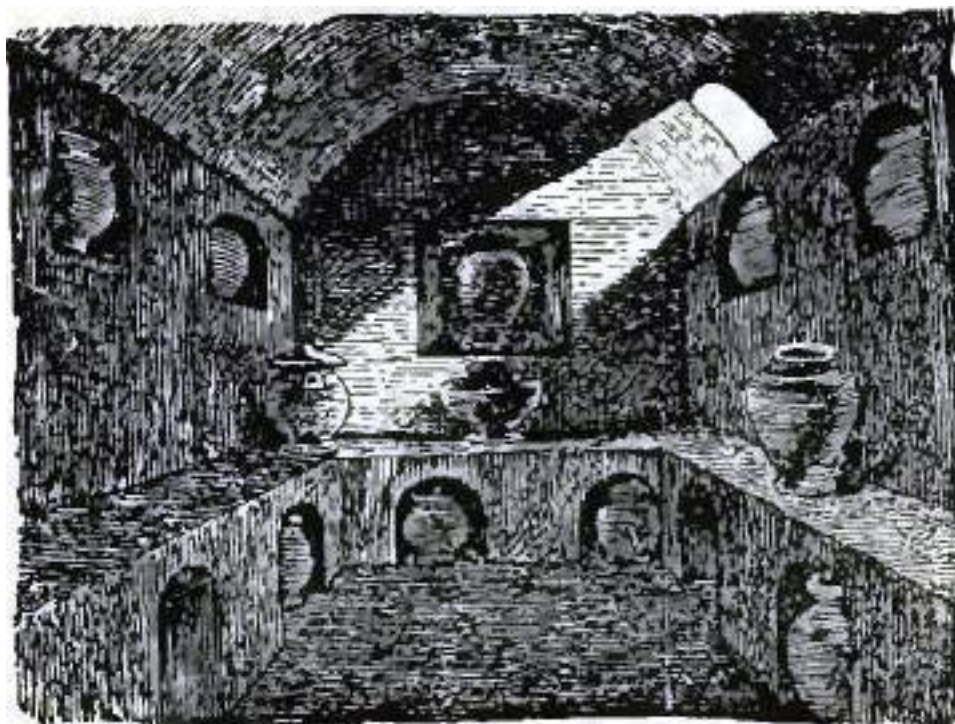

РИСУНОК 198. ИНТЕРЬЕР ГРОБНИЦЫ В ПОМПЕЯХ

425 План гробниц и земли. - Во внешней форме и конструкции гробниц преобладает крайнее разнообразие, но гробницы классического периода, похоже, планировались с учетом того, что гробница должна быть домом для мертвых и что они не должны быть полностью отрезаны от живых. Поэтому гробница, независимо от того, строилась ли она для одного человека или для многих, обычно представляла собой здание, включающее помещение (*sepulcrum*), и это помещение было действительно важным. Уже обращалось внимание (§189) на то, что даже урны в древности имели форму дома с одной комнатой. Пол *усыпальницы*, как правило, находился ниже уровня окружающей территории, и к нему вела короткая лестница. Вокруг основания стен проходила слегка приподнятая платформа (*подиум*, ср. §§337, 357), на которую ставили гробы погребаемых, а урны размещали либо на платформе, либо в нишах в стене. Часто встречается алтарь или святилище, на котором совершались подношения *манам* усопших. Очень часто встречаются светильники и другие простые предметы мебели, а стены, полы и потолки украшены в том же стиле, что и дома (§220 f.). Вещи, которые умершие любили иметь при себе при жизни, особенно те, которыми они пользовались в своих обычных занятиях, клали в гробницу во время погребения или сжигали вместе с ними на погребальном костре, и в целом старались придать камере покоя атмосферу жизни. Интерьер одной из гробниц в Помпеях показан на рис. 198, а фрагменты другой - на рис. 197, §423.

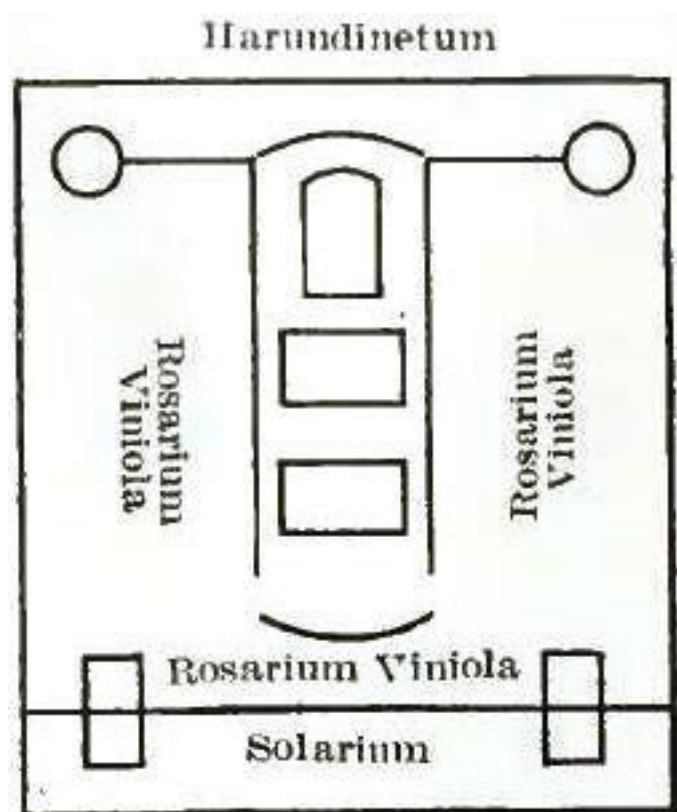

РИСУНОК 199. ПЛАН ТЕРРИТОРИИ ВОКРУГ ГРОБНИЦЫ

426 Сам памятник всегда возводился на участке земли, настолько просторном, насколько позволяли средства строителей, иногда площадью в несколько акров. В нем предусматривалось удобство для оставшихся в живых членов семьи, которые должны были посещать место упокоения своих умерших в определенные регулярно повторяющиеся праздники (§438). Если участок был небольшим, то там должно было быть хотя бы сиденье, а возможно, и скамейка. На более обширных участках были места для укрытия, беседки или летние домики. Также часто упоминаются столовые, в которых отмечались юбилейные пиры, и частные *ūstrīnae* (места для сжигания тел). Часто на территории разбивали сады или парки с деревьями и цветами, колодцами, цистернами или фонтанами и даже домом, возможно, с другими постройками для проживания рабов или вольноотпущенников. План такого сада показан на рис. 199. В центре сада находится *ārea* - техническое название участка земли, отведенного под гробницу, с несколькими постройками на нем, одна из которых - хранилище или зернохранилище (*horreum*); вокруг самой гробницы - клумбы роз и фиалок, используемых на праздниках (§438), а вокруг них, в свою очередь, - виноград, посаженный на шпалерах. Спереди находится терраса (*sōlārium*, ср. §207), а сзади - два бассейна (*piscīnae*), соединенные с площадью небольшим каналом, а сзади - заросли кустарника (*harundinētum*). Назначение зернохранилища неясно, так как на участке, похоже, не выращивали зерно, но, возможно, оно было оставлено там, где стояло до освящения земли. Гробница, окруженная участком земли, называлась *cēpotaphium*.

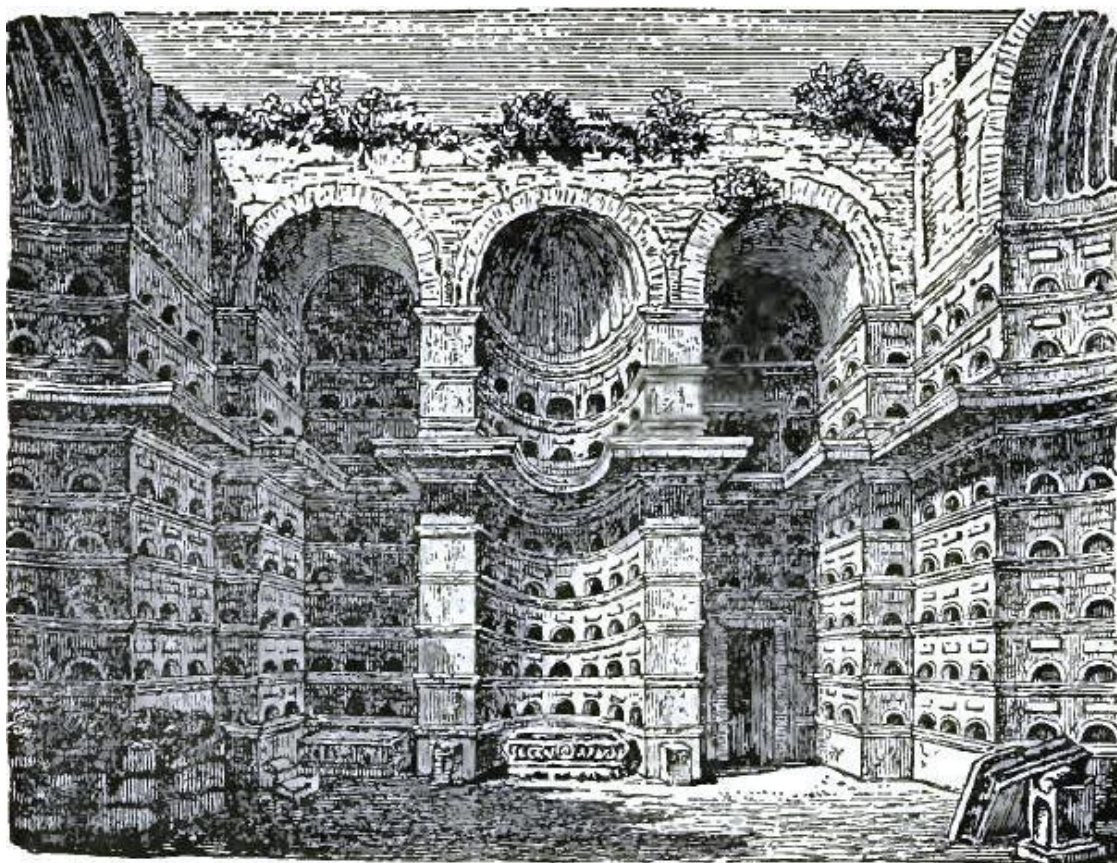

РИСУНОК 200. РУИНЫ КОЛУМБАРИЯ ЛИВИИ

427 Внешний вид гробниц - представление о внешнем облике памятников лучшего типа можно получить из рис. 193-196. Формы очень разнообразны, наиболее распространены, пожалуй, алтарь и храм, но часто встречаются поминальные арки и ниши, а в Помпеях полукруглая скамья, использовавшаяся для бесед за дверью, встречается несколько раз, покрытая и непокрытая. Не все гробницы имеют погребальную камеру, иногда останки помещают в землю под памятником. В таких случаях из усыпальницы на поверхность выходила свинцовая трубка, через которую можно было выливать подношения из вина и молока (§§429, 438). На рис. 193, §420, показан круглый памятник в Кайете Луцию Мунацию Планку, одному из маршалов Цезаря в Галлии, надпись¹ на котором повествует о должностях, которые он занимал, и о работе, которую он выполнил. На рис. 194, § 420, показана пирамида, воздвигнутая в Риме в честь Кая Цестия его наследниками, одним из которых был Марк Агриппа. Согласно надписи на ней, монумент был завершен за 330 дней. Самым грандиозным из всех был мавзолей Адриана (рис. 205, § 438) в Риме, ныне замок Сант-Анджело. Менее сложный внешний вид имеет "гробница с мраморной дверью" в Помпеях, представленная на рис. 196, §422.

¹Надпись на гробнице Планка: "Луций Мунаций Планк, сын и т. д. (§39), консул, цензор, дважды император, член совета семи, отвечавший за жертвенные пиры. Он отпраздновал триумф над жителями Раэтии. Из военных трофеев воздвиг храм Сатурну. В Италии он выделил земли около Беневента. В Галлии он основал колонии в Лугдунуме и Раурике".

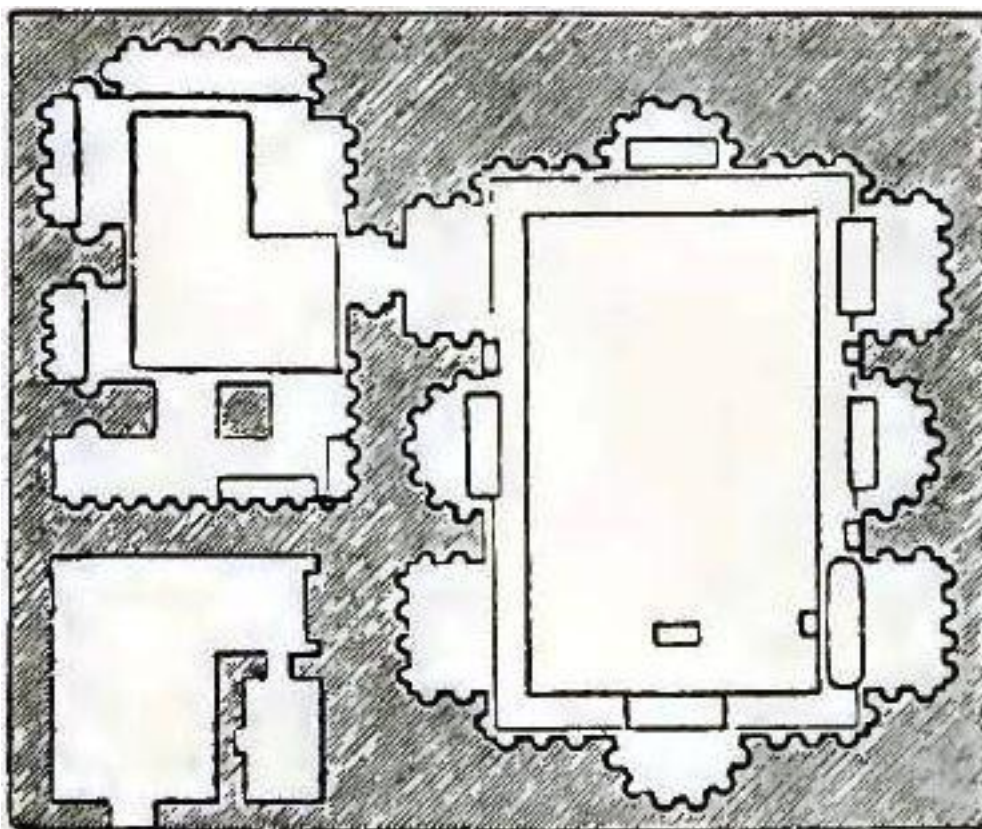
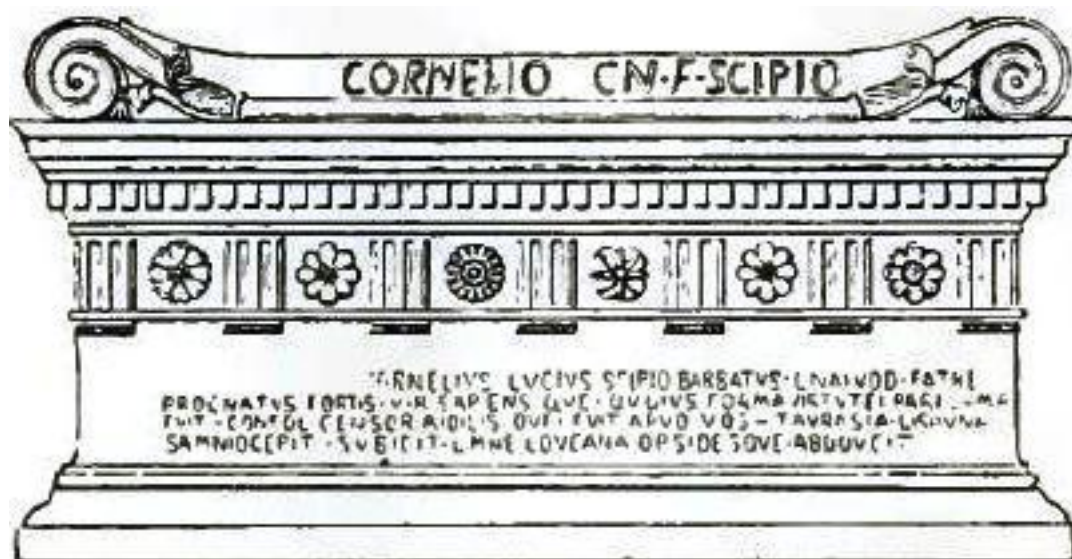

РИСУНОК 201. ПЛАН КОЛУМБАРИЯ ЛИВИЯ

ФИГУРА 202. САРКОФАГ СЦИПИОНА

428 Колумбарии. Из семейных гробниц возникли огромные сооружения, упомянутые в § 422, предназначенные для размещения большого количества урн. Они начали возводиться во времена Августа и, по-видимому, были ограничены Римом, где высокая цена на землю делала покупку частных усыпальниц невозможной для более бедных слоев населения. Представление об их внутреннем устройстве можно получить по руинам (рис. 200) одной из них, возведенной на Аппиевом пути для вольноотпущенников Ливии, жены Августа. Из-за сходства с голубятней или голубиным домом их называли *колумбариями*. Обычно они

частично находятся под землей, имеют прямоугольную форму, с большим количеством ниш (также называемых *колумбариями*), расположенных ровными рядами по горизонтали (*gradūs*) и вертикали (*ōrdinēs*). В больших *колумбариях* помещалось до тысячи урн. Вокруг стен у основания располагался *подиум*, на который ставили саркофаги тех, чьи останки не были сожжены, а иногда для этой цели под полом выкапывали камеры. В *подиуме* также были предусмотрены ниши, чтобы не терялось пространство. Если высота здания была достаточно большой, чтобы этого требовать, по стенам проходили деревянные галереи. Вход в помещение осуществлялся по лестнице, в которой тоже были ниши; свет давали небольшие окна под потолком, а стены и пол были красиво отделаны и украшены.

РИСУНОК 203. ЭДИКУЛА В КОЛУМБАРИИ

429 Ниши иногда имели прямоугольную форму, но чаще были полукруглыми, как показано на рис. 200 и 203. В некоторых *колумбариях* нижние ряды прямоугольные, а верхние - арочные. В них обычно находилось по две урны (*ollae*, *ollae ossuariae*), расположенные рядом друг с другом, чтобы их было видно спереди. Иногда ниши делали достаточно глубокими для двух

комплектов урн, причем те, что находились сзади, были немного приподняты над теми, что стояли впереди. Над или под каждой нишей к стене прикреплялся кусок мрамора (*титул*), на котором было вырезано имя владельца. Если человек требовал для своей семьи группу из четырех или шести ниш, было принято отделять их от других настенными украшениями, чтобы показать, что они составляют единое целое; очень распространенным способом было возведение колонн по бокам, чтобы создать видимость передней части храма (рис. 203). Такие группы назывались *эдикулами*. Ценность мест зависела от их положения: те, что находились в верхних рядах (*gradūs*), стоили дешевле, чем те, что располагались у пола, а те, что находились под лестницей, были наименее желанными из всех. Сами урны были из различных материалов (§437) и обычно прикреплялись ко дну ниш. Крышки можно было снимать, но и они запечатывались после того, как в них помещали прах, оставляя небольшие отверстия, через которые можно было выливать молоко и вино. На урнах или их крышках писали имена умерших, иногда указывали день и месяц смерти. Год почти никогда не указывается. Над дверью такого *колумбария* снаружи была вырезана надпись с именами владельцев, датой возведения и другими сведениями.

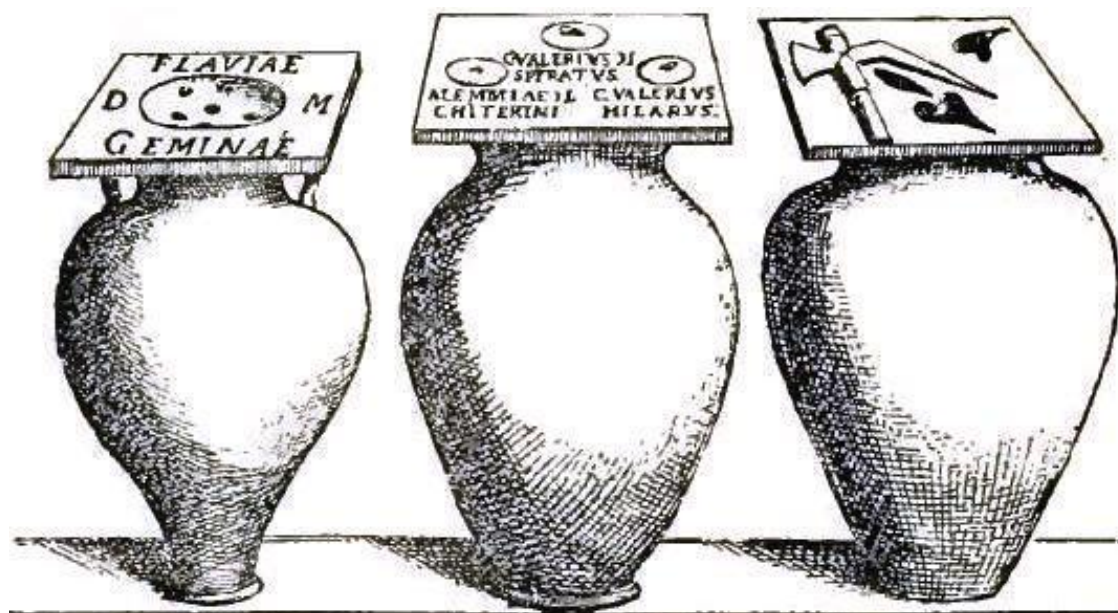

РИСУНОК 204. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ УРНЫ

430 Общества погребения. - В начале империи были созданы ассоциации для покрытия расходов на похороны своих членов, независимо от того, подлежали ли останки захоронению или кремации, или для строительства *колумбариев*, или для того и другого. Эти кооперативные объединения (*collegia fūnerātica*) первоначально возникали среди членов одной гильдии (§412) или среди людей одного рода занятий. Они называли себя по-разному: *культы* того или иного божества, *коллегии салютариев*, *коллегии юных* и т. д., но их цели и методы были практически одинаковыми. Если после смерти члены предоставляли места для захоронения своих тел, то теперь они обеспечивали необходимые похоронные расходы, еженедельно внося в общий фонд небольшую фиксированную сумму, легко доступную самым бедным из них. Когда член общества умирал, на его похороны из казны выделялась определенная сумма, комитет следил за тем, чтобы обряды были проведены достойно, а в соответствующие времена года (§ 438) общество совершало корпоративные жертвоприношения умершим. Если целью общества было строительство *колумбария*, то сначала определялась его стоимость, а затем общая сумма делилась на так называемые доли (*sortēs virīlēs*), каждый член брал столько, сколько мог себе позволить, и вносил их стоимость в казну. Иногда благодетельный человек вносил свою лепту в расходы, и тогда он

становился почетным членом общества с титулом *patrōnus* или *patrōna*. Возведение здания поручалось нескольким *кураторам*, которые выбирались путем голосования, естественно, из числа крупнейших акционеров и наиболее влиятельных людей. Они заключали контракты и следили за строительством, отчитываясь за все потраченные деньги. Должность кураторов считалась очень почетной, тем более что их имена значились в надписи на здании, и они часто демонстрировали свою признательность за оказанную им честь, предоставляя за свой счет средства на украшение интерьера, либо полностью или частично меблируя *титулы*, *оллы* и т. д., либо возводя на прилегающей территории места для укрытия и столовые для использования членами, как те, что упоминались в §426.

431 После завершения строительства здания *кураторы* распределяли ниши между отдельными членами. Ниши либо нумеровались последовательно по всему периметру, либо их положение определялось номером *ōrdō* и *gradus* (§428), в которых они находились. Поскольку не все они были одинаково желанны, как уже объяснялось, кураторы делили их на секции как можно более справедливо, а затем распределяли секции (*locī*) по жребию между акционерами. Если человек владел несколькими акциями, он получал соответствующее количество *locī*, хотя они могли находиться в совершенно разных частях здания. Члены общества могли свободно распоряжаться своими долями путем обмена, продажи или дарения, и многие из крупных акционеров, вероятно, участвовали в этом предприятии ради прибыли, которую можно было получить таким образом. После раздела владельцы вырезали свои имена на *титулах* и могли по своему усмотрению устанавливать колонны для обозначения *эдикулы*, ставить статуи и т. д. В некоторых *титулах*, помимо имени владельца, указывается количество и местоположение его *locī* или *ollae*. Иногда они фиксируют покупку *олл*, указывая их количество и имя предыдущего владельца. Иногда имена на *оллах* не совпадают с именами над нишей, что свидетельствует о том, что владелец продал только часть своих владений или что покупатель не позаботился о замене *титула*. Расходы на содержание храма, вероятно, оплачивались из еженедельных взносов членов, как и похоронные пособия.

L · ABVCIVS · HERMES · IN · HOC
ORDINE · AB · IMO · AD · SVMMVM
COLVMBARIA · IX · OLLAE · XVIII
SIBI · POSTERISQVE · SVIS

2

²Титул в колумбарии: "Луций Абуций Гермес (приобрел) в этом ряду, идущем от земли до верха, девять ниш с восемнадцатью урнами для (праха) себя и своих потомков".

432 Погребальные церемонии. Подробные описания погребальных церемоний, дошедшие до нас, относятся почти исключительно к лицам, занимавшим высокое положение, а сведения, почерпнутые из других источников (§12), настолько разрозненны, что существует большая опасность спутать обычаи, существовавшие в самые разные времена. Однако совершенно точно, что маленьких детей всегда хоронили просто и тихо (*fūnus acerbum*), что при погребении рабов (§420) их хозяева не проводили никаких церемоний (ничего не известно о формах, используемых вышеупомянутыми погребальными обществами), и что граждан самого низкого сословия хоронили без публичных шествий (*fūnus plēbēium*). Известно также, что погребения происходили ночью, за исключением последнего века

Республики и первых двух веков Империи, и естественно предположить, что даже в случае с людьми высокого положения обычно было гораздо меньше пышности и парада, чем в случаях, которые римские писатели сочли нужным описать. Так было и в случае со свадебными торжествами (§79). Здесь будет удобно рассмотреть по порядку, что происходит в доме, похоронную процессию и церемонии на месте погребения.

433 В доме. Когда римлянин умирал дома в окружении своей семьи, обязанностью старшего сына было склониться над телом и позвать его по имени, как бы надеясь вернуть его к жизни. Формальное исполнение этого акта (*conclāmātiō*) он немедленно объявлял словами: *conclāmātum est*. После этого глаза умершего закрывали, тело омывали теплой водой и помазывали, конечности выпрямляли, а если покойный занимал должность курульного, то снимали восковой слепок с его черт. Затем тело облачали в тогу (§240) со всеми знаками отличия, которые покойный имел право носить при жизни, и клали на погребальную кушетку (*lectus fūnebris*) в *ampuu* (§198), ногами к двери, чтобы оно лежало в таком состоянии до времени похорон. Кушетку окружали цветами и возжигали на ней благовония. Перед дверью дома ставили ветви сосны или кипариса как предупреждение о том, что дом осквернен смертью. Описанные простые действия выполнялись в скромной жизни родственниками и слугами, в других случаях - профессиональными гробовщиками (*libitinārii*), которые также бальзамировали тело и руководили всеми остальными церемониями. Изредка упоминается поцелуй умирающего при последнем вздохе, как будто этот последний вздох должен был попасть в рот живого, а в очень ранние и очень поздние времена, несомненно, существовал обычай класть между зубами умершего мелкую монету, чтобы оплатить его переправу через Стикс в лодке Харона. Ни одна из этих формальностей, по-видимому, не была общепринятой в классические времена.

434 Похоронная процессия. - Похоронная процессия обычного гражданина была достаточно простой. Оповещали соседей и друзей, и в окружении их и семьи, неся на плечах сыновей или других ближайших родственников, возможно, с группой музыкантов во главе, тело несли к могиле. Процессия одного из сильных мира сего, напротив, была обставлена со всей возможной демонстрацией и показухой. Это происходило сразу же после смерти, как только можно было сделать необходимые приготовления, не было определенного промежутка времени. Оповещение производилось глашатаем древним стилем: *Ollus Quiris lētō datus. Exsequiās, quibus est commodum, ire iam tempus est. Ollus ex aedibus effertur.*³ Вопросы порядка и старшинства решал один из гробовщиков (*dēsīgnātor*). Во главе шел оркестр музыкантов, за которым хотя бы изредка следовали люди, поющие дирхемы в честь умершего, а также группы шутов и шутих, которые веселили прохожих и подражали даже самому умершему. Затем наступала самая впечатляющая часть представления. Восковые маски предков умершего снимались со своих мест в *ālae* (§200) и надевались актерами в одежде, соответствующей времени и положению тех, кого они представляли. Должно быть, казалось, что древние мертвецы вернулись на землю, чтобы указать своему потомку его место среди них. Сервий рассказывает, что на похоронах молодого Марцелла, племянника Августа, было выставлено шестьсот *имагинеев*. Затем следовали памятники о великих деяниях покойного, если он был полководцем, как в триумфальной процессии, а потом и сам покойник, которого несли с непокрытым лицом на возвышенной кушетке. Затем шла семья, включая вольноотпущенников (особенно тех, кто стал свободным по завещанию своего господина) и рабов, а затем друзья, все в траурных одеждах (§§246, 254), и все свободно выражали эмоции, которые мы стараемся подавить в таких случаях. Факелоносцы сопровождали поезд, даже днем, в память о старом обычае хоронить ночью.

⁽³⁾ "Этот гражданин предан смерти. Для тех, кто считает это удобным, настало время присутствовать на похоронах. Его выносят из дома".

435 Похоронная речь - Процессия шла от дома прямо к месту погребения, если только покойный не был достаточно значимым человеком, чтобы общественная власть удостоила его похоронной речи (*laudātiō*) на форуме. В этом случае похоронную карету ставили перед *рострой*, мужчины в масках занимали свои места на стульях куруле (§225) вокруг нее, вся толпа располагалась полукругом позади, и сын или другой близкий родственник произносил речь. В ней перечислялись достоинства и достижения умершего и рассказывалось об истории семьи, к которой он принадлежал. Как и в более поздние времена, в таких обращениях было много ложного и преувеличенного. В более поздние времена почести *лаудатио* предоставлялись свободно, особенно членам императорской семьи, включая женщин. При Республике это было менее распространено и более высоко ценилось, и, насколько нам известно, единственные женщины, удостоенные такой чести, принадлежали к *геенне Иулии*. Вспомним, что именно обращение Цезаря по случаю похорон его тетки, вдовы Мария, указало противникам Суллы на него как на будущего лидера. Когда выступление на форуме не разрешалось, его иногда произносили более уединенно у могилы или в доме.

436 У могилы - Когда поезд прибывал к месту погребения, процедуры варьировались в зависимости от времени, но все они предусматривали три необходимые церемонии: освящение места упокоения, засыпание землей останков и очищение всего, что было загрязнено смертью. В древние времена тело, если его хоронили, опускали в могилу либо на кушетке, на которой его принесли на место, либо в гробу из обожженной глины или камня. Если тело хотели сжечь, то выкапывали неглубокую могилу и заполняли ее сухими дровами, на которые клали кушетку и тело. Затем кучу поджигали, а когда дрова и тело сгорали, над пеплом насыпали землю, образуя курган (*tumulus*). Такая могила, в которой сжигали тело, называлась *būstum* и освящалась как обычная *усыпальница* с помощью церемоний, о которых речь пойдет ниже. В более поздние времена тело, если оно не подлежало сожжению, помещали в саркофаг (рис. 203), уже подготовленный в гробнице (§425). Если останки подлежали сожжению, их относили на *ūstrīna* (§426), которая не считалась частью *усыпальницы*, и клали на кучу дров (*rogus*). На нее бросали специи и благовония, а также дары (§425) и знаки от присутствующих. Затем костер зажигался факелом одним из родственников, который во время этого действия держал свое лицо скрытым. После того как огонь догорал, угли гасили водой или вином, и присутствующие прощались с умершим. Затем присутствующих трижды окропляли очистительной водой, и все, кроме ближайших родственников, покидали это место. Пепел собирали в ткань, чтобы высушить, а церемониальную кость (§420), называемую *os resectum*, закапывали. Затем приносилась в жертву свинья, благодаря чему место погребения становилось священной землей, и скорбящие вместе ели пищу (*silicernium*). Затем они возвращались в дом, который очищался жертвоприношением *Ларесу*, и похоронные обряды завершались.

437 После церемоний - Со дня погребения или сожжения останков начинались Девять дней скорби, которые торжественно соблюдались ближайшими родственниками. В течение этого периода, когда пепел успевал тщательно просохнуть, члены семьи частным образом шли к *ūstrīna*, снимали его с ткани, помещали в *оллу* (рис. 204) из фаянса, стекла, алебаstra, бронзы или другого материала и с голыми ногами и ослабленными поясами несли в *усыпальницу* (§425). По истечении девяти дней умершему приносили *жертву sacrificium novendiāle* и в доме совершали *cēna novendiālis*. В этот день наследники также официально вступали в наследство, и первоначально совершались погребальные игры (§344). Однако

период траура не завершался на девятый день. По мужу или жене, потомкам и взрослым потомкам траур носили десять месяцев - древний год; по другим взрослым родственникам - восемь месяцев; по детям в возрасте от трех до десяти лет - столько месяцев, сколько им было лет.

438 Поминальные праздники. - Память об умерших поддерживалась регулярно повторяющимися обязательными днями как общественного, так и частного характера. К первым относятся *родительские праздники*, или *родительские дни* (§75), длившиеся с 13 по 21 февраля, причем последний день особо выделялся как *ферия*. К ним относятся ежегодное празднование дня рождения (или дня погребения) поминаемого, а также праздники фиалок и роз (*violāria*, *rosāria*), отмечавшиеся в конце марта и мая соответственно, когда фиалки и розы раздавались родственникам, возлагались на могилы или насыпались в урны. Во всех этих случаях в храмах богам и на могилах совершались подношения *матерям* умерших, в гробницах зажигались светильники (§425), а на могилах родственники пировали вместе и предлагали пищу своим умершим (§426).

РИСУНОК 205. ГРОБНИЦА АДРИАНА